

**НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ КОЗЬМЫ МИНИНА (МИНИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

На правах рукописи

Пацюкова Ольга Алексеевна

**ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ
ПРОТЯЖЁННЫХ АФФИКСОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Научный консультант –

доктор филологических наук, профессор И.А. ШИРШОВ
--

Нижний Новгород – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I. ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	
 ИЗМЕНЕНИЯ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА	20
1. Становление понятия «переразложение»	
в отечественной лингвистике	20
1.1. Историческая изменчивость морфемной структуры слова	20
1.2. Соотношение понятий «морфологическая абсорбция» –	
«переразложение» – «переинтеграция» в концепции	
Казанской лингвистической школы	24
1.3. Причины переразложения в слове: история вопроса	26
1.4. Направление структурных изменений в слове	33
2. Следствие переинтеграции морфем в слове	38
2.1. Формирование новых морфем	
в результате процесса переразложения	38
2.2. Особенности суффиксов и приставок	
и их способность к образованию сложных морфем	40
2.3. Сложный аффикс и смежные с ним явления	43
2.3.1. Сложный аффикс и последовательность аффиксов	44
2.3.2. Сложный аффикс и простой аффикс	48
2.3.3. Сложный суффикс или «интерфикс + простой суффикс»	52
3. Протяжённые аффиксы и проблема членимости основ	59
4. Протяжённые морфемы в аспекте синхронии и диахронии	66
ВЫВОДЫ	70

Глава II. МОРФЕМНЫЙ КОМПЛЕКС КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОТЯЖЁННЫХ АФФИКСОВ	72
1. Протяжённые аффиксы как продукт языкового развития	72
2. Понятие морфемного комплекса: его основные признаки	75
3. Морфемный комплекс в аспекте языковой типологии	80
4. Условия и причины формирования морфемного комплекса	83
4.1. Позиция аффикса в слове и явление десемантизации	84
4.2. Словообразовательная цепь и развитие полимотивированности	94
5. Морфемный комплекс и этапы формирования протяжённого аффикса	100
6. Способы представления протяжённых аффиксов в словообразовательных и морфемных словарях русского языка	106
ВЫВОДЫ	113

Глава III. ПРОТЯЖЁННЫЕ СУФФИКСЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	117
1. Характерные особенности суффикса в русском языке	117
2. Протяжённые суффиксы с начальным элементом <i>-тель</i>	121
2.1. Формирование протяжённых адъективных суффиксов <i>-тельск/ий/</i> и <i>-тельн/ый/</i> : сходство и различие	124
2.2. Протяжённый субстантивный суффикс <i>-тельниц/a/</i> : пути формирования и семантика	139
2.3. Протяжённый суффикс <i>-тельств/o/</i> и его значение в отвлечённых именах	155
2.4. Морфемные сочетания, не являющиеся протяжёнными суффиксами	162

3. Протяжённые суффиксы с начальным элементом <i>-ист</i>	168
3.1. Протяжённый субстантивный суффикс <i>-истк/а/</i> и его словообразовательный потенциал	170
3.2. Суффикс <i>-истик/а/</i> : своеобразие структуры и семантики	179
3.3. Протяжённый адъективный суффикс <i>-истск/ий/</i> и его функционирование в речи	187
3.4. Протяжённый адъективный суффикс <i>-истическ/ий/</i> : две языковые модели его формирования	196
3.5. Морфемный статус звуковой последовательности <i>-истичн/ый/</i> ...	205
4. Протяжённые суффиксы с начальным элементом <i>-ник</i>	209
4.1. Протяжённый глагольный суффикс <i>-нича/ть/</i> : формирование, семантика, функционирование	211
4.2. Протяжённый субстантивный суффикс <i>-ничеств/о/</i> с отвлеченной семантикой	230
4.3. Протяжённый адъективный суффикс <i>-ническ/ий/</i> : сочетаемость, база, деривационные возможности в языке и речи	239
4.4. Протяжённый адъективный суффикс <i>-ничий/ø/</i> : нерегулярная и непродуктивная морфема	248
4.5. Последовательности морфем, не образующие протяжённых суффиксов	250
5. Сопоставительная характеристика протяжённых суффиксов с начальными элементами <i>-тель, -ист, -ник</i>	253
ВЫВОДЫ	261

Глава IV. ПРОТЯЖЁННЫЕ ПРЕФИКСЫ

В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	267
1. Формально-семантическое своеобразие приставки в русском языке...	267
2. К вопросу о конфиксе. Конфискс и протяжённый аффикс	273
3. Протяжённый префикс <i>недо-</i> как результат частичной семантической нейтрализации предшествующего префикса	277
4. Структурно-семантические особенности формирования протяжённого префикса <i>обез-(обес-)</i>	295
5. Префиксальный комплекс <i>небез-(небес-)</i> как потенциальная протяжённая морфема	312
6. Протяжённые префиксы в единичных образованиях	317
ВЫВОДЫ	323
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	327
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	336
СЛОВАРИ (с принятыми сокращениями)	361

ВВЕДЕНИЕ

В процессе исторического развития языка слово может изменить не только свой фонетический облик, лексическое значение, грамматические признаки, но также морфемную и словообразовательную структуру, поскольку между единицами словообразования существуют исторически подвижные связи.

Во второй половине XIX века ученые Казанской лингвистической школы (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий) впервые выявили и попытались всесторонне описать исторические изменения в морфемной структуре слова. Большая заслуга в разграничении и определении таких «факторов морфологического развития языка», как опрощение и переразложение, принадлежит В.А. Богородицкому. Вклад «казанцев» в разработку проблемы исторической изменчивости структуры слова неоценим, но наука не стоит на месте, открываются все новые и новые стороны «старых» явлений. Идеи представителей Казанской лингвистической школы получили дальнейшее развитие в научных трудах более позднего времени.

Подробное описание исторических изменений в морфемной структуре слова (опрощения, переразложения, усложнения и некоторых других) представлено в «Очерках по русскому словообразованию» (1968) Н.М. Шанского, который обращает внимание на то, что в результате опрощения русский литературный язык пополняется новыми корнями, тогда как переразложение является важным источником обогащения языка служебными морфемами. Процессу опрощения посвящена монография О.Е. Олышанского «Опрощение основ имен существительных русского языка» (1993), где рассматриваются виды и фазы опрощения, описываются причины этого явления. В предлагаемой диссертационной работе исследуется процесс переразложения в связи с проблемой формирования в

словообразовательной системе русского языка протяжённых аффиксов (суффиксов и приставок) на базе простых аффиксальных морфем.

Образование протяжённых морфем представляет собой постоянный, закономерный, общий для многих языков процесс, что подтверждает следующее высказывание Г. Пауля: «в различных индоевропейских языках, уже на самых ранних, доступных нашему наблюдению этапах их развития, мы находим много суффиксов, звуковой облик которых заставляет предполагать, что они представляют собой результат сращения нескольких простых суффиксов» [Пауль 1960: 295]. В русском языке тоже сложилась вполне устойчивая тенденция к созданию фонологически протяжённых морфем, которые в современной науке в полной мере еще не изучены. Их описание носит спорадический и фрагментарный характер, как правило, в связи с исследованием проблемы множественной мотивации или исторического процесса переразложения. Поэтому представляется **актуальным** дать системное описание процесса формирования протяжённых аффиксов под углом зрения морфемного комплекса, что позволит обобщить и существенно дополнить те идеи и положения, которые высказывались ранее о «сложных» аффиксах в русском языке. Кроме того, назрела необходимость определить четкие критерии выделения протяжённых морфем в слове, так как существующая в науке терминологическая неупорядоченность в обозначении одного и того же явления словообразовательной системы языка («сложный аффикс», «производный аффикс», «двойной аффикс», «интерфиксальный аффикс» и т. п.) не вносит ясности в оценку природы протяжённого аффикса.

Актуальным является предпринятое в настоящей работе изучение и описание явления нейтрализации в области семантики аффиксов, поскольку оно тесно связано с дискуссионной, требующей научного разрешения проблемой членимости полиаффиксального слова и установления границ словообразовательного форманта. Важным представляется решение вопроса о сосуществовании в языке тождественных по значению простых и

протяжённых морфем, которое позволит объяснить роль протяжённых формантов в современных деривационных процессах. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает и активное использование протяжённых формантов в создании новых слов носителями русского языка в речевой практике, где наиболее полно раскрываются словообразовательные возможности протяжённых морфем, заложенные в языковой системе.

Исследование протяжённых аффиксов актуально и для решения практической задачи – описания морфемного фонда языка, поскольку не все протяжённые морфемы нашли отражение в словарях и грамматиках, а некоторые сведения, представленные в «Русской грамматике» (1980), уже требуют корректировки.

Объектом исследования являются:

1) суффиксальные морфемные комплексы:

– *-тельн/ый/* (798 единиц), *-тельск/ий/* (116), *-тельниц/а/* (301), *-тельство/о/* (152), сформировавшиеся на базе личных существительных на *-тель*;

– *-истк/а/* (237), *-истск/ий/* (167), *-истическ/ий/* (148), *-истичн/ый/* (32), оформившиеся на основе личных имен на *-ист*;

– *-нича/ть/* (341), *-ничеств/о/* (175), *-ническ/ий/* (232), *-ничий/ø/* (43), сложившиеся на базе личных существительных на *-ник*;

2) префиксальные морфемные комплексы *недо-* (110), *обез-* (81), сформировавшиеся на основе глаголов с приставками *до-* и *без-*;

3) протяжённые суффиксы и протяжённые приставки как продукт развития вышеназванных морфемных комплексов;

4) протяжённые префиксы в единичных образованиях: *поза-* (4), *сыз-* (10), *испод-* (4), *распре-* (1), *наис-* (1), *произ-* (1);

5) суффиксальные последовательности с начальными элементами *-тель* (464), *-ник* (232) и префиксальная последовательность *небез-* (28), не являющиеся протяжёнными аффиксами.

Предмет исследования – процесс переразложения в основе производного слова и те явления, которыми он сопровождается – семантическая и формальная нейтрализация неконечных аффиксов, развитие полимотивированности у производного, в результате чего в языке формируются морфемные комплексы и протяжённые аффиксы как вершина их закономерного развития.

Цель работы – описать процесс формирования протяжённых аффиксов в словообразовательной системе русского языка, выявить семантику протяжённых морфем, оценить их словообразовательный потенциал.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- обобщить и систематизировать имеющиеся в отечественном языкознании сведения о процессе переразложения для выявления наиболее значимых идей о роли этого процесса в формировании протяжённых аффиксов;

- вскрыть и описать механизм формирования в языке протяжённых морфем, установить условия и причины этого явления;

- теоретически обосновать использование понятия и термина «морфемный комплекс» для осмысления этапов формирования протяжённых аффиксов;

- выявить такие типы морфемного комплекса, как неполный морфемный комплекс и потенциальный морфемный комплекс, обосновать их различие;

- охарактеризовать структурно-семантическую природу протяжённых аффиксов, определить объем и содержание понятия «протяжённый аффикс», обосновать целесообразность использования термина «протяжённый аффикс» вместо термина «сложный аффикс»;

- выявить сходства и различия протяжённого аффикса со смежными явлениями – простым аффиксом, последовательностью аффиксов, конфликтом, морфемным комплексом;

– рассмотреть формирование протяжённых морфем на конкретном языковом материале, выявляя особенности процесса переразложения в полисуффиксальных и полипрефиксальных производных;

– установить сходства и различия в формировании протяжённых суффиксов и протяжённых приставок, опираясь на своеобразие этих служебных морфем в русском языке;

– рассмотреть функционирование протяжённых морфем в языке и речи.

Теоретическую базу диссертации составили труды основоположника Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников Н.В. Крушевского и В.А. Богородицкого об изменениях в морфологической структуре слова, исследования отечественных и зарубежных дериватологов в области теории современного словопроизводства (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М. Докулил, Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, Е.С. Кубрякова, А.Н. Тихонов и др.), научные работы, посвященные причинам переразложения в слове (Н.М. Шанский, Г.А. Николаев), проблеме множественной мотивации и полиструктурности производного слова (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, А.Н. Тихонов, Е.А. Земская, И.А. Ширшов), нейтрализации в словообразовании (О.М. Соколов, О.П. Ермакова, И.Г. Милославский, И.А. Ширшов, Н.А. Янко-Триницкая, Л.Г. Яцкевич, З.М. Волоцкая), морфемному комплексу (И.А. Ширшов, А.И. Кузнецова), типологическим свойствам аффиксов и особенностям их синтагматики (Э. Сепир, А.А. Реформатский, О.Ю. Крючкова, Л.И. Ройзензон, К.Е. Майтинская, В.А. Аврорин), структурно-семантической интерпретации протяжённых (сложных) аффиксов (З.А. Потиха, Г.А. Пастушёнков, А.Д. Зверев, В.Н. Троицкий и др.), функционированию протяжённых морфем в индоевропейских языках (Г. Пауль, К.А. Левковская, М.Д. Степанова, Н.Д. Арутюнова, А.И. Смирницкий), членимости и производности основ (М.В. Панов, Е.С. Кубрякова, Н.А. Янко-Триницкая). Решая задачи, непосредственно связанные с формированием в языке конкретных протяжённых аффиксов,

мы опирались на исследования, в которых освещаются частные вопросы о природе протяжённых суффиксов и префиксов в русском языке (Ю.С. Азарх, А. Мейе, С.Б. Бернштейн, А. Бартошевич, Н.А. Болычевская, Ж.Ж. Варбот, В.Л. Воронцова, А.Н. Гвоздев, В.С. Гимпелевич, В.П. Даниленко, А.Д. Зверев, Э.П. Кадькалова, М.А. Кронгауз, В.М. Марков, Т.Ф. Морару, М.И. Морозова, В.П. Панченко, Т.С. Розанова, Р.А. Ряснянская, Р.А. Сафарова, М.В. Черепанов, В.Ф. Черепанова, П.С. Щетинин и др.).

Научная новизна диссертации состоит в том, что процесс переразложения как основа формирования протяжённых аффиксов рассматривается не только в диахронии, но и в синхронии как результат изменения у полиаффиксального производного деривационных отношений.

Впервые осуществлен системный подход к исследованию протяжённых аффиксов под углом зрения морфемного комплекса, что позволило детально описать все фазы их формирования. Сам морфемный комплекс рассмотрен в аспекте языковой типологии, что проливает свет на способность русского языка как языка фузионного к образованию протяжённых морфем.

В работе ставится и решается вопрос об условиях и причинах возникновения протяжённых морфем, которые последовательно разграничиваются: к условиям относятся позиция аффикса в слове (слабая позиция) и тип словообразовательной цепи (полная полинарная цепь), к причинам – семантическая нейтрализация неконечного аффикса и полимотивированность производного слова.

Показывается принципиальное различие семантической нейтрализации в полисуффиксальных и полипрефиксальных производных, которое проявляется в степени десемантизации: образование протяжённых суффиксов характеризуется полной семантической нейтрализацией, формирование протяжённых префиксов – частичной семантической нейтрализацией или ее отсутствием.

Обосновывается целесообразность употребления термина «протяжённый аффикс» (вместо «сложный», «производный» и проч.), вводятся новые научные понятия – «неполный морфемный комплекс», «потенциальный морфемный комплекс», которые указывают на отсутствие определенной фазы формирования протяжённого аффикса в синхронии.

Впервые на современном фактическом материале характеризуются синтагматические свойства протяжённых морфем, описываются новые словообразовательные модели, в которых они функционируют, что позволяет определить некоторые тенденции в развитии словообразовательной системы русского языка.

Новым является и сопоставительный аспект той части исследования, которая посвящена способам представления протяжённых аффиксов в словообразовательных и морфемных словарях русского языка, в ней впервые отмечаются достоинства и недостатки лексикографической интерпретации протяжённых единиц.

Наконец, новизна определяется и широтой исследуемого материала, который представлен значительным количеством протяжённых суффиксов (рассмотрены все протяжённые суффиксы, сформировавшиеся на базе личных имен, представленных наиболее продуктивными словообразовательными типами существительных на *-тель*, *-ник* и *-ист*) и исчерпывающим перечнем протяжённых приставок.

Все сказанное во многом определяет **теоретическую значимость** данного **исследования**. Она состоит в следующем:

– выявление и описание синхронических причин переразложения – семантической нейтрализации неконечного аффикса и развития полимотивированности у производного слова – способствует развитию теории переразложения в современной лингвистической науке;

– изучение изменения семантики деривационного морфа в зависимости от позиции, занимаемой им в слове, обогащает представление о

словообразовательной семантике производного слова, которая имеет весьма сложную природу;

– исследование семантической нейтрализации морфем позволяет объяснить сложные вопросы формально-семантической организации производных, более глубоко осмыслить механизм чересступенчатого словообразования, а также развивает и уточняет имеющиеся теоретические положения в области множественной мотивации;

– введение новых понятий – «неполный морфемный комплекс», «потенциальный морфемный комплекс» – углубляет первоначальное представление о морфемном комплексе как полиструктурном образовании и отражает развитие языковой системы на словообразовательном уровне;

– анализ фактического материала, представленного в работе, позволяет получить новые сведения о функционировании языка, раскрыть потенциальные возможности его развития.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты могут быть учтены в лексикографической практике (при создании словообразовательных словарей и словарей морфем, а также при выборе оптимального способа описания и представления лексического значения производного слова в лексикографических источниках), в практике школьного и вузовского преподавания русского языка при чтении курсов «Морфемика и словообразование русского языка», «Лексикология русского языка», а также в спецкурсах по проблемам окказионального словообразования, синхронной переходности в дериватологии. Результаты исследования могут быть использованы также в теории орфографии в связи с проблемой слитного/раздельного написания *не-* с глаголами и прилагательными (*недо-*, *небез-*). Предпринятый в диссертации подход к исследованию словообразовательной структуры полиаффиксальных образований с позиции морфемного комплекса может быть использован при исследовании других протяжённых аффиксов.

В решении поставленных задач мы следуем одному из **методологических принципов** современной лингвистики, согласно которому следует различать синхронный и диахронный подход к анализу и оценке языковых фактов и явлений. При этом мы считаем методологически оправданным совмещение этих двух подходов в рамках данного исследования, что позволяет показать связь современного состояния деривационных отношений в языке с историческим процессом переразложения в основе производного слова.

Цель и задачи исследования определяют использование в качестве основных **методов** исследования *метод наблюдения*, *метод структурно-семантического анализа* и *сравнительно-сопоставительного анализа* языкового материала, которые позволяют классифицировать рассматриваемые в диссертации единицы системы словообразования, определить их общие и специфические структурно-семантические признаки. При характеристике и сопоставлении семантической структуры интересующих нас образований применяется *метод компонентного анализа*, а также *трансформационный метод* для выявления семантического наполнения производных некоторых словообразовательных типов. При изучении внутреннего контекстного окружения протяжённых аффиксов в языке и речи привлекается *дистрибутивный метод*. Также применяется элементарный *количественный анализ* языковых фактов при описании протяжённых аффиксов и их функционировании в языке и живой речи.

Материалом для **исследования** послужили лексические единицы различных частей речи (имена и глаголы) с фонологически тождественными аффиксальными последовательностями, имеющие неоднородную словообразовательную структуру, а также факты употребления этих лексических единиц в узуальной и неузуальной речи. Основной массив слов (3678 единиц), извлеченный из «Обратного словаря русского языка» [ОСРЯ] и «Сводного словаря современной русской лексики» [СРЛ], дополнялся из других, более поздних по времени издания лексикографических источников,

также к исследованию привлечены новообразования, не зафиксированные словарями (являющиеся единицами речи). В качестве иллюстративного материала, раскрывающего семантику слова и его употребление в речи, использовалась база данных Национального корпуса русского языка, также привлекались цитаты, представленные в толковых словарях русского языка.

Источником языкового материала послужили словари различных типов: «Обратный словарь русского языка», «Сводный словарь современной русской лексики», толковые словари русского языка, исторические и этимологические словари русского языка, диалектный «Словарь русских народных говоров», словари-справочники по материалам прессы и литературы, словообразовательные словари и словари морфем, словари иностранных слов, переводные двуязычные словари, орфографические словари русского языка; грамматики русского языка. Источником исследования послужили также массмедийные тексты, выставленные на различных сайтах Рунета, и «электронная» речь посетителей форумов, конференций и т.п. Речевой материал извлекался методом сплошной выборки.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих основных **положениях, выносимых на защиту**:

1. В основе формирования протяжённых служебных морфем – суффиксов и приставок – лежит явление переразложения. Процесс формирования протяжённых аффиксов на базе уже существующих подчиняется действующему в языке закону «сокращения тем в пользу окончаний», который был сформулирован И.А. Бодуэном де Куртенэ во второй половине XIX века. Таким образом, новые словообразовательные средства черпаются в самой системе языка и развиваются согласно его внутренним законам.

2. В синхронии процесс переразложения (и, как следствие, образование новых протяжённых аффиксов) происходит в пределах морфемного комплекса, который аккумулирует в себе системные связи

разных эпох: с одной стороны, связи, отражающие реальное образование слова посредством нанизывания аффиксов, которые были продуктивны в прошлом и сохранились в современном языке, с другой – связи, которые выражают новые словообразовательные отношения, характеризующиеся освоением исходных основ, и являются синхронными по существу.

3. Морфемный комплекс как явление синхронического словообразования формируется при наличии определенных условий и причин. Необходимыми условиями возникновения морфемного комплекса являются слабая позиция аффикса в основе производного слова и наличие у последнего полной, как минимум трехкомпонентной словообразовательной цепи, в последнем звене которой сочетаются две простые морфемы. К важнейшим причинам относятся семантическая нейтрализация неконечного аффикса и полимотивированность деривата.

4. Морфемный комплекс представляет собой фонологически тождественную аффиксальную последовательность, которая повторяется в серии слов и представлена в них тремя структурными разновидностями: 1) два (реже три) простых аффикса; 2) два (три) простых аффикса либо целостная фонологически протяжённая единица (в условиях полимотивированности производного); 3) протяжённый аффикс, сложившийся на базе простых. Каждая структурная разновидность морфемного комплекса соответствует определенному этапу формирования протяжённого аффикса. Последний представляет собой одну из структурных разновидностей морфемного комплекса (его конечную разновидность), поэтому протяжённый аффикс и морфемный комплекс соотносятся как часть и целое.

5. Протяжённые аффиксы, формируясь в результате формально-семантической нейтрализации неконечных морфем, участвуют в создании производных от основ, которые по каким-либо причинам неспособны сочетаться с простыми аффиксами. Особенностью такого деривационного процесса являются неполные словообразовательные цепи.

6. Формирование протяжённых суффиксов и протяжённых приставок при наличии общих черт имеет ряд существенных различий, которые обусловлены фузионными свойствами суффиксов и агглютинативными особенностями приставок: протяжённые суффиксы регулярно образуются в языке, появление новых протяжённых префиксов затруднено (продуктивных в языке всего два); формирование протяжённых суффиксов характеризуется полной семантической нейтрализацией неконечного суффикса, при образовании протяжённых приставок десемантизация носит частичный характер либо вообще отсутствует; протяжённый суффикс семантически тождествен простому суффиксу, на базе которого он сформировался, значение протяжённого префикса не тождественно значению простого префикса.

7. Многие протяжённые морфемы активно используются в речи, что создает значительный круг новообразований. В неузуальном словообразовании сочетаемость база протяжённых аффиксов, как правило, шире, чем в узусе. Это проявляется в вовлечении в словообразовательный процесс основ, различных по частеречной принадлежности (имена и глаголы), по происхождению (исконно русские и иноязычные), по лексико-грамматическому разряду (конкретные и абстрактные, нарицательные и собственные, одушевленные и неодушевленные).

8. Появление в языке новых протяжённых аффиксов свидетельствует о развитии словообразовательной системы русского языка, ее обогащении новыми словообразовательными средствами и моделями, что способствует количественному росту производных слов в языке.

Апробация исследования. Вопросы, разработанные в диссертации, обсуждались на международных и всероссийских конференциях и конгрессах, в том числе: Международная научная конференция молодых ученых «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (Нижний Новгород, 2009, 2011), Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного языкознания: основные тенденции и перспективы

развития» (Караганда, ЦГИ, 2009), XXXIX и XL Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2010, 2011), IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010), Международная научная конференция РОПРЯЛ «Язык, литература, культура и современные глобализационные процессы» (Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010), VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество» (Москва, МИИЯ, 2011), Международная научно-практическая конференция «Русское слово» памяти профессора Е.И. Никитиной (Ульяновск, УлГПУ, 2011, 2012), Девятая международная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, ВГГУ, 2011), Международная научная конференция «Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации проф. В.М. Маркова)» (Казань, КФУ, 2012) и др.

Основные теоретические положения работы изложены в монографии «Переразложение в основе производного слова: причины и следствия», а также в 44 печатных работах (статьи, материалы докладов). 16 научных статей опубликованы в изданиях, рекомендованных списком ВАК (в журналах «Русский язык в школе», «Русская речь», «Вестник Российского университета дружбы народов», «Вестник Центра международного образования Московского государственного университета», «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского», «Вестник Тюменского государственного университета», «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», «Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского», «Филологические науки. Вопросы теории и практики»).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения, содержит библиографический список (303 наименования, включая 53 словарных издания).

В Главе I рассматривается становление понятия «переразложение» в отечественной лингвистике, описываются причины и следствия этого исторического процесса, дается сравнительная характеристика протяжённого аффикса и смежных с ним явлений. В Главе II освещается проблема морфемного комплекса и его роль в формировании протяжённых аффиксов. В первых двух главах вводятся базовые понятия, на которые опирается дальнейшее исследование. Глава III посвящена формированию и функционированию протяжённых суффиксов с начальными элементами *-тель*, *-ист*, *-ник*. В Главе IV описывается формирование и функционирование протяжённых префиксов. В Заключение содержатся общие выводы, намечаются перспективы исследования.

Глава I

ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

1. Становление понятия «переразложение» в отечественной лингвистике

1.1. Историческая изменчивость морфемной структуры слова

Термин и понятие «переразложение» используется в современном языкознании для характеристики одного из исторических процессов – изменения морфемной структуры слова. Под переразложением понимается «перераспределение морфемного материала внутри слова при сохранении его основой производного характера» [Шанский 1968: 213]. Такое понимание термина «переразложение» сложилось в языкознании не сразу и имело достаточно длительную историю.

Понимание языка как изменяющегося явления в области «морфологического» строения слова стало возможным, когда идея исторического развития языка дала импульс формированию сравнительного и исторического подхода к изучению языковых фактов.

Представление о морфемной структуре слова как о явлении развивающемся было заложено в теории языкознания в конце XIX века И.А. Бодуэном де Куртенэ. Будучи уверенным в том, что «нет неподвижности в языке», потому что «в языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется», ученый пришел к заключению о том, что древние темы (основы) являются «не застывшими в своей неподвижности отголосками золотого века языковой жизни, но живыми частями склоняемых и спрягаемых слов» [Бодуэн де Куртенэ 1902: 238], а следовательно, «одинаковые, неизменные корни, одинаковые, неизменные основы склонения, спряжения и т.д. во всех родственных языках –

есть... фикция»¹ [Бодуэн де Куртенэ 1963 а: Т. I, 349]. Это открытие положило конец антиисторическому взгляду основоположников сравнительной грамматики индоевропейских языков (Ф. Боппа, А. Шлейхера, Ф. Малиновского и др.) на структуру слова как на нечто застывшее и неподвижное. Мысль И.А. Бодуэна де Куртенэ об изменяемости основ гласного склонения, которые с течением времени сократились, а их конечные гласные перешли в начало окончаний, сформулированная им как «сокращение темы в пользу окончаний», впервые была высказана в статье «Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Declination» [Baudouin de Courtenay 1868]. Позднее об этом неоднократно говорилось в целом ряде работ ученого [Бодуэн де Куртенэ 1876, 1877, 1902 и др.].

Впоследствии принцип исторической изменчивости И.А. Бодуэн де Куртенэ в полной мере относит и к другим элементам слова: «На каждом шагу я замечал... нарастание последующих суффиксов за счет предшествующих или же за счет корня, нарастание корня за счет префикса и т.д.» [Бодуэн де Куртенэ 1963 б: Т. I, 160], «то известная единица языка увеличивается на счет другой, то, наоборот, известная единица лишается известной части своего состава в пользу другой. Одна единица исчезает, другая рождается» [Бодуэн де Куртенэ 1963 а: Т. I, 349].

Как верно замечает Н.М. Шанский [Шанский 1968], при анализе соответствующих явлений внимание И.А. Бодуэна де Куртенэ первоначально было обращено на факты слияния соседних морфем, а не на модификацию морфемного состава слова, которая могла быть при этом самого различного характера.

Дальнейшее развитие идей И.А. Бодуэна де Куртенэ связано с творчеством его талантливых учеников Н.В. Крушевского и В.А. Богородицкого. Учение казанского профессора об изменяемости основ явилось зародышем их учения о морфологической абсорбции, или

¹ При цитировании сохраняются орфографические и пунктуационные особенности оригинала.

«поглощении» (Н.В. Крушевский), и морфологическом переразложении (В.А. Богородицкий).

Н.В. Крушевский, развивая мысль И.А. Бодуэна де Куртенэ о сокращении тем в пользу окончаний, которую он назвал «самым широким обобщением, какое можно сделать в морфологии», рассматривает процессы, происходящие между префиксом и темой (рус. *восток* <въз+токъ> и польс. *ślub* <съ+любъ>). Ученый обращает внимание на то, что в обоих случаях процессы протекают аналогично: «тема поглотила префикс, как в форме *рыб-ахъ* окончание поглотило часть темы» [Крушевский 1880: 22]. Таким образом, делает заключение Н.В. Крушевский, «звуки, принадлежащие одной морфологической единице, отрываются от нее и интегрируются другой единицей; причем сокращению подвергается предшествующая морфологическая единица в пользу последующей» [Там же: 21, 22]. Этот «всеобъемлющий процесс морфологии» (процесс поглощения суффиксами звуков корня и корнем – звуков префикса) лингвист назвал *морфологической абсорбцией* [Крушевский 1881: 108]. По мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, Крушевский очень удачно сформулировал это важное лингвистическое понятие и дал ему новое название. Позднее в «Очерке науки о языке» (1883) Н.В. Крушевский использует как синонимичные термину «морфологическая абсорбция» термины «агрегация» и «переинтеграция».

Следует заметить, что морфологической абсорбцией Н.В. Крушевский называет весьма разнородные явления в морфемной структуре слова, не учитывая те результаты, к которым эти изменения приводят. В.А. Богородицкий, пытаясь разграничить процессы, происходящие между морфемами в слове, выделяет разновидности морфологической абсорбции [Богородицкий 1881]:

1) *морфологическая абсорбция под влиянием фонетических изменений* (фонетико-морфологическая абсорбция), к которой ученый относит сокращение основ в пользу окончаний (*рыба-хъ*, *рыба-мъ* – *рыб-ахъ*, *рыб-амъ*),

а также сокращение префиксов в пользу корней (**вън-жть** – **въ-нжть**, **сън-ѣсть** – **съ-нѣсть**);

2) *морфологическая абсорбция через посредство пропорциональной аналогии*, которая объясняет некоторые особенности просторечия, как, например, произношение *овторник* и т.п. Так, если предлоги в русском языке имеют две формы – краткую и полную (*в//во, без//безо* и др.), то краткие формы соединяются с падежными формами, начинающимися, например, гласным звуком *о* (*в-огонь*), а полные формы выступают при падежных формах, начинающихся двумя согласными (*во-вторник*). Под влиянием сходства в произношении *в-огонь//во-вторник, без-огня//безо-вторника* образуются такие формы, как *овторник, овторника* путем пропорциональной аналогии (*вогонь : огонь = вовторник : x → x = овторник*). Подобным же образом может быть объяснено укороченное *Аршава* из предложных выражений *в Варшаву, в Варшаве* и под. (*вархангельск : архангельск = варшаву : x → x = аршаву*). Н.В. Крушевский объясняет этот процесс особым видом ассоциации, который состоит в том, что «менее употребительные формы слова изменяемого ассимилируются к более употребительным» [Крушевский 1879: 116];

3) *морфолого-семасиологическая абсорбция*, при которой «значение слова, состоящего из корня и префикса и из корня и окончания, первоначально чувствовавшееся не только в целости, но и в составе, с течением времени может начать чувствоваться только в своей целости, но не в составе», благодаря чему в языке «являются новые корни» [Богородицкий 1881: 24]. Так, в слове *подушка* префикс слился с корнем, а в слове *долой* окончание слилось с корнем.

Первые два вида морфологической абсорбции В.А. Богородицкий впоследствии назовет *переразложением*, последний – *опрощением*. Существенное отличие между этими процессами ученый видит в том, что «в первом случае одна морфологическая единица поглощает соседние звуки

другой», то есть происходит «простая перегруппировка в области морфологического состава», значение же вновь получающихся морфологических единиц сохраняется прежнее; «во втором случае происходит изменение в *значении* – слово перестает пониматься относительно своего состава и понимается только в своей целости», так как «морфологические части *целиком* сливаются одна с другою» [Там же: 24, 25]. Показательно, что В.А. Богородицкий обращает внимание не только на изменения, происходящие между отдельно взятыми морфемами, но рассматривает слово в целом как структурно-семантическое единство. Вслед за В.А. Богородицким на разницу структурных изменений в слове обращает внимание Н.В. Крушевский в «Очерке науки о языке» (1883), обозначая ее понятиями «переинтеграция морфологических элементов» и «интеграция слова» (в терминологии В.А. Богородицкого соответственно «переразложение» и «опрощение»).

1.2. Соотношение понятий

«морфологическая абсорбция» – «переразложение» – «переинтеграция» в концепции Казанской лингвистической школы

Как видно, развитие словообразовательной терминологии, отражающей процессы переоформления морфемной структуры слова, шло по пути конкретизации и уточнения.

Понятие «морфологическая абсорбция», введенное Н.В. Крушевским, отражает любые изменения в морфемной структуре слова без учета тех результатов, к которым эти изменения приводят: то ли это перемещение «морфологических узлов» в слове (как при переразложении), то ли их исчезновение (как при опрощении). Таким образом, «морфологическая абсорбция» представляет собой достаточно широкое понятие.

«Переразложение» и «опрощение», предложенные В.А. Богородицким, обозначают процессы, характеризующиеся различными результатами

происходящих в слове структурных изменений: при переразложении членимость слова на морфемы изменяется, но не утрачивается, в то время как при опрошении прежде членимое слово становится нечленимым. Как признается сам В.А. Богородицкий, первоначально термин «переразложение» он использовал наравне с термином «абсорпция», под который Н.В. Крушевский подводил разные процессы – и переразложение, и опрошение. Однако, видя между ними значительную разницу, В.А. Богородицкий со временем устранил в своих работах термин «абсорпция», став пользоваться своими терминами – «морфологическое переразложение» и «опрошение» [Богородицкий 1939: 156]. Под переразложением ученый понимает «такое явление, когда слова, известным образом разлагавшиеся в уме индивидуумов прежнего времени, затем разлагаются по-другому вследствие перемещения морфологической границы» [Богородицкий 1915: 161]. Как верно заметил И.А. Бодуэн де Куртенэ, «переразложение может фактически совпадать с "абсорпцией", но все-таки это понятия существенно различные, и поэтому выражение "переразложение или абсорбция" представляет логическую неточность» [Бодуэн де Куртенэ 1963 б: Т. II, 46].

Анализируя труды В.А. Богородицкого, И.А. Бодуэн де Куртенэ устанавливает место переразложения в системе других языковых процессов – «посередине между "народною этимологией" и "аналогией"» и дает определение понятию «переразложение» (очень близкое к современному) как «перемещение границ между отдельными морфемами или частями морфологически расчлененного слова, перемещение морфологических узлов или расчленений слова» [Бодуэн де Куртенэ 1963 б: Т. II, 43]. В данном определении ученый акцентирует внимание на том, что слово *меняет* свою морфемную членимость, а не утрачивает ее (как при опрошении и деэтимологизации) или, напротив, приобретает (как при реэтимологизации и разложении). Не случайно И.А. Бодуэн де Куртенэ не согласен с В.А. Богородицким, который видит в морфологизации (в придании

знакомого морфологического состава чуждому слову: *не-бель*, *не-крут* из *мебель*, *рекрут*) особый вид морфологического переразложения или абсорбции. Поскольку слова *мебель* и *рекрут* для слышащего их впервые представлялись морфологически нерасчлененными, то речь идет не о «переразложении», а только о «разложении» и осмыслении.

Термин «переинтеграция» появился у Н.В. Крушевского первоначально для обозначения одного из проявлений морфологической абсорбции как синоним термина «переразложение». Впоследствии этот термин стал использоваться лингвистом более широко, как равный по объему термину «морфологическая абсорбция», и в конце концов приобрел в работах ученого чрезвычайно широкое значение. По словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, под переинтеграцией Н.В. Крушевский понимал языковое изменение вообще, рассматривая это понятие слишком общо, как «иное расположение составных частей данного предмета» по отношению «ко всем без исключения языковым изменениям»: и к акустическим качествам звуков, и к генезису морфологических элементов, и к истории грамматических категорий и т.д., делая его почти бессодержательным [Бодуэн де Куртенэ 1963 а: Т. II, 185], за что и подвергся критике со стороны своего учителя.

В современном языкознании, как известно, общепринятым термином для обозначения перемещения границ между образующими слово морфемами является термин «переразложение», хотя следует отметить, что в лингвистической литературе часто встречается и термин «переинтеграция» как синоним терминам «переразложение» и «морфологическая абсорбция».

1.3. Причины переразложения в слове: история вопроса

В основе классификации разновидностей морфологической абсорбции В.А. Богородицкого (см. п. 1.1) лежат причины происходящих в языке процессов. Эти причины языковед зафиксировал в наименовании типов

морфологической абсорбции: *фонетико-морфологическая, морфолого-семасиологическая, через посредство пропорциональной аналогии*. Как видно, морфологическая абсорбция через посредство пропорциональной аналогии и морфолого-семасиологическая абсорбция отличаются от фонетико-морфологической абсорбции тем, что для них «изменения фонетические не составляют необходимости» [Богородицкий 1881: 19, 25].

Попытка найти причины «вечного перемещения мест сцепления языковых единиц» явилась несомненной заслугой ученых Казанской лингвистической школы, взгляды которых на проблему не оставались неизменными.

И.А. Бодуэн де Куртенэ основными причинами «морфологических изменений» считает фонетические процессы и влияние аналогии: «иногда чисто фонетические процессы обуславливают развитие материальной стороны языка, то есть его этимологического и чисто морфологического строя и состава», «если же... превращения одной формы в другую нельзя объяснить простыми звуковыми законами..., то необходимо искать причины его в области факторов психических, преимущественно же в области бессознательного обобщения или апперцепции. В применении к формам склонения, спряжения и вообще словообразования, этот психический фактор выражается силою аналогии» [Бодуэн де Куртенэ 1877: 39, 43].

Н.В. Крушевский в «Очерке науке о языке» подробно рассматривает две причины изменения морфемной структуры слова: «фонетическое вырождение» и «морфологическое вырождение», которые называет «факторами деструктивного характера». Под фонетическим и морфологическим вырождением ученый понимает не что иное, как фонетические изменения, о которых говорил И.А. Бодуэн де Куртенэ, ведущие к развитию материальной стороны языка, в частности его морфемного состава: «фонетическое вырождение часто дает толчок новому распределению звуков между морфологическими элементами слова, вследствие чего получается по несколько комплексов для одной и той же

функции» [Крушевский 1883: 96]. Н.В. Крушевский пытается заострить внимание на том, что рассмотренные им деструктивные факторы в большинстве случаев действуют взаимосвязанно: «Так напр., мы имеем глагол *обязать*, родственный по происхождению глаголам *вязать*, *обвязать*. Форма *обязать* своим происхождением обязана прежде всего *фонетическому вырождению*: коренной звук *в* мало-помалу исчез под влиянием предшествующего префиксального *б*. Это фонетическое явление было первой причиной вырождения морфологического, а именно слияния первоначального префикса с оставшимися звуками корня» [Там же: 97-98].

Вместе с тем, отмечает Н.В. Крушевский, «такое же морфологическое вырождение, состоящее в переинтеграции морфологических элементов, возможно и без толчка со стороны фонетических изменений», когда новые корни возникают «путем простого поглощения суффикса или префикса, например: *скуд* – *скуп* в *скудный*... *скупой*; *ход* – *наход* в *ходить*... *находить*» [Там же: 100]. Морфологическое вырождение, которому не предшествуют фонетические изменения, Н.В. Крушевский объясняет, в частности, тем, что «звуковые комплексы и звуки, выражающие понятия и их оттенки, не могут употребляться *одинаково часто*» [Там же: 91]. Вследствие этого звуковой комплекс (суффикс или префикс) будет хуже помниться носителями языка, а следовательно, «будет иметь шансы на слияние в нашем чутье в одно целое с тем коренным комплексом, к которому присоединяется» [Там же: 91].

Другой причиной «морфологического вырождения» без участия фонетических процессов лингвист считает выпадение слова из языка: «исчезновение слова *пал* было причиной того, что первоначально уменьшительная форма *палец* превратилась в неуменьшительную» [Там же: 91], что привело к слиянию корня и суффикса.

Диалектический взгляд Н.В. Крушевского на природу деструктивных факторов языка выразился в том, что лингвист увидел в них не только действие разрушительное, но и созидательное: «они и только они доставляют

постоянно языку новый материал, без которого немислим никакой прогресс языка, ни структурный, ни тем более материальный, лексический» [Там же: 97].

Первоначально и В.А. Богородицкий поводом к сокращению основ считает фонетические изменения, поэтому первый вид «морфологического преобразования языка» он и сформулировал как «морфологическая абсорбция под влиянием фонетических изменений». Однако впоследствии исследователь приходит к заключению, что «отделение тематического гласного от основы к окончанию могло происходить еще до фонетических изменений», чему способствовал целый ряд обстоятельств: во-первых, гласный темы стал чувствоваться принадлежностью флексии, так как «повторялся перед окончаниями и всех других слов того же склонения (*рыба-м, рука-м* и т.п.)»; во-вторых, тематический гласный «употреблялся вместе с окончаниями чаще, чем самые слова». Это и стало причиной того, что окончания «стали ассоциироваться между собой по сходству уже совместно с этим так часто повторяющимся перед ними звуком». Фонетические же изменения не имеют значения причины, они послужили лишь закрепляющим моментом для сокращенного вида основы, поскольку благодаря им «в некоторых падежных формах тематический гласный, сливаясь с окончанием, изменялся до неузнаваемости (срв. *жену*, где *у* = ст.-сл. *ѡ* и восходит к ае. **-am*), а потому его как бы не стало в основе». Что действительно такое переразложение наступило, заключает В.А. Богородицкий, доказывается тем, что «новые окончания *-ам, -ами, -ах* в русском языке распространились по аналогии и на все прочие склонения (срв. в муж.р. *рабах*//ст.-сл. *рѣбѣхъ*, в ср.р. *делах*//ст.-сл. *дѣлѣхъ* и пр.)» [Богородицкий 1915: 161-162; 1935: 101; 1939: 196, 197].

Таким образом, по мнению Н.В. Крушевского и В.А. Богородицкого, фонетические изменения не являются необходимым условием морфологического переразложения, с чем впоследствии согласился и И.А. Бодуэн де Куртенэ.

Представителям Казанской лингвистической школы удалось вскрыть некоторые причины перераспределения морфемного материала в слове, в частности, фонетические изменения, процессы аналогии, «большая повторяемость в речи формальных элементов по сравнению с материальной частью слова» [Богородицкий 1939: 196]. Последнюю из названных причин Н.М. Шанский подвергает сомнению, поскольку «более употребительными, чем корень, оказываются аффиксы и в тех случаях, когда переразложения не происходит» [Шанский 1968: 214]. Относительно первых двух причин, отмеченных «казанцами», ученый замечает, что переинтеграция аналогического происхождения наблюдается редко, но еще более редко возникает переразложение в результате изменений фонетического характера [Там же: 218, 222].

Как это происходит, Н.М. Шанский убедительно иллюстрирует примерами. Так, основа слова *казацкий* (из *казацкий*) в результате падения редуцированного *ь* и последующего изменения *чс* в *ц* стала выделять не основу *казач-* и суффикс *-(е)ск* (<*ьск*), а основу *казац-* и суффикс *-к-*. Влияние аналогии, заключающейся в «воздействии на морфологическую структуру того или иного слова (чаще всего либо этимологически, либо структурно изолированного) продуктивной словообразовательной модели», наблюдается в слове *вожатый*, которое является мнимым субстантивированным прилагательным, поскольку представляет собой существительное, получившее склонение прилагательных. В начале XIX века это слово имело облик *вожатай* и склонялось, как существительное *край*. По аналогии с суффиксальными прилагательными на *-ат-* (*рогатый*, *хвостатый*, *брюхатый*) и в результате исчезновения производящего глагола *вожати* слово *вожатай* приобрело постепенно современную структуру *вож-ат/ый/* и стало склоняться, как прилагательное [Там же: 219].

Необходимо заметить, что не все слова на *-тай/-атай* (*ходатай*, *соглядатай* и под.) подверглись процессу «адъективации» склонения и структуры. Тем не менее Н.М. Шанский аналогию относит к причинам

переразложения, а бóльшую повторяемость формальных элементов в речи причиной не считает. В этом, на наш взгляд, есть некоторая непоследовательность, так как никакую из названных причин переразложения нельзя признать действующей всегда и везде. Не всякое фонетическое изменение ведет к переразложению, не все слова одной словообразовательной структуры испытывают на себе влияние аналогии, точно так же и частота употребления аффиксов не всегда влечет за собой перемещение морфемных границ.

По мнению Н.М. Шанского, основные причины переразложения остались «казанцами» не вскрыты. В качестве наиболее важной и частой причины переразложения основы Н.М. Шанский называет выход из употребления соответствующего данному слову производящего слова при сохранении в языке других родственных образований. Так, глагол *обессилеть* членится в настоящее время на морфемы *обес-сил-е/ть/* и воспринимается как суффиксально-префиксальное образование от существительного *сила*. Такое строение у этого слова является следствием переразложения, которое произошло в нем в силу исчезновения производящего глагола *бессилеть* ‘слабеть, изнемогать, лишаться сил’ [Шанский 1968: 215]. Мимоходом на эту причину «морфологического вырождения» указывал и Н.В. Крушевский (исчезновение слова *пал* при *палец*), но четко и определенно она не была сформулирована этим ученым, к тому же данный пример иллюстрирует процесс опрощения, а не переразложения.

Наконец, еще одной причиной переразложения может служить опрощение образующей основы: основа слова *бодрость*, сейчас членимая на *бодр-* и *-ость*, до опрощения прилагательного *бодрый* (от *бѣдѣти* ‘бодрствовать’) распадалась на морфемы *бѣд-р-ость*.

Таким образом, Н.М. Шанский выделяет четыре причины, ведущие к переразложению основы производного слова, и выстраивает их иерархию в зависимости от степени важности и частоты проявления: «архаизация»

производящей основы, опрощение образующей основы, процессы аналогии, фонетические изменения. Однако это не исчерпывающий список причин, вызывающих переразложение основы.

Не только исчезновение производящего слова из языка может приводить к изменению отношений между родственными словами в словообразовательной цепи и, в конечном итоге, к переразложению, но и такое изменение отношений между словами, которое не сопровождается утратой производящего.

Это позволило Г.А. Николаеву выделить еще одну причину переразложения – смену отношений по «синтагматической оси» как изменение исторического направления производности на обратное [Николаев 1987]. Так, слова *работа* и *работать* исторически образовались следующим образом: *раб* → *раб-от/a/* → *работ-a/ть/*. Как видно, глагол является более поздним образованием, чем существительное, поэтому *работа* является производящим словом, а *работать* производным. С течением времени развивается обратная соотнесенность в цепи производных единиц: существительное *работа* осмысливается как образованное (производное) от глагола *работать*, то есть исторически производящее и производное поменялись местами. Таким образом, существительное *работа*, которое первоначально имело в своей структуре словообразовательный суффикс *-от-*, теперь приобрело иную, но тоже бинарную структуру – основу *работ-* и нулевой суффикс ($\emptyset$). Под влиянием обратной соотнесенности произошло переосмысление структуры когда-то образованного слова, что привело к перемещению морфемных узлов, которое выразилось в наращении основы за счет аффикса (ср.: *раб-от-a* и *работ- $\emptyset$ -a*).

Изменение отношений между звеньями словообразовательной цепи может быть связано не только с изменением исторического направления производности на обратное, но и с развитием у производного так называемой «множественной мотивации», когда оно способно выводиться из двух и более мотивирующих (*грешн-ик* от *грешный*, *греш-ник* от *грех* и *грешить*).

Сложные, неоднозначные смысловые отношения производного с предшествующими звеньями словообразовательной цепи приводят к переразложению в основе производного слова, в результате чего формируются сложные аффиксы, а производное слово приобретает множественность словообразовательной структуры, в состав которой входит либо простой, либо сложный аффикс.

И.А. Ширшов высказал предположение о том, что новые суффиксы при множественной мотивации возникают «в результате нейтрализации неконечных суффиксов в многоморфном (полисуффиксальном. – *О.П.*) слове» [Ширшов 1981: 35]. Причем речь идет о нейтрализации семантической, когда форма неконечной морфемы при сопряжении ее с дериватором следующей ступени сохраняется, а значение погашается, в силу чего она превращается в субморф и становится левым наращением конечного суффикса (ср.: *грех* → *греш-н/ый/* → *грешн-ик* и *грех* → *греш-ник*).

Итак, исследователями выделены следующие причины переразложения в основе производного слова:

- фонетические изменения, процессы аналогии, бóльшая частота употребления аффиксов (Казанская лингвистическая школа);
- выпадение из словарного состава языка соответствующего производящего слова, опрощение образующей основы (Н.М. Шанский);
- развитие обратной структурно-семантической зависимости производящего слова от производного в пределах соотносительной пары (Г.А. Николаев);
- семантическая нейтрализация неконечного аффикса на фоне множественной мотивации (И.А. Ширшов).

1.4. Направление структурных изменений в слове

Не меньшее внимание «казанцы» уделяли определению направления происходящих в структуре слова изменений.

Н.В. Крушевский, ставя направление морфологической абсорбции в зависимость только от фонетических изменений, подходит к решению данного вопроса односторонне. Ученый утверждает, что направление морфологической абсорбции и фонетической ассимиляции в историческом развитии языков прямо противоположны друг другу. Поэтому прогрессивное направление комбинационно-фонетических изменений, свойственное индоевропейским языкам, обуславливает регрессивное (от конца слова к его началу) направление морфологической абсорбции. Соответственно, если языку будет свойственна регрессивная фонетическая ассимиляция, она должна вызвать прогрессивную морфологическую абсорбцию [Крушевский 1880: 23-24].

По мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевский, рассуждая о связи морфологической абсорбции с направлением фонетической ассимиляции, допускает терминологическую неточность, которая приводит его к неверному выводу. Эта неточность заключается в том, что ученый, взяв за исходную точку при определении направления уподобления звуков звук пассивный, или подвергающийся изменению, называет уподобление звука предшествующего звуку последующему «ассимиляцией прогрессивной», а уподобление звука последующего предшествующему – «ассимиляцией регрессивной». В то время как И.А. Бодуэн де Куртенэ при определении направления как морфологической абсорбции, так и фонетической ассимиляции за исходную точку берет «сторону агрессивную». Поэтому под регрессивной ассимиляцией лингвист понимает уподобление предшествующего звука звуку последующему, или «наступающему», а под прогрессивной – уподобление последующего звука звуку предшествующему (именно такое понимание направления ассимиляции свойственно современной науке о языке). Таким образом, И.А. Бодуэн де Куртенэ усматривает «полнейшее соответствие» в направлении между фонетическими изменениями и морфологической абсорбцией, которое позволяет ему утверждать, что «на существующей фазе исторического

развития ариоевропейских языков как фонетическое, так и морфологическое завоевание идет от конца слова к его началу» [Бодуэн де Куртенэ 1963 б: Т. I, 161].

Из сказанного следует, что, несмотря на разные исходные позиции и соответственно терминологические расхождения, Н.В. Крушевский и И.А. Бодуэн де Куртенэ направление структурных изменений в слове определяют одинаково – как регрессивное (от конца слова к его началу).

В.А. Богородицкий, в отличие от своих современников, не ограничивается зависимостью морфологической абсорбции от фонетических изменений, поскольку в языках, не относящихся к индоевропейским, например в татарском, где фонетические изменения носят противоположный индоевропейским языкам характер, направление морфологической абсорбции точно такое же, как и в языках индоевропейских [Богородицкий 1939: 196]. Ученый отмечает, что морфологическая абсорбция через посредство пропорциональной аналогии может быть как регрессивной (укороченное *Аршава* из предложных выражений *в Варшаву, в Варшаве*), так и прогрессивной (удлиненное *овторник* из падежных форм *во вторник, безо вторника*).

Сторонник и приверженец Казанской лингвистической школы, выдающийся польский лингвист К.Ю. Аппель направление морфологической абсорбции ставит в зависимость от того, какая морфема выступает в роли «абсорбирующего элемента» – предшествующая или последующая. «В первом случае абсорбция будет *прогрессивная* и абсорбирующим элементом является *тема* или *префикс*; во втором, напротив того, она будет регрессивная, и здесь роль активная (поглощающая) принадлежит также *теме*, или же *суффиксу* (флексии)» [Аппель 1882: 27]. К мысли о двух направлениях морфологической абсорбции (прогрессивном и регрессивном) впоследствии приходит и И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Исторические эволюции морфологической стороны языка состоят в поочередном перемещении

языкового внимания с конца слова или предложения к его началу и наоборот» [Бодуэн де Куртенэ 1963 а: Т. I, 348-349].

Возможность прогрессивного характера морфологической абсорбции спустя десятилетия убедительно подтверждает Н.М. Шанский: «при опрощении на стыке корня и суффикса и при переразложении (правда, сравнительно редком) на стыке приставки и образующей основы направление морфологической абсорбции должно или может быть и прогрессивным (→ ср. *обессилеть*, *лощина* и т.п.): в случае с наиболее распространенным опрощением на стыке суффикса и корня – обязательно прогрессивным, в случае с переразложением на стыке приставки и образующей основы – прогрессивным (тогда, когда сливаются в одну стоящие рядом приставки) и регрессивным (тогда, когда сливаются в одну морфему непроемкая основа и стоящая непосредственно перед ней приставка)» [Шанский 1968: 181]. Несомненной заслугой ученого при характеристике направления происходящих в структуре слова изменений является разграничение видов морфологической абсорбции – переразложения и опрощения.

Развивая идеи предшественников, Г.А. Николаев замечает, что прогрессивное направление переразложения наблюдается не только на границе приставки и образующей основы. Оно возможно и на стыке основы и суффикса, но лишь при изменении исторического направления производности на обратное. Так, в существительном *приветствие* при первичной соотнесенности его со словом *привет* (*привет* → *привет-ствиј/е/* → *приветств-ова/ть/*) выделялась производящая основа *привет-* и суффикс *-ствиј/е/*. В настоящее время существительное *приветствие* осмысливается как образованное от глагола *приветствовать* (*привет* → *привет-ствова/ть/* → *приветств-иј/е/*), поэтому в качестве мотивирующей выступает основа *приветств-*, а в роли форманта – суффикс *-иј/е/* [Николаев 1979: 73]. То есть в результате обратной соотнесенности у производного *приветствие* произошло наращение основы за счет суффикса. При «прямом»

(историческом) направлении производности, напротив, переразложение носит регрессивный характер, потому что основа сокращается в пользу суффикса.

Итак, в соответствии с лингвистической традицией при определении характера морфологической абсорбции (и уже – переразложения) учитывается место морфемы в слове (начало/конец слова), а следовательно, ее тип (приставка/суффикс) и линия перемещения морфемной границы: если граница между морфемами смещается от конца слова к его началу, что происходит на стыке основы и суффикса, говорят о «регрессивном» переразложении, если от начала слова к его концу (на стыке префикса и основы) – о «прогрессивном» переразложении.

Однако, по мнению Г.А. Николаева, такой подход к направлению процесса переразложения не затрагивает принципиальной стороны данного явления. Ученый считает, что сущность процесса переразложения наиболее точно можно выразить, опираясь на понятия словообразования, такие, как производящая основа и формант. Если рассматривать переразложение исходя из соотношения основы и аффикса, которое и является принципиальным в данном случае, то «и при "регрессивном" переразложении (на стыке основы и суффикса), и при "прогрессивном" переразложении (на стыке основы и префикса) процесс переразложения имеет *одно* (курсив наш. – О.П.) направление – от аффикса к основе, т.е. во всех случаях оно представляет своего рода "сокращение основы в пользу окончания", другими словами, сокращение образующей основы в пользу аффикса. И в этом смысле оно всегда регрессивно: направлено от служебной морфемы в сторону основы» [Николаев 1979: 72]. Такой подход к направлению переразложения представляет собой важное обобщение и является, на наш взгляд, весьма плодотворным, поскольку отражает основную тенденцию развития словообразовательных средств языка: в результате переразложения формантная часть производного слова увеличивается за счет уменьшения основной.

2. Следствие переинтеграции морфем в слове

2.1. Формирование новых морфем в результате процесса переразложения

В результате переразложения слова, «оставаясь морфологически составными, членимыми единствами, начинают делиться по-другому, не так, как делились раньше» [Шанский 1968: 213].

Несмотря на то, что перемещение морфемных границ впервые было замечено между основой и окончанием, это не является типичным для языка. Богатый языковой материал, изученный Н.М. Шанским, позволил ему установить, что чаще всего переразложение наблюдается на стыке образующей основы и суффикса. Реже оно встречается между образующей основой и приставкой, а также между двумя корневыми морфемами. Таким образом, «в подавляющем большинстве случаев переразложение предстает как процесс изменения границ между морфемами в пределах основы (естественно производной)» [Там же: 214].

В результате выхода из употребления образующего слова наблюдается процесс поглощения одной служебной морфемой другой: «слияние воедино двух рядом стоящих суффиксов» или «объединение в одну двух "контактных" приставок» [Там же: 216]. Чаще всего этот процесс наблюдается между суффиксами. Так, в прилагательном *врачебный*, ранее образованном от существительного *врачѣба* 'лечение, лекарство', выделялось два суффикса: *-ѣб-* (совр. *-ѣб-*, *-ѣ-*) и *-ьн-* (совр. *-ен-*, *-н-*). Исчезновение из языка производящего слова изменило морфемный состав прилагательного, которое в настоящее время осознается как производное от существительного *врач* и членился иначе (*врач-ѣбн-ый*) [Там же: 177]. Значительно реже можно наблюдать слияние приставок: утрата языком глагола *довидѣти* привела к тому, что в современном глаголе *недовидеть* 'плохо видеть, иметь слабое зрение' [БАС] выделяется не две приставки *не-* и *до-*, а только одна приставка *недо-*. Таким образом, переразложение вследствие «архаизации»

производящей основы обогащает язык новыми служебными морфемами (суффиксами и приставками).

При опрощении образующей основы переразложение заключается в том, что происходит процесс растворения служебной морфемы в непроемной основе (см. *бодрый* – п. 1.3), что ведет к образованию в языке новых корней.

В результате действия аналогии аффикс распадается на части, в силу чего основа либо сокращается в пользу окончания, если речь идет о суффиксе, либо нарастает за счет префиксальной части. Яркой иллюстрацией этих процессов служат примеры Н.М. Шанского [Шанский 1968: 220]:

– существительное *зодчий* < *зѣдъчи* было образовано с помощью суффикса *-ъчи* от основы *зѣд-* и членилось на морфемы следующим образом: *зѣд-ъчи-ѣ*. Затем под влиянием прилагательных на *-ий* (*синий*) в его основе произошла переинтеграция: суффикс распался на *ч* (<ъч) и *-иј*, а основа сократилась (*зѣдъч-*);

– глагол *отворить* был образован с помощью приставки *от-* на основе глагола *ворити* (производного от той же основы, что и *ворота*, др.-русс. *воръ*, *вора* – ‘ограда, забор’) и членился первоначально на морфемы так: *от-вор-и/ти/*. В результате аналогического воздействия глаголов с приставкой *о-* и народноэтимологического сближения с глаголом *творить* он переинтегрировался и стал члениться на *о-твор-и/ти/*).

Таким образом, переразложение под влиянием аналогии способствует появлению в языке новых суффиксов (*-ъч-*) и новых корней (*твор-*).

Под воздействием фонетических изменений также возникают новые морфемы – корни и суффиксы (см. *казацкий* – п. 1.3), а также приставки: основа слова *шиворот* (из *шивоворот*) в результате процессов гаплогонии (*вово* > *во*) стала разлагаться не на три морфемы (*шив-*, *-о-*, *-ворот*), а на две: стилистическую приставку *ши-* и непроемную основу *-ворот* [Там же: 222].

Наконец, изменение отношений между звеньями словообразовательной цепи, связанное с развитием множественной мотивации и нейтрализацией морфем, приводит к формированию сложных аффиксов (суффиксов и приставок: *упадоч-ничеств/o/*, *обез-бол-и/ть/*), а изменение исторического направления производности на обратное – к возникновению новых корней (см. *работа* – п. 1.3).

Таким образом, все названные причины переразложения, кроме двух (опрошения образующей основы и обратной соотнесенности в цепи производных единиц), пополняют инвентарь служебных морфем, прежде всего суффиксов. Именно суффиксы являются наиболее распространенным словообразовательным средством в русском языке.

2.2. Особенности суффиксов и приставок и их способность к образованию сложных морфем

Еще «казанцы» пытались выяснить, почему преобразования в морфемной структуре слова чаще всего возникают на границе производящей основы с суффиксом, а не с приставкой. Объяснение этому явлению они находили в том, что «все существенные их (приставок и суффиксов. – *О.П.*) черты противоположны» [Крушевский 1883: 85].

Разница между префиксами и суффиксами во многом, как известно, определяется их положением в слове. Так, префиксы присоединяются к целому слову (не к основе), поэтому не изменяют части речи производного и, как правило, сохраняют его грамматические признаки (автономность): *автор* – *со-автор*, *острый* – *пре-острый*, *писать* – *под-писать*. Суффиксы же, присоединяясь к основе слова, зачастую переводят производное в другую часть речи, что, естественно, сопровождается изменением и грамматических значений: *камень* – *камен-н/ый/* – *камен-е/ть/*; *бел/ый/* – *бел-изн/а/* – *бел-и/ть/*. Это связано с тем, что суффикс выполняет свою словообразовательную функцию в тесном единстве с флексией. Таким

образом, суффиксы в отличие от приставок выполняют классифицирующую роль в языке.

Существенны различия между этими аффиксами и в значении. Семантика суффиксальных морфем колеблется от значений широких и отвлеченных (*-ость* – значение *отвлеченного признака* у существительных; *-н-* – значение *отношения* у прилагательных; *-е-* – значение *становления признака* у глаголов) до значений очень большой конкретности (*-онок-* – значение *детенышей животных*; *-ин-* – значение *видов мяса*). В то время как присоединение приставки к слову обычно не меняет значения слова коренным образом, а лишь добавляет к нему некоторый оттенок значения (*у-бежать, при-бежать, в-бежать, вы-бежать*). Свое значение префикс сохраняет, присоединяясь к словам разных частей речи (ср.: *рас-прекрасный* и *рас-красавица, со-автор* и *со-существовать*), что свидетельствует о его большей автономности по сравнению с суффиксом.

По мнению Н.В. Крушевского, «благодаря такому повсеместному употреблению самое число префиксов будет несравненно меньше числа суффиксов», и префикс «будет так же хорошо помниться, как агглютинационный суффикс, напр., в татарском» [Крушевский 1883: 83]. Поэтому префиксу будет свойственна такая же устойчивость, и вариация префикса при этом будет ничтожна. Следовательно, и в фонетическом отношении приставки более независимы, чем суффиксы. Находясь в начальной части слова, они очень редко подвергаются изменениям, что Н.В. Крушевский объясняет, в частности, их относительной звуковой бедностью, при которой «возникновение каких-либо значительных разновидностей префикса привело бы к тому, что они были бы мало похожи друг на друга и мало имели бы шансов чувствоваться разновидностями одной морфологической единицы. Поэтому две разновидности стали бы чувствоваться двумя самостоятельными префиксами и одна из разновидностей исчезла бы "в борьбе за существование" с другой» [Там же: 84]. Сочетание суффиксов с предшествующими морфемами, напротив,

зачастую сопровождаются различными фонетическими и морфонологическими изменениями. «Как корню (чаще всего) угрожает *изменение* преимущественно его конечных звуков, так суффиксу, как конечной морфологической единице постоянно угрожает *исчезновение* тех же звуков. Потому существование суффикса возможно только при условии нарастания звуков в его начале. И действительно, он постоянно обогащается звуками за счет основ, то есть (чаще всего) за счет стоящих перед ним суффиксов» [Там же: 104]. Таким образом, суффиксу «свойственна преимущественно *вариация передняя, морфологического происхождения*» [Там же: 82].

Своеобразие каждого из аффиксов в итоге и определяет тот факт, что суффиксы отличаются гораздо большей способностью сочетаться друг с другом, образуя один сложный суффикс, чем префиксы.

Интересными представляются наблюдения Л.И. Ройзензона, изучавшего славянскую глагольную полипрефиксацию. Исследователь обращает внимание на то, что, хотя «славянская глагольная полипрефиксация не только древний, многовековой словообразовательный процесс, но и процесс живой, развивающийся, она, как правило, не приводит к возникновению новых словообразовательных морфем — сложных приставок» [Ройзензон 1970: 91], тогда как аналогичные процессы именной полисуффиксации регулярно поставляют новые сложные суффиксы, многие из которых «формируются и стабилизируются буквально на наших глазах» [Там же: 92]. Объяснение этому ученый видит в различном типологическом характере связи сочетающихся единиц при полисуффиксации и полипрефиксации: «глагольные приставки, как правило, соединяются в славянских языках по способу агглютинации, тогда как суффиксация связана с основным типом морфемного взаимодействия флективных языков — фузией» [Там же: 92-93]. Крайне слабое развитие сложных приставок, таким образом, является «результатом борьбы агглютинативных и фузионных

тенденций в процессе славянской глагольной полипрефиксации», в то время как возникновение сложных суффиксов во флективном языке – явление вполне обычное, поскольку оно «не встречает сопротивления со стороны агглютинативных свойств языка» [Там же: 94].

Сложные префиксы в русском языке действительно крайне малочисленны. В качестве устойчивых префиксальных комплексов закрепилось в арсенале дериваторов лишь несколько таких сочетаний – *обез-*, *недо-*, *небез-*, причем в *недо-* и *небез-*, как справедливо замечает Л.И. Ройзензон, первый элемент «генетически и вовсе не приставка, а отрицательная частица» [Там же: 91].

2.3. Сложный аффикс и смежные с ним явления

Появление новых структурных единиц – сложных аффиксов – процесс непрерывный в истории развития языка, зародившийся в далеком прошлом. По мнению Ю.С. Азарх, генетически все славянские суффиксы со структурой «гласный+согласный» являются сложными, и появились они вследствие слияния однофонемных консонантных суффиксов с детерминативами именных основ [Азарх 1984: 22]. Того же мнения придерживается З.А. Потиха: «Большинство современных продуктивных суффиксов существительных и прилагательных исторически образовалось от однозвучных суффиксов путем переразложения» [Потиха 1970: 34]. Таким образом, в современном языке аффиксальные словообразовательные морфемы большей частью вторичны по структуре.

Наиболее регулярным способом образования сложного форманта является левое распространение суффикса за счет производящей основы. Реже, как отмечают историки языка (А. Мейе, Ю.С. Азарх и др.), словообразующий суффикс распространяется справа за счет присоединения к ним других продуктивных словообразовательных суффиксов.

2.3.1. Сложный аффикс и последовательность аффиксов

Еще Н.В. Крушевский обратил внимание на то, что «сложные суффиксы бывают двоякие» [Крушевский 1883: 81]:

1) такие, где каждый суффикс из входящих в состав сложного придает данному корню свойственный ему оттенок; таковы *-ительство* (*пред-вод-ительство*), *-ов-енький* (*шелк-ов-енький*); эти суффиксы мы не можем рассматривать как вариацию суффиксов *-тель* и *-овый* или *-ство* и *-енький*;

2) ...с одной стороны... какой-нибудь суффикс, с другой – тот же суффикс плюс какой-нибудь звук или какие-нибудь звуки в его начале, которые сами по себе не способны придавать какой-либо особый оттенок корню, т.е. увеличенный суффикс придает тот же оттенок корню, что и неувеличенный..., но в обоих случаях *один* какой-нибудь оттенок, а не два, как в слове *предводительство*. Таковы *-’онок* при *-ок* (*козленок*, *уголок*); *-чик* при *-ик* (*стульчик*, *домик*) и проч.

Поскольку сложные аффиксы возникают чаще всего в результате объединения в один формант двух и более простых морфем, необходимо отличать сложный аффикс от фонологически тождественной последовательности аффиксов, являющейся результатом многоступенчатого словообразовательного процесса. Поэтому Г.О. Винокур призывает каждый конкретный случай подвергать индивидуальному истолкованию, анализируя «в свете того конкретного соотношения, которое отыскивается для него в общем лексическом запасе языка» [Винокур 1959: 430]. Так, в прилагательном *очеркистский* элемент *-истск-* представляет собой последовательность двух суффиксов (*-ист-+ -ск-*), каждый из которых является структурным показателем определенной словообразовательной ступени и имеет вполне определенное словообразовательное значение: *очерк* → *очерк-ист* (‘лицо’) → *очеркист-ск/ий/* (‘относящийся к очеркисту’) [БАС]. В другом слове фонологически тождественная последовательность *-истск-* представляет собой единый сложный суффикс: *вождистский* ‘относящийся

к вождизму; авторитарный' [АЛ XXI в.] (подробнее см. об этом [Пацюкова 2013]).

Как верно замечает Г.О. Винокур, «было бы ошибкой думать, что всюду, где имеем звукосочетание, состоящее из первоначального суффикса и звукового комплекса, в известных случаях отходящего к суффиксу от основы, каждый раз видеть именно этот осложненный вариант суффикса» [Винокур 1959: 430]. Свидетельством того, что последовательность аффиксов превратилась в сложную морфему, служит функционирование последней в качестве самостоятельного словообразовательного форманта, неделимого не только семантически (словообразовательное значение 'относящийся к' выражается всем звуковым комплексом *-истск-*), но и формально, так как предшествующий аффикс уже не может быть частью мотивирующей основы (в языке отсутствует слово **вождист*). Совокупность однородных морфем («членимые комплексы морфов») следует видеть там, где «каждой из составных частей сложного комплекса можно приписать значение, с которым она повторяется в других словоформах» [Улуханов 1996: 36].

Последовательность аффиксов, на базе которых формируются сложные словообразовательные средства, может быть представлена морфами одной части речи, например существительных (*-ин/а/ + -к/а/*, *-ник/Ø/ + -ств/о/*), прилагательных (*-ин/Ø/ + -ск/ий/*, *-ов/ый/ + -ат/ый/*), или морфами различных частей речи: прилагательного и существительного (*-н/ый/ + -ость/Ø/*), существительного и прилагательного (*-ист/Ø/ + -ск/ий/*, *-тель/Ø/ + -н/ый/*), существительного и глагола (*-ств/о/ + -ова/ть/*, *ник/Ø/ + -а/ть/*), глагола и прилагательного (*-ова/ть/ + -нн/ый/*) и т.п.

Внутрисловные аффиксальные последовательности как результат нанизывания морфов могут быть представлены не только различными по значению словообразовательными аффиксами (см. примеры выше), но и тождественными или, чаще, синонимическими аффиксами. Словообразовательные модели с нанизыванием семантически сходных, но

материально, как правило, различных аффиксов называют *аффиксальной редупликацией*, которая наблюдается исключительно в словах одной и той же части речи. Системному описанию этого явления посвящена монография О.Ю. Крючковой [Крючкова 2000], в которой подробно описываются модели аффиксального удвоения имен и глаголов, многие из которых стали источником формирования сложных суффиксальных формантов. Например, на основе редупликационной модели абстрактно-именных суффиксов *-ств/o/ + -иј/э/* образовался сложный суффикс *-ствиј/э/* (*спокойствиј/э/*, *равноденствиј/э/*), на базе регулярной словообразовательной модели *-к/a/ + -к/a/* сложился и неуклонно увеличивает свою продуктивность формант *-очк/a/* (*звездочк/a/*, *тросточк/a/*). Такие «суффиксальные удвоения приобретают формантные функции и применяются в акте словопроизводства как целостные морфемные комплексы» [Крючкова 2000: 183].

Ещё одно направление в образовании новых сложных аффиксов (на которое обратили внимание В.В. Лопатин и И.С. Улуханов) – контаминация суффиксальных морфов. Так, по мнению ученых, возник суффикс *-ловк/a/* (*забегаловка*, *уравниловка*) в результате взаимодействия двух суффиксов – *-лк/a/* (*мигалка*, *зажигалка*) и *-овк/a/* (*листовка*, *голодовка*), тоже производных [Лопатин, Улуханов 1988: 198-199].

Сложные морфемы возникают не только на исконно русской почве. В результате осложнения структуры иноязычного суффикса русским суффиксом, ассимилирующим данное слово в языке, появляются смешанные (по происхождению), или гибридные, суффиксы, о чем обстоятельно пишет В.С. Гимпелевич [Гимпелевич 1971, 1975]. Так появился сложный глагольный суффикс *-ирова/ть/* (*баррикадирова/ть/*, *аргументирова/ть/*), в котором элемент *-ир-* соответствует фр. суффиксу *-er* (*barricad-er*) или нем. суффиксу *-ier/en/* (*argument-ier/en/*); сложный суффикс существительных *-этк/a/* (*вуалетк/a/*, *статуэтк/a/*), где иноязычный элемент *-эт-* соответствует фр. суффиксу *-ette* (*voil-ette*, *statu-ette*); сложный суффикс прилагательных *-арн/ый/* (*дисциплинарн/ый/*, *фрагментарн/ый/*) и пр.

Последовательность «иностраный суффикс+русский суффикс», в которой иностранный морф всегда находится в препозиции, явилась источником формирования многих сложных суффиксов, пополнивших морфемный корпус русского языка.

Наконец, сложные аффиксы могут быть исключительно иностранными по своей природе. Они заимствуются только в составе слов, нередко подвергаясь при этом модификации фонетического, графического и структурного порядка, вследствие которой изменяются границы суффиксов на русской почве по сравнению с языком-источником. К примеру, выделение в словах *пенсионер*, *акционер*, *миссионер* сложного суффикса *-онер* вместо *-ер*, как в языке-источнике (англ. *-er*, нем. *-är*, фр. *-aire*), связано с переразложением в основах заимствованных слов, которое объясняется различием «фонетико-графического оформления производящих основ в языке-источнике и русском языке» [Гимпелевич 1971: 208] (ср.: англ. *pension-er*, нем. *Aktion-är*, фр. *mission-aire* и русск. *пенси-онер* ← *пенси/я/*, *акци-онер* ← *акци/я/*, *мисси-онер* ← *мисси/я/*).

Структурная (формальная) сложность производных аффиксов напрямую зависит от количества аффиксальных морфов, образующих фонологически тождественную последовательность, которая легла в основу формирования нового аффикса: ср., например, суффиксальные морфы прилагательных *-тельн-* (*-тель-+-н-*) и *-ительн-* (*-и-+-тель-+-н-*) в *извинительный* и *зрительный* (*нерв*), глагольные морфы *-ича-* (*-ич-+-а-*) и *-нича-* (*-н-+-ич-+-а-*) в *подличать* и *дерзничать*.

В лингвистической литературе по отношению к сложному аффиксу иногда используется термин «опрошение», что, на наш взгляд, не совсем корректно. Так, А.А. Реформатский опрошением называет «тесную спайку морфем в одно целое при фузии» [Реформатский 1955: 213], Г.А. Пастушёнков – «превращение сочетания морфем, выступающего в функции словообразовательного форманта, в одну морфему» [Пастушёнков

1974: 60], А.Н. Гвоздев – «слияние двух суффиксов в один» [Гвоздев 1973: 124; см. также: Кузнецов 1961: 83; Николаев 1987: 135]. Поскольку термин «опрошение» традиционно используется в языкознании по отношению к основам, которые утратили производность и стали морфологически нечленимыми, то распространение этого термина на аффиксальные морфемы значительно расширяет его понятийное содержание. Удачное объяснение такому пониманию опрошения нашел И.А. Ширшов, заметив, что рост сложных суффиксов можно назвать «опрошением в переразложении» [Ширшов 1981: 21], поскольку, возникнув в результате последнего процесса, они сходны с первым десемантизацией суффикса, предшествующего конечному.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что сложный аффикс представляет собой единицу словообразовательного уровня языка, сложную по форме, так как она образуется из двух (трех) морфем, но простую по семантике вследствие погашения значения первичного аффикса (см. об этом также: [Пацюкова 2010 б]). Так как одной единице плана содержания соответствуют две (реже три) единицы плана выражения, сложный аффикс характеризуется непараллельностью означающего и означаемого. Благодаря этому свойству, сформулированному С. Карцевским как «асимметричный дуализм языкового знака» [цит. по: Звегинцев 1965: 90], словообразовательная система языка непрерывно эволюционирует.

2.3.2. Сложный аффикс и простой аффикс

Вариантные формы суффиксов, как называет сложные суффиксы Г.О. Винокур, с первоначальным суффиксом «полностью совпадают по функции, но отличаются своим звуковым составом, притом так, что известная часть звукового состава суффикса остается неизменной» [Винокур 1959: 429]. Таким образом, обладая тождественным значением, простой и сложный аффиксы различаются формой. Для обозначения того сегмента

сложного морфа, который утратил свою семантику, В.В. Лопатин использует термин «субморф», под которым понимаются «отдельные части морфов, не имеющие самостоятельной семантической функции и лишь участвующие в выражении определенного значения, соотносимого с морфом в целом», но которые «обладают вместе с тем самостоятельной формальной (морфонологической) значимостью» [Лопатин 1977: 57].

Отношения между простым и сложным аффиксом не столь однозначны, как кажется на первый взгляд. В.В. Лопатин и И.С. Улуханов отмечают, что «вторичные аффиксальные морфы, в составе которых выделяются субморфы, совпадающие с самостоятельными первичными морфами, вступают с этими морфами в разнообразные отношения» [Лопатин, Улуханов 1988: 192]. С одной стороны, сложный аффикс может не отличаться от соответствующего простого аффикса ни по семантике (о чем уже упоминалось выше), ни по частеречной сочетаемости с мотивирующими основами. Таковы, например, суффиксальные морфы *-ова-/-ирова-* в отсубстантивных глаголах со значением 'наделять чем-либо': *глазуровать*, *никелировать*; суффиксальные морфы *-ск-/-овск-* в прилагательных, мотивированных именами существительными: *январский*, *мартовский* и др. В этом случае простой и сложный аффиксы являются морфами одной морфемы и представляют один словообразовательный тип. С другой стороны, сложный аффикс может обособляться от простого аффикса «либо семантически (выражая, как правило, более узкое значение), либо по своей частеречной сочетаемости, либо по обоим этим признакам» [Там же: 192]. При этом простой и сложный аффиксы представляют собой разные морфемы и образуют разные словообразовательные типы.

В лингвистической литературе приводятся примеры семантических различий между уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к/а/* (*березка*, *рыбка*) и исключительно ласкательным суффиксом *-оньк/а/* (*березонька*, *рыбонька*), между сложным суффиксом *-няк*, выражающим собирательное значение (*ивняк*, *дубняк*) и простым суффиксом *-ак(-як)*, имеющим более

широкое предметное значение (*земляк, ветряк*) и др. Однако следует заметить, что сложный суффикс *-няк* имеет не только собирательное значение. Например, существительное *столбняк* ‘состояние полной неподвижности’ [МАС] выражает абстрактное значение, а существительное *степняк* ‘человек, постоянно живущий в степи’ [МАС] является конкретным. Считать ли эти примеры исключением из правила или признать тот факт, что у сложного суффикса не столь узкая семантика, а следовательно, нет и семантического обособления? В то же время простой суффикс *-к/а/* может вовсе не иметь уменьшительного значения (*ночка*), выражая чистую ласкательность, как и сложный суффикс *-оньк/а/* (*ноченька*). Поэтому, несмотря на семантическое обособление сложного суффикса, возможно существует зона пересечения, в которой семантика простого и сложного аффиксов может оказаться тождественной. Высказанные суждения позволяют говорить о том, что семантическое обособление простых и сложных аффиксов еще требует тщательного изучения.

В отличие от сложных суффиксальных морфов, сложные префиксальные морфы, которых в языке, как было отмечено ранее, не более трех, имеют значение, не равное простому префиксу: «Значение вторичного префикса *обез-* представляет собой сумму значений префиксов *о-* (‘совершенство’) и *без-* (‘лишение’, ср. *бесчестить* – ‘лишать чести’). ...Значение новых префиксов *небез-*, *недо-*, в отличие от значения приставки *обез-*, не равно сумме значений составляющих единиц» [Лопатин, Улукханов 1988: 200], поскольку значение отрицания признака (*не безопасный*) преобразуется в значение небольшой степени признака (*небезопасный*), а значение отрицания дополнительного действия (*не доплатить*) – в значение неполноты действия (*недоплатить*).

У простого и сложного аффиксов нередко бывает различной частеречная сочетаемость. Примером могут служить суффиксы с отвлеченным значением *-ств/o/* и *-тельств/o/*. Поскольку суффикс *-тельств/o/* сформировался на основе существительных с суффиксом *-тель*,

которые в языке мотивируются только глаголами, то сложный суффикс *-тельств/o/* сочетается с основами глаголов (*пресмыкаться – пресмыкательство*), в то время как простой суффикс *-ств/o/* сопрягается не только с глагольными основами (*воровать – воровство*), но также с основами прилагательных (*лукавый – лукавство*) и существительных (*донор – донорство*); см. об этом [Пацюкова 2010 а]. При этом, по мнению В.В. Лопатина и И.С. Улуханова, сложный морф принадлежит тому же аффиксу, что и соответствующий простой морф, но лишь в одном из словообразовательных типов (в нашем примере это тип отглагольных существительных), в то время как простой аффикс, сочетаясь с основами разных частей речи, выступает в разных словообразовательных типах.

Таким образом, сложный аффикс может быть тождествен либо не тождествен простому аффиксу по семантике и частеречной сочетаемости, но всегда различен с последним по форме, которая является более протяжённой. А поскольку семантика так называемого сложного аффикса, как правило, не усложняется, напротив, остается простой, то термин «сложный аффикс», на наш взгляд, является не очень удачным для наименования данной единицы языка. Целесообразнее использовать термин «протяжённый аффикс», введенный в научный обиход И.А. Ширшовым [Ширшов 1980], поскольку определение «протяжённый» в составе терминологического сочетания подчеркивает сложность именно формы аффикса, а не его содержания.

Завершая сравнительную характеристику сложного аффикса с простым морфом и сочетанием морфов, отметим, что сложный аффикс вступает в двойную оппозицию: с одной стороны, он противопоставлен простому аффиксу как единица более протяжённая по форме, с другой стороны – сочетанию аффиксов, являющихся результатом последовательного словообразования, как единица, простая по семантике.

2.3.3. Сложный суффикс или «интерфикс+простой суффикс»

Сложный суффикс как явление словообразовательного уровня языка не имеет в отечественном языкознании однозначной интерпретации, а следовательно, и единого терминологического обозначения.

Принципиальные разногласия, связанные с наличием или отсутствием такой языковой реалии, как сложный суффикс, существуют между двумя научными концепциями, одна из которых признает наличие интерфиксов как асемантических «прокладок» между морфемами, другая отрицает интерфиксацию как таковую. С позиции первой научной концепции, которую развивает Е.А. Земская, комплексы *-овск/ий/*, *-инск/ий/*, *-анск/ий/* и под. представляют собой сочетание интерфиксов (*-ов-*, *-ин-*, *-ан-*) с простым суффиксом *-ск/ий/*; в рамках другой концепции (Н.М. Шанский, В.В. Лопатин и др.) *-овск/ий/*, *-инск/ий/*, *-анск/ий/* являются сложными суффиксами, в составе которых элементы *-ов-*, *-ин-*, *-ан-* являются субморфами.

Разные взгляды на один и тот же объект языковой действительности порождает в современной науке и терминологическую неупорядоченность. Термины «интерфиксальный суффикс» [Зверев 1981], «наращенный суффикс» [Троицкий 1940], «усложненный суффикс» [Степанова 1953, 1963], «осложненный суффикс» [Земская 1964; Быкова 1974] используются сторонниками теории интерфиксации; другие терминологические наименования – «сложный суффикс» [Виноградов 1947; Дементьев 1955; Пастушёнков 1974, 1977; Максимов 1977], «производный суффикс» [Виноградов 1947; ГРЯ-53; Потиха 1970; Дементьев 1974; Максимов 1975; Лопатин 1977; Пастушёнков 1977; Цыганенко 1978; Молочко 1978], «вторичный суффикс» [Виноградов 1947; Лопатин 1977], «составной суффикс» [Шанский 1968; Тихонов 1971], «слитный суффикс» [Кодухов 1979], «двуморфемный суффикс» [Степанова 1968], «двойной суффикс» [Максимов 1977], «протяжённый суффикс» [Ширшов 1981] – отражают

вторую научную концепцию. Обилие терминов не вносит ясности в понимание сущности языкового явления, особенно когда в одной и той же работе используются два-три термина.

Полемика вокруг понятия интерфиксации ведется уже давно. И поскольку единого мнения по данному вопросу не сложилось, необходимо выразить собственное отношение к проблеме.

У теории интерфиксации много противников, так как она не имеет достаточного теоретического обоснования и не учитывает морфолого-исторических процессов, протекающих в структуре производных слов.

Как указывает Е.А. Земская, интерфиксация – это явление, происходящее на границе морфем, а интерфиксы – межморфемные (асемантические) прокладки, играющие в структуре слова чисто соединительную функцию, когда этого требуют законы морфонологии [Земская 1973: 113]. Правомерно ли выделение производных (сложных) суффиксов как особых значимых единиц, – задается вопросом исследователь, – если производные суффиксы тождественны по значению простому? Становясь на функциональную точку зрения, которая, по мнению ученого, только и имеет значение при синхронном исследовании, Е.А. Земская отрицательно отвечает на поставленный вопрос. Поскольку отрезок, расположенный между производящей основой и суффиксом, не имеет значения, в качестве суффикса следует выделять только ту минимальную часть слова, которая является носителем деривационного значения [Там же: 116].

Таким образом, исходя из определения морфемы как «значимой части слова, *необходимой и достаточной* (курсив наш. – О.П.) для выражения данного значения» [Там же: 3], части слова, не служащие для выражения значения, Е.А. Земская к морфемам не относит. В ответ на это В.В. Лопатин справедливо ставит вопрос: насколько критерий «необходимости и достаточности» морфемы, положенный в основу морфемной сегментации слов, оправдан? В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» морфема

определяется как «минимальный знак, т.е. такая единица, в которой за определенной фонетической формой (означающим) закреплено определенное содержание (означаемое) и которая не членится на более простые единицы того же рода» [ЛЭС: 312]. Критерий «необходимости и достаточности» в определении отсутствует. Нет его и в других определениях морфемы [Ахманова 2007; Винокур 1959; Гвоздев 1960; Шелякин 1966; Панов 1969; Тихонов 1971; Маслов 1972; Кубрякова 1974; Головин 1977 и др.]. Между тем, как отмечает В.В. Лопатин, «принципиальная возможность линейных различий между семантически тождественными морфами не противоречит пониманию морфемы как минимальной значимой части слова» [Лопатин 1977: 45]. В языке допускается «выражение определенной семантики избыточными с формальной точки зрения средствами» [Там же: 46], что является одним из проявлений асимметрии языкового знака. Создается впечатление, что определение морфемы, предложенное Е.А. Земской, является удобным с позиции теории интерфиксации, которой придерживается исследователь. Ученые, отстаивающие противоположную точку зрения, видят в возникновении вторичных (или производных) суффиксов проявление тенденции к большей формальной выразительности значащих единиц, о чем писал еще А. Мейе: «Древние суффиксы в славянских языках удерживаются исключительно при условии сочетания их с другими, что способствует образованию таким путем новых суффиксов, достаточно объемистых и выразительных для их сохранения» [Мейе 1951: 276].

Говоря о незначимых элементах в структуре слова, Е.А. Земская, на наш взгляд, не учитывает тот факт, что этот незначимый отрезок, когда он находится в составе производящего слова, является *значимым*, а его десемантизация развивается *не во всех* производных одного словообразовательного гнезда. Сравним слова *покупатель*, *покупательский*, *покупательный*. Если в прилагательном *покупательный* ‘связанный с возможностью покупать’ последовательность *-тель* действительно является незначимой, так как не выражает значения лица, то в словах *покупатель*

‘тот, кто покупает что-либо’ и *покупательский* ‘относящийся к покупателю’ тот же самый отрезок *-тель* имеет значение лица. Суффикс *-тель*, таким образом, утрачивает свою семантику перед суффиксом относительных прилагательных *-н-* и сохраняет ее перед суффиксом относительных прилагательных *-ск-*. В первом случае формируется так называемый «производный суффикс» *-тельн-*, во втором случае функционируют два простых суффикса *-тель* и *-ск-* (подробнее об этом см. [Пацюкова 2011 а, 2011 б]). Подобных примеров в языке немало. Очень продуктивный в настоящее время суффикс *-ник*, выражающий значение лица, когда-то сформировался на базе суффикса *-ик* в результате переразложения основы. По значению сложный суффикс *-ник* тождествен простому суффиксу *-ик* (ср.: *балладник*, *путник* и *сатирик*, *диабетик*), однако суффикс *-ник* не рассматривается лингвистами как сочетание интерфикса *-н-* с простым суффиксом.

Незначимость интерфикса в семантике слова Е.А. Земская доказывает наличием тождественных по значению образований с интерфиксами и без них: *исполком-(ов)-ский* и *исполком-ский*, *мефистофел-(ев)-ский* и *мефистофель-ский*. Однако, если роль интерфикса заключается в том, чтобы «устранять сочетания фонем, запрещенные законами морфонологии или нетипичные для структуры русского слова» [Земская 1973: 113], то следует ли считать незначимые элементы (*-ов-*, *-ев-* и под.), не выполняющие этой функции, интерфиксами? Правда, Е.А. Земская отмечает, что подобного рода интерфиксы, которые первоначально появились, чтобы устранить неудобопроизносимые сочетания фонем, впоследствии под воздействием *аналогии* стали применяться и в тех случаях, когда законы морфонологии позволяют обойтись без них. Так, от основы имени собственного *Вязьма* в языке существует образование *Вязем-ский* (без интерфикса), однако по аналогии с интерфиксальными образованиями *Чаква* – *чакв-(ин)-ский*, *Можга* – *можг-(ин)-ский*, где интерфикс необходим, появилось имя собственное *Вязьм-(ин)-ский*. Когда наличие интерфикса в слове обусловлено

действием аналогии, а не морфонологии (а таких образований немало в языке), концепция интерфиксации, на наш взгляд, вообще теряет смысл.

По происхождению все интерфиксы Е.А. Земская делит на три группы: 1) возникшие в результате процессов переразложения из конечных (чаще всего суффиксальных) частей основы – *будущ-(н)-ость*; 2) возникшие на границе морфем по морфонологическим законам русского языка – *чили-(j)-ский*; 3) перенесенные в русский язык из конца иноязычной заимствованной основы – *арго-(m)-изм* < фр. *argot*. По нашему мнению, если признавать существование интерфиксов в языке, то к ним следует отнести только образования двух последних групп, в которых незначимый элемент имеет неморфное происхождение и появляется чаще всего в иноязычных словах, чтобы адаптировать чуждую русскому языку основу к словообразовательному процессу на русской почве.

Что же касается образований первой группы, которые являются наиболее многочисленными в языке, то их нужно признать частью (субморфом) сложных суффиксов. Дело в том, что незначимый элемент в составе сложного суффикса не инородная *вставка* между двумя морфемами, привнесенная в слово извне. Этот элемент является для слова «родным», поскольку прежде был принадлежностью производящей основы, которая лишилась его в результате процесса переразложения (*строи-тельн/ый/*, *мод-нича/ть/*). Не следует также недооценивать структуру заимствований и считать случайными незначимые элементы обрусевших заимствованных слов, доставшиеся им из языка-источника (*африк-анск/ий/* от фр. *africain*, *транспорт-абельн/ый/* от нем. *transportabel*).

Положение Е.А. Земской о том, что признание комплексов «интерфикс + суффикс» в качестве «производных суффиксов» во много раз увеличит число последних, поскольку перед одним и тем же суффиксом используются разные интерфиксы (*-овск-*, *-инск-*, *-анск-*), явно преувеличение. Сама Е.А. Земская утверждает, что продуктивных интерфиксов в языке ограниченное количество, а непродуктивные

интерфиксы употребляются нечасто. Поэтому круг производных аффиксов по сравнению с простыми аффиксами невелик.

Е.А. Земская полагает, что при синхронном описании языка использовать понятие производного аффикса неправомерно, поскольку это понятие диахронического языкознания, учитывающее *происхождение* единицы, а не ее *функцию* в системе. Позволим себе с этим не согласиться, так как подобного рода словообразовательные единицы как раз и функционируют в словах современного языка, причем активно участвуют в образовании новых слов, а к области диахронии относится процесс их формирования. К тому же, как было сказано ранее, у данного языкового образования много терминологических обозначений, не связанных с диахронией.

Считая неправомерным выделение в структуре слова сложных суффиксов, Е.А. Земская в то же время признает существование самостоятельных суффиксов, производных по происхождению, и называет факторы, которые «меняют членимость слова и способствуют превращению в морфему какого-либо отрезка» [Земская 1975 в: 217]. Так, полифункциональность аффиксальной морфемы может способствовать объединению интерфикса и суффикса в особый суффикс, берущий на себя часть значений этой морфемы. В качестве примера рассматривается полифункциональный суффикс *-ин/а/*, который в русском языке имеет значение мяса животного (*конина*, *осетрина*) и увеличительности (*домина*, *котлетина*). Чтобы избежать омонимии (*слонина* ‘мясо слона’ и *слонина* ‘большой слон’), в языке используется суффикс *-атин/а/*, специализирующийся на выражении значения ‘мясо’, который возник в результате переразложения в словах типа *телятина*, производных от названий детенышей, включающих суффикс *-ат/а/*: *телята* – *телят-ина*. То есть в языке произошла дифференциация условий употребления комплексов *-ин/а/* и *-атин/а/*: первый используется для выражения увеличительности, последний – для обозначения мяса животного. Однако

вряд ли о такой дифференциации можно говорить, поскольку примерно из 40 слов русского языка со значением 'мясо животного' более 20-ти существительных имеют суффикс *-ин/a/*, к тому же многие существительные с этим суффиксом не имеют в языке значения увеличительности (*свинина, баранина, оленина* и др.). Сложный суффикс *-атин/a/* и простой суффикс *-ин/a/* выражают в языке одно и то же значение 'мясо животного', потому что элемент *-ат-* в составе суффикса *-атин/a/* утратил значение детскости и является незначимым. Поэтому фактор «семантической дифференциации» для разграничения сложного суффикса и сочетания «интерфикс+суффикс» представляется сомнительным.

Другим критерием для установления морфемного статуса частей слова Е.А. Земская считает количественный фактор (частотность употребления того или иного сегмента): сложный суффикс, тождественный по значению простому суффиксу, должен быть признан самостоятельным аффиксом, а не сочетанием «интерфикс+суффикс» в тех случаях, когда «"расширенный" суффикс является высокочастотным и даже более частотным, чем простой. На этом основании должен быть признан самостоятельным суффиксом элемент *-изациj/a/* по сравнению с *-иj/a/*, употребительный для производства имен существительных типа *детализация, колонизация* и под.» [Там же: 216-217]. Можно было бы согласиться с позицией исследователя, но остается неясным, почему он отказывает в самостоятельности очень частотному в языке суффиксу *-овск/ий/*.

Как видно, теория интерфиксации достаточно противоречива и уязвима, потому что однородные по происхождению протяжённые морфемы относятся к разным явлениям языка. С одной стороны, выделение сложных суффиксов считается неправомерным и нецелесообразным, с другой – находятся критерии для их выделения.

3. Протяжённые² аффиксы и проблема членимости основ

Широко известен тезис о том, что нельзя понять целое, не зная его составляющих, но также нельзя и верно интерпретировать составляющие, не понимая их целое. Поэтому для правильного понимания сообщаемого важно не только «членение высказывания на слова, но и слов – на морфемы» [Реформатский 1975: 6] (ср.: *недо-едает* и *не до-едает*).

Разграничение в структуре слова простых и протяжённых аффиксов напрямую связано с проблемой членимости слова на морфемы, поскольку членение, допустимое с формальной точки зрения, не всегда оправдано с точки зрения семантической. Чтобы установить, где проходит морфемная граница в слове (*наблюда-тель-н/ый/* или *наблюда-тельн/ый/*), необходимо определить, обладает ли анализируемая единица значимостью, так как морфемная сегментация производного слова должна отражать его живые семантические и формальные связи. Если ясность значения одного и того же звукового комплекса в разных словах неодинакова, то и степень его выделяемости в качестве морфемы неоднозначна.

В русском языке, отмечает А.А. Реформатский, «как нигде господствует хитрая градация морфологической членимости слов», поскольку между словами нечленимыми и словами хорошо членимыми на морфемы «есть множество промежуточных случаев», и, чтобы все случаи «правильно расклассифицировать по ступеням и степени легкости, следует еще учитывать те явления в морфологии, которые можно назвать "сложными" или "производными" морфемами» [Там же: 13].

На разную степень выразительности морфологических узлов слова указывал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ в 1912 году [Бодуэн де Куртенэ 1963 в: Т. II, 232]. Эта проблема не потеряла своей актуальности до настоящего времени. В отечественном языкознании существует несколько

² Здесь и далее будет использоваться термин «протяжённый аффикс» вместо термина «сложный аффикс». Целесообразность такого употребления изложена в п. 2.3.2.

классификаций, отражающих ступени членимости основ, которые разработаны Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1968], М.В. Пановым [РЯСО; Панов 1971, 1975, 1999], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1970] и некоторыми другими учеными, которые так или иначе уточняли и дополняли уже существующие классификации; в зарубежной лингвистике вопросам членимости основ уделял внимание М. Докулил [M. Dokulil 1962].

М.В. Панов выделяет пять степеней членимости основ в порядке «нарастания нечленимости». В основу классификации положен принцип повторяемости морфемы с одинаковым содержанием в составе других основ. К основам первой степени членимости относятся основы, вступающие в двойной ряд соотношений, образуя так называемый словообразовательный квадрат: *лет-чик* – *лет-а/ть/* (с тем же значением корня) и *лет-чик* – *развед-чик* (с тем же значением аффикса). Основы первой степени членимости имеют в своем составе свободные корни и повторяющиеся аффиксы. Вторая и третья степени членимости характерны для основ, которые вступают только в один ряд соотношений, имея свободный корень и уникальный аффикс: *пас-тух* (*пас/у/*) и *стекл'-арус* (*стекл'-ашк/а/*). Но если у основ второй степени членимости аффикс является уникальным только по форме, но не по значению (суффикс *-тух*, как и суффиксы *-тель*, *-чик/-щик*, *-арь*, обозначает лицо по роду деятельности), то у основ третьей степени членимости аффикс (*-арус*) уникален не только морфонологически, но и семантически. И поскольку значение, которое можно было бы приписать этому аффиксу, не соотносится в языке с другими аффиксами, постольку это значение очень неопределенно, а поэтому и слабее степень членимости основы. Наконец, основы, которые относят к четвертой и пятой степени членимости, характеризуются уникальным корнем и повторяющимся аффиксом (*бужен-ин/а/*, *мал-ин/а/*), также образуя «неполный словообразовательный квадрат» [Гринберг 1963: 82]. Различие заключается в том, что у основ четвертой степени членимости аффикс повторяется с тем же значением в хорошо членимых словах (*баран-ин/а/*, *лосос-ин/а/*), а у основ

пятой степени членимости (*мал-ин/а/*, *круш-ин/а/*, *смород-ин/а/*) аффикс с тем же значением никогда не встречается в сочетании со свободными корнями.

Шкала членимости, предложенная Н.А. Янко-Триницкой, основана на том же принципе сопоставимости морфем (двусторонняя/одно-сторонняя), однако отличается тем, что в ней значительное место отводится словам со связанными корнями. Исследователь выделяет три ступени членимости – полную, достаточную и недостаточную, каждая из которых представлена двумя степенями. Полная членимость первой степени, или полная свободная членимость, соответствует первой степени членимости по шкале М.В. Панова, но делается акцент на том, что корень должен встречаться и в виде самостоятельной основы (*школь-н/ый/* – *школь-ник*, *комнат-н/ый/*, *школ/а/*). Полная членимость второй степени, или полная связанная членимость, свойственна основам, имеющим связанный корень, которые тем не менее характеризуются двусторонней сопоставимостью морфем (*агит-ацѣ/а/* – *агит-ирова/ть/*, *аргумент-ацѣ/а/*). М.В. Пановым этот тип членимости не выделяется, но поскольку подобные основы, вступая в двойные ряды соотношений, хорошо членятся, Е.А. Земская относит их к первой степени членимости по шкале М.В. Панова [Земская 1973: 53]. Достаточная членимость наблюдается в тех случаях, когда сопоставимой морфемой выступает корень, а несопоставимой – аффикс, что соответствует второй и третьей степени членимости по классификации М.В. Панова. Но если М.В. Панов, разграничивая вторую и третью степень членимости, акцентирует внимание на уникальности аффикса (только формальной или еще и семантической), то Н.А. Янко-Триницкая, характеризуя достаточную членимость, фиксирует внимание на типе корня (свободный/связанный). Если корень свободный, речь идет о достаточной членимости первой степени, или достаточной свободной членимости (*коз’-ол*, *стекл’-арус*); если корень связанный, то говорится о достаточной членимости второй степени, или достаточной связанной членимости (*яч-мень*, *яч-нев/ый/*). Последнюю

М.В. Панов вообще не выделяет. При недостаточной членимости сопоставимой морфемой выступает аффикс, несопоставимой – корень. Недостаточная членимость основ первой степени, поддержанная полной членимостью других основ (*басм-ач*, *пал-ач*, так как есть *труб-ач*, *сил-ач*), соответствует четвертой степени членимости по шкале М.В. Панова. Недостаточная членимость основ второй степени, не поддержанная полной членимостью других основ (*сент'-абрь*, *окт'-абрь*, *дек-абрь*), соотносится с пятой степенью членимости М.В. Панова.

Заслуживают внимания и типы членимости слов, предложенные Е.С. Кубряковой:

– *живое морфологическое членение*, когда каждая из повторяющихся частей анализируемой последовательности находит соответствие в целой серии форм и когда каждой из этих частей можно легко и без натяжек поставить в соответствие некий фрагмент информации;

– *условное членение слов*, когда членение, вполне оправданное с формальной точки зрения повторяемостью отдельных частей последовательности в разных лингвистических окружениях, вызывает возражения по семантическим соображениям;

– *дефектное членение слов*, в результате которого приходят к выделению отрезка, засвидетельствованного в данном языке в уникальном (или почти уникальном) окружении. Данные образования имеют в своем составе уникальную корневую или уникальную служебную морфему [Кубрякова 1970: 81, 82, 83].

Представим изложенный материал о степенях членимости основ в виде сравнительной таблицы, которая поможет систематизировать столь разнообразные, на первый взгляд, классификации.

Сравнительная таблица степеней членимости основ

М.В. Панов	Н.А. Янко-Триницкая	Е.С. Кубрякова
Ч Л Е Н И М О С Т Ь		
1 степень	полная свободная	живая морфологическая
1 степень (Е.А. Земская)	полная связанная	условная ³
2 степень	достаточная свободная	дефектная
3 степень		
нет соответствия	достаточная связанная	
4 степень	недостаточная, поддержанная полной членимостью	
5 степень	недостаточная, не поддерживаемая полной членимостью	

Как видно из таблицы, несмотря на разницу в терминологии, ученые единодушны в выделении членимости основ, которые имеют неуникальные составляющие, представленные свободными корнями и безусловными аффиксами. Членимость основ, составляющие которых неуникальны, но при этом корень является связанным, выделяют Н.А. Янко-Триницкая и Е.С. Кубрякова. Но если Н.А. Янко-Триницкая этот тип членимости устанавливает скорее по формальному признаку (двусторонняя сопоставимость), то Е.С. Кубрякова обращает внимание на семантическую цельность (неразложимость) подобных основ, которая противоречит их морфемной структуре, и поэтому ставит условный тип членимости между 3-ей и 4-ой степенью членимости по шкале М.В. Панова. Дальнейшая градация членимости, в основу которой положен признак ее ослабления, достаточно дробно представлена М.В. Пановым и Н.А. Янко-Триницкой. В концепции Е.С. Кубряковой дефектная членимость также имеет градацию

³ Место данного типа членимости в предлагаемой таблице не соответствует месту на шкале членимости Е.С.Кубряковой, о чем будет сказано ниже.

по характеристике конечных составляющих основы (их формальной повторяемости и структурным особенностям), которая вполне соответствует тем ступеням членимости, которые выделены М.В. Пановым и Н.А. Янко-Триницкой. Таким образом, представленные в науке классификации членимости основ существуют не изолированно друг от друга, поскольку описывают один и тот же объект реальной действительности, и, различаясь в частном, имеют много общего.

Понятие членимости тесно связано с понятием производности. Любая производная основа членима, однако не всякая членимая основа производна. Протяжённые аффиксы формируются на основе производных слов, обладающих живой морфологической членимостью, которая впоследствии может изменяться. Так, в основе слова *художник*, ранее производного, выделялось три морфемы (*худож-ьн-ик/ь/*), каждая из которых обладала определенным значением: корень *худож-* (*хждогъ*) – ‘искусный, умелый’ и два суффикса – *-ьн-* (качественного прилагательного) и *-ик/ь/* (существительного со значением лица) [КЭС]. Впоследствии из двух суффиксов образовался единый протяжённый суффикс *-ник*, а само слово утратило производность. Поэтому существительное *художник*, прежде имевшее ясную морфологическую членимость (первая степень по шкале М.В. Панова, полная свободная членимость по классификации Н.А. Янко-Триницкой), в современном языке эту членимость ослабило и относится теперь к полной связанной членимости (по Н.А. Янко-Триницкой) или условной членимости (по Е.С. Кубряковой). Именно в такого рода примерах видит А.А. Реформатский «затруднительные случаи» морфологической членимости лексемы, когда корень «затух», а суффикс еще «в игре» [Реформатский 1975: 9].

Многие первичные суффиксы в составе свободно членимых основ, участвовавшие в образовании протяжённых суффиксов, в настоящее время стали принадлежностью условно членимых или дефектно членимых основ. Например, суффикс *-ник*, ставший элементом протяжённых суффиксов *-нича/ть/* (*лодырничать*), *-ничеств/o/* (*бродяжничество*), *-ническ/ий/*

(*упаднический*), в существительном *мошенник* является частью условно членимой основы, поскольку существительное утратило производность (ранее от *мошна* – ‘карман’ [КЭС]), а его основа характеризуется связанным корнем и двусторонней сопоставимостью (*мошен-ств/o/*, *завист-ник*). В других существительных с суффиксом *-ник* (*охотник*, *разбойник*) живая морфологическая членимость сохранилась. Суффикс *-тель*, который участвовал в формировании протяжённых суффиксов *-тельн/ый/* (*жевательный*), *-тельств/o/* (*отпирательство*), *-тельск/ий/* (*наплевательский*), в слове *приятель*, также утратившем производность (ранее от *приятн* – ‘любить, дружить’ [КЭС]), стал компонентом дефектно членимой основы (четвертая степень по шкале М.В. Панова; недостаточная членимость на основе односторонней сопоставимости, поддержанная полной членимостью (*любитель*, *учитель*), по классификации Н.А. Янко-Триницкой).

Следует отметить, что, если производные и соответственно свободно членимые слова, на базе которых образуются протяжённые аффиксы, утрачивают производность, их основы не могут иметь вторую и третью степень членимости (по шкале М.В. Панова), поскольку вторичные служебные морфы образуются на основе продуктивных, а не уникальных аффиксов. Также эти слова не могут иметь основ пятой степени членимости, так как первичный аффикс повторяется в хорошо членимых словах.

Таким образом, членимыми являются основы, «хотя бы одна часть которых повторяется в каких-либо других основах, соотносительных с данной по значению» [Земская 1966: 3]. Граница между членимыми и нечленимыми основами подвижна, как и степень членимости основ исторически изменчива. Поскольку формирование протяжённых аффиксов является следствием процесса переразложения в основе производного слова, а переразложение есть «перераспределение морфемного материала внутри слова», то слова, в составе которых образуются протяжённые морфемы, неизбежно характеризуются изменением членимости (ср.: *маль-ч-ик* и *маль-чик*, *готов-н-ость* и *готов-ность*).

4. Протяжённые морфемы в аспекте синхронии и диахронии

Мысль о необходимости «различать разные эпохи в жизни языка и не совмещать как равнозначные разновременные языковые факты, не смешивать мертвые соотношения с живыми» [Винокур 1959: 420] неоднократно высказывалась многими лингвистами. Однако требование «анализировать строение слова с точки зрения тех соотношений, которые раскрываются между морфемами в пределах данной языковой системы, *независимо* (курсив наш. – О.П.) от генезиса отдельных звуков и их сочетаний, составляющих слово как звуковую форму» [Там же: 420], кажется не совсем верным, поскольку следует признать ограниченность чисто синхронического изучения словообразования, так как оно обращено «не только к настоящему и будущему ("как делаются слова" и "как, по какому образцу можно образовать слова"), но и к прошлому: "как слова сделаны"» [Быкова 1974: 44]. Поэтому прав В.А. Богородицкий, который, рассматривая различные исторические процессы, происходящие в структуре слова, пришел к идее о том, что «необходимо рассматривать морфологический состав слов, как он чувствуется в современном языке, т.е. статически, а затем нужно исследовать морфологические элементы тех же слов также с точки зрения исторической» [Богородицкий 1939: 173]⁴. Такой комплексный синхронно-диахронный подход позволит диалектически взглянуть на проблему существования протяжённых морфем в языке, поскольку протяжённые аффиксы есть продукт длительного исторического развития и многие факты современного языка становятся понятными лишь тогда, когда известна их история.

Диахрония как «процесс закономерной замены предшествующего структурного состояния языковых единиц... последующим их состоянием» [Головин 1966: 9] отражает процесс развития словообразовательных

⁴ См. также [Ярцева 1960; Андреев 1960; Mathesius 1972; Kristeva 1988].

элементов как «переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений» [Немченко 1994: 16]. Эти качественные преобразования проявляются в том, что с течением времени может изменяться материальная структура морфемы, ее значение, характер связи с другими морфемами данного языка. В то же время очевидно, что на определенном этапе развития языка, в тот или иной промежуток времени, протяжённые аффиксы предстают как фиксированный результат исторического развития. Такое состояние элементов словообразовательной системы, которые функционируют в качестве самостоятельных словообразовательных средств, образуя новые слова, можно изучать и описывать вне качественных изменений. Однако, отмечает И.А. Ширшов, синхронное исследование всегда будет многоаспектным, потому что оно изучает структурные элементы, сформировавшиеся в прошлые эпохи языка или формирующиеся в настоящем, исследует отношения между ними – как те, что достались ему по наследству, так и те, которые возникают вновь. В связи с тем, что «прежние связи утрачиваются, но еще не утратились, новые связи возникают, но еще не получили четкого выражения» [Ширшов 1981: 70], многое в синхронии кажется неопределенным, зыбким и неясным. Не случайно Ф. де Соссюр замечал, что статической лингвистикой, которая оперирует существующими значимостями и отношениями, заниматься гораздо труднее, чем историей языка, поскольку факты эволюции более конкретны [Соссюр 1977: 133].

Таким образом, протяжённые аффиксы необходимо рассматривать с двух точек зрения: с точки зрения реальной истории их появления на базе имеющихся в языке морфем (диахронический аспект) и с точки зрения функции в системе языка (синхронический аспект). Только диалектическая взаимосвязь обоих подходов к фактам словообразования представляет единственно верный принцип рассмотрения словообразовательных явлений,

поскольку в них следует видеть явления «постоянно развивающиеся и постоянно функционирующие» [Николаев 1987: 9].

Формирование в языке новых словообразовательных средств (протяжённых аффиксов), а следовательно, и изменение словообразовательной базы (ее сокращение в пользу аффикса) связаны с изменением деривационных отношений, которые определяют характер словообразовательной системы языка на определенном этапе ее развития. При этом производное слово может утратить связь со своим генетически производящим и установить связь с новым однокорневым словом. Причем прежние словообразовательные отношения могут полностью заменяться новыми (*работник* от *работать*, а не от *работный*), но могут сохраняться и сосуществовать наряду с новыми отношениями (*монтажничать* от *монтажник*, а также от *монтаж* и *монтажный*). В любом случае слово «не лишается производности ни этимологической, ни "синхронической". Этимологическая производность остается навсегда в истории слова», а синхроническая производность определяется «новыми словообразовательными связями по отношению к другому слову» [Там же: 48]. Таким образом, смена словообразовательных отношений состоит «как бы из двух операций: утраты старых связей и приобретение новой соотнесенности», которые проходят «не последовательно, а одновременно». С одной стороны, производное слово «отходит от исторически производящего слова, теряет с ним структурные и исторические связи, деэтимологизируется», с другой – «данное слово на базе определенных структурно-семантических ассоциаций сближается с другим словом, приобретая новую мотивированность и новую структурную оформленность» [Николаев 1979: 70]. Результатом этих одновременных процессов является, в частности, переразложение как передвижение границы между производящей основой и формантом (ср.: первоначально *работн-ик* от *работный*, затем *работ-ник* от *работать*). Отношения, установившиеся в результате переразложения, ведут к образованию новых протяжённых

морфем в языке, к развитию и становлению новых словообразовательных моделей и типов.

На определенном этапе развития языка изучение закономерностей русского словопроизводства предполагает два возможных подхода к исследованию материала: *ретроспективный* и *перспективный*. Первый – ретроспективный – предполагает изучение фактов словообразования в направлении от производного слова к производящему. Именно здесь реализуется принцип словообразовательного анализа, разработанный Г.О. Винокуром: «о производной основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа непроизводная» [Винокур 1959: 425]. Применение этого принципа позволяет установить, «как сделаны готовые слова» [Щерба 1945: 181]. Мотивированное слово при таком подходе изучается с точки зрения формально-семантических связей с мотивирующим, благодаря чему выявляются особенности его словообразовательной структуры.

Второй подход к фактам словообразования – перспективный – связан с исследованием языкового материала в направлении от мотивирующего слова к мотивированному, то есть совпадает с направлением процесса деривации. Этот подход позволяет выявить словообразовательные возможности слова: «принципы разворачивания производных, восходящих к одному производящему» (словообразовательная цепь, парадигма, гнездо), «проблемы взаимодействия производящей основы и аффикса и семантический результат такого взаимодействия» [Ширшов 1981: 42-43].

Таким образом, существует два встречных направления в изучении явлений словообразовательного уровня языка. Если при перспективном подходе на первый план выдвигается форма (сочетаемость основ и аффиксов, способы организации слов в гнезде и т.д.), то при ретроспективном – проблемы семантики [Ширшов 1981: 43]. При синхронном описании протяжённых морфем необходимо использовать *ретроспективный* подход как основной, поскольку именно сложные семантические процессы,

происходящие в многоморфемном слове, лежат в основе формирования протяжённых аффиксов. Однако, чтобы избежать односторонности, нельзя пренебрегать и приемами перспективного подхода в описании словообразовательных явлений.

ВЫВОДЫ

Открытый И.А. Бодуэном де Куртенэ закон о «сокращении основ в пользу окончаний» стал убедительным доказательством того, что морфемная структура слова исторически изменчива. Изменения в морфемной структуре слова имеют различный характер. Это позволило В.А. Богородицкому разграничить два важнейших исторических процесса в структуре слова – переразложение и опрощение. Первый процесс характеризуется *изменением* членимости слова в связи с перемещением морфемных границ, второй – *утратой* членимости, которая прежде была свойственна слову.

Переразложение является источником пополнения языка новыми служебными морфемами, в частности протяжёнными аффиксами. Последние являются следствием двух причин переразложения: «архаизации» производящей основы и нового осмысления структуры слова в соответствии с актуальными словообразовательными связями. Образование протяжённых аффиксов происходит за счет производящей основы, часть которой отходит к новому аффиксу, и, таким образом, всегда представляет собой «сокращение основы в пользу окончания». Чаще всего в результате переразложения образуются новые протяжённые суффиксы, реже – приставки, что объясняется специфическими особенностями данных служебных морфем и типологическим характером их связи.

Асимметрия означающего и означаемого протяжённого суффикса, который характеризуется сложной формой, но простой семантикой, объясняется определенной автономией двух сторон языкового знака. Находясь в оппозитивных отношениях с простым суффиксом по форме и с

сочетанием суффиксальных морфов по значению, протяжённый суффикс в то же время тождествен простому суффиксу семантически и последовательности суффиксов – фонологически.

Образование протяжённых аффиксов непременно влечет за собой изменение членимости слова. Многие основы при этом сохраняют свою производность и остаются свободно членимыми. Некоторые основы в процессе исторического развития производность утрачивают, сохраняя членимость, которая неизбежно ослабевает.

Поскольку протяжённые аффиксы являются результатом длительного языкового развития, их синхронное описание невозможно без обращения к диахроническому аспекту. Исследование протяжённых морфем предполагает не только описание их функционирования в языке, но и выявление закономерностей семантических преобразований в структуре производного слова, которые отражают динамику синхронных процессов в словообразовании.

Глава II

МОРФЕМНЫЙ КОМПЛЕКС КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОТЯЖЁННЫХ АФФИКСОВ

1. Протяжённые аффиксы как продукт языкового развития

Словообразовательная система языка развивается в соответствии с его необходимостью в средствах, способных наиболее точно и полно передавать разнообразные оттенки мысли и тем самым максимально удовлетворять потребности общения. Одним из показателей такого развития служит появление в языке новых структурных единиц – протяжённых аффиксов, характерных не только для русского словообразования, но и словообразования других языков.

В отечественной лингвистике основы изучения протяжённых морфем были заложены во второй половине XIX века трудами И.А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1868], Н.В. Крушевского [Крушевский 1880], В.А. Богородицкого [Богородицкий 1881], а также А.С. Будиловича [Будилович 1883], А.И. Анастасиева [Анастасиев 1887] и некоторых других ученых. В немецком языке вопрос о формировании протяжённых суффиксов поставил Г. Пауль в исследовании «Principien der Sprachgeschichte» («Принципы истории языка») [Paul 1880], в 1960 году переведенном на русский язык: «Очень часто вторично-производное слово ставится в непосредственную связь с простым словом; на этой основе впоследствии могут возникнуть подлинные первично-производные образования, в которых два суффикса слились в один» [Пауль 1960: 293]. Так ученый объясняет появление немецких суффиксов *-nis* (<*n-* + *-is*), *-ner* (<*n-* + *-er*), *-ling* (<*l-* + *-ing*), *-ler* (<*l-* + *-er*) и др. К примеру, в слове *Künstler* ‘художник’ *-ler* воспринимается как суффикс, потому что это слово соотносят непосредственно с существительным *Kunst* ‘искусство’, а не с глаголом

künsteln, от которого слово *Künstler* в действительности образовано. Связь с глаголом была утрачена, поскольку он получил узкое специальное значение ‘притворяться, мудрить’ [Там же: 293-294].

Идеи своих предшественников об исторической изменчивости «морфологических элементов слова» развивали В.В. Виноградов [Виноградов 1947; 1952 *a*], Г.О. Винокур [Винокур 1959], Б.В. Горнунг [Горнунг 1956], Н.М. Шанский [Шанский 1968] и многие другие ученые на материале различных языков.

Протяжённые аффиксы в немецком языке описывают М.Д. Степанова [Степанова 1953] и К.А. Левковская [Левковская 1954]. На примере существительного *Bäckerei* ‘пекарня, пекарное дело’, образованного от имени деятеля *Bäcker* ‘пекарь’ с помощью суффикса *-ei*, К.А. Левковская рассматривает возникновение суффикса *-erei* из *-ei* путем переразложения основы. Поскольку *Bäcker* является образованием от глагола *backen* ‘печь’, слова типа *Bäckerei* имеют двойную соотнесенность – с *Bäcker* и *backen*. Благодаря этому в словах данного типа произошло переразложение основы: *-er* оторвалось от производящей основы и присоединилось к суффиксу *-ei*. Так возник новый суффикс *-erei*, при помощи которого теперь образуются существительные непосредственно от глагольной основы (*laufen* ‘бегать’ → *Lauferei* ‘беготня’) или от именной основы без суффикса *-er* (*Schelm* ‘плут’ → *Schelmerei* ‘плутовство’) [Левковская 1954: 25].

Аналогичные процессы Н.Д. Арутюнова отмечает в испанском языке, когда при использовании однотипных приемов деривации опущение среднего члена может вызвать сращение аффиксов. Так, испанский суффикс *-eria*, который образует существительные со значением качества, свойства, а также места, помещения, возник в результате сращения суффиксов *-ero* и *-ia*. Если словообразовательная цепь в ее целостности может быть представлена как *leche* > *lechero* > *lecheria*; *sombrero* > *sombrerero* > *sombrereria*; *peluca* > *peluquero* > *peluqueria*, то опущение второго элемента дает возможность образовывать существительные, прибавляя к их основе

суффикс *-eria*: *caza* > *caceria*; *burla* > *burleria*; *tonto* > *tonteria* [Апутьюнова 1961: 147].

Протяжённые морфемы на материале английского языка рассматривает А.И. Смирницкий. «Групповые суффиксы», как их называет ученый, представляют собой сложное соединение суффиксальных морфем, выступающих как единое целое, однако при этом каждая из суффиксальных морфем, входящая в состав данных суффиксов, известна и в самостоятельном употреблении. К примеру, отрезок *-ation* у существительных *nomination* ‘назначение, название’, *complication* ‘осложнение’, *cultivation* ‘возделывание’, мотивированных глаголами *nominate* ‘назначать, называть’, *complicate* ‘осложнять’, *cultivate* ‘возделывать’, состоит из двух суффиксов – глагольного суффикса *-ate* и субстантивного суффикса *-ion*, обнаруживаемого также у таких слов, как *divis-ion* ‘деление, разделение’. С другой стороны, соотношения типа *form* ‘образовывать’ – *formation* ‘образование’ при отсутствии соответствующего глагола **formate* заставляют выделить в качестве именного суффикса не *-ion*, а *-ation* в целом. Еще нагляднее это проявляется в таких парах, как *normalize* ‘нормализировать’ – *normalization* ‘нормализация’, *generalize* ‘обобщать’ – *generalization* ‘обобщение’, где наличие специального глагольного суффикса *-ize* ведет к еще большему опрощению отрезка *-ation* в результате потускнения значения в отрезке *-at-* [Смирницкий 1956: 104].

В русском словообразовании также действует тенденция к созданию фонологически протяжённых морфем. Одни из них сформировались давно и активно функционируют, другие формируются на наших глазах. Однако в исследованиях по синхроническому словообразованию новым словообразовательным средствам не уделяется должного внимания. В работах, которые посвящены достаточно ограниченному кругу протяжённых суффиксов и приставок, как правило, лишь констатируется факт образования протяжённого аффикса путем слияния двух служебных морфем в одну, но не выявляются условия и причины этого явления.

Для описания механизма образования протяжённых морфем, как формирующихся, так и функционирующих в языке, удобным представляется понятие морфемного комплекса, которое введено в научный обиход И.А. Ширшовым [Ширшов 1980] в связи с описанием явления полимотивированности в словообразовании.

2. Понятие морфемного комплекса: его основные признаки

Термин «морфемный комплекс» не получил широкого распространения в лингвистической литературе, однако именно на основе понятия морфемного комплекса можно увидеть и осмыслить специфику такой единицы языка, как протяжённый аффикс.

Под термином «морфемный комплекс» И.А. Ширшов понимает «фонологически тождественную аффиксальную последовательность, повторяющуюся в серии слов, которая в одних случаях распадается на две или более простых морфемы, в других случаях представляет собой формально протяжённую, но семантически простую морфему» [Ширшов 1980: 98]. Сходное определение данного языкового явления находим у А.И. Кузнецовой: «мноморфемные единства, или морфемные блоки, представляют собой такую устойчивую последовательность суффиксов, которая, с одной стороны, легко распадается в сознании говорящих (носителей языка) на отдельные суффиксы («ложный» морфемный блок в терминологии автора. – *О.П.*), с другой стороны, функционирует как единое целое, как расширенный формант, с помощью которого образуются новые слова («истинный» морфемный блок в терминологии автора. – *О.П.*)» [Кузнецова 1987: 99].

Из приведенных определений следует, что морфемный комплекс представлен двумя противоположными разновидностями: совокупностью

двух-трех морфем (*греховод/нич-а/ть*, *мод/н-ич-а/ть*) или единой морфемой (*тунейд/нича/ть*, *ловелас/нича/ть*). Однако такое определение морфемного комплекса, на наш взгляд, неточно отражает то языковое явление, сущность которого лингвисты пытаются охарактеризовать.

То, что И.А. Ширшов в действительности понимает под морфемным комплексом, не исчерпывается двумя названными разновидностями, поскольку главным признаком морфемного комплекса ученый считает его трехчастную структуру и выделяет, помимо полярных точек, третью разновидность морфемного комплекса – промежуточную зону, наличие которой является обязательным. В промежуточной зоне комплекс «предстает то как соединение двух или трех простых суффиксов, то как целостная фонологически протяжённая единица» [Ширшов 1980: 99]. О наличии промежуточного звена в интерпретации морфемного блока А.И. Кузнецовой можно лишь догадываться: «ложный» морфемный блок превращается в «истинный» при утрате промежуточных звеньев, что часто наблюдается в истории языка [Кузнецова 1987: 100].

Таким образом, под морфемным комплексом понимается неоднородная по структуре фонологически тождественная аффиксальная последовательность, которая может быть представлена в производных словах либо двумя (тремя) простыми морфемами, либо целостной фонологически протяжённой единицей, сложившейся на базе простых (это полярные точки морфемного комплекса), либо обеими названными разновидностями одновременно (промежуточная зона). Проиллюстрируем это на примере суффиксального морфемного комплекса *-нича-* и префиксального морфемного комплекса *обес-* в глаголах:

комплекс:	структура комплекса:
1) намест/ <i>нича</i> /ть	1) намест/ <i>нич-а</i> /ть
2) взяточ/ <i>нича</i> /ть	2) взяточ/ <i>нич-а</i> /ть и взяточ/ <i>нича</i> /ть
3) лентяй/ <i>нича</i> /ть	3) лентяй/ <i>нича</i> /ть

комплекс:	структура комплекса:
1) /обес/смертить	1) /о-бес/смертить
2) /обес/силить	2) /о-бес/силить и /обес/силить
3) /обес/точить	3) /обес/точить

В первой группе глаголов суффиксальный комплекс *-нича-* и префиксальный комплекс *обес-* распадаются на две морфемы, поскольку каждая из морфем является показателем одного деривационного шага в словообразовательной цепи и выражает вполне определенное значение. На первой ступени словообразования появляется суффикс *-ник*⁵ со значением лица (*мест/о/* → *на-мест-ник*) или префикс *бес-*⁵ выражающий отсутствие чего-либо (*смерть* → *бес-смерт-н/ый/*), на второй ступени деривации – глагольный суффикс *-а-* со словообразовательным значением ‘быть (кем)’ (*наместник* → *наместнич-а/ть/* ‘быть наместником’ [БАС]) или префикс *о-*⁵, выражающий значение результата действия (*бессмертн/ый/* → *о-бессмерт-и/ть/* ‘сделать бессмертным, незабываемым’ [МАС]).

У глаголов третьей группы выделяется только фонологически протяжённый суффикс *-нича-* (*лентяй* → *лентяй-нича/ть/* ‘вести себя лентяем, бездельничать’ [СУ]) или протяжённый префикс *обес-* в составе конфикса (*ток* → *обес-точ-и/ть/* ‘лишить тока, прекратить подачу тока’ [МАС]), неделимые как формально, так и семантически. Формальное единство аффиксов обеспечивается отсутствием в языке мотивирующего с суффиксом *-ник* (**лентяйник*) и префиксом *бес-* (**бесточить*, **бесточный*). Семантическая цельность обусловлена тем, что словообразовательное значение выражается всем звуковым комплексом *-нича-* (‘быть кем’) или *обес-* (‘лишить’).

Во второй группе (промежуточная зона) наблюдается двойная словообразовательная соотнесенность производных. С одной стороны, устойчивость морфемного состава глаголов поддерживается ступенчатостью

⁵ Суффикс *-ник* и префиксы *бес-* и *о-* в рассматриваемых примерах выступают в составе конфиксов *на-...-ник*, *бес-...-н/ый/*, *о-...-и/ть/*.

словообразования: *взятк/а/* → *взяточ-ник* → *взяточнич-а/ть/* (‘быть взяточником’ [СУ]), *сил/а/* → *бес-сил-н/ый/* → *о-бессил-и/ть/* (‘сделать бессильным’ [МАС]), поэтому морфемный комплекс предстает в виде двух аффиксов. С другой стороны, ярко выраженная в языке тенденция к освоению исходных основ способствует развитию новых системных связей, которые расшатывают морфемную структуру производного, что приводит к формированию новых протяжённых морфем: *взятк/а/* → *взяточ-нича/ть/* (‘брать взятки’ [БАС]), *сил/а/* → *обес-сил-и/ть/* (‘лишить сил’ [МАС]).

Теоретически о морфемном комплексе можно говорить уже тогда, когда в языке есть как минимум три слова, каждое из которых отражает одну из трех его (комплекса) структурных разновидностей. В действительности комплекс всегда представлен целым рядом производных, поскольку протяжённые морфемы формируются на основе продуктивных словообразовательных средств. Так, по сведениям «Обратного словаря русского языка», морфемный комплекс *-ниществ/о/* выделяется у 175 существительных (*огородничество, затворничество, барышничество* и др.), комплекс *-тельск/ий/* – у 116 прилагательных (*писательский, предательский, издевательский* и др.), комплекс *-нича/ть/* – у 341 глагола (*лицемерничать, самоварничать, извозничать* и др.), комплекс *обез-(обес-)* – у 81 глагола (*обезножить, обезденежить, обессахарить* и др.). Таким образом, повторяемость в серии производных слов является необходимым условием существования морфемного комплекса.

Помимо трехчастной структуры, морфемный комплекс характеризуется еще двумя признаками: 1) устойчивость фонологического наполнения, которая проявляется в строго фиксированном порядке следования фонем, и 2) наличие определенной семантики [Ширшов 1980: 98-99].

Устойчивость фонологического наполнения морфемного комплекса определяется постоянной фонологической структурой комбинирующихся аффиксов (*-ность* < -н- + -ость, *тельств/о/* < -тель- + -ств/о/, *-овец* < -ов- + -ец, *-тельн/ый/* < -тель- + -н/ый/, *-инск/ий/* < -ин- + -ск/ий/, *-ствова-* < -ств- + -ова-,

обез- <о-+ -без- и др.). Фиксированный порядок следования фонем в морфемном комплексе объясняется закономерностями сочетаемости аффиксов в слове, которые определяются возможностями системы данного языка.

Наличие определенной семантики – важный признак морфемного комплекса, поскольку делает ту или иную фонологически тождественную последовательность значимой. Так, фонологически тождественная последовательность *-нича-* в глаголах выражает значение «заниматься профессией» (*слесарничают, сапожничают*) или «проявлять свойство» (*бездельничают, скандальничают*), последовательность *-тельств/о/* в существительных – «действие в отвлечении от его носителя» (*вымогательство, грабительство*), последовательность *-тельн-* в прилагательных – «характеризующийся отношением к действию» (*осязательный, трогательный*).

Последовательность фонем, которая не обладает значением, хотя и повторяется в серии слов, не может быть квалифицирована как морфемный комплекс: например, последовательность фонем [анк] в словах *танк, бланк, франк* и под. Не имеющей значения предстает и такая фонемная последовательность, часть которой является финальным элементом корня: *петель-ный, артель-ный* (ср.: *жела-тельный, мучи-тельный*), *кузов-щик, голов-щик* (ср.: *гроб-овщик, зим-овщик*). Такие фонемные последовательности А.И. Кузнецова называет мнимыми блоками, или квазиблоками, которые тем не менее способствуют увеличению словообразовательной активности морфемного блока, омонимичного квазиблоку [Кузнецова 1987: 99].

Таким образом, существенными признаками морфемного комплекса являются трехчастная структура, устойчивость фонологического наполнения и наличие определенной семантики, характерной для всех структурных разновидностей морфемного комплекса.

3. Морфемный комплекс в аспекте языковой типологии

Известный тезис о том, что изменения в системе языка нельзя понять вне связи с той системой, в которой они находятся, заставляет обратиться к типологическим особенностям морфемного комплекса.

В лингвистической науке уже давно установлено, что аффиксация в языках мира носит неодинаковый характер, который в значительной мере определяет грамматическое строение слова. Различают два типа аффиксации, которые Э. Сепир обозначил как «сплавливающий» (фузионный) и «сополагающий» (агглютинативный). Разницу в «аффиксирующей технике» ученый видел в характере связи аффикса с корневым элементом: приставляется ли аффикс чисто механически или эта связь основана на большей спаянности, когда «корневой элемент и аффикс, хотя структурно и выделяются, не могут быть столь же просто оторваны друг от друга» [Сепир 1993: 124].

Развивая мысль Э. Сепира об особенностях сочетаемости морфем, А.А. Реформатский показывает, чем обусловлена «фузионная связь морфем» в отличие от «агглютинирующей связи» и как это отражается на самих морфемах и на образуемом из них слове как целом. Если «в агглютинирующих языках все "просто"», поскольку аффиксы являются однозначными, стандартными и регулярными, то «в языках фузионных, наоборот, все – "не просто" ..., так как аффиксы принципиально многозначны и не стандартны, а потому и не регулярны». Если агглютинация характеризуется самостоятельностью каждой основы и четким (без комплексных соединений) разграничением морфем, то фузия, напротив, – несамостоятельностью (незаконченностью) каждой основы и наличием комплексных соединений, а следовательно, нечеткостью в разграничении морфем [Реформатский 1965: 80-81, 73]. В итоге основное различие морфемного строения лексем в языках разных типов ученый видит в том, что

агглютинированная лексема в принципе «цепочечна», а фузирванная – «биномна», потому что «благодаря тесной связи элементов при образовании производных основ в фузионных языках эти элементы не просто линейно складываются в цепочку (сохраняя свою форму и значимость. – О.П.), а образуют новое морфологическое качество, единицу, готовую в целом (курсив наш. – О.П.) принимать новый формообразующий элемент» [Реформатский 1965: 83].

Рассмотрим, что происходит с аффиксами в составе морфемного комплекса под углом зрения двух грамматических тенденций – фузии и агглютинации. Известно, что «чистых» морфологических типов языков не существует в природе. Различия между особенностями морфологической структуры языков имеют «не принципиальный, не качественный, а прежде всего количественный характер» [Суник 1965: 64], поэтому целесообразно отметить преобладающую тенденцию, которая определяет возможность существования в языке морфемного комплекса.

В механизме линейного нанизывания аффиксов в акте деривации нередко видят проявление агглютинации. Однако об агглютинативной технике соединения морфем здесь можно говорить лишь условно, поскольку морфологическая структура русского слова «биномна», а следовательно, «производная морфема, выделяющая в своем составе несколько морфем, выделяет их не все сразу и одновременно, а так, что между ними обнаруживаются связи разных планов», то есть «морфемы... связаны между собой не порознь, в виде одной сплошной цепи А+В+С, а так, что третья присоединяется к уже готовой комбинации первых двух... (А+В)+С; ср. *чит-а-ть*, но (*чит-а*)-*тель...*» [Винокур 1959: 440]. Следует также иметь в виду, что о признаках агглютинации можно вести речь в том случае, если отсутствуют явления модификации, взаимоприспособления морфем при их соединении (ср.: *-тель-+ -ств-> -тельств-*, но *-н-+ -ик-+ -а-> -н'ича-*) и если эти аффиксы однозначны, что для русского языка нехарактерно. Поэтому

первая структурная разновидность морфемного комплекса хотя и может иметь черты агглютинации, они не являются определяющими.

Промежуточная зона морфемного комплекса характеризуется тесным взаимодействием морфем, которое проявляется в том, что «аффиксы и внешне, и внутренне тесно спаиваются... друг с другом и в составе этих "сплавов" теряют свое значение, как бы "затухают" и "стираются"» [Реформатский 1955: 212]. Возникающая при этом асимметрия плана содержания и плана выражения создает трудности в интерпретации морфемного состава производного слова, что свидетельствует о ярком проявлении фузии.

Оформившиеся в языке протяжённые аффиксы могут приобретать агглютинативные черты. На семантическом уровне это проявляется в однозначности, стандартности значения морфем: *обез-* (*обезжирить*, *обеспамятеть*) – ‘лишить(ся) чего’, *-имость* (*переносимость*, *решимость*) – ‘свойство как способность к действию’, *-тельница/a/* (*полоскательница*, *плевательница*) – ‘сосуд для осуществления действия’; в структуре производного слова – в механическом присоединении к производящей основе, в отсутствии морфонологического взаимоприспособления морфем (*недо-заправить*, *оскорби-тельн/ый/*). Однако многие протяжённые аффиксы обладают многозначностью: *-ность* – ‘отвлеченный признак’ (*горячность*) и ‘собирательность’ (*живность*); *-чат/ый/* – ‘имеющий вид, форму’ (*репчатый*) и ‘сделанный из’ (*коробчатый*). А большинство из них при сопряжении с производящей основой вызывают морфонологические явления различного рода: *жен/щин-a/* → *жен-ственн/ый/* (усечение), *медведь* → *медвеж-атник* (чередование).

Из сказанного следует, что образование морфемных комплексов в русском языке связано с типологическими свойствами аффиксов, особенностями их синтагматики и парадигматики. Морфемный комплекс не лишен признаков агглютинации, но именно фузия лежит в основе формирования протяжённых морфем. По верному замечанию

О.Ю. Крючковой, «агглютивноподобное нанизывание аффиксов подвергается фузионной обработке в структуре русского многоморфемного слова. ...Результатом фузионной обработки аффиксальных последовательностей становится их регулярное преобразование в целостные деривационные единицы» [Дмитриева, Крючкова 2010: 301].

Как утверждают некоторые исследователи, например К.Е. Майтинская, «сложные словообразующие суффиксы... встречаются во многих языках мира, независимо оттого, относятся ли они к флективному или агглютинативному типу» [Майтинская 1965: 158]. Так, исследователь отмечает наличие сложных суффиксов в агглютинативных финно-угорских языках: продуктивный уменьшительный суффикс *-cska ~ -cske*, образовавшийся из уменьшительных *-cs* и *-ka ~ -ke* (венгерский язык), *-skentele-*, *-elehti-* (финский язык), *-lδal* (марийский язык) и т.д. Наличие протяжённых суффиксов в агглютинативных языках может свидетельствовать о развитии фузионных черт на отдельных участках их деривационных систем. Как замечает В.А. Аврорин, «соединение морфем внутри слова в агглютинативных языках может быть столь же фузионным, как и во флективных языках» [Аврорин 1963: 209].

Таким образом, возникновение морфемных комплексов и формирование протяжённых морфем обусловлено фузионными свойствами языка.

4. Условия и причины формирования морфемного комплекса

Морфема как двусторонний знак языка представляет собой единство содержания и формы, поэтому как семантические, так и формальные (структурные) преобразования становятся причиной формирования морфемного комплекса, а следовательно, и протяжённого аффикса. При этом приоритетными оказываются глубинные семантические процессы между единицами словообразования.

Как верно заметил И.Г. Милославский, «сам факт соединения разных морфем, а следовательно, и выражаемых ими значений в одном слове означает, что между этими значениями существуют некоторые отношения» [Милославский 1980: 5]. Присоединение нового аффикса, как правило, сопровождается семантическим усложнением на каждой ступени словообразования. Однако «специфика словообразовательного процесса заключается не только в семантическом приращении, но и вычитании» [Ширшов 1987: 22], под которым понимается исчезновение определенных семантических компонентов производящего слова в составе производного. Это проявляется, в частности, в том, что аффикс утрачивает частично или полностью свое значение. Данный процесс обозначается в языкознании термином «десемантизация». Десемантизация аффикса является одной из причин формирования морфемного комплекса.

4.1. Позиция аффикса в слове и явление десемантизации

Словообразовательная семантика имеет чрезвычайно сложную природу. В одних случаях при образовании новых слов аффиксы базовой основы сохраняют свое значение в выводимой основе: *воспитательский* – *воспита-тель-ск/ий/* (-*тель-* – ‘производитель действия’, -*ск-* – ‘относящийся’). В других случаях происходит погашение семантики неконечной морфемы при сопряжении ее с дериватором следующей ступени: *воспитательный* – *воспита-тель-н/ый/* (-*тель-* + -*н-* – ‘относящийся к действию’). Из сказанного следует, что «значение морфемы не есть постоянная величина: значения, свойственные морфемам, могут видоизменяться, вступая в контакт с значениями присоединяемых к базовой основе аффиксов» [Янко-Триницкая 1972: 15].

Эти видоизменения О.П. Ермакова видит в семантическом усечении, под которым понимается «невключение в значение производного определенной части значения производящего, выраженной

словообразующим аффиксом, когда сам аффикс материально присутствует в составе производного» [Ермакова 1975: 207]. В качестве иллюстрации данного явления приводятся, в частности, обозначения лиц женского пола, в которых форма суффикса производящего наименования лица мужского пола сохраняется, а его значение ‘лицо мужского пола’ отсекается: *москвич* – *москвичка*, *болтун* – *болтунья*, *грубиян* – *грубиянка*. Действительно, если *москвич* – ‘лицо мужского пола, проживающее в Москве’, а *москвичка* – ‘лицо женского пола, проживающее в Москве’, то в производном *москвичка* элемент *-ич-* семантически пуст (ср.: *моряк* – *морячка* ‘жена моряка’, где усечения семантики предшествующего суффикса не происходит). Уничтожение, «зачеркивание» некоторых значений в процессе взаимодействия различных морфов, представленных в многоморфемном слове, отмечает и И.Г. Милославский [Милославский 1980].

Сходные процессы при сочетании мотиватора и дериватора описывает З.М. Волоцкая, называя их десемантизацией морфа, которая может быть частичной или полной: «Деривативные морфы, присоединяясь к другим деривативным морфам в составе одного мотивированного слова, могут приводить к полной или частичной десемантизации предшествующего морфа, к полной или частичной утрате им семантического значения» [Волоцкая 1980: 17-18]. В существительных *учительница*, *покровительница* автор видит частичную десемантизацию морфа *-тель*, поскольку он, имея два значения (‘лицо мужского пола’ и ‘производитель действия’), при соединении с морфом *-ниц/а/* утрачивает первое и сохраняет второе (агентивное) значение. В производных *псарня* ‘место, где живут псы’, *пекарня* ‘место, где пекут хлеб’ значения суффикса *-арь* (агентивное и значение лица) перед локативным морфом *-н/я/* утрачиваются полностью.

Как видим, случаи погашения семантики аффикса в деривационном акте неоднократно привлекали внимание исследователей. Несмотря на терминологические различия при описании данного языкового явления, все ученые обращают внимание на то, что семантическим преобразованиям

подвергается неконечный аффикс. Это позволяет заключить, что условием изменения значения морфемы является ее позиция в слове.

Понятие позиции, зародившееся и разработанное в фонологии, в начале 70-х гг. XX столетия было перенесено в другие области науки о языке, в частности в словообразование. Попав в новые условия, понятие «позиция», как отмечает Е.А. Земская, в значительной степени утратило свою ясность. Поэтому ею предлагается определить значение термина «позиция» применительно к словообразованию как «место тех или иных единиц по отношению к каким-то классам единиц» [Земская 1975 б: 14]. Такое понимание позиции Е.А. Земская использует для изучения морфонологических особенностей словопроизводства, которое касается прежде всего формального преобразования морфем, в то время как семантические изменения остаются вне поля зрения.

Однако флективные языки, коим является и русский язык, отличаются «не только внешней фузионностью (взаимодействием фонем при сочетании морфем), но и внутренней (взаимодействием значений при сочетании морфем)» [Янко-Триницкая 1972: 19], а следовательно, в определенной позиции может изменяться не только форма морфемы, но и ее значение. Поэтому понятие позиции «необходимо не только на морфонологическом уровне..., но и на семантическом уровне – при рассмотрении семантического варьирования морфемы в различных условиях ее употребления в словах» [МСРЯ: 39].

Попытку установить связь между положением морфемы в слове и ее значением предприняла Н.А. Янко-Триницкая, которая выделила две позиции для морфемы – сильную (наименее обусловленную) и слабую (обусловленную): «Сильной позицией морфемы в семантическом плане является отсутствие морфемного окружения, которое могло бы воздействовать на ее значение. Слабой позицией морфемы в семантическом плане является наличие морфемного окружения, способного воздействовать на ее значение» [Янко-Триницкая 1972: 16]. Следует отметить, что

приведенная формулировка понятий сильной и слабой позиции допускает двоякое понимание, а именно: сильной позицией морфемы является *полное* отсутствие морфемного окружения или отсутствие *такого* морфемного окружения, которое способно воздействовать на значение морфемы? Соответственно слабой позицией морфемы является *любое* морфемное окружение или только *то*, которое так или иначе воздействует на значение морфемы?

В работе Н.А. Янко-Триницкой отмечается, что в сильной позиции может находиться только корень и только для него может быть установлено его собственное, постоянное значение. Аффиксальные же морфемы основы никогда не выступают в сильной позиции и собственного, постоянного значения не имеют. Как верно замечает Р.С. Манучарян, отсутствие «постоянного значения» не равносильно отсутствию «собственного значения» [Манучарян 1981: 82], поэтому последний тезис Н.А. Янко-Триницкой, на наш взгляд, является весьма спорным. Об этом свидетельствуют дальнейшие положения ученого, который у аффиксальных морфем выделяет только слабые позиции двух уровней: I слабая позиция – позиция *значимости* аффикса в слове, в которой аффикс сообщает корню (основе) определенное значение (то есть отличает выводимую основу *частотн-ость* от базовой *частотн/ый/*), и II слабая позиция – позиция *незначимости* аффикса в слове, в которой аффикс может не сообщать корню (основе) никакого значения (выделяется в выводимых словах, но в пределах базовой основы: положение суффиксов *-от-* и *-н-* в слове *част-от-н-ость*) [Янко-Триницкая 1972: 16]. Противоречивость позиции Н.А. Янко-Триницкой заключается в том, что, во-первых, сначала утверждается отсутствие значения у аффиксальной морфемы, а затем выделяется позиция значимости аффикса, во-вторых, если позиция является значимой, она не может быть слабой. Таким образом, в понимании Н.А. Янко-Триницкой сильная/слабая позиция морфемы в семантическом плане зависит от

отсутствия/наличия морфемного окружения, способного воздействовать на ее значение.

Дальнейшее развитие учение о слабых и сильных позициях получило в работах И.А. Ширшова [Ширшов 1981, 1987], который выделяет у аффиксов не только слабую, но и сильную позицию. Лингвист акцентирует внимание на том, что «словообразовательное значение реализуется в окружении определенных словоизменятельных морфем», поскольку между словообразовательным и грамматическим значением наличествует семантическое согласование: в слове *желтоватый* значение суффикса *-оват-* (‘слабое проявление признака’) сочетается с частеречным значением признака, значение суффикса *-ок* (‘вещество’) в слове *желток* – со значением предметности. Присоединение к суффиксу иной парадигмы (например, *желт-ок-ий*, *желт-оват-ти*) приводит к снятию значения суффикса [Ширшов 1987: 24]. Этот факт позволил ученому предположить, что, лишившись поддержки своих флексий, суффикс в дальнейшем словопроизводственном процессе может подвергнуться семантическим изменениям разного рода. Поэтому именно положение аффикса в производной основе и определяет сильную/слабую позицию словообразовательной морфемы. Если словообразующий аффикс «занимает *конечное* положение в производной основе и непосредственно взаимодействует с флексиями или формообразующими суффиксами, то он находится в *сильной* позиции, а его значение в ней реализуется в чистом виде» (*дик-арь* – ‘лицо’, *дик-ость* – ‘отвлеченность’). Если аффикс «занимает *неконечное* положение в производной основе, то он находится в *слабой* позиции» [Там же: 26], поскольку положение перед другой словообразовательной морфемой характеризуется тем, что, во-первых, аффикс, «сохраняя связь с основой (корнем), теряет связи со словоизменятельными морфемами и потому становится слабо семантически очерченным» и, во-вторых, неконечный аффикс утрачивает способность быть самостоятельным членом бинарной словообразовательной структуры

слова, он «становится компонентом мотивирующей основы, которая в целом противопоставлена конечному суффиксу на синтагматической оси» [Там же: 27, 28].

Теория Л.Г. Яцкевич [МСРЯ] о сильных и слабых позициях морфем, а также о сильных и слабых морфемах (корневых и служебных) базируется на положении о *функциональной* неоднородности позиции морфемы в слове, то есть позиция морфемы зависит от ее функции.

Если аффикс полностью реализует свою словообразовательную функцию, то есть является формантом, он находится в сильной позиции и является сильной морфемой. Не являясь формантом, в сильной позиции может находиться только префикс, употребляющийся в членимых, но непроеводных словах со связанными корнями, поскольку обладает семантической яркостью по контрасту с десемантизированным корнем: *за-нять, от-нять, при-собачить, под-кузьмить* и под. [МСРЯ: 48-49]. Исключительное положение префиксов в данном случае, по сравнению с суффиксами, определяется специфическими языковыми особенностями приставок, которые были описаны нами ранее (см. гл. I, п. 2.2).

В слабой позиции оказываются морфемы, лишенные актуальной словообразовательной функции, но не изъятые из исторически сложившейся структуры слова. Сильная морфема, оказавшись в слабой позиции, частично или полностью утрачивает свою значимость и становится слабой морфемой, которая выполняет в слове структурно-семантическую функцию [Там же: 40]. Суффиксы, являющиеся принадлежностью членимых, но непроеводных основ, всегда находятся в постоянно слабой позиции: *тан-ец, пер-ец; скром-н/ый/, буй-н/ый/; цел-ова/ть/, бал-ова/ть/* [Там же: 55].

Следует отметить, что подходы ученых к выделению сильных и слабых позиций аффиксов в свободно членимых словах имеют много общего. Все исследователи связывают позицию значимости аффикса с его словообразующей функцией, несмотря на некоторые терминологические несоответствия: И.А. Ширшов и Л.Г. Яцкевич называют эту позицию

сильной, Н.А. Янко-Триницкая – первой слабой позицией. Утрату значимости (частичную или полную) лингвисты отмечают у аффикса, который не выполняет словообразующей функции, что возможно при его неконечном положении в слове, когда аффикс входит в состав мотивирующей основы и находится перед другим словообразующим аффиксом. Такую позицию аффикса называют слабой (вторая слабая позиция по Н.А. Янко-Триницкой).

Однако не всегда в слабой позиции аффикс теряет свое значение: *букв/а/* → *букв-арь* (‘книжка для первоначального обучения грамоте’) → *буквар-н/ый/* (‘связанный с обучением по букварю’); *горб* → *горб-ат/ый/* (‘имеющий горб’) → *горбат-еньк/ий/* (‘ум.-ласк. к горбатый’); *ив/а/* → *ив-няк* (‘ивовые прутья’) → *ивняк-ов/ый/* (‘сделанный из ивняка’). Следовательно, слабая позиция аффикса в производной основе не единственное условие его десемантизации. На значение аффикса базовой основы может влиять семантика дериватора и тот тип отношений, который между ними складывается.

В.В. Лопатин и И.С. Улуханов отмечают «семантическое притяжение» у морфов одинаковой семантики. К примеру, значение отвлеченного процессуального признака морфов *-еж* (*платеж*) и *-к/а/* (*варк/а/*) в существительном *бомбежк/а/* оказывается выраженным дважды, поэтому в конечном счете гасится последним суффиксом. То же явление наблюдается в существительном *стаканчик*, где уменьшительное значение морфа *-ч-* (из *-ец*: *хлебџ*) утрачивается перед морфом *-ик* (*садик*), также с уменьшительным значением [Лопатин, Улуханов 1988: 202-203].

И.Г. Милославский показывает, что в словообразовательном синтезе «зачеркивание» происходит при сложении не только тождественных, но и противоположных по значению морфов. Так, в прилагательном *хвалебн/ый/* суффикс *-б-(-еб-)*, обладающий категориальным значением предметности, оказывается погашенным значением признаковости, выражаемым суффиксом *-н-* и системой соответствующих флексий [Милославский 1980: 37]. Этот вид

отношений между морфами выделяет и Л.Г. Яцкевич, называя его отношениями *энантиосемии* (противоположности значений): суффикс, образующий существительные женского рода, следуя за суффиксом, образующим существительные мужского рода, нейтрализует его: *рыб-ак* → *рыб-ач-к/а/*, *воспита-тель* → *воспита-тель-ниц/а/* [МСРЯ: 50].

Л.Г. Яцкевич расширяет круг возможных межморфемных отношений, обуславливающих утрату их сигнификативной значимости, выделяя еще два типа отношений:

– отношения *гетеросемии* (семантической разнородности, несопоставимости). Такие отношения наблюдаются, в частности, между суффиксами прилагательного и наречия в структуре наречий, что ведет к утрате суффиксами прилагательных *-лив-*, *-чив-* своего словообразовательного значения ('склонный к действию, обозначенному мотивирующим глаголом') при образовании от них наречий на *-о*: *ворчать* 'сердито бормотать, выражая неудовольствие, брюзжать' [МАС] → *ворч-лив/ый/* 'склонный ворчать, брюзжать' [МАС] → *ворчлив-о* 'с ворчанием, недовольно' [МАС]; *вдуматься* → *вдум-чив/ый/* → *вдумчив-о*;

– отношения *парасемии* (соответствие субкатегориальной семантики одной морфемы категориальной семантике другой морфемы). Например, в отглагольных существительных *колд-ова/ть/* → *колд-ов-ств/о/*, *вор-ова/ть/* → *вор-ов-ств/о/* глагольный суффикс выражает категориальное значение действия, а суффикс существительного – субкатегориальное значение действия. При возникшей парасемии глагольный суффикс утрачивает сигнификативную значимость, что создает предпосылки для формирования протяжённой морфемы: *свата/ть/* → *сват-овств/о/*, *хваста/ть/* → *хваст-овств/о/* [Там же: 51, 53].

Приведенный перечень семантических отношений между морфемами не является исчерпывающим, но из сказанного ясно, что законы сопряжения смыслов в словообразовательном синтезе играют не последнюю роль в формировании словообразовательной семантики производного слова.

Как уже отмечалось, степень десемантизации аффикса в слабой позиции может быть различной: «значимость аффикса в слове может затухать и даже совсем утрачиваться» [Янко-Триницкая 1972: 17]. Эти два процесса – «ослабление семантики неконечного аффикса» и его «десемантизацию», по мнению И.А. Ширшова, следует различать.

Ученый считает, что суффикс становится семантически ослабленным, когда лишается поддержки флексий и становится компонентом мотивирующей основы в производном слове [Ширшов 1980: 101]. Ослабление семантики неконечного аффикса, или затухание его значения, приводит к тому, что семантически нагруженными точками основы, как верно замечает М.И. Морозова, становятся корневая морфема и конечный аффикс, которые начинают взаимодействовать [Морозова 1972: 206]. В результате у производного слова развивается вторая мотивация: *охота* → *охотник* → *охотничать* (*охот/нич-а/ть* от *охотник* и *охот/нича/ть* от *охота*); *кляуза* → *кляузник* → *кляузничество* (*кляуз/нич-еств/о* от *кляузник* и *кляуз-/ничество/о* от *кляуза*); *грабить* → *грабитель* → *грабительский* (*граби/тель-ск/ий* от *грабитель* и *граби/тельск/ий* от *грабить*). Из примеров видно, что фонологически тождественная аффиксальная последовательность предстает то как соединение двух простых суффиксов, то как целостная фонологически протяжённая единица. Это свидетельствует о том, что в языке начинает складываться новая протяжённая морфема. На формирование семантики складывающегося протяжённого аффикса оказывает непосредственное воздействие значение корня. По наблюдениям И.А. Ширшова, личные имена, содержащие в семантической структуре отрицательный семантический компонент, формируют в глаголе значение ‘вести себя подобно кому-то’ (*крохобор* → *крохобор-ствова/ть/*, *хамелеон* → *хамелеон-ствова/ть/*); личные имена с компонентом ‘занятие’ формируют значение ‘вести жизнь лица’, ‘быть кем-то’ (*браконьер* → *браконьер-ствова/ть/*, *акушер* → *акушер-ствова/ть/*) [Ширшов 1980: 101].

Десемантизация суффикса, или утрата им значимости, наступает тогда, когда он становится уже частью протяжённого суффикса. При этом бывшая полноценная морфема теряет способность к самостоятельному функционированию и превращается в субморф, левое наращение конечного аффикса (*фискаль-нича/ть/* ← *фискал*, *наплева-тельск/ий/* ← *наплева/ть/*, *цитат-ничеств/о/* ← *цитат/а/*). У субморфа нет не только самостоятельной функции, но и самостоятельной позиции в слове, поэтому он вычленяется только в составе морфемы, а не слова. Не случайно функцию субморфа Л.Г. Яцкевич характеризует как морфемообразовательную [МСРЯ: 40].

Позднее И.А. Ширшов корректирует ранее высказанные в статье положения и говорит уже не о семантической ослабленности неконечного аффикса в составе мотивирующей основы, а о нейтрализации его значения: «суффикс вне флексийного окружения своего значения реализовать не может, а следовательно, будет являться единицей незначимой» [Ширшов 1981: 82]. Этот тип нейтрализации, когда суффикс в неконечном положении сохраняет структурную выделяемость в мотивирующей основе, лингвист называет *семантической* нейтрализацией при отсутствии формальной, поскольку, оказавшись в слабой семантической позиции, неконечный суффикс сохраняет свою форму, но не значение: *строи-тельн/ый/* ‘относящийся к строительству’ при *наличии* в языке существительного *строитель*. Если предшествующий суффикс уже не выделяется и структурно, являясь частью не мотивирующей основы, а протяжённого, формально и семантически неделимого суффикса, то имеет место *формально-семантическая* нейтрализация [Там же: 82-83]: *кури-тельн/ый/* ‘предназначенный для курения’ при *отсутствии* в языке существительного **куритель*.

Как видно, оба типа нейтрализации выявляются в пределах одного морфемного комплекса, но в разных его структурных разновидностях и отражают вполне определенную фазу формирования протяжённого аффикса: семантическая нейтрализация имеет место в промежуточной зоне

морфемного комплекса, которая представляет собой процесс перехода от одного морфемного состояния к другому, формально-семантическая нейтрализация – в самостоятельно функционирующем протяжённом аффиксе, когда процесс его формирования уже завершён.

Подводя общий итог сказанному, следует отметить, что аффиксы имеют неодинаковую позицию в слове. Слабая позиция аффикса является необходимым условием его десемантизации. Если десемантизация аффикса происходит, она становится причиной формирования морфемного комплекса.

4.2. Словообразовательная цепь и развитие полимотивированности

Другой причиной формирования морфемного комплекса является полимотивированность (множественная мотивация) производного слова.

Явление множественности мотивации широко распространено в русском словообразовании. Впервые на него обратил внимание В.В. Виноградов [Виноградов 1952 б], отмечалось оно также в работах Г.О. Винокура [Винокур 1959], Н.М. Шанского [Шанский 1959], А.Н. Тихонова [Тихонов 1970, 1978], В.В. Лопатина [Лопатин 1977], И.С. Улуханова [Улуханов 1977], Д. Ворта [Worth 1972] и других ученых. Под понятие «множественность мотивации» подводится достаточно широкий круг явлений. В данной работе под отношениями множественной мотивации будет пониматься такое явление, когда «производное слово в одном и том же значении может быть соотнесено и по форме, и по смыслу с разными производящими» [Земская 1973: 67-68], при этом каждая из мотиваций получает свое особое формальное выражение в производном, то есть производное характеризуется «множественностью словообразовательной структуры» (термин А.Н. Тихонова [Тихонов 1970]): *обес-крыл-и/ть/* ‘лишить крыльев’ и *о-бескрыл-и/ть/* ‘сделать бескрылым’, *доль-чат/ый/* ‘состоящий из долей’ и *дольч-ат/ый/* ‘состоящий из долек’.

Ведению множественной мотивации подлежат производные, которые мотивируются производящими одного словообразовательного гнезда, поэтому рассмотрение полимотивированности невозможно без обращения к этой комплексной единице системы словообразования. В словообразовательном гнезде слова организованы в словообразовательные цепи и (или) словообразовательные парадигмы. Отношения множественной мотивации могут развиваться в гнездах, построенных по принципу словообразовательных цепей, когда «родственные слова последовательно связаны отношениями производности» [Тихонов 1974: 8].

Типы словообразовательных цепей подробно описаны И.А. Ширшовым [Ширшов 1999]. Воспользуемся некоторыми определениями автора, необходимыми для исследования. По количеству компонентов цепи делятся на *бинарные*, которые включают исходное слово гнезда и одно производное, поскольку словообразующие возможности вершины затухают на первой ступени (*балет* → *балетный*), и *полинарные*, которые включают исходное слово и два и более производных (*карман* → *карманный* → *карманнык*). По признаку «последовательное присоединение аффиксов или чересступенчатое» различают цепи *полные*, в которых каждая ступень словообразования маркирована своим аффиксом (*склок/a/* → *склоч-н/ый/* → *склочн-ик* → *склочнич-а/ть/*), и *неполные*, в которых фонологически тождественная аффиксальная последовательность выступает в качестве одного, протяжённого дериватора, а ступенчатый принцип развертывания гнезда уступает место чересступенчатому, бинарному (*балбес* → *балбес-нича/ть/*). Наконец, по признаку «одна мотивация у конечного (или неконечного) звена или более» цепи делятся на включающие мономотивированные образования и полимотивированные. *Мономотивированность* обнаруживается прежде всего в бинарных и неполных цепях, где отношения между звеньями однозначны и не допускают никаких иных решений. *Полимотивированность* проявляется в полинарных и полных цепях [Ширшов 1999: 178-179].

Так как морфемный комплекс начинает формироваться на базе двух смежных аффиксов, для его возникновения необходима полная, минимум трехкомпонентная словообразовательная цепь. Поскольку в полных цепях каждая ступень словообразования маркирована своим аффиксом, в последнем звене трехкомпонентной цепи рядом окажутся две простые морфемы, например: *распутный* → *распутн-ик* → *распутн/ич-а/ть*.

На первой ступени деривации (*распутн/ый/* → *распутн-ик*), где в качестве исходного звена выступает прилагательное со значением качества, свойства, суффикс *-ик* формирует производную основу, в которой производящая основа (мотиватор) и словообразовательное средство (дериватор) образуют гетерогенную оппозицию «лексическое – словообразовательное»: *распутн* – *ик*. В этой оппозиции выявляется семантика дериватора *-ик* – ‘лицо’. Семантическая структура существительного при этом складывается из двух компонентов – ‘лицо’ и его ‘свойство’. Так как суффикс *-ик* занимает конечное положение в производной основе и взаимодействует с субстантивной парадигмой, он находится в сильной позиции.

На второй ступени деривации (*распутн-ик* → *распутн/ич-а/ть/*) образуется глагол с помощью суффикса *-а-*, который занимает сильную позицию конца слова. В этой позиции суффикс *-а-* реализует свою словообразовательную функцию и вступает в оппозицию с производящей основой: *распутнич* – *а/ть/*. Непосредственная мотивация глагола личным существительным (*распутник*), которое в структурном и семантическом плане в наименьшей степени отличается от производного глагола, формирует в последнем значение ‘быть кем’ (‘быть распутником’).

Сформировавшаяся полная полинарная словообразовательная цепь (*распутный* → *распутн-ик* → *распутн/ич-а/ть/*) является условием для развития полимотивированности ее конечного звена – производного глагола *распутничать*, в котором позиция суффиксов *-ич-* (<*-ик*) и *-а-* неодинакова.

Суффикс *-ик*, который в существительном *распутник* находился в сильной позиции, в составе глагола *распутничать* эту позицию утрачивает, поскольку становится частью мотивирующей основы *распутнич-*. Занимая неконечное положение в глагольной основе и утрачивая связь с субстантивной парадигмой, суффикс *-ич-* оказывается в слабой позиции. Попадая в промежуточное положение между корнем и конечным суффиксом, он не способен удержать свое значение и подвергается семантической абсорбции со стороны суффикса *-а-*. Происходит структурное слияние соседних морфем, что приводит к переразложению в основе и возникновению протяжённого суффикса *-ича-*, равного по значению суффиксу *-а-*, потому что семантика лица, прежде выраженная суффиксом *-ик*, утратилась. Следствием этого процесса является образование новых системных связей между звеньями словообразовательной цепи: появляется возможность выводимости глагола *распутничать* из исходного прилагательного *распутный*. Возникновение опосредованной мотивации свидетельствует о развитии у производного глагола полимотивированности. Теперь он способен выводиться из всех предыдущих звеньев словообразовательной цепи:

распутник → *распутнич-а/ть/* ('быть распутником')

распутн/ый/ → *распутн-ича/ть/* ('быть распутным')

Каждая из мотиваций находит свое формальное выражение в производном. Разная членимость производного выражает различные смысловые отношения в пределах одного лексического значения слова.

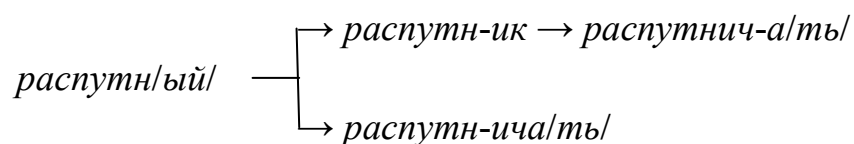
Множественность мотивации становится вторым шагом на пути к формированию морфемного комплекса, поскольку становится причиной появления такой его структурной разновидности, как промежуточная зона, в которой производное характеризуется неоднородностью своей словообразовательной структуры. С одной стороны, фонологически тождественная аффиксальная последовательность представлена в

производном как комбинация двух простых морфем *-ич-* + *-а-* (*распутн-ик* → *распутн/ич-а/ть*), с другой – как единая протяжённая морфема *-ича-* (*распутн/ый/* → *распутн-/ича/ть*).

Если производный глагол *распутничать*, независимо от его словообразовательной структуры, выражает одно и то же лексическое значение ‘вести распутную жизнь’ [МАС], значит, каждая мотивация характеризуется определенными семантическими правилами сочетания мотиватора и дериватора, которые формируют это единое значение. При непосредственной мотивации (*распутник* → *распутнич-а/ть/*) семантика личного существительного осваивается глаголом не полностью, а с семантическим усечением (утрачивается значение лица в результате десемантизации суффикса *-ик* в слабой позиции). При опосредованной мотивации (*распутн/ый/* → *распутн-ича/ть/*) семантика адъективной основы осваивается глаголом полностью.

Таким образом, несмотря на варьирование словообразовательной структуры (*распутнич-а/ть/* и *распутн-ича/ть/*), производный глагол характеризуется одним семантическим наполнением (‘действие, характеризующееся признаком’), что объясняется семантическим тождеством суффиксов *-а-* и *-ича-* (действие) и семантическим тождеством основ *распутнич-* (погашено значение лица) и *распутн-*, которые выражают признак.

Множественность мотивации свидетельствует о том, что структурное развертывание словообразовательной цепи может не совпадать с ее семантическим развертыванием. Разница заключается в том, что «с точки зрения структурной данное гнездо развертывается по принципу цепи, с семантической точки зрения – по принципу парадигмы» [Ширшов 1999: 181], поскольку производные первой и второй ступени (*распутник* и *распутничать*) одинаково мотивируются исходным прилагательным *распутный*:

Вторая (опосредованная) мотивация формирует словообразовательную модель, по которой в языке образуются неполные словообразовательные цепи, где ступенчатый принцип развертывания гнезда уступает место чересступенчатому, бинарному. Именно для неполных цепей характерно присоединение фонологически протяжённого дериватора: *важн/ый/* → *важн-ича/ть/* ('быть важным'), *жадн/ый/* → *жадн-ича/ть/* ('быть жадным'), *наивн/ый/* → *наивн-ича/ть/* ('притворяться наивным'). Следовательно, неполная (двухкомпонентная⁶) цепь становится причиной формирования последней структурной разновидности морфемного комплекса.

Таким образом, наличие в языке полных и неполных словообразовательных цепей приводит к формированию морфемного комплекса (-ич- + -а- – -ича-). В полных полинарных цепях начинается его формирование, в неполных бинарных цепях завершается. Полная полинарная цепь, где в производном на второй ступени деривации оказывается рядом два аффикса (первая структурная разновидность морфемного комплекса), создает условие для развития полимотивированности производного, которая является причиной формирования двух других структурных разновидностей морфемного комплекса – промежуточной зоны (где аффикс распадается на две морфемы или предстает как протяжённая морфема) и структурной разновидности, представленной исключительно протяжённым аффиксом. Последняя формируется в неполных бинарных цепях, характеризующихся мономотивированностью.

⁶ В словообразовательных цепях количество звеньев может быть бóльшим (*важн/ый/* → *важн-ича/ть/* → *важнича-н'j/e/*), однако это не имеет существенного значения. Важно, что необходимый для исследования фрагмент цепи состоит из двух компонентов.

5. Морфемный комплекс и этапы формирования протяжённого аффикса

Если рассматривать морфемный комплекс на временной оси, то каждая его структурная разновидность отражает определенный этап формирования протяжённой морфемы.

Первый этап – начальная стадия, на которой происходит усложнение морфемного состава слова, осуществляемое посредством нанизывания аффиксов. В результате в производном слове должно оказаться рядом как минимум два простых аффикса. Это возможно лишь на второй ступени словообразования – в последнем звене трехкомпонентной словообразовательной цепи: *оружие* → *без-оруж-н/ый/* ('не имеющий оружия') → */не-без/оружный* ('имеющий оружие'). Каждый аффикс вносит в слово свое значение, поэтому происходит усложнение не только формы, но и смысла лексической единицы.

Морфемный комплекс как сочетание двух простых самостоятельных аффиксов в современном языке представлен, как правило, незначительным количеством слов. Например, среди слов с морфемным комплексом *-нича-* можно назвать такие производные, как *сотруд/нича-а/ть* от *сотрудник* (← *трудиться*), *намест/нича-а/ть* от *наместник* (← *место*), с префиксальным морфемным комплексом *обез-(обес-)* – */о-бес/толковать* от *бестолковый* (← *толковый*), */о-без/молвить* от *безмолвный* (← *молвить*). У названных слов с морфемными комплексами *-нича-* и *обез-(обес-)* мотивирующими являются производные основы, характеризующиеся живой морфологической членимостью, поскольку каждая часть основы с тем же значением наличествует и в других основах, а корень встречается и в виде самостоятельной основы:

со-труд-ник – ср. *труд-ов/ой/*, *со-курс-ник*, *труд*

на-мест-ник – ср. *мест-н/ый/*, *на-дом-ник*, *мест/о/*

бес-толк-ов/ый/ – ср. *толк-ом*, *бес-класс-ов/ый/*, *толк*

без-молв-н/ый/ – ср. *раз-молв-к/а/*, *без-дум-н/ый/*, *молв/а/*

Согласно существующим в науке классификациям, рассмотренные производные основы относятся к первой степени членимости по шкале М.В. Панова [Панов 1999: 236] или характеризуются полной свободной членимостью по классификации Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1968: 535].

Чаще предшествующий (первичный) аффикс в морфемном комплексе является «реликтом» прежнего морфемного строения слова, которое можно восстановить лишь обратившись к истории языка. У таких производных, как *палом/нич-еств/о* от *паломник*, *сопер/нич-а/ть* от *соперник*, *обыва/тель-ск/ий* от *обыватель*, *прия/тель-ств/о* от *приятель*, мотивирующими в современном языке выступают непродуцированные основы, которые ранее были производными и свободно членимыми:

палом-ьникъ ← *пальм/а/* ('пальмовая ветвь')

супър-ьникъ ← *супъръ* ('противник')

обыва-тель ← *обывать* ('проживать, обитать')

прия-тель ← *приятти* ('любить, дружить') [КЭС]

Утратив со временем производность, мотивирующие *паломник*, *соперник*, *обыватель*, *приятель* сохранили членимость, хотя последняя и не является в современном языке свободной.

Суффикс *-ник* в существительных *паломник*, *соперник* является компонентом условно членимой основы (по Е.С. Кубряковой) или основы, обладающей полной связанной членимостью (по Н.А. Янко-Триницкой), поскольку она имеет связанный корень, но характеризуется двусторонней сопоставимостью морфем (*палом-ник* – ср. *палом-нищ/а/*, *фокус-ник*; *сопер-ник* – ср. *сопер-нищ/а/*, *печ-ник*).

Основы слов *обыватель*, *приятель* относятся к дефектно членимым (по Е.С. Кубряковой), к четвертой степени членимости (по М.В. Панову) и недостаточной членимости первой степени (по Н.А. Янко-Триницкой), так как вступают только в один ряд соотношений, причем сопоставимой

морфемой выступает суффикс *-тель*, корень же является морфемой несопоставимой. Членимость данных основ поддерживается полной членимостью других слов, близких по общему значению и фонемному составу конечной части. Таким образом, в словах *обыватель*, *приятель* со значением лица выделяется суффикс *-тель*, потому что в других словах со значением лица суффикс *-тель* выделяется на основании двусторонней сопоставимости: ср. *строи-тель*, *строй-к/а/*; *гада-тель*, *гада-ниj/э/*.

Встречаются и такие случаи, когда в современном языке морфемный комплекс вообще не представлен последовательностью простых морфем. Например, морфемный комплекс *недо-* в глаголах не может быть представлен сочетанием двух простых приставок *не-* + *до-*, поскольку в соответствии с современным орфографическим правилом *не* с глаголами в русском языке пишется отдельно и, следовательно, приставкой в глаголе быть не может, в то время как глаголы, послужившие когда-то для образования нового словообразовательного средства, вышли из употребления: /*нѐ-до/мыслити* ‘не понять, не додуматься’ от *домыслити* ‘понять, додуматься’, /*нѐ-до/вѣдѣти* ‘не узнать, не дознаться’ от *довѣдѣти* ‘познать’. Морфемный комплекс, утративший в языке свою исходную структурную разновидность (сочетание двух-трех простых аффиксов) в процессе исторического развития, целесообразно называть *неполным морфемным комплексом*.

Таким образом, структурная разновидность морфемного комплекса, отражающая первую фазу формирования протяжённой морфемы, насчитывает, как правило, незначительное количество слов или вовсе не представлена современными производными. Но поскольку протяжённый аффикс «на голом месте» сформироваться не может, истоки его возникновения необходимо искать в языковом прошлом. Для этого необходимо привлекать данные этимологических и исторических словарей, на основе которых устанавливается деривационная история слов, в настоящее время являющихся непроизводными, например:

Обыватель. Собств.-русск. Образовано с помощью суф. *-тель* от *обывать* – «проживать, обитать», восходящего как производное к *быть*. Первичное значение – «постоянный житель какой-либо местности» [КЭС].

Паломникъ (‘воротившійся съ пальмою изъ св. мѣстъ; странникъ, богомолецъ’) и *пальма* (‘вѣтвь’) [СДРЯ], из чего следует, что слово *пальма* являлось производящим для существительного *паломникъ* (*пальм/а/* → *палом-ьникъ*).

Второй этап формирования протяжённого аффикса – промежуточная стадия, где происходит взаимодействие двух смежных аффиксов на уровне содержания и формы. Оно ведет к исчезновению границы между аффиксами в результате их слияния в единую морфему и, как следствие, к переразложению, то есть перемещению морфемной границы в основе производного слова.

Эта фаза формирования протяжённого аффикса, как правило, представлена наибольшим количеством производных. И это закономерно, поскольку промежуточная зона – «тот объект, который подлежит ведению множественной мотивации» [Ширшов 1981: 77]. Здесь пересекаются системные связи разных эпох – «те, которые были продуктивными когда-то и сохранившиеся в современном русском языке» (имеется в виду словообразование, осуществляемое посредством нанизывания аффиксов: *плен* → *плен-ник* → *пленнич-еств/o/*), и «те, которые являются синхронными по своему существу» [Там же: 88] (речь идет о чересступенчатом словообразовании, которое реализуется в освоении исходных основ: *плен* → *плен-ничеств/o/*). Промежуточная зона морфемного комплекса – его обязательная структурная разновидность, которая всегда представлена производными словами, основы которых являются свободно членимыми.

Третий этап – завершающая (конечная) стадия, характеризующаяся оформлением и закреплением в языке нового словообразовательного средства, а именно протяжённой морфемы.

Морфемный комплекс как единый протяжённый аффикс может быть представлен значительным количеством слов (например, *-нича/ть/* в глаголах, *-тельн/ый/* в прилагательных) или небольшим числом производных (*-ничеств/о/* в существительных, *-истск/ий/* в прилагательных). Это зависит от времени появления протяжённой морфемы в языке, от ее сочетаемостной базы, от востребованности и актуальности ее семантики и некоторых других причин.

Сформировавшиеся протяжённые аффиксы нередко используются носителями языка для номинации явлений объективной действительности при недостаточных возможностях узуса, а также в целях более точного и яркого выражения мысли. Приведем некоторые примеры:

суффикс -нича/ть/

–...Вавилов отличался большой простотой, он не любил генеральничать, – продолжал Зубр. – Относился к людям без всякого чиновпочитания, одинаково разговаривал и с министром, и с академиком, и со студентом (Д. Гранин. Зубр, 1987) [НКРЯ].

суффикс -тельск/ий/

...это одна из излюбленных машинок для любительских ралли, потому что терпит не только наплевательское отношение, но и откровенно выжимательское (<http://www.e1.ru>).

приставка недо-

– Чтоб не пугал людей. Ты понимаешь, что недоубитое сильнее живого? Оно мучает (Г. Щербакова. Мальчик и девочка, 2001) [НКРЯ].

приставка обес-

...координационный центр корреспондентов СиБи-С взял на себя организацию помощи «обестелефонным» москвичам, после чего у руководства центра появилась идея создать Службу спасения (В. Ворсоби́н. Говорят, спасатели-романтики, только это, братцы, ерунда // Комсомольская правда, 2001.02.05) [НКРЯ].

Отсутствие в языке конечной структурной разновидности морфемного комплекса – протяжённой морфемы – говорит о том, что фонологически тождественная аффиксальная последовательность ещё не оформилась в морфемный комплекс. В русском языке немало аффиксальных последовательностей, которые в производном слове могут быть представлены двояко: члениться на отдельные морфы и в то же время выступать как единый словообразующий элемент (см. гл. III, п. 2.4 и п. 4.5; гл. IV, п. 5). Такие последовательности морфем представляют зону переходности, потому что еще не функционируют в языке как формально и семантически неделимый аффикс. Но поскольку в языковой системе существует потенциальная возможность преобразования подобного рода морфемных сочетаний в протяжённый аффикс, их можно терминировать как *потенциальный морфемный комплекс*.

Таким образом, три структурные разновидности морфемного комплекса отражают три этапа формирования протяжённого аффикса:

- начальная стадия, характеризующаяся усложнением формы и значения;
- промежуточная стадия, где происходят семантические и формальные преобразования, ведущие к переразложению в основе производного слова;
- конечная стадия, на которой закрепляется в языке новый протяжённый аффикс.

Морфемный комплекс, представленный в современном языке всеми тремя структурными разновидностями, является полным морфемным комплексом. Если одна из структурных разновидностей морфемного комплекса отсутствует, то его следует считать неполным или потенциальным морфемным комплексом. У неполного морфемного комплекса утрачена *исходная* структурная разновидность (две простые морфемы) в процессе языкового развития, потенциальный морфемный комплекс не имеет *конечной* структурной разновидности (протяжённого аффикса) в силу того, что морфемный комплекс ещё не достиг финальной стадии своего развития.

6. Способы представления протяжённых аффиксов в словообразовательных и морфемных словарях русского языка

Еще В.В. Виноградов писал о том, что «двойственность возможного членения слова во многих случаях зависит от различной направленности смысловых связей этого слова» [Виноградов 1952 б: 53]. Данное явление, которое А.Н. Тихонов впоследствии назвал «множественностью словообразовательной структуры» слова, находит отражение в словообразовательных словарях русского языка.

Одним из первых таких словарей был «Школьный словообразовательный словарь» З.А. Потихи [Потиха 1961], который по существу является морфемным словарем, так как в нем слова расчленены на морфемы с учетом живых словообразовательных связей в современном языке. Полное морфологическое членение слова дается в словаре путем последовательного сопоставления однокоренных слов: *из/бир/а/тель/н/ый* (ср.: *из/бир/а/ть*, *из/бир/а/тель*), но *уваж/и/тельн/ый*, поскольку отсутствует в языке слово **уважитель* (ср.: *уваж/а/ть*, *уваж/ени/е*, *уваж/и/ть*). Данный словарь не отражает полиструктурность, которая может быть свойственна производному слову, в частности прилагательному *избирательный* (*избира-тель-н-ый* и *избира-тельн-ый*), но фиксирует в составе слов протяжённые аффиксы, сложившиеся в языке. Следует отметить, что словарь не лишен спорных случаев членения слова на морфемы. Так, выделение в прилагательном *у/потреб/и/тель/н/ый* двух суффиксов *-тель* и *-н-* не поддержано наличием в языке (и соответственно в словаре) существительного *употребитель*. В приложении к словарю приводится алфавитный свод приставок и суффиксов различных частей речи, где названы и сложные (производные) аффиксы. В ряде случаев указывается, как сформировался тот или иной производный аффикс, например: сложная приставка *обез-* образована в результате сращения приставки *о-* с приставкой *без-*; в результате переразложения производных основ

с суффиксом *-ск(-еск-)* образовались производные суффиксы *-анск/ий/*, *-енск/ий/*, *-ийск/ий/*, *-инск/ий/*, *-истск/ий/*, *-овск/ий/*, *-ческ/ий/* [Потиха 1964: 335, 353].

Бурное развитие словообразования как самостоятельной научной дисциплины в 70-80-е гг. XX столетия, обусловленное активным интересом дериватологов к живым процессам современного русского языка и их теоретическим осмыслением, подготовило почву для выхода в свет целого ряда словарей, отражающих морфемный состав и словообразовательную структуру производного слова.

В 1982 году появляется «Словарь служебных морфем русского языка» Г.П. Цыганенко, в котором содержится сопоставительное описание служебных морфем основных частей речи русского и украинского языков. В данном словаре отмечаются и протяжённые морфемы, однако позиция автора в этом вопросе достаточно противоречива.

Г.П. Цыганенко, ссылаясь на то, что «в русистике сложилась традиция рассматривать интерфиксы в качестве наращений на суффикс» [Цыганенко 1982: 7], выделяет основные и производные (вариантные) суффиксы, например: *-ак – -чак (чуд-ак, смель-чак)*. Звуки-наращения рассматриваются как элементы, варьирующие основной вид суффикса. С такой позицией автора можно было бы согласиться, но дальнейшие пояснения вызывают недоумение: «Суффикс с наращением нередко отличается от исходного его вида не только фонологической сочетаемостью с определенными производящими основами, но также *оттенками значения* (выделено нами. – О.П.)» [Там же: 7], что, на наш взгляд, совершенно неверно, поскольку наращение-интерфикс – это асемантический элемент структуры слова. В качестве примера приводится основной суффикс *-ец*, который образует названия лиц мужского пола по местности (*кубанец*), по национальности (*украинец*), по действию (*чтец*), и его вариант *-лец*, обозначающий лиц мужского пола по действию, состоянию, способностям (*владелец, поилец, скиталец, умелец*). Как верно замечает Е.А. Земская, разница в значении

здесь определяется не наличием/отсутствием -л-, а характером основы – субстантивная/глагольная [Земская 1973: 117]. У отглагольных существительных как с простым, так и с протяжённым суффиксом (*чтец, владелец, поилец, скиталец, умелец*) значение одинаковое – ‘лицо мужского пола по отношению к действию’.

Помещение в одну словарную статью «очень близких по звучанию и тождественных по значению вариантов», например -чик(-щик), и в разные словарные статьи «более или менее далеких (выделено нами. – О.П.) суффиксов» (неудачная, на наш взгляд, формулировка), например -льщик, -альщик, -ельщик, -ильщик, -овщик, скорее является недостатком словаря, чем его достоинством, поскольку сам автор у «более или менее далеких суффиксов» отмечает одно и то же значение – ‘лицо мужского пола по отношению к действию’ (ср.: *пильщик, обходчик, плавильщик, вязальщик* и др.). Термины «производный» и «вариантный» аффикс используются автором некорректно.

Тем не менее к достоинствам словаря следует отнести разграничение простых и производных аффиксов, наличие информации о возникновении последних, сведения о значении аффиксов, их стилистической окраске (при ее наличии), сочетаемости с определенным кругом основ, а также продуктивности/непродуктивности.

Описание семантики русских аффиксов содержит и «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой (1996) [ТССЕ], в котором проводится четкое разграничение между вариантами одной морфемы в широком смысле этого слова (-к-/ок-, без-/бес-, -ее/-ей, -чик/ -щик) и разными морфемами, среди которых выделяются три структурные разновидности – простые (первообразные), производные и составные. Под производными служебными морфемами понимаются аффиксы, характеризующиеся последовательным наращением элементов слева от первообразной единицы (-ск-> -анск-, -овск-, -тельск- и др.). Выделение составных служебных морфем – аффиксов, состоящих из двух

компонентов (*не-без-, по-за-, -евчан-ин*), представляется избыточным, поскольку, во-первых, неясно их отличие от производных аффиксов, во-вторых, термины «производный» и «составной» аффикс используются в словообразовании как синонимы.

Между простыми и производными единицами в словаре существует хорошо продуманная система ссылок, позволяющая установить структурные особенности конкретного аффикса. Так, при простых заголовочных единицах, имеющих производные, эти производные перечисляются. Например: *-ик*. См. также *-ник, -овик, -щик*. При производных заголовочных единицах называются те простые, от которых соответствующие производные образовались. Например: *-овик*. См. *-ик*. Если же производная единица не только производна, но и имеет собственные производные, она характеризуется с двух названных сторон. Например: *-ник*. См. *-ик*, а также *-еник, -енник*. Алфавитный перечень словообразовательных единиц и их производных представлен также в отдельном приложении словаря.

В «Толковом словаре словообразовательных единиц...» Т.Ф. Ефремовой, в отличие от «Словаря служебных морфем...» Г.П. Цыганенко, представлено более подробное описание аффиксальных морфем. Помимо значения, сочетаемости и продуктивности, морфема характеризуется с точки зрения регулярности/нерегулярности, морфонологических явлений (при сопряжении ее с основой) и ударения.

Масштабным лексикографическим трудом является «Словарь морфем русского языка» А.И. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой (1986) [СМРЯ], в котором в качестве заглавных единиц выступают не только корни, но и аффиксы, также в нем фиксируются все возможные сочетания приводимых морфем друг с другом. В Корневой части «Словаря...» авторы отмечают знаком астериска (*) слова, допускающие эквивалентное членение посткорневой части слова, указывая тем самым на то, что многоморфемные единства типа *-енств-, -лк-, -ловк-, -льник-, -ност-, -ственн-* и т.п. постепенно утрачивают самостоятельность своих ингредиентов, исторически легко выделяемых, и

превращаются в целые, комплексные единицы, используемые в качестве самостоятельных формантов для образования новых слов в русском языке. Данное лексикографическое произведение содержит информацию и о словообразовательной структуре слова, и об элементах, из которых оно состоит. Алфавитный перечень наиболее активных многоморфемных единств (158 единиц), которые могут делиться на разное количество элементов в зависимости от того, какие однокоренные слова входят в словообразовательное гнездо, авторы представили в приложении словаря. К недостаткам словаря следует отнести неразграничение «морфемных блоков» и уже сформировавшихся в языке протяжённых аффиксов.

Первым большим гнездовым словарем русского языка, в котором отражен ступенчатый характер русского словообразования, стал «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова (1985) [ССТ]. В этом словаре впервые в русской лексикографии показана полимотивированность и полиструктурность производного слова, отражен специфический характер словообразовательной структуры производных слов, образованных чересступенчатым путем. В их составе выделен комплексный аффиксальный формант, состоящий из двух частей, разделенных косой чертой: один аффикс связывает их с пропущенной ступенью, а другой представляет данную ступень словообразования. Такой формант, по словам А.Н. Тихонова, может состоять:

1) из двух суффиксов (на пропущенную ступень словообразования указывает первый суффикс): *мод/а/* → *мод-ист/к-а*;

2) из интерфикса и двух суффиксов (на пропущенную ступень словообразования указывают интерфикс и первый суффикс): *секци/я/* → *секц-он/ирова/ниѣ-е*;

3) из префиксально-суффиксальной части и суффикса (на пропущенную ступень словообразования указывают префикс и первый суффикс): *сер/а/* → *обес-сер-ива/ниѣ-е*;

4) из интерфикса, префиксально-суффиксальной части и суффикса (на пропущенную ступень указывают префикс, интерфикс и первый суффикс): *торф* → *о-торф-ен/е/л-ый*;

5) из суффикса и показателя субстантивности производного слова (на пропущенную ступень словообразования указывает суффикс): *ворон* → *ворон-ов-ые* (сущ.) [ССТ: 14].

Описывая словообразовательную структуру слова, автор опирается на две научные концепции: с одной стороны, признает наличие в слове интерфиксов, с другой – протяжённых морфем (комплексный аффиксальный формант, состоящий из двух частей). В производном *модистка -ист/к-* является именно протяжённым суффиксом, который выражает значение ‘лицо женского пола’, поскольку значение левого суффикса *-ист-* (‘лицо мужского пола’) нейтрализовано. В составе протяжённого суффикса элемент *-ист-* уже не суффикс, а субморф. В концепции сторонников теории интерфиксации незначимый элемент *-ист-* должен быть назван интерфиксом. Если автор словаря опирается на обе названные концепции, закономерно возникает вопрос, как отличить интерфикс от «первого» суффикса (*отц-ов/ств-о*), поскольку и тот, и другой в производном слове графически выделяются одинаково – косой чертой.

Поскольку словообразовательные связи производных слов и их структурная характеристика представлены в словаре в отвлечении от лексического значения, без учета тех семантических преобразований, которые возникают при сопряжении дериватора и мотиватора, членение слова на морфемы не всегда представляется мотивированным и в определенной степени носит формальный характер. К примеру, в производных, находящихся на одной ступени деривации: *строительство* (от *строить*) и *строительный* (от *строить*), «комплексный аффиксальный формант», в котором левый аффикс явно подвергся семантической нейтрализации, обозначается по-разному: *строи-тель/ств-о* (как состоящий

из двух суффиксов) и *строи-тельн-ый* (как единая морфема) вместо *строи-тель/н-ый*.

Создание гнездового словообразовательного словаря – это первый опыт в истории русской лексикографии, который подтверждает мысль И.И. Срезневского о том, что «хороший, достаточно полный словарь никогда не может быть составлен с одного раза», а «самый удовлетворительный словарь по времени... все более требует поправок и дополнений» [Срезневский 1854: 13].

Словарем нового типа можно назвать «Толковый словообразовательный словарь русского языка» И.А. Ширшова (2004) [ТССШ]. Языковой материал в нем организован в толково-словообразовательные гнезда, которые представляют собой группировки однокоренных слов с фиксацией лексических значений и словообразовательной структуры производных, поэтому словарь предстает как структурно-семантическое целое.

Словообразовательные отношения выявляются в словаре с позиции синхронии. Впервые в отечественной лексикографии толкования производных слов соответствуют их словообразовательной структуре:

КАПРИЗНИК, -а, м. (разг.). [*капризн(ый)* → *капризн-ик* и *каприз* → *каприз-ник*]. Капризный человек, ребенок; с капризами [ТССШ].

Такая организация словарной статьи позволяет отразить в слове отношения полимотивированности, когда мотивированное в одном и том же значении соотносится с двумя мотивирующими и имеет две словообразовательные структуры с однозначными аффиксами.

В «Толковом словообразовательном словаре...» формант (протяжённый аффикс) предстает как целостная структура, не распадающаяся на какие-либо составляющие: интерфикс не фиксируется, он является частью словообразовательного средства (*отец* → *отц-овск-ий*, *зр/ени-е/* → *зр-ительн-ый*, *ран/o/* → *споза-ран-ку*).

Краткий экскурс в область лексикографии показывает, что морфемные и словообразовательные словари русского языка выделяют протяжённые аффиксы. Однако их репрезентация в словарях неодинакова. Это проявляется прежде всего в том, что в одних словарях при морфемной сегментации учитывается полиструктурность производного, в других – преобладает формальный подход к членению слова на морфемы, что оставляет вне поля зрения многие протяжённые аффиксы. Неоднородность подачи материала обнаруживается и в том, что одни авторы заостряют внимание на незначимых элементах в составе сложных морфемных образований (интерфиксы у А.Н. Тихонова, субморфы у Т.Ф. Ефремовой, А.И. Кузнецовой), другие оставляют этот вопрос без внимания. Наконец, следует отметить пестроту терминологического обозначения протяжённых аффиксов: «производный аффикс» (З.А. Потиха, Г.П. Цыганенко, Т.Ф. Ефремова), «составной аффикс» (Т.Ф. Ефремова), «многоморфемное единство (морфемный блок)» (Т.Ф. Ефремова, А.И. Кузнецова), «комплексный аффиксальный формант» (А.Н. Тихонов).

Столь различное представление протяжённых аффиксов в словарях связано прежде всего со сложной природой самого явления, с недостаточной разработкой теоретической базы по данному вопросу, с отсутствием единого взгляда на проблему, а также в определенной степени с типом словаря (морфемный/словообразовательный/толковый словообразовательный) и его адресной направленностью (школьный/академический).

ВЫВОДЫ

Словообразовательная система языка развивается по принципу «нанизывания» простых морфем. На определенном этапе развития она исчерпывает свои ресурсы, ввиду ограниченного количества простых морфем, и начинает формировать протяжённые аффиксы из материала

простых. Тенденция к созданию фонологически протяжённых морфем свойственна не только русскому, но и другим языкам.

В основе описания механизма образования протяжённых аффиксов лежит понятие морфемного комплекса. Морфемный комплекс – это неоднородная по структуре фонологически тождественная аффиксальная последовательность, которая может быть представлена в производных словах либо двумя (и более) простыми морфемами, либо формально протяжённой, но семантически простой морфемой, либо обеими названными разновидностями одновременно. Таким образом, морфемный комплекс характеризуется трехчастной структурой, а также устойчивостью фонологического наполнения и наличием определенной семантики.

Возможность существования в языке морфемных комплексов, а следовательно, и протяжённых аффиксов обусловлена фузионными свойствами языка, которые проявляются в тесном взаимодействии словообразующих элементов как на уровне формы, так и на уровне содержания, что приводит к образованию единиц нового морфологического качества.

Формирование морфемного комплекса связано с семантическими и структурными преобразованиями в основе производного слова. При этом семантические изменения оказываются определяющими, потому что именно они лежат в основе структурных изменений.

Для появления морфемного комплекса необходимы известные условия и причины. К основным условиям возникновения морфемного комплекса относятся позиция аффикса в производном слове и тип словообразовательной цепи. Важнейшими причинами являются десемантизация неконечного аффикса и развитие полимотивированности у производного.

Устранение семантических компонентов в словообразовательном процессе носит не случайный характер. Десемантизация аффикса является первым шагом в формировании морфемного комплекса. Условием ее

возникновения становится слабая позиция аффикса в мотивирующей основе производного слова. На процесс десемантизации немалое влияние оказывает так называемый «внутренний контекст» – семантика дериватора и его взаимодействие с корневой морфемой.

Вследствие десемантизации неконечного аффикса у производного слова образуются новые системные связи и развивается полимотивированность. И десемантизация аффикса, и полимотивированность производного возможны как минимум на второй ступени деривации, когда в основе слова рядом оказываются два аффикса. Поэтому другим условием формирования морфемного комплекса является полная полинарная (минимум трехкомпонентная) словообразовательная цепь. Десемантизация аффикса и появление у производного опосредованной мотивации вызывают структурные изменения в производном – переразложение в его основе, в результате чего формируется фонологически протяжённый аффикс. Сохраняя старую словообразовательную структуру, слово приобретает новую словообразовательную структуру, то есть становится полиструктурным.

Новая опосредованная мотивация, формальным выражением которой является неполная (двухкомпонентная) словообразовательная цепь, становится образцом для образования новых производных слов, в структуре которых функционирует фонологически протяжённый аффикс. Таким образом, неполнота словообразовательных цепей (чересступенчатое словообразование) становится причиной существования в языке протяжённых морфем. Причем, чем больше ступеней словообразования пропущено, тем протяжённое аффикс.

Три структурные разновидности морфемного комплекса соответствуют трем этапам формирования протяжённого аффикса. Первый этап (начальная стадия) представлен нанизыванием морфем в словообразовательном процессе, второй этап (промежуточная стадия) характеризуется переразложением в основе производного слова, третий этап (конечная

стадия) – функционированием в языке фонологически протяжённого аффикса. Конечная и промежуточная стадии представлены в языке только производными, свободно членимыми словами, начальную стадию могут представлять и несвободно членимые образования, утратившие производность в современном языке.

Наличие в языке протяжённых аффиксов находит отражение в морфемных и словообразовательных словарях русского языка. Выделение в них протяжённых аффиксов наряду с простыми аффиксами, на базе которых они сформировались, показывает объективный и сложный характер словообразовательных отношений в системе языка. Но представление протяжённых аффиксальных морфем в словарях не лишено некоторых противоречий, поскольку один и тот же языковой материал получает неоднородную интерпретацию: морфемная сегментация полиаффиксальных производных дается по-разному. Это становится актуальной проблемой для деривационной лексикографии.

Глава III

ПРОТЯЖЁННЫЕ СУФФИКСЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Характерные особенности суффикса в русском языке

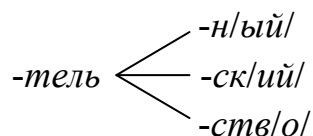
Суффиксальная система русского языка с общеславянского периода до настоящего времени претерпела коренные изменения. Во многом это объясняется спецификой самого суффикса как служебной морфемы.

По словам Н.М. Шанского, русские суффиксы генетически распадаются на три группы: 1) суффиксы, возникающие на базе старых окончаний (это суффиксы наречий); 2) суффиксы, образовавшиеся в результате морфемизации слов (например, *-жды* в *дважды* восходит к корню *шъд-*); 3) суффиксы, унаследованные русским языком из общеславянского языка-основы, и суффиксы, возникшие на базе общеславянских в силу процессов переразложения [Шанский 1959: 89-90]. Именно переразложение стало основным средством развития и пополнения суффиксального фонда русского языка: «почти все продуктивные славянские суффиксы в историческую эпоху сложились на славянской почве», развитие новых «более обширных суффиксов» происходило «посредством агглютинации различных элементов» [Мейе 1951: 275, 276].

Н.В. Крушевский установил, что творчество суффиксов в русском языке происходит главным образом за счет основ: «звуки, находящиеся перед суффиксом... будут остатками старых суффиксов и, в редких случаях, звуками старого корня» [Крушевский 1883: 81]. Этому способствуют морфонологические явления на границе производящей основы и суффикса, так как «"формальные принадлежности" слова могут вклиниваться, врезаться одна в другую, наслаиваться друг на друга, скрещиваясь или сливаясь в неразрывные структурные элементы целого» [Виноградов 1938]. Тесная связь суффикса с производящей основой демонстрирует относительную

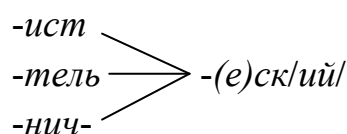
формальную несамостоятельность последнего по сравнению с приставкой. Таким образом, для суффиксов характерна естественная для флективного строя русского языка «тенденция к фузионной спайке аффиксальных последовательностей... и образование на этой основе новых, сложных или бисуффиксальных, словообразовательных формантов» [Крючкова 2000: 154]. Это особое свойство суффиксов было подмечено учеными еще в XIX веке: «один суффикс может наращаться другим для обозначения нового оттенка, придаваемого смыслу слова» [Буслаев 1863: 85]; суффикс отличается «чрезвычайной способностью сочетаться друг с другом и образовывать один сложный суффикс» [Крушевский 1883: 80].

Сочетания суффиксов в полиаффиксальных производных могут образовывать устойчивые морфемные блоки, где один и тот же первичный (начальный) суффикс сопрягается с разными вторичными (конечными) суффиксами. При этом между первичным суффиксом и вторичными суффиксами устанавливаются радиальные отношения, и в языке образуются так называемые «суффиксальные пучки, равноценные суффиксальным словообразовательным парадигмам» [Кузнецова 1987: 104]:

Десемантизация первичного суффикса приводит к образованию серии протяжённых аффиксов (-тельн/ый/, -тельск/ий/, -тельств/о/).

С другой стороны, если суффиксы постоянно разветвляются, обогащаясь звуками, отторгнутыми от основ (чаще всего это первичные аффиксы), то суффиксальные пучки могут возникать и на основе вторичного (конечного) суффикса:

Так как протяжённые суффиксы формируются по принципу «нанизывания» простых морфем, между первичным и вторичными (последующими) суффиксами в морфемном комплексе возникают линейные отношения, которые создают аналог словообразовательной цепи, например, *-н – ич – а/ть/, -тель – ств – ова/ть/* и под.

Если же у первичного суффикса со вторичными суффиксами возникают как парадигматические, так и синтагматические связи, может образоваться подобие гнезда, вершиной которого является первичный суффикс:

-тель
 -тель-н/ый/
 |
 -тельн-иц/а/
 -тельн-ость
 -тель-ниц/а/
 -тель-ск/ий/
 -тель-ств/о/
 |
 -тельств-енн/ый/
 -тельств-ова/ть/
 -тельствова-ниј/э/
 -тель-и/а/

Таким образом, в суффиксальной системе языка существуют связи и отношения, подобные тем, что наблюдаются между производными словами.

Основная функция суффиксов в языке – классифицирующая, которая, по мнению В.А. Богородицкого, заключается «в указании класса представлений, в который зачислено данное представление» [Богородицкий 1935: 94]. Классифицирующая функция суффикса отчетливо проявляется в сочетании с системой флексий, поскольку «формы словообразования не существуют в славянских языках строго обособленно от форм словоизменения» [Булаховский 1952: 131]. Вместе они несут информацию о грамматических свойствах слова.

Суффикс является носителем не только частеречного (категориального) значения, но и целого ряда частных значений как предельно широких (например, отвлеченного действия в производном *изыскан-ниѣ*/э/), так и очень конкретных (к примеру, помещение в существительном *чита-льн*/я/, заболевание в слове *тромб-оз*).

Так как суффиксы могут передавать словообразовательные отношения между словами как одной части речи, так и разных частей речи, они могут быть не только внутрикатегориальными (как приставки), но и межкатегориальными⁷. К внутрикатегориальным суффиксам относятся все модификационные суффиксы, а также часть суффиксов мутационного характера. Межкатегориальные суффиксы представлены морфемами с транспозиционной семантикой и рядом мутационных суффиксов.

Наибольшее богатство и разнообразие суффиксов обнаруживается в именах существительных. По мнению В.А. Богородицкого, это связано с тем, что «все предметы мира, становясь объектами наших представлений, классифицируются нашим умом и зачисляются в те или другие образующиеся в уме категории», а «внешним выразителем этого процесса и являются суффиксы, которые, присоединяясь к корню, определяют принадлежность обозначаемого предмета к тому или другому классу бытий» [Богородицкий 1935: 141]. Не случайно дериватологи отмечают, что суффиксальная система коренным образом изменялась в именах (существительных и прилагательных), поэтому материалом для исследования протяжённых суффиксов избраны прежде всего эти части речи.

Так как в работе изучаются суффиксальные морфемные комплексы, сформировавшиеся на основе личных имен на *-тель*, *-ист*, *-ник*, представляется целесообразным классифицировать протяжённые аффиксы по их тождественному исходному компоненту.

⁷ Термины ввел И.С. Улуханов [Улуханов 1974].

2. Протяжённые суффиксы с начальным элементом *-тель*

Звуковая последовательность *-тель* является начальным элементом четырех протяжённых суффиксов русского языка:

<i>-тель</i>	—	<i>-н/ый/</i>	<i>-тельн/ый/</i>	<i>увлекательный</i>
	—	<i>-ск/ий/</i>	<i>-тельск/ий/</i>	<i>надувательский</i>
	—	<i>-н/ый/+иц/а/</i>	<i>-тельниц/а/</i>	<i>плевательница</i>
	—	<i>-ств/о/</i>	<i>-тельств/о/</i>	<i>вмешательство</i>

Первичный элемент *-тель* названных протяжённых формантов генетически связан с суффиксом *-тель*, который является одной из наиболее древних морфем, образующих имена действующих лиц. Как отмечает В.В. Виноградов, этот суффикс очень продуктивен в языке и образует имена существительные исключительно от глагольных основ: «В книжном языке от каждой глагольной основы на гласные *-а* или *-и*... потенциально образуется название лица по действию, по кругу деятельности или по характеру поступков с помощью суффикса *-тель*» [Виноградов 1947: 94].

Ученые единодушны во мнении, что суффикс *-тель* унаследован праславянским языком из индоевропейского: «ещё в праславянском языке индоевропейский суффикс *-tel'ь* стал активным средством образования девербативов, характеризующих действующих лиц» [Бернштейн 1972: 42]. Однако, отмечает Г. Хютль-Ворт, «нет единого мнения о том, представляет ли суффикс *-тель* в восточнославянских языках заимствование из старославянского или же восходит к общеславянскому» [Хютль-Ворт 1972: 284].

К церковнославянскому наследию в русском языке суффикс *-тель* относят С.П. Обнорский [Обнорский 1927], А.А. Шахматов [Шахматов 1941], Л.А. Булаховский [Булаховский 1952], В.Л. Воронцова [Воронцова 1954], Г. Хютль-Ворт [Хютль-Ворт 1972], В.М. Марков [Марков 2001] и некоторые другие ученые на том основании, что «крайне производительный в

литературном языке, этот суффикс почти неизвестен собственно народному языку» [Обнорский 1927: 88].

На праславянское происхождение суффикса *-тель* указывают В.В. Виноградов [Виноградов 1927], А. Мейе [Мейе 1951], С.Б. Бернштейн [Бернштейн 1972], Р.В. Железнова [Железнова 1988]: «Именно с эпохи праславянского языкового единства и начинается "языковой цикл" суффикса *-тель* во всех славянских языках» [Железнова 1988: 96]. Его отсутствие в народной речи и сохранение только в литературных языках С.Б. Бернштейн объясняет существованием в праславянский период наддиалектных культурных койнэ, которые интенсивно развивались в первом тысячелетии н.э. и играли большую роль в формировании первых славянских письменных языков, в том числе славянского церковного языка. Именно эти наддиалектные образования и явились хранителями данного суффикса [Бернштейн 1972: 42].

По словам Ж.Ж. Варбот, мнение об унаследовании суффикса *-tel'ь* восточнославянскими языками из праславянского языка, а не заимствование его из старославянского все более укрепляется [Варбот 1969: 89].

Современные носители русского языка воспринимают суффикс *-тель* как простой по структуре суффикс. Однако исследования по историческому словообразованию показывают, что этот суффикс сформировался путем контаминации имен на **-tь* и **-ělbь*, на что указывал А. Мейе в начале XX столетия: «On imagine assez aisément une contamination de (*blago*)*děti* et du type en *-ělĭ*. – On cite aussi *obutělĭ*.» [Meillet 1905: 417]. Развивая положение А. Мейе, Г.А. Николаев отмечает, что такой сугубо «отглагольный» с современной точки зрения словообразовательный тип, как суффиксальный тип имен на *-тель*, сформировался путем интеграции «однозначных» именных аффиксов **-t-+*-elbь*, поскольку словообразование прежде носило по преимуществу внутрикатегориальный характер: имена образовывались от имен. Однако в ходе развития глагольно-именных отношений в языке, усиления удельного веса глагола в семантической системе языка произошло

переосмысление прежних словообразовательных отношений и перемотивировка ранее возникших дериватов, которые были включены в сферу приглагольного, а потом и отглагольного словообразования [Николаев 2011: 68].

В исследовании В.М. Маркова, посвященном происхождению суффикса *-тель* в славянских языках [Марков 2001], говорится, что суффиксы *-ть* и *-ель* в именах выражали значение отвлеченного действия (*страсть* ‘страдание’, *гибель* ‘погибель, потеря’). Поэтому формирование новой категории производных с суффиксом *-тель*, который представляет собой удвоение однозначных суффиксов, характеризовалось первоначально тем же значением действия (*блюстель* ‘хранение’, *дѣтель* ‘деяние’). Впоследствии «путем семантической деривации» [Николаев 2011: 70] у существительных с суффиксом *-тель* развивается агентивное значение как результат перенесения названия действия на лицо (*блюстель* ‘хранитель’, *дѣтель* ‘делающий, создающий’ [СДРЯ]). И только «с устранением ранней омонимии (действие – лицо)» [Марков 2001: 100] в процессе языкового развития образования на *-тель* стали выражать значение лица, связанного с представлением о действии.

В современном языке суффикс *-тель* выражает значение не только лица, но и предмета, производящего действие (*рыхлитель*, *распылитель*) или предназначенного для осуществления действия (*выключатель*, *проявитель*) [РГ-80: 142]. Развитие предметного значения в именах на *-тель* явилось следствием растущей индустриализации России в XIX веке и привело к появлению большого массива слов с инструментальным значением. Это не могло не сказаться на том, что «продуктивность словопроизводства имен существительных личных с суффиксом *-тель* прекратилась» [Очерки: 36].

Тем не менее именно личные существительные с суффиксом *-тель* участвовали в тех языковых процессах, следствием которых стало появление в языке новых протяжённых аффиксов. Рассмотрим, как шел процесс формирования этих словообразовательных средств.

2.1. Формирование протяжённых адъективных суффиксов *-тельск/ий/* и *-тельн/ый/*: сходство и различие

Протяжённые суффиксы *-тельск/ий/* и *-тельн/ый/* сформировались в языке на основе двух самостоятельных морфов разных частей речи: суффикса отглагольных существительных мужского рода *-тель* и суффиксов относительных прилагательных *-ск/ий/* и *-н/ый/*. Несмотря на то, что оба дериватора *-ск/ий/* и *-н/ый/* выражают общее значение отношения, современные прилагательные на *-тельск/ий/* и *-тельн/ый/* обладают различной словообразовательной структурой и семантикой.

Большинство прилагательных на *-тельск/ий/* имеют значение «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» [РГ-80: 281]: *родительский* 'относящийся к родителям, родителю, принадлежащий им' (родительское благословение); *читательский* 'относящийся к читателю' (читательский билет); *любительский* 'относящийся к любителю, любителями, свойственный им' (любительская фотография) [БАС]. Значение прилагательных на *-тельн/ый/* иное: «характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом» [РГ-80: 293]: *наблюдательный* 'склонный наблюдать, все замечать' (наблюдательный человек); *обличительный* 'такой, который обличает' (обличительная речь); *изобретательный* 'склонный изобретать, находчивый' (изобретательный человек) [ТССШ]. Разница в значении имен прилагательных на *-тельск/ий/* и *-тельн/ый/* связана с тем, что, выражая значение отношения, суффикс *-ск/ий/* выражает отношение к лицу, а суффикс *-н/ый/* – отношение к действию. Соответственно первые мотивируются в современном языке существительными (*родитель* → *родитель-ск/ий/*, *читатель* → *читатель-ск/ий/*, *любитель* → *любитель-ск/ий/*), вторые – глаголами (*наблюда/ть/* → *наблюда-тельн/ый/*, *обличи/ть/* → *обличи-тельн/ый/*, *изобрета/ть/* → *изобрета-тельн/ый/*).

Однако деривационная история не только прилагательных на *-тельск/ий/*, но и прилагательных на *-тельн/ый/* представлена в языке трехкомпонентными⁸ словообразовательными цепями: *люби/ть/* → *люби-тель* → *любитель-ск/ий/*, *изобрета/ть/* → *изобрета-тель* → *изобретатель-н/ый/*, поскольку непосредственно мотивирующими для тех и других являлись отглагольные существительные мужского рода на *-тель*. Если для прилагательных на *-тельск/ий/* это очевидно, то доказательством того, что и прилагательные на *-тельн/ый/* первоначально мотивировались именами на *-тель*, являются немногие оставшиеся в современном языке образования, выражающие отношение именно к лицу (хотя бы в одном из своих значений, если слово многозначное), а не к действию:

ГРОБОКОПАТЕЛЬНЫЙ *Устар.* Относящийся к гробокопателю. *И грудой на полу лежит Гробокопательный снаряд: Кирпич, кирка, известка, млат (Жуковский, Суд в подземелье) [БАС-2].*

ПОПЕЧИТЕЛЬНЫЙ 1. Относящийся к попечителю, попечителям. *Имею право носить мундир VI класса, так как избран членом попечительного совета женской гимназии (Чех. Письмо М.П. Чехову, 25 окт. 1898) [БАС].*

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ 1. Состоящий из представителей, включающий в себя представителей. *Максимилиан Севастиан Фуа, генерал-лейтенант и депутат во второй представительной палате с 1819 года, скончался 30 ноября 1825 года (Вяз. Письма из Парижа, 1) [БАС].*

ЗРИТЕЛЬНЫЙ 2. Предназначенный для зрителей. *Зрительный зал [МАС].*

ПОКУПАТЕЛЬНЫЙ 2. То же, что покупательский (‘относящийся к покупателю, покупателям’ *Изучать покупательский спрос*). *Покупательный спрос населения [БАС].*

⁸ В словообразовательных цепях количество звеньев может быть большим, однако это не имеет существенного значения. Важно, что необходимый для исследования фрагмент цепи состоит из трех компонентов.

ИЗЫСКАТЕЛЬНЫЙ 1. То же, что изыскательский (‘относящийся к изыскателю, к изысканию’ ...где *горят изыскательских партий костры*). *Полыхают костры изыскательных партий* (Лугов. Пустыня и я) [БАС].

ПОДЖИГАТЕЛЬНЫЙ // То же, что поджигательский (‘относящийся к поджигательству, свойственный поджигателю’ *Поджигательские речи*). *Пересылались с одной стороны к другой колкости и разные поджигательные вызовы* (Вяз. Стар. зап. книжка) [БАС].

Из приведенных примеров, пожалуй, только прилагательное *зрительный* до сих пор уверенно сохраняет значение отношения к лицу, что можно объяснить его употреблением в устойчивом сочетании номинативного характера (*зрительный зал*). Остальные прилагательные либо стали выражать только отношение к действию (*покупательный, поджигательный, представительный, изыскательный*), либо перешли в пассивный словарный запас (*гробокопательный, попечительный*). Причем если слово извлекается из «запасников», то и оно в современных контекстах выражает уже отношение к действию, а не к лицу: *Переворот в археологии, во всем гробокопательном бизнесе. Никому их не читать, только Норе, когда будет приезжать из своих гробокопательных экспедиций* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль, 2005) [НКРЯ].

Таким образом, начальный этап формирования протяжённых аффиксов *-тельск/ий/* и *-тельн/ый/* представлен двумя морфемами, поскольку каждая является показателем одного деривационного шага: *строи/ть/* → *строи-тель* (‘лицо’) → *строитель-ск/ий/* (‘относящийся к’), *покупа/ть/* → *покупа-тель* (‘лицо’) → *покупатель-н/ый/* (‘относящийся к’) и под. Если у прилагательных на *-тельн/ый/* начальный этап формирования протяжённого аффикса предстален в современном языке единичными примерами (см. выше), то у прилагательных на *-тельск/ий/* – значительным количеством образований, которые отражают развитие словообразовательной системы языка по принципу последовательного «нанизывания» простых морфем на

исходную основу (водительский, читательский, любительский, писательский, поручительский, преподавательский, родительский, святительский, сказительский, служительский, строительский и др.):

ВОДИТЕЛЬСКИЙ Относящийся к водителю, водителям [БАС]. *Водительское сиденье и рулевая колонка «Лианы» регулируются по высоте* (А. Будкин. «Лиана» в краю берез // «За рулем», 2004.02.15) [НКРЯ].

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ Относящийся к читателю, читателям [БАС]. *Тем не менее у них есть своя достаточно обширная читательская аудитория* (В.Г. Лысенко. Классическая индийская философия в переводах и исследованиях российских ученых (1990-1996), 1996) [НКРЯ].

Дальнейшее формирование структурно-семантических особенностей прилагательных обоих типов обусловлено спецификой суффиксов *-ск/ий/* и *-н/ый/*, которой они обладали с древнейших времен, что неоднократно отмечалось в лингвистической литературе [Виноградов 1947; Очерки 1964; Мальцева 1975] и др.

Сфера применения суффикса *-ск-* всегда была значительно уже, чем суффикса *-н-*. Если последний образовывал прилагательные от основ различных частей речи – глаголов (*резной*), наречий (*прежний*), числительных (*полуторный*), существительных (*монетный*), то суффикс *-ск-* – только от основ существительных. Причем если суффикс *-ск/ий/* имел широкую сочетаемость с основами личных имен (*цензорский, рекрутский, вассальский*), то суффикс *-н/ый/*, напротив, «почти не давал образований от основ существительных одушевленных» [Очерки 1964: 344]. Когда же такие образования начали появляться в XVIII веке, они обозначали отношение не к лицу, а к действию, занятию лица (*инженерный* ‘технический, связанный с деятельностью инженеров’; *гончарный* ‘относящийся к изготовлению изделий из глины’; *слесарный* ‘относящийся к обработке металла ручным способом’ [МАС]). На эту особенность прилагательных с

суффиксом *-н/ый/*, образованных от личных существительных, впервые обратила внимание Е.А. Земская [Земская 1965а: 102].

Указанные различия между суффиксами *-н/ый/* и *-ск/ий/* стали причиной того, что при образовании относительных прилагательных на базе одного и того же мотивирующего (личного существительного) структурные элементы и их значения по-разному взаимодействовали друг с другом.

Следующий этап формирования протяжённых аффиксов *-тельск/ий/* и *-тельн/ый/* характеризуется тем, что морфемный комплекс предстает в словах в двух вариантах: или как сочетание двух простых суффиксов (*-тель-* + *-ск/ий/*, *-тель-* + *-н/ый/*), или как целостная фонологически протяжённая единица (*-тельск/ий/*, *-тельн/ый/*).

Большая часть прилагательных на *-тельн/ый/* с формальной точки зрения ближе к основам существительных на *-тель*: *мучитель* – *мучительный*, *губитель* – *губительный*, *уведомитель* – *уведомительный* и т.п.). Функционирование в языке соотносительных с прилагательными существительных на *-тель* (*мучитель*, *губитель*, *уведомитель*), в которых последовательность *-тель* является суффиксом и выражает значение лица, позволяет носителям русского языка чувствовать и вычленять последовательность *-тель* также в прилагательных на *-тельн/ый/*.

Но поскольку «единственным видом отношений, которые не могут выражать прилагательные с суффиксом *-н-*, являются отношения к лицу и вообще живому существу» [Земская 1973: 188], при сопряжении дериватора *-н/ый/* с существительным на *-тель* происходит нейтрализация значения лица в мотивирующей основе. В результате последовательность *-тель* в прилагательных на *-тельн/ый/* оказывается семантически пустой, поэтому значение прилагательного содержит на один семантический компонент меньше ожидаемого: *мучительный* ‘способный мучить, причиняющий страдания’ (мучительные думы); *губительный* ‘могущий губить, ведущий к гибели’ (губительное влияние); *уведомительный* ‘предназначенный уведомлять’ (уведомительное письмо) [ТССШ]. Это способствует развитию

словообразовательной полимотивированности прилагательного, которое семантически теперь выводится из глагола, а следовательно, морфемный комплекс представлен как единая морфема: *мучи/ть/* → *мучи-тельн/ый/*, *губи/ть/* → *губи-тельн/ый/*, *уведоми/ть/* → *уведоми-тельн/ый/* и др.).

Каждая мотивация (непосредственная и опосредованная) характеризуется определенными семантическими правилами сочетания мотиватора и дериватора, которые формируют единое значение прилагательного. При непосредственной мотивации (*мучитель* → *мучительн/ый/*) семантика личного существительного осваивается прилагательным не полностью, а с семантическим усечением (утрачивается сема 'лицо' в результате нейтрализации суффикса *-тель* в слабой позиции). При опосредованной мотивации (*мучи/ть/* → *мучи-тельн/ый/*) семантика глагольной основы осваивается прилагательным полностью.

Как было отмечено ранее, суффикс *-тель* в существительных первоначально передавал только значение лица (*мучитель*, *губитель*, *завоеватель*, *избавитель* и др.), но с развитием техники он стал востребован и для передачи значения предмета (*указатель*, *выпрямитель*, *отражатель*). Несмотря на то, что присоединение суффикса *-н/ый/* к существительным с предметным значением не сопровождается в языке семантической нейтрализацией в мотивирующей основе (*книжный* 'относящийся к книге', *смертный* 'относящийся к смерти', *колхозный* 'относящийся к колхозу' и др.), имена прилагательные на *-тельн/ый/*, непосредственно мотивированные неодушевленным существительным на *-тель*, выражают отношение к действию: *указательный* 'такой, который указывает на что-л.' (указательный жест); *нагревательный* – 'предназначенный нагревать' (нагревательный прибор) [ТССШ]. Надо полагать, это связано с тем, что как личные, так и неличные существительные с суффиксом *-тель* функционируют в качестве *nomina agentis*. Таким образом, дериватор *-н/ый/* при сочетании с мотивирующим именем на *-тель* устраняет в нем значение лица (предмета), в результате чего формируется протяженная морфема *-тельн/ый/*, равная по

значению суффиксу *-н/ый/*: *мучи-тельн/ый/*, *губи-тельн/ый/*, *указа-тельн/ый/*, *нагрева-тельн/ый/* и др.

Подавляющее большинство прилагательных на *-тельск/ий/* в русском языке выражает отношение к лицу. Но и у них аффиксальная последовательность *-тельск/ий/* может выступать в двух вариантах: *-тель-+ -ск/ий/* или *-тельск/ий/*. Разница словообразовательной структуры этих прилагательных, в отличие от образований на *-тельн/ый/*, связана с различием в семантике, которая определяется контекстным окружением прилагательного.

В предложении *На этих проблемах я сосредоточиваю свое внимание в последние годы, ...к ним проявлен значительный интерес всего нашего исследовательского коллектива...* (Г. Андреева. Социальное познание – старт или финиш? // Вопросы психологии, 2004.06.15) [НКРЯ] прилагательное выражает отношение к лицу: *исследовательский коллектив* – коллектив исследователей. Мотивирующим для прилагательного является отглагольное личное существительное на *-тель* (*исследователь-ск/ий/* ← *исследова-тель* ← *исследова/ть/*), семантика которого ‘лицо, занимающееся исследованием чего-либо’ [БАС] полностью осваивается прилагательным. Поэтому последовательность *-тельск/ий/* включает два суффикса *-тель* и *-ск/ий/*. Каждый суффикс в прилагательном имеет вполне определенное значение: суффикс *-тель* – ‘лицо’, суффикс *-ск/ий/* – ‘отношение’, следовательно, прилагательное *исследовательский* имеет значение ‘относящийся к исследователю’.

В другом контексте *На наших глазах эти мальчики и девочки создают принципиально новую историческую науку, новое исследовательское направление...* (И. Прусс. Поезд из прошлого – в будущее // Знание – сила, 2003) [НКРЯ] прилагательное выражает отношение к деятельности, а не к лицу: *исследовательское направление* – это направление, связанное с исследованием чего-либо. Поскольку абстрактное существительное *исследование* обозначает действие по значению глагола *исследовать*, то оно

является синтаксическим дериватом последнего. Прилагательное *исследовательский* с формальной точки зрения ближе к основе существительного на *-тель*, однако семантически мотивируется основой глагола. Это говорит о том, что в прилагательное *исследовательский* (о направлении) мотивирующее *исследователь* входит не полностью, а с семантическим усечением. Чтобы прилагательное обозначало отношение к деятельности, суффикс *-тель* в прилагательном должен утратить значение лица. Семантическая нейтрализация подобного рода приводит к тому, что полноценная морфема теряет способность к самостоятельному функционированию и превращается в субморф, становясь левым наращением живой морфемы *-ск/ий/*. Таким образом, аффиксальная последовательность *-тельск/ий/* начинает функционировать как единый словообразовательный формант, который, как и простой суффикс *-ск/ий/*, выражает отношение, но уже не к лицу, а к действию. Произошедшие структурные изменения в прилагательном *исследовательский* (о направлении), как видно, обусловлены изменениями семантическими.

По данным современных толковых словарей русского языка [БАС, БАС-2, МАС, СУ, СОШ, НТСО], отношение не только к лицу, но и к действию могут выражать около пятидесяти (из 116) прилагательных на *-тельск/ий/*: *разлагательский* ‘направленный на разложение, дезорганизацию’ (оппозиционерам предлагалось вести скрытую разлагательскую работу) [БАС], *злопыхательский* ‘исполненный злопыхательства’ [БАС, МАС] (злопыхательские измышления предателей [НКРЯ]), *распекательский* ‘прил. к распекательство’ (распекательский тон) [СУ], *распространительский* ‘занимающийся распространением чего-н.’ (распространительский аппарат Книгоцентра) [СУ], *угнетательский* ‘основанный на угнетении, эксплуататорский’ (угнетательский строй) [СОШ], *украшательский* ‘относящийся к украшательству’ (украшательские тенденции в архитектуре) [БАС], *истязательский* ‘относящийся к истязательству и истязателю’ [БАС] (истязательские подвиги полиции

[НКРЯ]) и др. Более того, в окказиональных условиях контекста отношение к действию могут выражать и некоторые прилагательные, у которых словари этого значения не фиксируют:

*...учащийся, получив определенное исследовательское задание (тему), принужден выявить инициативу и творческие способности и отыскать нужный материал (добыть факты). В этой **искательской** работе школьник подобен охотничьей собаке, отыскивающей дичь...* (П. Ивановский. Физическая культура в школе, 1920-1925) [НКРЯ].

*Именно Вам мне необыкновенно приятно говорить о подробностях **сочинительского** процесса, ибо в Вас я нашел душу, которая наиболее чутко отзывается на мою музыку* (П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк, 1878) [НКРЯ].

*А за окном такая луна... ах, какая луна за окном!.. Настроение сейчас – **смотрительское!*** (<http://www.liveinternet.ru>).

Развитие у прилагательных на *-тельск/ий/* полимотивированности связано, на наш взгляд, с действием закона аналогии – влиянием словообразовательного типа производных на *-тельн/ый/*. Однокоренные образования с обоими протяжёнными суффиксами можно встретить в пределах одного словообразовательного гнезда, причем у некоторых прилагательных суффиксы *-тельн/ый/* и *-тельск/ий/* выступают как синонимичные:

МУЧИТЕЛЬНЫЙ Причиняющий мучение, муку, страдание [БАС].
*Солдаты, участники восстания, были обречены на **мучительную** казнь...* (Л.К. Чуковская. Декабристы, 1950-1951) [НКРЯ].

МУЧИТЕЛЬСКИЙ // Причиняющий, доставляющий мучения, страдания [БАС].
*Варвар Пугачев над сими несчастными явил первый опыт своей лютости и тиранства, и предал **мучительской** казни вдруг 12 старшин Яицкого войска...* ([Екатерина II]. Манифесты и Указы, относящиеся к пугачевскому бунту, 1773) [НКРЯ].

ПРОСИТЕЛЬНЫЙ 1. Устар. Содержащий просьбу. [Я] мучил графа **просительными** письмами об увольнении меня от должности (Вигель, Записки, 4) [БАС].

ПРОСИТЕЛЬСКИЙ 2. Устар. То же, что просительный (в 1-м знач.). Простите меня, добрый друг, что я, долго не писав вам, пишу вам деловое и **просительское** письмо (Л. Толст. Письмо А.А. Толстой, 14 сент. 1865) [БАС].

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ 1. Относящийся к исполнению [БАС]. Таким образом, проверка СП выявила «грубые нарушения **исполнительной дисциплины**», связанные с превышением руководством объединения должностных полномочий (Ф. Черных. Энергетика украденных миллионов // «Вслух о...», 2003.07.01) [НКРЯ].

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ Относящийся к исполнению и исполнителю [БАС]. По указанию Дмитрия Медведева в Роскосмосе будут предприняты дополнительные меры по укреплению **исполнительской** дисциплины (Глава Роскосмоса получил выговор за падение спутников ГЛОНАСС, 2010.12.29 // <http://www.rbcdaily.ru>).

СТЯЖАТЕЛЬНЫЙ Устар. Относящийся к стяжанию и стяжательству. Это были разговоры чисто биографического и отчасти **стяжательного** характера; кто, где и каким образом сумел нажить деньги (Корол. Ат-Даван, 6) [БАС].

СТЯЖАТЕЛЬСКИЙ Относящийся к стяжателю и стяжательству; свойственный стяжателю. Он и раньше знал, что Яков Загорульский не потерпит ни ее взглядов, ...ни ее советов, враждебных его **стяжательским** стремлениям (Сокол. Искры, кн. II, III, 4) [БАС].

Контексты с названными прилагательными, которые представлены в [НКРЯ], показывают, что суффикс *-тельск/ий/* выражает отношение к действию намного реже, чем суффикс *-тельн/ый/*, а употребление

прилагательных *мучительский, просительский* вообще ограничивается началом XX столетия.

Следует заметить, что семантическое тождество параллельных образований на *-тельн/ый/* и *-тельск/ий/* наблюдается лишь в части значений у немногих прилагательных. В этом можно увидеть проявление закона экономии, поскольку язык стремится избавиться от дублетных образований: либо они должны размежеваться по значению, либо выйти из употребления. В большинстве случаев параллельные образования на *-тельн/ый/* и *-тельск/ий/* имеют различные значения (или оттенки значений), поскольку их семантика формируется на базе разных значений мотивирующего глагола, например:

УРАВНИТЕЛЬНЫЙ 1. Служащий для уравниения чего-либо, уравнивающий величину, объем, силу чего-либо. *Уравнительные приборы*. 2. Основанный на уравнивании, связанный с уравниванием в чем-либо; равный, одинаковый для всех, многих. *Уравнительный тариф* [БАС].

УРАВНИТЕЛЬСКИЙ Относящийся к уравнительности; связанный с уравниловкой. *Уравнительский подход к зарплате. Уравнительские настроения* [БАС].

РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНЫЙ Слишком расширяющий буквальный смысл чего-нибудь. *Распространительное толкование закона* [СУ].

РАСПРОСТРАНИТЕЛЬСКИЙ Занимающийся распространением чего-нибудь [СУ]. *Выставка собрала множество издательских и распространительских организаций, печатных изданий («Наука и жизнь» на международной книжной выставке-ярмарке // Наука и жизнь, 2007)* [НКРЯ].

Если словообразовательная цепь прилагательных характеризуется пропуском одного звена, предусмотренного языковой системой, а именно – личного существительного на *-тель*, она является неполной, например:

доказа/ть/ → доказа-**тельн/ый/**, извини/ть/ → извини-**тельн/ый/**,
наплева/ть/ → наплева-**тельск/ий/**, надува/ть/ → надува-**тельск/ий/**.
В неполных словообразовательных цепях реализуется чересступенчатое
словообразование, которое дает жизнь новым аффиксальным единицам –
протяжённым суффиксам -**тельск/ий/** и -**тельн/ый/**. Неполная
словообразовательная цепь свидетельствует о возникновении новых
отношений в словообразовательной системе, а именно – о завершении
процесса нейтрализации неконечного суффикса -**тель** в основе
прилагательных, который уже не выделяется не только на уровне семантики,
но и формы.

По сведениям Ж.Ж. Варбот, суффикс -**тельн/ый/** свободно соединялся с
глагольными основами и функционировал как единый суффикс уже в
древнерусском языке [Варбот 1969: 161], следовательно, он уже давно
сформировался и в настоящее время активно функционирует в современном
языке: *запретительный, зевательный, осязательный, различительный,*
предположительный, скакательный, макательный, жевательный,
желательный, колебательный, вспомогательный, прикрепительный,
бросательный, увлекательный, удивительный и многие другие. Суффикс
-**тельск/ий/** как протяжённая морфема имеет совсем недавнюю историю.
В качестве самостоятельного словообразовательного форманта он
встречается пока только в шести образованиях (*издевательский,*
измывательский, надувательский, наплевательский, заезжательский,
заушательский), причем все они впервые зафиксированы в XX столетии –
первые пять слов в 30-е гг. в [СУ], прилагательное *заушательский* в 1952 г.
в [СО]. Названные прилагательные имеют отрицательную коннотацию:

издева-тельск/ий/ ‘характеризующийся действием издеваться,
оскорбительный’ ← *издева/ть-ся/* ‘заставлять устыдиться, оскорбляя, зло
высмеивая’ **Издевательский тон** [ТССШ];

измыва-тельск/ий/ (прост.) ‘проникнутый глумлением, издевательский’ ← *измыва/ть-ся/* (прост.) ‘издеваться, глумиться’ Пошла бумажная **Измывательская** процедура. Столкнулись: Волынская комиссия арбитражная, Волынская прокуратура (Д. Бедн. Сверхбезобразие) [БАС];

надува-тельск/ий/ ‘основанный на действии надувать’ ← *надува/ть/* ‘обманывать’ [ТССШ]. Ой, врут! Ой, надувают! Уж такое это немецкое сословие **надувательское!**.. (Н.А. Лейкин. Наши за границей);

наплева-тельск/ий/ (разг.) ‘относящийся к глаголу наплевать (в 4 знач.): крайне безразличный, халатный’ ← *наплева/ть/* (прост.) ‘отнестись к кому-л. равнодушно, безразлично’. **Наплевательское** отношение к делу [ТССШ];

зауша-тельск/ий/ (разг.) ‘преднамеренно грубый, оскорбительный, ставящий целью унижить, опорочить кого-, что-л.’ ← *зауша/ть/* (перен.) ‘оскорблять, порочить, позорить’ [МАС]. На страницах специальной и общей прессы вместо серьезных критических статей еще появляются **заушательские**, разносные выступления (Недостатки и задачи архитектурной критики // Советское искусство, № 10 (1202), 1950) [НКРЯ];

заезжа-тельск/ий/ (нов. газет.) ‘являющийся заезжательством (грубость, произвол в обращении с подчиненными)’ [СУ]. Прилагательное зафиксировано только в [СУ], как и отвлеченное существительное *заезжательство*, через которое дается толкование этого прилагательного. Лексическое значение слов не иллюстрируется контекстами, нет примеров употребления этих слов и в [НКРЯ]. Надо полагать, семантика прилагательного *заезжательский*, как и однокоренного отвлеченного имени, сформировалась на основе переносного значения глагола *заезжать* (прост.) ‘ударять, бить по чему-либо’.

В настоящее время в речи появляются новые образования с протяжённым суффиксом *-тельск/ий/*:

– Надо торговать всем, что у тебя есть. – У меня вообще **торговательские** способности на нуле... (<http://glavnoe-hvost.livejournal.com>).

Но, что хочу сказать, нет мордобоев, нет **унижательских** речей, а люди все – все-таки профи. Вот это и есть кулинарная передача! (<http://fkino.otzyv.ru>).

Сюжеты подавались именно с человеческой точки зрения, отводя всяким пришельцам лишь экшенообразующие и **пугательские** функции (<http://www.4erdak.ru>).

«Хорошо» ж мы знаем историю, мадам. «Мать городов русских»– это Киев... Так что **распираТЕЛЬскую** тайну сможешь даже потрогать... (<http://vesvalo.net>).

Отношение Бога к человеку здесь еще в основном прежнее, **помыкательское**, но вот новый человек рождается на наших глазах из «старого» (В.И. Красиков. Озарение трансценденцией: в поисках Бога и себя. – М., 2009).

Дал мне вместо стакана пивную кружку, а сам пошел на дверь квартиры табличку вешать: "ИВАН **СНОГСШИБАТЕЛЬСКИЙ**. Колдун в 0,5 поколении. БЕЗ БУТЫЛКИ НЕ ВХОДИТЬ!!!" (А. Макуни. Чародеи // Труд-7, 2003.05.15) [НКРЯ].

Через 20 минут краны были закручены, все **умывательские** и гигиенические процедуры сделаны (<http://edetrion.spybb.ru>). Это связано, с одной стороны, с диким капитализмом и **умывательской** позицией государства (чиновники в массе своей некомпетентны и заняты личным обогащением) (<http://telemaster-vladimir.narod.ru>).

В последних двух контекстах прилагательное **умывательский** употреблено соответственно в прямом и переносном значении. В прямом значении оно образовано от глагола **умываться**, в переносном – от фразеологизма **умывать руки**.

Примеры показывают, что глагольные основы, неспособные сочетаться с простым суффиксом *-ск/ий/*, стали вовлекаться в словообразовательный процесс благодаря возникновению в языке протяжённого суффикса *-тельск/ий/*.

Подводя итог сказанному, отметим, что формирование протяжённых суффиксов *-тельск/ий/* и *-тельн/ый/* имеет черты сходства и различия.

Оба суффикса складывались на основе личных существительных на *-тель*, что объясняет материальное сходство этих протяжённых морфем – наличие в их составе одноименной фонологически тождественной последовательности *-тель*. И тот и другой суффиксы имеют общее значение – отношение к действию, и, следовательно, они синонимичны: *колебательный* ‘относящийся к колебанию’ (колебательные движения), *надувательский* ‘относящийся к надувательству’ (надувательские приемы) [БАС].

Различия в формировании этих протяжённых аффиксов обусловлены прежде всего спецификой конечных суффиксов *-ск/ий/* и *-н/ый/*.

Практически все прилагательные на *-тельск/ий/* в современном русском языке выражают отношение к лицу, поэтому имеют в своей морфемной структуре два суффикса *-тель* и *-ск/ий/*. Образования на *-тельн/ый/*, напротив, выражают отношение к действию, и в их словообразовательной структуре выделяется один протяжённый суффикс *-тельн/ый/*. Это отличие связано с тем, что прилагательные на *-тельск/ий/* полностью осваивают значение мотивирующего личного существительного, а прилагательные на *-тельн/ый/* – не полностью, с семантическим усечением, в последних звуковая последовательность *-тель* семантически пуста. Таким образом, прилагательные на *-тельн/ый/* и *-тельск/ий/* в русском языке образовывались от существительных на *-тель* по двум семантическим моделям – с семантической нейтрализацией лица (прилагательные на *-тельн/ый/*) и без нее (прилагательные на *-тельск/ий/*). Разница в значении этих прилагательных особенно заметна в параллельных (однокоренных)

образованиях, которые по отношению друг к другу являются паронимами: *приобретательский* ('относящийся к *приобретателю*, свойственный ему') – *приобретательный* ('склонный *приобретать* что-л., наживаться'); *обновительский* ('относящийся к *обновителю*') – *обновительный* ('такой, который *обновляет* что-л.') [ТССШ] и др.

В производных на *-тельск/ий/* семантическая нейтрализация суффикса *-тель* мотивирующих личных имен – явление вторичное, которое развивается под влиянием образований на *-тельн/ый/*. Трансформация семантики прилагательных на *-тельск/ий/* приводит к изменению их словообразовательной структуры – формированию протяжённого суффикса: ср. *предатель-ск/ий/* 'свойственный предателю' (предательская природа социал-демократии) и *преда-тельск/ий/* 'закрывающий в себе предательство' (предательская политика) [БАС].

Если суффикс *-тельн/ый/* появился в глубокой древности, то словообразовательный формант *-тельск/ий/* сложился в языке совсем недавно – в середине XX века. Этим, в частности, можно объяснить столь малое количество образований с протяжённым суффиксом *-тельск/ий/* в русском языке по сравнению с прилагательными, имеющими в своем составе протяжённый суффикс *-тельн/ый/*.

2.2. Протяжённый субстантивный суффикс *-тельниц/a/*: пути формирования и семантика

Значительный интерес представляет фонологически тождественная аффиксальная последовательность *-тельниц/a/*, которая встречается как у одушевленных, так и у неодушевленных имен существительных. Причем, по сведениям [ОСРЯ], одушевленных существительных на *-тельниц/a/* – 301 единица, а неодушевленных – только 6 единиц. В личных и неличных существительных суффиксальная последовательность *-тельниц/a/* неоднородна с точки зрения структуры и семантики. В одушевленных

существительных, называющих лиц женского пола, она представлена как сочетание суффиксов *-тель+ -ниц/а/* (*служи/ть/* → *служи-тель* → *служитель-ниц/а/*, *владе/ть/* → *владе-тель* → *владелец-ниц/а/*), в неодушевленных существительных – как сочетание суффиксов *-тельн-+ -иц/а/* (*полоска/ть/* → *полоска-тельн/ый/* → *полоскательн-иц/а/* ‘сосуд для полоскания чайной посуды’ [МАС], *зажига/ть/* → *зажига-тельн/ый/* → *зажигательн-иц/а/* ‘карманный прибор для закуривания папирос’ [СУ]).

Мотивационные отношения между словами, обозначающими лиц мужского и женского пола, являются в языке системными (*душегуб* – *душегубка*, *связист* – *связистка*, *помощник* – *помощница*), поэтому от любого личного имени на *-тель* всегда можно образовать наименование лица женского пола с помощью суффикса *-ниц/а/*. Однако в лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что при образовании названий лиц женского пола имеет место словообразовательный параллелизм, то есть они образуются не только посредством осложнения основ имен мужского рода на *-тель* (*житель* → *житель-ниц/а/*), но и с помощью вторичного (протяжённого) суффикса *-тельниц/а/* от глагольной основы (*жи/ть/* → *жи-тельниц/а/*). Рассмотрим, почему это происходит.

На первой ступени деривации (*мечта/ть/* → *мечта-тель*) от глагола образуется существительное со значением ‘лицо мужского пола, производящее действие’. Семантическая структура⁹ производного складывается из следующих компонентов – 1) значения производящей основы *мечта-* ‘предаваться мечтам’ и 2) значения суффикса *-тель*, которое включает две семы – ‘действующее лицо (агент)’ и ‘мужской пол’. Так как суффикс *-тель* занимает конечное положение в производной основе и взаимодействует с субстантивной парадигмой первого мужского склонения,

⁹ Семантическая структура слова интересует нас в дериватологическом аспекте, т. е. в пределах тех семантических компонентов, которые значимы для словообразовательной структуры языковой единицы и связаны с деривационным актом. Под семой понимается один из компонентов значения производного слова, входящий в эту семантическую структуру.

он находится в сильной позиции и полностью реализует свое словообразовательное значение. Производная основа и по форме, и по смыслу сложнее, чем производящая.

На второй ступени деривации (*мечтатель* → *мечтатель-нищ/a/*) к производящей основе присоединяется суффикс *-нищ/a/*, значение которого также содержит две семы – ‘женский пол’ и ‘действующее лицо’, поскольку агентивное значение свойственно этому суффиксу: *кружевница* – ‘мастерица, изготавливающая кружева’ [БАС], *родильница* – ‘женщина, недавно родившая’ [БАС]. Таким образом, семантическая структура производного *мечтательница* должна складываться из значения производящей основы *мечтатель* (три семы – ‘предаваться мечтам’ + ‘лицо’ + ‘мужской пол’) и значения суффикса *-нищ/a/* (две семы – ‘лицо’ + ‘женский пол’). Но усложнение семантики в словообразовательном акте сопровождается полной нейтрализацией значения суффикса *-тель*, поэтому семантическая структура существительного *мечтательница* ‘лицо женского пола, склонное предаваться мечтам’, содержит только три семы, как и слово *мечтатель* ‘лицо мужского пола, склонное предаваться мечтам’. Равенство семантического наполнения личных имен, которые различаются только одной семой (‘мужской’ – ‘женский’ пол), отчетливо проявляется в следующем контексте:

Эта страсть к абстракции и системе создает великих ученых, ...поэтов-философов, как Гёте, и философов-поэтов, как Шеллинг и Гегель; но она же создает и немецких мечтателей и мечтательниц в молодости и самых мелочных формалистов и педантов под старость (К.Д. Ушинский. О народности в общественном воспитании, 1856) [НКРЯ].

Таким образом, по форме слово *мечтательница* сложнее слова *мечтатель*, но по смыслу они равны. Такое возможно лишь в том случае, если произошла полная нейтрализация значения суффикса *-тель*. Поскольку семантическая структура одного и того же производного не может включать

противоположные, взаимоисключающие семы ('женский пол' – 'мужской пол'), одна из них ('мужской пол') утрачивается. Десемантизации подвергаются и тождественные по значению морфы [Милославский 1980: 37]. Поэтому агентивное значение в производном *мечтательница* выражается только суффиксом *-ниц/a/*. Полная семантическая нейтрализация суффикса *-тель* (обеих его сем) связана с его слабой позицией в слове, так как он стал частью мотивирующей основы и утратил свою деривационную функцию.

Словообразовательная структура слова всегда бинарна, она складывается из производящей основы (мотиватора) и словообразовательного средства (дериватора). У существительного *мечтательница* значение 'предаваться мечтам' может быть выражено либо мотиватором *мечта/ть/*, либо мотиватором *мечтатель*, в котором погашена семантика суффикса *-тель*. Значение 'лицо женского пола' выражается либо дериватором *-ниц/a/*, либо дериватором *-тельниц/a/*, в котором элемент *-тель* утратил свое значение и стал субморфом. Таким образом, одно и то же значение существительного *мечтательница* ('лицо женского пола, склонное предаваться мечтам') может быть синтезировано двумя способами: 1) сочетанием мотиватора *мечтатель* с дериватором *-ниц/a/* (*мечтатель* → *мечтатель-ниц/a/*); 2) сочетанием мотиватора *мечта/ть/* с дериватором *-тельниц/a/* (*мечта/ть/* → *мечта-тельниц/a/*). Несмотря на варьирование словообразовательной структуры производного, оно характеризуется одним семантическим наполнением, что объясняется семантическим тождеством производящих основ *мечта/ть/* и *мечтатель* (погашено значение 'лицо мужского пола') и семантическим тождеством суффиксов *-ниц/a/* и *-тельниц/a/* (элемент *-тель* является субморфом).

Итак, производное *мечтательница* является полимотивированным образованием, значение которого синтезируется по разным семантическим моделям. Рассмотренная здесь структура и семантика производного *мечтательница* свойственна всем существительным, обозначающим лиц

женского пола и имеющим трехкомпонентную словообразовательную цепь: *губительница, завоевательница, наблюдательница, обзревательница, обладательница, обитательница, обличительница, повествовательница, преобразовательница, преподавательница, просительница, слушательница, служительница, укротительница, читательница, хранительница, ценительница, учительница* и др. При образовании личных имен женского рода, имеющих бинарную словообразовательную цепь (*приятель* → *приятель-ниц/a/*, *обыватель* → *обыватель-ниц/a/*)¹⁰, также происходит семантическая нейтрализация суффикса *-тель*, но производное не может быть полиструктурным образованием, так как мотивирующее существительное непроизводно.

Наличие полиструктурных одушевленных существительных на *-тельница/a/* свидетельствует о процессе формирования в языке морфемного комплекса. Говорить о появлении в языке протяжённого суффикса *-тельница/a/* со значением лица женского пола можно лишь в том случае, если у производного на *-тельница/a/* отсутствует коррелят мужского рода на *-тель*, в этом случае оно будет являться мономотивированным – производным только от глагольной основы. В узусе таких одушевленных существительных женского рода нет, что можно объяснить именно системностью мотивационных отношений между словами, обозначающими лиц мужского и женского пола. Тем не менее в истории языка было существительное, которое в одном из своих значений мотивировалось глаголом. Это существительное *питательница*, зафиксированное в [СА 1847]: 1) питающая других; 2) кормящая (питающая. – *О.П.*) младенца своей грудью, кормилица, доилица. Если в первом значении это производное является полимотивированным (мотивируется и существительным *питатель*

¹⁰ В бинарной словообразовательной цепи исходным звеном является не глагол, а личное существительное на *-тель*, которое является непроизводным, однако членимым образованием (*приятель, обыватель, настоятель* и под.). Эти мотивирующие включают глагольный корень, но в современном языке не имеют своих производящих, поскольку они выпали из языка. Мотивирующие относятся к четвертой степени членимости по классификации М.В. Панова (см. об этом подробнее гл. I, п. 3 и гл. II, п. 5).

‘питающий других’, и глаголом *питать*), то во втором значении, в силу объективной реальности, слово мотивируется только глаголом, а следовательно, в нем выделяется протяженный суффикс *-тельниц/a/*.

Несмотря на отсутствие в современном языке мономотивированных существительных с протяжённым суффиксом *-тельниц/a/*, обозначающих лиц женского пола, сформировавшаяся в языке на основе опосредованной мотивации словообразовательная модель «основа глагола+протяжённый суффикс *-тельниц/a/*» активно функционирует в некодифицированной речи:

Сидит переживательница сериальных событий на своем рабочем месте, как средневековая ведьма на гвоздях инквизиторского кресла, и ждет не дождется конца рабочего дня (Г. Геращенко. Мясорубка для мозгов или фарш по-мексикански: <http://www.proza.ru>).

Саня, я сейчас подключу знакомую бабу – профессиональную занимательницу очереди и стоятельницу в ней. Сразу первым и единственным окажусь (<http://www.hondaprelude.ru>).

Она гениальная рукодельница, волшебница цветов, повелительница мохера (интригующе звучит, да?) и знатная валятельница. А еще катательница, пилительница, лепительница, мыловарительница, куклопошительница, сайтотворительница и рулетосмакомзакручительница! (<http://forum.cofe.ru>).

Встречаются единичные примеры, в которых существительное с формантом *-тельниц/a/* обозначают не лицо, а состояние этого лица: *У меня сегодня пятница – зевательница, а потом засыпательница и до обеда субботнего спательница* (<http://www.galya.ru>).

Нередко новообразования на *-тельниц/a/* употребляются в контексте вместе с однокоренным глаголом (хотя не всегда мотивирующим), что подчеркивает «отглагольность» этих новообразований:

О чём поведала незабвенная сорительница баксами... Но её понять можно! Если их навалом! То чего бы и не посорить! (<http://forum.meta.ua>)

*Вот она, **кусательница** наша. Уж кого укусит, с тем всё кончено – заболевает пазлолихорадкой (<http://puzzleit.ru>).*

Довольно часто новообразования употребляются в контексте наряду с узуальными словами, что, на наш взгляд, подчеркивает в последних значимость глагольной основы:

*Очаровательные молодые собачки 11 месяцев. Они оптимистки, они исследовательницы, они **бегательницы** и **прыгательницы**, они неутомимые ласкуны и **хвостовилятельницы**. (<http://hghltd.yandex.net>).*

...покупательница-хамительница. Она придралась, естественно с ором, теперь главное сесть удобно и крепко руками за стул ну или стол... (<http://ladymama.ru>).

*А вот удалить его (видео. – О.П.) вполне мог и разместивший, убоявшийся грозной ругательницы и **кричательницы** (<http://www.feldsher.ru>).*

От одного и того же глагола в речи, как правило, создаются новообразования, называющие лиц как женского, так и мужского пола. Однако в отличие от узуальных слов речевые новообразования не находятся между собой в мотивационных отношениях (мужской род → женский род), поскольку каждое из них конструируется в определенной ситуации независимо друг от друга и представляет собой характеристику лица мужского или женского пола по действию:

*Прожить 62 года, пройти огонь, воду и медные трубы, побывать 4 раза! в космосе! и разбиться об вылетевшую на встречу **рулительницу** (<http://www.sql.ru>) – ...довольный "**рулитель**" москвича вместе со своей табуреткой, подчиняясь законам физики, резко отклонялся к тому месту, где когда-то было лобовое стекло (<http://auto2007.r16.ru>).*

*Ира, меня поражает... та ещё **прыгательница** по граблям. Как я буду надеяться, что всё хорошо у неё будет (<http://forum.cosmo.ru>) – Ребёнок – это вечный двигатель, а ещё дрыгатель, **прыгатель**, скакатель, кусатель, обниматель и крепкоцелователь (<http://monster.afisha.mail.ru>).*

Обилие новообразований на *-тельниц/а/* со значением лица женского пола можно объяснить разнообразием действий, свойственных одушевленному лицу. Можно сказать, что в современной речи эти образования так же частотны, как в XVIII веке существительные с суффиксом *-тель*, которые образовывались практически от любого глагола с основой на *-а* и *-и*.

Появляющиеся в речи новообразования со значением лица женского пола являются потенциальными словами. Они конструируются носителями русского языка по сформировавшейся в языке словообразовательной модели. Значение этих потенциальных слов складывается из значения составляющих их частей – глагольной основы и протяжённого суффикса *-тельниц/а/* ('лицо женского пола'). Созданные по данной модели окказионализмы могут обладать словопорождающей способностью, хотя и незначительной:

Сегодня созванивалась с одной из своих со-голодательниц (ср.: соучредительница, соруководительница. – О.П.) – *а она уже дама с опытом голода и вообще уже давно ведет здоровый образ жизни...* (<http://golodanie.su>).

Поскольку с середины XIX века суффикс *-тель* претерпевает коренное семантическое преобразование в пределах словообразования имен лиц и становится продуктивным в кругу предметных имен (названий орудий, приборов, механизмов) – *удлинитель, закрепитель, обогреватель* и пр., некоторые существительные на *-тель*, утратив в языке значение лица мужского пола, приобрели и сохранили до настоящего времени предметное значение:

СОЕДИНИТЕЛЬ Приспособление для соединения чего-л. *Соединитель проводов* [МАС]. Ср.: *Человек служит посредником и соединителем между Богом и природой* (Н.А. Бердяев. Смысл творчества, 1913-1914) [НКРЯ].

УКАЗАТЕЛЬ

1. Надпись, служащая для указания чего-л. *Дорожный указатель*.
2. Прибор, указывающий что-л. *Указатель скорости*.
3. Справочная книга. *Указатель имен* [БАС].

Ср.: ...*при всех этих работах виден был сам монарх* (Петр I. – О.П.), *как мастер и указатель* (В.О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 54-65, 1904) [НКРЯ].

Поскольку существительные на *-тель* с предметным значением не могут являться мотивирующими для соответствующих личных имен на *-тельница/a/*, последние должны восприниматься носителями русского языка как отглагольные образования с протяженным суффиксом *-тельница/a/*: *соединительница* от *соединить*, *указательница* от *указать*. Однако многие существительные, обозначающие лиц женского пола, (*соединительница*, *указательница* и др.), как и их мотивирующие (имена лиц мужского пола – *соединитель*, *указатель* и др.), ушли из языка. Поэтому если такие личные имена женского рода вновь появляются в речи, то они, как и новообразования, конструируются по сложившейся в языке модели «основа глагола + протяжённый суффикс *-тельница/a/*»:

Так что, мой респект вам, свахи для экс-супругов, соединительницы разбитых семей!!! (<http://girlsspeak.ru>)

Всякая наука есть указательница пути и учредительница порядка (<http://citaty.info>)

Несмотря на обилие речевых отглагольных образований на *-тельница/a/*, они пока не стали принадлежностью языка, поэтому в списке русских морфем суффикс *-тельница/a/* как словообразовательный формант со значением лица женского пола не значится. Но в языке есть протяжённый суффикс *-тельница/a/* с предметным значением, который зафиксирован в [РГ-80]. Слова с этим суффиксом обозначают «сосуд, предназначенный для осуществления действия» [РГ-80: 156]:

ПЛЕВАТЕЛЬНИЦА (← *плева/ть/*) Сосуд, в который сплевывают слюну, мокроту [МАС] (словообразовательный синоним: *плевальница*).

ПОЛОСКАТЕЛЬНИЦА (← *полоска/ть/*) Сосуд для полоскания чайной посуды [МАС].

ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА (← *дар, храни/ть/*) Церк. Сосуд для хранения даров, причастия [БАС].

КУРИТЕЛЬНИЦА (← *кури/ть/*) Прибор (в виде сосуда. – *О.П.*), в котором сжигают (курят. – *О.П.*) ароматические вещества [БАС] (словообразовательный синоним: *курильница*).

Однако суффикс *-тельница/а/* имеет более широкое значение:

ЗАЖИГАТЕЛЬНИЦА (← *зажига/ть/*) Карманный прибор для закуривания (зажигания. – *О.П.*) папирос [СУ] (словообразовательный синоним: *зажигалка*).

ЗЕМЛЕЧЕРПАТЕЛЬНИЦА (← *земля/*, *черпа/ть/*) (редко) Машина, поднимающая (черпающая. – *О.П.*) землю со дна рек, каналов и морей при посредстве черпаков, прикрепленных к цепи [СУ] (словообразовательные синонимы: *землечерпальница*, *землечерпалка*).

В настоящее время существительные *курильница*, *зажигательница*, *землечерпательница* являются устаревшими, поэтому в речи чаще используются их словообразовательные синонимы (см.: *курильница*, *зажигалка*, *землечерпалка*). Производные *плевательница*, *полоскательница* и *дарохранильница* являются, на наш взгляд, словами ограниченной сферы употребления, хотя только последнее имеет в словаре соответствующую помету (*церк.*).

Как видно, толкование неодушевленных существительных на *-тельница/а/* дается в словарях либо через однокоренной глагол, либо через глагольную форму – причастие, либо через отглагольное существительное, которое является синтаксическим дериватом мотивирующего глагола. Однако глагольная мотивация у названных существительных, как и у личных

имен на *-тельниц/а/*, является опосредованной, поскольку в деривационной истории неодушевленных существительных на *-тельниц/а/* есть еще промежуточное звено – отглагольное прилагательное с суффиксом *-тельн/ый*¹¹: *зажига/ть/* → *зажига-тельн/ый/* → *зажигательн-иц/а/*.

Непосредственная мотивация неодушевленных существительных на *-тельниц/а/* прилагательными отражена в современных словообразовательных словарях: *полоскательниц/а/* от *полоскательн/ый/* [ТССШ], *землечерпательниц/а/* от *землечерпательн/ый/*, *зажигательниц/а/* от *зажигательн/ый/* [ССТ]. В этом случае толкование названных слов можно представить как ‘полоскательная чашка’ [ТССШ], ‘землечерпательная машина’, ‘зажигательный прибор’. Существительное *курительница* в [ССТ] представлено как образованное от слова *куритель*, это позволяет сделать заключение о том, что в словаре зафиксирована словообразовательная структура существительного, обозначающего лицо, а не предмет. Но поскольку в языке есть прилагательное *курительный*, то для неодушевленного существительного *курительница* именно оно будет являться непосредственно мотивирующим. Поэтому значение существительного *курительница* можно сформулировать как ‘прибор для сжигания курительных веществ’. Именно такое толкование дается в [СУ] словообразовательному синониму *курильница*.

Таким образом, существительные *полоскательница*, *зажигательница*, *землечерпательница*, *курительница* являются полимотивированными: при непосредственной мотивации прилагательным в их словообразовательной структуре выделяется простой суффикс *-иц/а/*, при опосредованной мотивации глаголом – протяжённый суффикс *-тельниц/а/*, образованный на основе суффиксальной последовательности *-тельн- + -иц/а/*. Преобразование последовательности суффиксов в единый протяжённый суффикс происходит следующим образом.

¹¹ Суффикс *-тельн/ый/*, как отмечалось ранее (гл. III, п. 2.1), по своей природе является протяжённым.

В трехкомпонентной словообразовательной цепи *полоска/ть/* → *полоска-тельн/ый/* → *полоскательн-иц/а/* вторым звеном является относительное прилагательное, в котором суффикс *-тельн/ый/* выражает значение отношения (к действию *полоскать*). Относительное прилагательное *полоскательный* является синтаксическим дериватом глагола *полоскать*, так как одно и то же лексическое значение функционирует в сопровождении разных частеречных значений. Тождество лексического значения основ глагола *полоска-* и прилагательного *полоскательн-* подтверждается тождеством лексической сочетаемости: *полоскательная чаша – чаша, в которой полощут*. Суффикс *-тельн/ый/* в соответствии с семантической типологией морфем, предложенной Ю.С. Масловым [Маслов 1978: 7], выполняет в прилагательном «служебно-семантическую функцию», передавая «внутрикодovou информацию»: формирует новую основу, указывая «на отношения между элементами языка», сигнализирует об адъективном типе склонения. Не имея связи с внеязыковым референтом, являясь элементом языковой техники, суффикс не способен внести добавку к лексическому значению производящего, поэтому производная основа (*полоскательный*) является более сложной, чем производящая (*полоскать*), только по форме, но не по смыслу. Тем не менее суффикс *-тельн/ый/*, занимая конечное положение в производной основе и взаимодействуя с адъективной парадигмой, находится в сильной позиции.

На второй ступени словообразования появляется лексический дериват *полоскательница*, для которого непосредственно мотивирующим является прилагательное *полоскательный*. Однако тождество лексического значения относительного прилагательного (*полоскательный*) и глагола (*полоскать*) является причиной развития у неодушевленного существительного множественной мотивации, что делает возможным его выводимость из двух предшествующих звеньев словообразовательной цепи. При этом словообразовательная структура производного *полоскательница* будет

варьироваться (*полоскательн-иц/a/* и *полоска-тельниц/a/*), не нарушая семантического тождества слова как лексической единицы.

Суффикс *-тельн/ый/* прилагательного *полоскательный* становится частью мотивирующей основы существительного *полоскательница*, которая в целом противопоставлена конечному суффиксу на синтаксической оси (*полоскательн-иц/a/*). В данной оппозиции выявляется семантика субстантивного суффикса *-иц/a/* ('предмет'). Лексический дериват *полоскательница* имеет значение 'полоскательная чашка' [ТССШ]. На этой ступени словообразования суффикс *-иц/a/* находится в сильной позиции и семантический вес перемещается на него. Суффикс *-тельн-*, напротив, оказавшись в неконечном положении, перестает выполнять функцию дериватора и поэтому утрачивает способность быть самостоятельным членом словообразовательной структуры слова. Лишившись поддержки адъективной парадигмы, он становится семантически ослабленным и поглощается суффиксом *-иц/a/*. В результате происходит семантическая нейтрализация суффикса *-тельн-*, который превращается в структурный оформитель протяженной единицы *-тельниц/a/*, сохраняющей семантику предмета ('сосуд, чашка'). Глагольная основа *полоска/ть/* формирует в существительном *полоскательница* значение 'сосуд, в котором полощут'.

Таким образом, наличие в словообразовательной цепи синтаксического деривата (*полоскательный*) способствует развитию у лексического деривата конечной ступени (*полоскательница*) полимотивированности. Глагольная и адъективная основы с тождественным лексическим значением при сочетании с предметным значением суффиксов *-иц/a/* и *-тельниц/a/* дают в итоге одно производное:

$$\left. \begin{array}{l} \text{полоскательн/ый/} + \text{-иц/a/} \\ \text{полоска/ть/} + \text{-тельниц/a/} \end{array} \right\} \rightarrow \text{полоскательница}$$

Если существительное *полоскательница*, независимо от его словообразовательной структуры, выражает одно и то же лексическое

значение, значит, означаемые основ мотивирующих слов и означаемые аффиксов тождественны.

Итак, формирование протяжённого суффикса *-тельниц/a/* есть результат закрепления в языке словообразовательной модели, сложившейся на основе опосредованной мотивации, которая реализуется в неполных (бинарных) словообразовательных цепях. Пожалуй, только одно существительное бесспорно обладает в языке такой структурой – *плевательница*. Отсутствие в языке слов **плеватель* и **плевательный* свидетельствует о том, что производное *плевательница* может быть только отглагольным образованием: *плева/ть/* → *плева-тельниц/a/*.

Неоднозначно представлен в словарях способ словообразования у существительного *дарохранильница*. С одной стороны, это результат чистого словосложения (*дар-о-хранильница*) [ССТ], с другой – сложно-суффиксального способа (*дар-о-храни-тельниц/a/*) [ТССШ], причем суффикс используется протяжённый. Поскольку существительное *хранильница* в русском языке имело и имеет только значение лица, то образование неличного существительного *дарохранильница* ('сосуд для хранения даров, причастия' [БАС]) путем чистого сложения маловероятно. Однако в рамках окказионального употребления слово *дарохранильница* имеет значение лица женского пола, в этом случае его можно рассматривать как результат чистого сложения (*хранильница даров* → *дарохранильница*): *Но она полагала себя дарохранильницей: охраняла компендиум высшей культуры; и кокетничала нелюбовью к попам и к дурному городовому, ее охранявшему...* (А. Белый. На рубеже двух столетий, 1929) [НКРЯ].

В последнее десятилетие широкое распространение получило новообразование *плескательница*, которым называют небольшой детский бассейн: *Отдельный «дачный домик», лесенка, качели, песочница и «плескательница» с водой – все это можно сделать самостоятельно*

(Л. Дубинина. Выкройка для огорода // Биржа плюс свой дом (Н. Новгород), 2002.03.11).

Для современного носителя языка это существительное воспринимается как образованное от глагола *плескаться* с помощью протяжённого суффикса *-тельниц/а/*, хотя, вероятнее всего, оно образовалось путем стяжения словосочетания *плескательный бассейн*, в составе которого прилагательное *плескательный* впервые было зафиксировано в языке: *Восемнадцатый этаж – крыша-терраса. На ней беговая дорожка, гимнастический зал, солярий, кафетерий, плескательный бассейн для детей* [НС]. Поскольку прилагательное *плескательный* в языке существует (*плескательный бассейн, плескательная территория*), новообразование *плескательница* следует рассматривать как полимотивированное.

Таким образом, в современном языке только у двух существительных *плевательница* [СУ 1939] и *дарохранильница* [СА 1847] выделяется протяжённый суффикс *-тельниц/а/*. Этот суффикс имеет косвенное отношение к личным именам на *-тель*, поскольку он формировался на основе прилагательных с протяжённым суффиксом *-тельн/ый/*, источником которого послужили личные имена, т.е. непосредственной связи между простым суффиксом *-тель* и протяжённым суффиксом *-тельниц/а/* с предметным значением в языке нет. Протяжённый формант *-тельниц/а/* – нерегулярная и непродуктивная словообразовательная единица. По словам В.В. Виноградова, предметное значение суффикса *-тельниц/а/* «мертво» [Виноградов 1947: 134]. Тем не менее слова с этим суффиксом в речи иногда появляются:

Инвентарный (учетный) номер: Инв. № 1593/2123. Обрезательница для сигар медная, на мраморной доске. Типология: Художественный металл (<http://www.lostart.ru>).

Поменять верёвки на балконной сушильнице белья (<http://kafka.livejournal.com>).

*Было бы неплохо иметь какую-нить хреновинку для постоянного прижимания капсул к чернилозаборным иглам (по аналогии с **прижимательницей** картриджа у некоторых МФУ HP) (<http://resetters.ru>).*

*А нам на прошлый НГ директор глиняные **запекательницы** в форме свины подарил – ВСЕМ!!!! (<http://www.tourdom.ru>).*

Как видно, в неcodифицированной речи протяжённый суффикс *-тельница/a/* с предметным значением встречается чаще, чем в языке, но тоже характеризуется инертностью. Тем не менее и в [РГ-80], и в «Толковом словаре словообразовательных единиц...» Т.Ф. Ефремовой [ТССЕ] суффикс в этом значении представлен.

Морфемный комплекс *-тельница/a/* с предметным значением является неполным, потому что в языке не представлена начальная стадия его формирования. Это связано с тем, что прилагательные на *-тельн/ый/* являются синтаксическими дериватами мотивирующего глагола, а там, где в словообразовательной цепи есть синтаксический дериват, лексический дериват конечной ступени всегда будет полимотивированным [Ширшов 1981: 100].

При наличии в языке всех звеньев, необходимых для образования производных на *-тельница/a/*, фрагмент словообразовательного гнезда должен выглядеть следующим образом:

курить	
	кури- тель
	куритель- ница/a/ (лицо)
	кури- тельн/ый/
	курительн- иц/a/ (предмет)
	кури- тельница/a/ (лицо и предмет)

КУРИТЕЛЬНИЦА 1. Уст. Женск. к куритель [БАС].

*Сделала это с грустным видом маменька, толстая дама, большая **курительница** и специалистка в преферансе (А.И. Куприн. Инна, 1928).*

2. Прибор, в котором сжигают ароматические вещества, курения [БАС].

...здесь монахи подсыпают в курительницы какую-то особо ароматную траву... (А.П. Хейдок. Храм снов, 1924-1934) [НКРЯ].

Таким образом, фонологически тождественная суффиксальная последовательность *-тельниц/a/* может функционировать как единая протяжённая морфема со значением лица или предмета. Конкретная семантика суффикса определяется теми двумя направлениями, которые легли в основу его формирования:

1) глагол → личное существительное мужского рода на *-тель* → личное существительное женского рода на *-ниц/a/* (для суффикса со значением лица женского пола);

2) глагол → имя прилагательное на *-тельн/ый/* → предметное существительное женского рода на *-ниц/a/* (для суффикса со значением предмета).

Суффикс *-тельниц/a/*, выражающий значение ‘лицо женского пола’, широко используется в речи как средство создания новообразований – наименований лиц по роду их деятельности (или состояния), поэтому является лишь *потенциальной* протяжённой морфемой. Протяжённый суффикс *-тельниц/a/*, имеющий предметное значение, в речи не активен, но именно с этим значением он является принадлежностью языка и входит в состав инвентаря русских морфем.

2.3. Протяжённый суффикс *-тельств/o/* и его значение в отвлеченных именах

Отсутствие в языке при отвлеченном существительном на *-тельств/o/* личного существительного на *-тель* не вызывает у лингвистов сомнения в том, что в структуре отвлеченного имени выделяется протяжённый суффикс *-тельств/o/*, поскольку имеет место факт чересступенчатого

словообразования: *доказа/ть/* → *доказа-тельств/o/*, *измыва/ться/* → *измыва-тельств/o/*, *наплева/ть/* → *наплева-тельств/o/*, *домога/ться/* → *домога-тельств/o/*, *вмеша/ться/* → *вмеша-тельств/o/*, *каса/ться/* → *каса-тельств/o/*, *разбира/ть/* → *разбира-тельств/o/*, *надува/ть/* → *надува-тельств/o/*, *запира/ться/* → *запира-тельств/o/*, *помеша/ться/* → *помеша-тельств/o/*, *руча/ться/* → *руча-тельств/o/* и др. В бинарных свернутых цепях от исходного глагола сразу образуется отвлеченное существительное «со значением деятельности, пребывания в каком-нибудь состоянии, продукта каких-нибудь действий» [Виноградов 1947: 122]. Следовательно, элемент *-тель* в суффиксе *-тельств/o/* никакого отдельного значения не передает, но сигнализирует о пропущенном звене словообразовательной цепи. В одном из новейших словарей словообразовательных единиц [ТССЕ] дается такое значение форманта *-тельств/o/*: «явление, которое характеризуется процессуальным признаком, названным мотивирующим глаголом».

Возникает вопрос, выражает ли значение последовательность *-тель* в отвлеченных существительных, имеющих полную трехкомпонентную словообразовательную цепь: *мучи/ть/* → *мучи-тель* → *мучитель-ств/o/*, *посяга/ть/* → *посяга-тель* → *посягатель-ств/o/*, *доноси/ть/* → *доноси-тель* → *доноситель-ств/o/*, *губи/ть/* → *губи-тель* → *губитель-ств/o/* и т.п.?

При наличии в языке личного существительного на *-тель* смысловые и словообразовательные связи производного на *-тельств/o/* определяются учеными по-разному. В.В. Виноградов считал, что «чаще всего слова этого типа образуются не сразу от глагольных основ, с помощью суффикса *-тельств(o)* (как *домога-тельство*, *невмеша-тельство*), а посредством присоединения суффикса *-ство* к основам существительных на *-тель* (*поручитель-ство*)» [Виноградов 1947: 122]. Надо полагать, в основу данного суждения положен прежде всего формальный критерий словообразовательной производности. По мнению А.Н. Гвоздева, «при наличии таких существительных возможны колебания; например,

жительство теснее связано с глаголом *жить*, чем с существительным *житель*, а *вредительство* теснее – с существительным *вредитель*, чем с глаголом *вредить*» [Гвоздев 1973: 201]. Существование обеих смысловых связей у производных на *-тельств/o/* признает и А.Н. Тихонов, отмечая более тесную их связь все-таки с личными существительными, нежели с глаголами: «в целом ряде случаев слова на *-тельств-o*, не утрачивая смысловой связи с глаголом, теснее сливаются с существительным» [Тихонов 1970: 85]. Однако лингвисты не поясняют, как эта «более тесная связь» ими выявляется в производном. Н.М. Шанский в пределах одного и того же слова видел возможность двоякой интерпретации его структуры («омонимию словообразовательной формы»): «Если на первый план в слове *стяжательство* выдвигается значение действия, будет правильным его деление на *стяжа-тельств(o)*. Если на первый план в этом слове выступает значение состояния, будет правильным его деление на *(стяжа-тель)-ств(o)*» [Шанский 1968: 68-69]. При этом остается неясным, влияет ли различное членение слова на его семантику¹².

Очевидно, что неоднозначная интерпретация структуры отвлеченных существительных зависит от различной направленности смысловых связей этих производных, которые обусловлены семантическими преобразованиями в деривационном акте.

В полных трехкомпонентных словообразовательных цепях (*сочини/ть/* → *сочини-тель* → *сочинитель-ств/o/*, *преда/ть/* → *преда-тель* → *предатель-ств/o/*, *злоыха/ть/* → *злоыха-тель* → *злоыхатель-ств/o/* и т. п.) на первой ступени деривации образуется существительное со значением лица (*сочинитель*, *предатель*, *злоыхатель*). Чтобы установить, сохраняется ли этот компонент значения существительного в производном следующей ступени, необходимо выявить семантическое наполнение существительных

¹² Дискуссионной роблеме множественной мотивации существительных на *-тельств/o/* также уделяли внимание В.В. Лопатин [Лопатин 1972: 100-101], И.С. Улуханов [Улуханов 1972: 147-148], Р.С. Манучарян [Манучарян 1972: 211], О.П. Ермакова [Ермакова 1972: 105].

на *-тельств/o/*. Для этого воспользуемся трансформационным методом¹³: в контексте существительное на *-тельств/o/* представим как значение суффикса *-ств/o/* «занятие, свойство» [РГ-80: 199] (*кураторство*, *злодейство*) и личное существительное, например: *сочинительство* (занятие сочинителя), *предательство* (поведение предателя), *злопыхательство* (состояние злопыхателя):

Как бы ни увлекало забавное и не очень, «футуристическое» сочинительство (ср. занятие сочинителя) *режиссера*, который из боязни тривиального смысла порой терял в спектакле всякий смысл, к финалу действие скучнеет, увязает в однообразии ритмов (Свободен!... // Театральная жизнь, 2003.11.24) [НКРЯ].

Особенно тяжело младшей дочери, «папиной дочке», пережить предательство (ср. поведение предателя) *отца* и обвинения матери (Любовь и голуби, 2007-2011) [НКРЯ].

Я готов был уже отбросить книгу и отнести ее к разряду обычного злопыхательства (ср. состояние злопыхателя) *ожесточившегося неудачника* (И. Ефимов. Суд да дело // Звезда, 2001) [НКРЯ].

Из контекстов видно, что значение лица оказывается избыточным, поскольку изменяется семантическое наполнение фразы: субъект (действия, состояния) оказывается представленным дважды. Следовательно, существительные на *-тельств/o/* не содержат семы 'лицо'. Присоединение к личному существительному суффикса с отвлеченной семантикой снимает в производном указание на деятеля, поэтому данные существительные обозначают «действие (занятие, состояние) в отвлечении от носителя»: *сочинительство* – 'литературное или музыкальное творчество' [БАС], *предательство* – 'нарушение верности кому-, чему-либо' [БАС], *злопыхательство* – 'исполненное злобы и раздражения отношение к кому-, чему-л.' [БАС].

¹³ Впервые трансформационные правила появились в работах З.С. Хэрриса [Хэррис 1962].

К тому же многие существительные на *-тельств/o/* имеют в языке синонимичные однокоренные отвлеченные имена, не содержащие в своей структуре суффикса, который мог бы выражать значение лица:

*В его руках была обычная жалоба больного, обиженного на плохое лечение, грубое отношение и **вымогательство** денег* (В. Валеева. Скорая помощь, 2002). – *По существу автогражданка – метод **вымогания** денег, лучше разбежаться и самим машины чинить – что многие и делают* (Новая тема, которую никто пока не трогает (форум), 2008) [НКРЯ].

*Процветал грязный бизнес, связанный с похищением людей, с **укрывательством** преступников, с торговлей оружием, с финансовыми махинациями и т.п.* (С. Глазьев. Метод зажима – слабость режима // Завтра, 2003.03.09). – *А меня посадили на пять лет – «за **укрывание** преступника»* (О. Гладов. Псина, 2004). – *А вы молчите, Толмачев, – сказал лейтенант, – а то мы вас привлечем за **укрытие** преступников* (Э. Лимонов. Молодой негодяй, 1985) [НКРЯ].

*В «Свадебных песнях донских казаков» Валентины Беляевой предстал особый тип композиции, непосредственно связанный с процессом народного **исполнительства*** (Композиторы Гнесинского дома // Российская музыкальная газета, 2003.01.15). – *Это последнее свойство итальянца меня очень интересует, как нечто совершенно противоположное складу наших народных песен и их народному **исполнению*** (П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк, 1877) [НКРЯ].

*В Абрамцево-15... сейчас идет **строительство** жилого дома, производится монтаж этажей* (Строительно-парковое искусство // Мир & Дом. City, 2004.01.15). – *Тот лес давным-давно пошел на баню, а в этом году я дозрел до **стройки** самого дома* (М. Тарковский. С людьми и без людей, 1983 // Октябрь, 2003) [НКРЯ].

Поскольку в качестве словообразовательных синонимов к существительным на *-тельств/o/* выступают синтаксические дериваты глаголов (*вымогание, укрытие, стройка* и проч.), можно говорить о тождестве лексического значения существительного на *-тельств/o/* и исходного глагола (в определенном значении). Это отражено и толковыми словарями русского языка:

ПОДРАЖАТЬ // Следовать в своем образе жизни, поведении, деятельности кому-либо, какому-нибудь образцу, примеру.

ПОДРАЖАТЕЛЬСТВО Следование чьим-, каким-либо образцам в поступках, поведении, творчестве; подражание [БАС].

МУЧИТЬ Причинять кому-либо муки, страдания.

МУЧИТЕЛЬСТВО Причинение мук, страданий кому-л. [БАС].

КРОПАТЬ // Плохо, неумело писать (сочинения).

КРОПАТЕЛЬСТВО // Писанье плохих, бездарных сочинений [СУ].

Семантическое выветривание суффикса *-тель* обусловлено его слабой позицией в слове. Так как последовательность *-тель* в составе отвлеченного существительного семантически пуста, она является субморфом – левым наращением суффикса *-ств/o/*. Возникновение протяжённого суффикса *-тельств/o/* свидетельствует о развитии в отвлеченном существительном второй мотивации – глагольной: *сочини/ть/* → *сочини-тельств/o/*, *преда/ть/* → *преда-тельств/o/*, *злыха/ть/* → *злыха-тельств/o/* и т.п. Таким образом, производные на *-тельств/o/* имеют две словообразовательные структуры, каждая из которых дает производное с одним семантическим и фонологическим наполнением. Значение отвлеченного существительного ('действие в отвлечении от носителя') может быть получено присоединением простого суффикса *-ств/o/* к существительному на *-тель*, значение лица которого снимается, и присоединением протяжённого суффикса *-тельств/o/*, равного по значению суффиксу *-ств/o/*, непосредственно к глагольной основе.

Итак, наличие у существительных на *-тельств/o/* двух словообразовательных связей (и с существительным, и с глаголом), о которых говорили А.Н. Гвоздев, А.Н. Тихонов, Н.М. Шанский, объясняется процессом нейтрализации неконечного суффикса в этой группе имен. Причем говорить о «более тесной связи» отвлеченных существительных с одним из мотивирующих (применительно к конкретным примерам или ко всему массиву существительных) не имеет смысла, поскольку семантическое наполнение обеих мотивирующих основ – глагольной (*сочини-*, *преда-*, *злыха-*) и субстантивной (*сочинитель-*, *предатель-*, *злыхатель-*) одинаково. Будучи полимотивированными образованиями, отвлеченные существительные на *-тельств/o/* лежат в точке пересечения двух словообразовательных типов и представляют собой промежуточную зону морфемного комплекса.

Если личное существительное на *-тель* является в современном языке непроемным (*покровитель*, *приятель* и др.), нейтрализация значения лица при образовании отвлеченного существительного также происходит (*покровительство* ‘заступничество, защита, оказываемые кому-л.’ [МАС], *приятельство* ‘дружба, приятельские отношения’ [МАС]), но при этом не возникает структурных изменений: поскольку мотивирующее непроемно, множественность мотивации не развивается.

Конечная стадия формирования протяжённого суффикса *-тельств/o/* представлена производными, входящими в бинарные словообразовательные цепи, в исходе которых стоит глагол (*издева/ться/* → *издева-тельств/o/*, *отлага/ть/* → *отлага-тельств/o/*, *препира/ться/* → *препира-тельств/o/* и др.), о чем говорилось в начале параграфа. Последовательность *-тель* в них является частью не мотивирующей основы (поскольку в языке отсутствует существительное на *-тель*), а протяжённого, неделимого не только семантически, но и формально суффикса *-тельств/o/*.

Таким образом, при любой структурной организации абстрактных существительных на *-тельств/o/* звуковая последовательность *-тель*

не выражает в них значения лица. В отвлеченных существительных действие (состояние) отвлекается от его носителя, в результате возникают производные, тождественные по значению «чистому» отвлеченному имени (ср.: *вымогательство* и *вымогание*).

Протяжённый формант *-тельств/o/* сформировался в XVIII веке: «...в конце XVIII – нач. XIX в. обычны были образования на *-тельство*, не соотносимые с именами лиц на *-тель*; такие существительные имели ярко выраженное глагольное значение» [Очерки: 114]. В современном языке насчитывается около 30 образований с этим протяжённым суффиксом, который представлен и в [РГ-80], и в [ТССЭ].

2.4. Морфемные сочетания, не являющиеся протяжёнными суффиксами

В современном русском языке протяжённых аффиксов не так много, как кажется на первый взгляд. Гораздо больше устойчивых морфемных последовательностей, которые складываются вследствие ступенчатого характера русского словообразования и могут по-разному члениться на составные части (морфемы) в силу множественной мотивации производных.

В «Словаре морфем русского языка» А.И. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой зафиксировано 11 морфемных блоков с начальным компонентом *-тель* (*-тельн/ый/*, *-тельниц/a/*, *-тельность*, *-тельск/ий/*, *-тельственн/ый/*, *-тельств/o/*, *-тельствова/ть/*, *-тельствованиj/э/*, *-тельствованн/ый/*, *-тельствующ/ий/*, *-тельш/a/*), которые, как утверждают авторы словаря, «при словообразовании способны выступать в качестве самостоятельных единиц, с помощью которых образуются новые слова» [СМРЯ: 1133]. Однако только 4 морфемных блока из названных (*-тельн/ый/*, *-тельск/ий/*, *-тельниц/a/* и *-тельств/o/*) являются протяжёнными суффиксами, поскольку они действительно выполняют в языке словообразующую функцию. Именно эти

суффиксы впоследствии включит Т.Ф. Ефремова в «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» [ТССЕ].

Таким образом, 7 морфемных последовательностей, начинающихся с *-тель*, протяжёнными суффиксами не являются, поскольку не способны функционировать в качестве единого и единственного (для того или иного образования) словообразующего форманта. К ним относятся: *-тельность*, *-тельственн/ый/*, *-тельствова/ть/*, *-тельствованиј/э/*, *-тельствованн/ый/*, *-тельствующ/ий/*, *-тельш/а/*. Рассмотрим каждую из этих последовательностей.

***-тельность* (274 существительных¹⁴)**

Все существительные, оканчивающиеся на *-тельность*, образуются с помощью суффикса *-ость* от прилагательных, имеющих в своей структуре протяжённый суффикс *-тельн/ый/*, и являются синтаксическими дериватами последних: *пронзи/ть/* → *пронзи-тельн/ый/* → *пронзительн-ость* ('свойство по знач. прил. пронзительный' [МАС]), *цели/ть/* → *цели-тельн/ый/* → *целительн-ость* ('свойство по знач. прил. целительный' [МАС]), *очарова/ть/* → *очарова-тельн/ый/* → *очаровательн-ость* ('свойство по знач. прил. очаровательный' [МАС]) и др.

-тельственн/ый/

(7 прилагательных, из которых 3 являются однокоренными)

Прилагательные на *-тельственн/ый/* образуются с помощью суффикса *-енн/ый/* от существительных различной словообразовательной структуры: три прилагательных – от слов с протяжённым суффиксом *-тельств/о/* (*доказательственн/ый/*, *обязательственн/ый/*, *правительственн/ый/*¹⁵ от *доказательство*, *обязательство*, *правительство*), одно прилагательное – от существительного с суффиксом *-ств/о/*, которое, в свою очередь, имеет

¹⁴ Сведения приводятся по «Обратному словарю русского языка» [ОСРЯ].

¹⁵ Однокоренные образования *противоправительственн/ый/* и *противуправительственн/ый/*.

непроизводную, но членимую основу (*покровитель* → *покровитель-ств/o/* → *покровительств-енн/ый/*), наконец, последнее прилагательное – от непроизводной основы (*обстоятельств-енный* от *обстоятельств/o/*). Следует заметить, что в русском языке функционирует протяжённый суффикс *-ственн/ый/* (*умственн/ый/* от *ум*, *дарственн/ый/* от *дар*, *женственн/ый/* от *женщина*), однако образований с протяжённым суффиксом *-тельств-енн/ый/* в языке нет.

***-тельствова/ть/* (41 глагол)**

Глаголы на *-тельствова/ть/* в современном русском языке являются полимотивированными: они выводятся не только из существительных на *-ств/o/* (*грабительств/o/* → *грабительств-ова/ть/*), но и из личных существительных (*грабитель* → *грабитель-ствова/ть/*) и глаголов (*граби/ть/* → *граби-тельствова/ть/*). Множественная мотивация отражена в толковых словарях русского языка: *вредительствовать* ‘заниматься вредительством, вредить’ [БАС-2] (мотивирующие – отвлеченное существительное и глагол), *попечительствовать* ‘осуществлять попечительство, быть попечителем’ [БАС] (мотивируется отвлеченным и личным существительным), *правительствовать* ‘быть правителем, управлять (т.е. править. – О.П.)’ [БАС] (выводится из личного существительного и глагола), *руководительствовать* ‘заниматься руководством, быть руководителем, руководить’ [СУ] (представлены все возможные мотивации – отвлеченным существительным, личным существительным и глаголом). При этом каждая семантическая группа мотивирующих использует свое словообразовательное средство – соответственно суффиксы *-ова/ть/*, *-ствова/ть/* и *-тельствова/ть/*. Однако в полимотивированных образованиях протяжённые суффиксы только начинают складываться.

Показателем того, что аффиксальная последовательность выступает в качестве единого протяжённого дериватора, являются неполные словообразовательные цепи, в которых ступенчатый принцип развертывания гнезда уступает место чересступенчатому: *праздношата/т/ся/* → ? → *праздношата-тельств/о/* → *праздношатательств-ова/т/ь/* (отсутствует личное существительное), *благовори/т/ь/* → *благовори-тель* → ? → *благоворитель-ствова/т/ь/* (отсутствует отвлеченное существительное). Примеры неполных цепей показывают, что в языке есть протяжённый суффикс *-тельств/о/* (о котором шла речь в п. 2.3) и функционирует протяжённый суффикс *-ствова/т/ь/*, но суффикс *-тельствова/т/ь/* как словообразовательное средство отсутствует. Для его формирования необходимо, чтобы полная четырехкомпонентная словообразовательная цепь была свернута до неполной бинарной (исходный глагол → глагол на *-тельствова/т/ь/*), где нет двух промежуточных звеньев – личного существительного на *-тель* и отвлеченного существительного на *-ств/о/*. Среди глаголов на *-тельствова/т/ь/* таких образований нет. Единственный глагол, который не имеет в языке соотносительных существительных на *-тель* и *-ств/о/*, – это глагол *снисходительствовать*, однако он имеет трехкомпонентную словообразовательную цепь (*снисходи/т/ь/* → *снисходительн/ый/* → *снисходитель-ствова/т/ь/* 'быть снисходительным' [БАС]), поэтому в его словообразовательной структуре выделяется только протяжённый суффикс *-ствова/т/ь/*.

-тельствованиј/э/

(6 существительных, из которых 4 являются однокоренными)

Поскольку в языке нет протяжённого суффикса *-тельствова/т/ь/*, то еще более сложная по структуре морфема *-тельствованиј/э/* закономерно отсутствует. Все немногочисленные существительные на *-тельствованиј/э/*

(*председательствование, свидетельство¹⁶, благодетельствование*) образуются с помощью суффикса *-ниј/э/* от глаголов на *-тельствова/ть/* и являются их синтаксическими дериватами (*благодетельствование* ‘действие по знач. глаг. *благодетельствовать*’).

***-тельствующ/ий/* (2 причастия)**

Два образования на *-тельствующ/ий/* изначально являются действительными причастиями настоящего времени и поэтому представляют собой не самостоятельные лексемы, а глагольные формы, которые образуются с помощью формообразующего суффикса *-ущ-* от основ настоящего времени глаголов на *-тельствова/ть/*: *председательствовать* (основа *председательствuj-*) – *председательствuj-ущ/ий/*, *правительствова/ть/* (основа *правительствuj-*) – *правительствuj-ущ/ий/*. Существительное *председательствующий* и прилагательное *правительствующий* – результат субстантивации и адъективации названных причастий. Как видно, нет никаких оснований говорить о протяжённом словообразовательном форманте *-тельствующ/ий/*.

***-тельш/а/* (11 существительных)**

Суффиксальная последовательность *-тельш/а/* представлена в разговорных и просторечных существительных, обозначающих лиц женского пола. Большая часть этих существительных (7 из 11) – это наименования жён по мужу: *заседательша* (‘жена заседателя’), *надзирательша*, *письмоводительша*, *попечительша*, *предводительша*, *следовательша*, *смотрительша*. Одно производное (*распорядительша*) обозначает женское соответствие к мужскому по роду деятельности. Три существительных

¹⁶ Однокоренные образования от существительного *свидетельствование* образуются приставочным способом – *засвидетельствование, освидетельствование, переосвидетельствование*, поэтому не оказывают никакого влияния на структуру суффиксальной последовательности *-тельствованиј/э/*.

(*председательша, управительша, учительша*) многозначны, так как обозначают и жену по мужу, и лицо женского пола по роду деятельности.

В производных, обозначающих жён по мужу, суффиксальная последовательность *-тельш/a/* всегда распадается на две морфемы *-тель + -ш/a/*, поскольку каждая из морфем выражает определенное словообразовательное значение и является показателем одного деривационного шага: *заседа/ть/* → *заседа-тель* ('лицо мужского пола') → *заседатель-ш/a/* ('жена'). Существительное *распорядительша* ('лицо женского пола, которое руководит, распоряжается каким-либо делом') характеризуется множественной мотивацией (*распорядитель* → *распорядитель-ш/a/* и *распоряди/ться/* → *распоряди-тельш/a/*), поскольку в нем происходит семантическая нейтрализация неконечного суффикса *-тель*¹⁷. В многозначных существительных *председательша, управительша, учительша* структурно-семантическая квалификация фонологически тождественной суффиксальной последовательности *-тельш/a/* будет зависеть от лексического значения слова. Поскольку мономотивированных отглагольных образований с суффиксом *-тельш/a/* в языке нет, то нет и протяжённого суффикса.

Наконец, аффиксальная последовательность *-тельствова/нь/*, выделенная как морфемный блок (см. [Кузнецова, Ефремова 1986]), вообще не представлена в словах русского языка. Но если бы такие образования и существовали, надо полагать, они представляли бы собой причастия или прилагательные, образованные от основы инфинитива глаголов на *-тельствова/ть/*.

Таким образом, анализ языкового материала показывает, что аффиксальные последовательности *-тельность*, *-тельств/ень/*, *-тельствова/ть/*, *-тельств/овани/э/*, *-тельств/ован/ь/*, *-тельств/ующ/и/*, *-тельш/a/* протяжёнными суффиксами не являются. Эти аффиксальные

¹⁷ Процессы, происходящие в производном, идентичны тем, которые уже описаны нами при анализе личных существительных женского рода на *-тельница/a/* (см. гл. III, п. 2.2).

последовательности членятся на отдельные морфемы, которые имеют значение и участвуют в образовании слов на различных этапах деривационного процесса. Членение аффиксальных последовательностей может быть различным, поскольку неодинаковы мотивационные связи между словами, например: *-тельственн/ый/* (*-тель-+-ств-+-енн/ый/* и *-тельств-+-енн/ый/*), *-тельствова/ть/* (*-тель-+-ств-+-ова/ть/*, *-тельств-+-ова/ть/* и *-тель-+-ствова/ть/*). Одна из морфем в аффиксальных последовательностях может быть протяжённым суффиксом, например: *-тельн-* в *-тельность*, *-тельств-* в *тельственн/ый/* и *-тельствова/ть/*, *-ствова-* в *-тельствова/ть/* и *-тельствованиј/э/*.

3. Протяжённые суффиксы с начальным элементом *-ист*

Десемантизация охватывает и некоторые другие морфемы с семантикой лица, в том числе суффикс *-ист*, который, утратив своё значение, стал начальным элементом четырех протяжённых формантов:

<i>-ист</i>	<i>-к/а/</i>	<i>-истк/а/</i>	<i>суфразистка</i>
	<i>-ск/ий/</i>	<i>-истск/ий/</i>	<i>снобистский</i>
	<i>-ическ/ий/</i>	<i>-истическ/ий/</i>	<i>априористический</i>
	<i>-ичн/ый/</i>	<i>-истичн/ый/</i>	<i>атавистичный</i>

Незначимый элемент *-ист* в протяжённых суффиксах, как видим, восходит к суффиксу *-ист* личных имен существительных¹⁸. Этот суффикс появился на русской почве, однако истоки его зарождения восходят к языку древнегреческому, поскольку фонемная последовательность, ставшая в русском языке суффиксом *-ист*, в древнегреческом языке представляла собой две конечные фонемы производящих глагольных основ и

¹⁸ Мы не рассматриваем в работе омонимичный адъективный суффикс *-ист/ый/* (*ухабистый*, *поджаристый*, *сернистый* и под.), поскольку он не стал средством формирования протяжённых суффиксов в языке.

словообразующий субстантивный суффикс -τ-: λογίζομαι/ ('думать, размышлять') → λογισ-τ/ής/ ('ценитель, критик, судья') [ДГС]¹⁹ → *лог-ист*; σοφίζω/ ('учить, наставлять') → σοφισ-τ/ής/ ('софист, лжефилософ') → *соф-ист*; εὐαγγελίζομαι/ ('сообщать радостную весть, благовествовать, проповедовать') → εὐαγγέλισ-τ/ής/ ('возвещающий благую весть') → *евангел-ист*. Греческие существительные на -τ/ής/ были заимствованы с усечением окончания -ής и присоединением русской парадигмы мужского склонения [см. об этом подробнее: Ширшов 1978].

Параллельно с греческими существительными на -τ/ής/ (λογιστής, σοφιστής, εὐαγγέλιστής и др.) заимствовались греческие существительные и с другими суффиксами от тех же глагольных основ: λογ-ικ/ή/ ('наука об умозакключениях') → *лог-ик/а/*, σόφισ-μ/α/ ('хитрая уловка, ложное умозаключение') → *соф-изм*, εὐαγγέλιον ('благая весть') → *евангелиj/э/*. Между греческими заимствованиями на русской почве сформировались иные словообразовательные связи, нежели в языке-источнике, поскольку производящие глаголы не вошли в русский язык: равнопроизводные отглагольные существительные греческого языка (λογική и λογιστής, σόφισμα и σοφιστής, εὐαγγέλιον и εὐαγγέλιστής и под.) приобрели отношения непосредственной мотивированности (*лог/ик-а/* → *лог-ист*, *соф/изм/* → *соф-ист*, *евангел/uj-э/* → *евангел-ист*). Суффикс -ист, таким образом, сложился в результате процесса переразложения, причиной которого стало заимствование однокоренных слов (*логик/а/* – *логист*, *софизм* – *софист*, *евангелиj/э/* – *евангелист*), между которыми установились новые словообразовательные отношения.

Поскольку греческий язык является непосредственным или опосредованным источником заимствования не только для русского языка,

¹⁹ Древнегреческий словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ancientgreek.ru>. Толкование греческих слов дается на основе данного словаря.

но и многих других языков, суффикс *-ист* приобрел статус интернациональной морфемы: нем. *Monopolist, Statist*, франц. *styliste, helléniste*, англ. *adventist, congregationalist*, итал. *marinista, solista* [ТСИС].

Первоначально формант *-ист* использовался для образования существительных от иноязычных основ (*пейзажист, штабист, финансист, гигиенист, бонапартист* и т.п.), впоследствии стал присоединяться и к русским основам (*очеркист, баянист, уклонист, хвостист, пушкинист* и др.). Суффикс *-ист* выделяется в словах, имеющих как связанный корень (*акмеист* ← *акме/изм/*, *гимназист* ← *гимназ/и-я/*, *грамматист* ← *граммат/ик-а/*), так и свободный (*портретист* ← *портрет*, *декабрист* ← *декабрь*, *штангист* ← *штанг/а/*).

В отличие от суффикса *-тель*, который образует личные существительные от глагольных основ (см. примеры в п. 2), суффикс *-ист* действует в кругу субстантивных базовых основ (см. примеры выше) и значительно реже – адъективных (*бытовист* ← *бытов/ой/*, *аккуратист* ← *аккурат/н-ый/*, *русист* ← *рус/ск-ий/* и под.). Присоединяясь к основам существительных, суффикс выражает словообразовательное значение лица, названного по отношению к направлению (общественно-политическому, идеологическому, научному), сфере занятий, склонности и т.п. [РГ-80: 189]; сочетаясь с основами прилагательных – значение лица, характеризующегося свойством, взглядами, сферой занятий [РГ-80: 170].

Из четырех протяжённых аффиксов, начальным элементом которых стал первичный суффикс *-ист*, один субстантивный и три адъективных суффикса.

3.1. Протяжённый субстантивный суффикс *-истк/а/* и его словообразовательный потенциал

Как уже отмечалось, мотивационные отношения между словами, обозначающими лиц мужского и женского пола, являются в языке

системными (см. гл. III, п. 2.2). Поэтому наименования лиц женского пола достаточно регулярно образуются в языке от личных имен мужского рода на *-ист* с помощью суффикса *-к/а/*: *массажист* → *массажист-к/а/*, *индивидуалист* → *индивидуалист-к/а/*, *баптист* → *баптист-к/а/* и т.п.

Производные женского рода от существительных на *-ист*, как и личные существительные на *-тельница/а/* (см. гл. III, п. 2.2), являются полимотивированными, так как при их образовании происходит полная семантическая нейтрализация суффикса *-ист* (обеих его сем – ‘лицо’ и ‘мужской пол’²⁰) перед суффиксом *-к/а/*, который способен передавать не только значение женскости, но и значение лица (*институт* – *институт-к/а/*, *чернавый* – *чернав-к/а/*, *технический* – *технич-к/а/*, *вертеть*, *хвост* – *вертихвост-к/а/*).

Оппозиция основ существительных мужского и женского рода (*медалист* – *медалистк/а/*, *гитарист* – *гитаристк/а/*, *баскетболист* – *баскетболистк/а/* и под.) по форме является привативной, поскольку второй член оппозиции включает показатель производности суффикс *-к-*, а по смыслу – эквиполентной, так как значение каждого члена оппозиции складывается из трех составляющих. Например:

медалист

- 1) значение суффикса *-ист* ‘лицо мужского пола’;
- 2) фразеологическое наращение ‘награжденное’;
- 3) значение мотивирующего *медаль*.

медалистка

- 1) значение суффикса *-к/а/* ‘лицо женского пола’;
- 2) фразеологическое наращение ‘награжденное’;
- 3) усеченное значение мотивирующего слова *медалист*.

Особенностью семантического наполнения личных имен женского рода является погашение семантики неконечного аффикса *-ист*, что делает их в равной степени выводимыми из двух мотивирующих по разным

²⁰ Несмотря на то, что личные существительные мужского рода очень часто обозначают лицо вообще, вне зависимости от пола [Виноградов 1947: 62; Моисеев 1959: 185], при их сопоставлении с существительными, обозначающими лиц женского пола, гендерный аспект выходит на первый план.

семантическим моделям: производные женского рода полностью осваивают значение исходного звена словообразовательной цепи (*медаль*) и только часть значения существительных мужского рода (*медалист*).

Вряд ли можно согласиться с Е.А. Земской в том, что «словообразовательный параллелизм не может быть усмотрен... при образовании женских обозначений, соотносительных с мужскими, не выделяющими, по отсечению потенциальных суффиксов, свободной основы и являющихся заимствованием (*пессимист* – *пессимистка*)» [Очерки 1964: 75]. В силу десемантизации дериватора *-ист* существительные типа *пессимистка* имеют значение не ‘женщина-пессимист’, а ‘лицо женского пола (женщина), склонное к пессимизму’. Поэтому производные *пессимистка* и под. мотивируются не только личным существительным мужского рода (*пессимист* → *пессимист-к/а/*), но и абстрактным существительным, имеющим связанный корень (*пессим/изм/* → *пессим-истк/а/*). Следовательно, словообразовательный параллелизм имеет место. Такого параллелизма не возникает только в том случае, если производящее личное имя является образованием членимым, но непроизводным (см. об этом гл. III, п. 2.2.), поскольку при этом опосредованная мотивированность невозможна: *юрист* → *юрист-к/а/* [НС], *дантист* → *дантист-к/а/*, *окулист* → *окулист-к/а/* [ССТ] и под.

Полимотивированность большей части личных имен на *-истк/а/* приводит к формированию морфемного комплекса, который реализуется как протяжённый словообразовательный формант *-истк/а/* только в двух существительных, обозначающих лиц женского пола, – *модистка* и *суффражистка*, поскольку они не имеют в современном языке коррелятов мужского рода на *-ист*.

Существительное *modiste* f, m (уст.) ‘торговец модным товаром, женской одеждой’ во французском языке использовалось для наименования лиц обоего пола [НФРС]. Французское слово стало прототипом русского существительного *модист* ‘изготовитель, продавец модных туалетов и

головных уборов' [СРЯ XVIIIв.], от которого впоследствии образовался коррелят по роду *модистка* 'изготовительница, продавщица модных туалетов и головных уборов' [СРЯ XVIIIв.]. В слове *модистка* (устар.) формирование протяжённого аффикса *-истк/a/* связано с выпадением из языка существительного мужского рода *модист*: *мод/a/* → (*мод-ист*) → *мод-истк/a/*: *Портные и модистки могли брать любые цены за новые невиданные модели весенних нарядов и вечерних туалетов* (А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 3, 1947-1953) [НКРЯ]. В наше время это устаревшее слово вернулось к жизни в названиях магазинов: магазин ткани «Модистка» (г. Москва), предлагающий ткани «высокой моды»; магазин модной женской одежды «Модистка» (г. Санкт-Петербург). Такой выбор названия магазинов не случаен, он призван подчеркнуть исключительность заведения, которая проявляется в стильности, изысканности, великолепном качестве продукции, отличающейся от продукции масс-маркета, и индивидуальном подходе к клиенту, ведь модистки считались лучшими портнихами, шившими на индивидуальный заказ.

Личное имя *суффражистка* 'сторонница и участница суффражизма' [МАС] образовалось от связанной основы англицизма *суффражизм* 'женское движение за предоставление женщинам избирательных прав, распространенное во второй половине 19 – начале 20 вв. в Великобритании, США и некоторых других странах' [МАС], минуя одну ступень словообразования, что обусловлено исключительно экстралингвистическими факторами и находит свое логическое объяснение в том, что движение было женским (*суффраж/изм/* → *суффраж-истк/a/*)²¹: *При входе Черчилля в вагон экспресса суффражистка ударила его по лицу зеленым флагом с надписью: «Нет референдума для суффражисток»* (Вести, 1912.02.10) // Русские ведомости, 1912) [НКРЯ].

²¹ Интересно отметить, что существительное *феминизм*, которое тоже обозначает женское движение за уравнение женщин в правах с мужчинами, стало источником образования обоих коррелятов – *феминист* и *феминистка*. Надо полагать, что сторонников феминизма среди мужчин было значительно больше, нежели сторонников суффражизма.

Особняком от существительных *модистка* и *суффражистка* стоит итальянское либо французское заимствование *камеристка* (ист.) ‘комнатная служанка при госпоже’ (итал. *camerista* < *camera* [ТСИС], франц. *camériste* [СРЯ XVIIIв.]), поскольку оно является непроемным, но членимым образованием. Отсутствие в русском языке коррелята мужского рода **камерист*²² позволяет выделить в существительном *камеристка* протяжённый суффикс *-истк/а/* по аналогии с другими существительными женского рода на *-истк/а/*, поскольку данная звуковая последовательность приобрела в языке значение ‘лицо женского пола’.

Так как существительные, в словообразовательной (морфемной) структуре которых выделяется протяжённый суффикс *-истк/а/*, вышли из активного употребления и находятся в пассивном словарном запасе, а новые слова с этим суффиксом в языке не зафиксированы, суффикс *-истк/а/* следует считать непродуктивным, несмотря на то что сам «суффикс *-ист* и модель *-ист-к/а/* обладают широкой продуктивностью» [Протченко 1980: 156]. Об этом свидетельствует обилие новых слов, вошедших в язык на рубеже XX–XXI веков: *фундаменталист* – *фундаменталистка*, *глобалист* – *глобалистка*, *визажист* – *визажистка*, *галерист* – *галеристка*, *кёрлингист* – *кёрлингистка* [АЛ XXI в.] и многие другие.

Однако в неcodифицированной речи протяжённый суффикс *-истк/а/* весьма активен:

Я ужасная консерватистка (<консерватизм). Люблю, чтобы все было однообразно, ничего не менялось (<http://mobile.ficbook.net>).

Это здорово.... что есть теперь друзья в любом уголке (по крайней мере) страны... рада за тебя... "вожжистка" (<вожж) (blog.i.ua/user).

Да объясни ты этим вопроеисткам (<вопрос), что один и тот же тон краски на разных волосах с различными пигментами будет всегда выглядеть по-разному! Что они пристают к тебе... (<http://qroom.ru>).

²² Очевидно, отсутствие в языке существительного **камерист* объясняется тем, что для наименования комнатного слуги при господине использовалось немецкое заимствование *камердинер* (нем. *Kammerdiener*).

*Больше всего это смахивает на программу ночного варьете средней руки – сначала у нас будет гимнаст, потом факир, потом **стриптизистка** (<стриптиз) (www.sexnarod.ru).*

*Я – начинающая "**чатистка**" (<чат). Очень хотелось бы приобрести новых друзей и единомышленников через это компьютеризированное общение (<http://main.krovatka.ru>).*

*А таких **фордисток** (<«Форд») – море и по городу и по трассам гоняет. Вот кого надо лишать прав. Причем всех и навсегда (<http://www.e1.ru>).*

В речи появилась целая тематическая группа существительных на *-истк/а/*, образованных от названий автомобильных марок. Возможная причина этого – экстралингвистическая: женщина за рулем автомобиля в настоящее время чрезвычайно распространенное явление. Так как в узусе нет наименования для женщины, управляющей (и владеющей) автомобилем, неузусальные образования заполняют эту нишу:

*И **опелистка** (<«Опель») пострадала ни за что, прямо как в случае с Евдокимовым и водителем праворукой Тойоты (<http://www.bmwdriver.ru>).*

*Правда, я пока **аудистка** (<«Ауди»), но в прошлом обожательница и владелица лексуса! (<http://ct.kz>).*

*Переехав через двойную сплошную, она столкнулась на встрече с «Тойотой-Чайзер»... У **джипистки** (<«Джип») – травма головы, сотрясение мозга... (<http://kamtime.ru>).*

*Эта **пежистка** (<«Пежо») могла словить другой автомобиль или мотоцикл – тоже сказали бы что второй виноват? (<http://news.date.bs>).*

*Срочно найди хорошего мастера и не тяни с ремонтом движка! Говорю как **жигулистка жигулистке** (<«Жигули») (<http://www.vaz2101.org>).*

Названные личные имена на *-истк/а/*, как и речевые новообразования на *-тельница* (см. гл. III, п. 2.2), могут иметь в неcodифицированной речи соотносительные пары, называющие лиц мужского пола (*вопросист,*

джипист, жигулист и т.п.), которые являются для первых не мотивирующими, а параллельными образованиями от существительных:

В качестве "вопросиста" сейчас ведь выступаешь и сам, Виктор?! (http://otvet.mail.ru). Плох тот джипист, который стесняется помощи трактора. (http://www.autoreview.ru). Я, между прочим, не только жигулист. У меня ещё и Логан имеется (http://guns.allzip.org).

Употребление в контексте существительного женского рода вместе с мотивирующим словом подчеркивает наличие в первом протяжённого суффикса *-истк/а/*:

У Светланы одно из самых важных для глухих людей званий – губистка... Она читает слова по губам, и сама говорить не разучилась (Вечерний Северодвинск, 2004.06.01).

Надеюсь, вам всем нравится гламур и вы гламуристки? Да или нет? Ответьте!!!! (http://blogs.privet.ru).

Я тут самая заядлая йогистка... Подсела капитально на йогу и бросать не хочу, очень мне нравится (http://www.kid.ru).

Нередко мономотивированные новообразования на *-истк/а/* используются как приложения к узуальным полимотивированными существительным. Такие структуры акцентируют внимание на опосредованной мотивации последних и соответственно протяжённом суффиксе в них:

Сценарий к нему написала Энн Райс – известная и плодовитая романистка-вампиристка (http://pinme.ru).

Она ярая сатанистка-зомбистка, а их ничем не возьмёшь, от них даже серебряные пули отскакивают (http://forum.skunksworks.net).

Поскольку суффикс *-истк/а/* имеет значение лица, в узуальных производных он присоединяется к основам существительных с предметным значением (*модистка* от *мода*, *суффражистка* от *суффражизм*). Однако в сфере неузуального словообразования сочетаемость база суффикса

-истк/а/ шире: он порождает наименования лиц женского пола от глагольных основ и основ личных существительных мужского рода (как правило, иноязычного происхождения). Приведем примеры отглагольных образований:

А если считаете, что «говористка» (<говорить) из вас никакая, то изложите мысли на бумаге и в письменной форме предложите их начальству (<http://12news.ru>).

– *Если у меня нет одежды, значит я – нудистка? – Пока что ты зудистка* (<зудеть)! (<http://diala.chat.ru>).

В последнем примере можно наблюдать языковую игру, так как слово *нудистка* может быть понято как узуальное производное от существительного *нудизм* и как неuzuальное образование от глагола *нудеть* (прост., неодобр.) ‘говорить нудно, монотонно, а также жалуюсь или настойчиво прося чего-н.’ [ТСРЯ]. Именно в неuzuальном значении существительное *нудистка* объединяет в смысловом отношении две реплики, вступая в синонимические отношения с новообразованием *зудистка* (<зудеть (разг., перен.) ‘надоедать, докучливо приставать с чем-л.’ [МАС]).

Производные от личных имен мужского рода весьма активны в молодежной речи:

Уважаемые господа дайверы и госпожи дайверистки! Впереди целая куча дней – майские праздники – когда можно понырять где-нибудь в Белоруссии (<http://forum.divers.by>).

Далена, могу ли я использовать твою риторику и назвать тебя защитницей юзера (жарг. ‘пользователь’)? *Юзеристкой?* Наверно могу. Но не стану (<http://forum.baikal.net>).

Ну ты и хакеристка (<хакер). То есть хакерша. Или хакерка. Вычислила! (<http://www.sosiska.com>).

Следует отметить, что наименования лиц по спортивному увлечению (*дайвер*), компьютеризмы, называющие лицо по степени владения

компьютером (*юзер, хакер*), могут использоваться применительно к лицам женского пола, поскольку звуковой комплекс *-ер* в этих словах соотносится с суффиксом лица *-er* в словах-прототипах (англ. *diver, user, hacker*), который в языке-источнике безразличен к семантике пола [Маринова 2008: 148, 149]. Однако русскому языку такая амбивалентность в целом не свойственна, поэтому гендерные различия, как правило, находят свое формальное выражение в появлении коррелятов женского рода – *дайверистка, юзеристка, хакеристка*.

При образовании от личных имен на *-ер* коррелятов женского рода в семантике и структуре последних должны происходить процессы, тождественные тем, которые наблюдаются при соединении суффикса *-к/а/* с основами существительных на *-ист*, а именно семантическая нейтрализация суффикса *-ер*²³ перед формантом *-истк/а/*. Следовательно, корреляты женского рода *дайверистка, хакеристка, юзеристка* будут полимотивированными образованиями, а это создает предпосылки для формирования нового протяжённого форманта (*-еристк/а/*):

$$\begin{array}{l} \text{дайв/инг/} \left\{ \begin{array}{l} \rightarrow \text{дайв-ер} \rightarrow \text{дайвер-истк/а/} \\ \rightarrow \text{дайв-еристк/а/} \end{array} \right. \end{array}$$

Последний пример (*Ну ты и хакеристка. То есть хакерша. Или хакерка...*) – яркое свидетельство того, что *-истк/а/* является протяжённым аффиксом, поскольку этот звуковой комплекс в целом вступает в синонимические отношения с такими простыми по форме суффиксами русского языка, как *-ш/а/* и *-к/а/*, обозначающими лиц женского пола (см. также *стриптизистка – стриптизерша, стриптизерка; вампиристка – вампирша, вампирка*).

²³ Иноязычия *дайвер, хакер, юзер* и под. на русской почве уже можно считать производными словами, поскольку параллельно с ними были заимствованы однокоренные слова *дайвинг* ‘подводное плавание’, *хакинг* (информ., жарг.) ‘деятельность хакера’ [АЛ XXI в.], *юзать* ‘использовать’ [СМС], с которыми установились отношения мотивированности: *дайв/инг/* → *дайв-ер*, *хак/инг/* → *хак-ер*, *юз/а-ть/* → *юз-ер*.

Многочисленные примеры показывают, что протяжённый формант *-истк/а/* чрезвычайно активен в некодифицированной речи. Он образует имена лиц женского пола от основ существительных, русских (*губистка*) и иноязычных (*вояжистка*), конкретных (*вопросистка*) и абстрактных (*консерватистка*), производных (*йогистка*) и производных (*юзеристка*), и даже от основ глаголов (*говористка*).

В заключение отметим, что протяжённый суффикс *-истк/а/* следует отнести к суффиксам смешанного типа (по классификации В.С. Гимпелевича [Гимпелевич 1971]), поскольку его начальный элемент *-ист* имеет иноязычное (греческое) происхождение, а суффикс *-к/а/* – исконно русский по своей природе. В образовании и функционировании протяжённого суффикса *-истк/а/*, обозначающего лицо женского пола, много общего с протяжённым суффиксом *-тельниц/а/* в таком же значении. Это свидетельствует о том, что, несмотря на разный фактический материал, в словообразовательном процессе действуют общие закономерности.

3.2. Суффикс *-истик/а/*: своеобразие структуры и семантики

В лингвистической науке нет единого взгляда на морфемный статус звуковой последовательности *-истик/а/*²⁴ в словах типа *криминалистика*, *германистика*, *формалистика* и под. Является ли данная последовательность единым морфом или представляет собой сочетание двух суффиксов *-ист + -ик/а/*?

В «Русской грамматике» элемент *-истик/а/* квалифицируется как единый суффикс только в двух образованиях: *шагистика* (от *шагать*) и *ерундистика* (от *ерунда*) [РГ-80: 166, 218]. Следовательно, в других словах последовательность *-истик/а/* рассматривается как сочетание двух

²⁴ Всего существительных на *-истик/а/*, по сведениям [ОСРЯ], 55 единиц.

суффиксов: *-ист* со значением лица и *-ик/а/* ‘научное направление, сфера занятий’ [РГ-80: 193]. Но насколько оправданна такая интерпретация образования существительных на *-истик/а/*?

О суффиксе *-истик/а/* как самостоятельном словообразовательном форманте в таких словах, как *афористика*, *документалистика*, *испанистика*, пишет Е.А. Земская, которая полагает, что единица *-истик/а/* в современном языке начала играть роль самостоятельного форманта, ответвившись от суффикса *-ик/а/* [Земская 1992: 141]. Однако исследователь не поясняет, почему и каким образом происходил этот процесс.

Иной точки зрения придерживается И.А. Ширшов [Ширшов 1978]. Ученый считает, что суффикс *-истик/а/* имеет древнегреческие истоки и в его происхождении много общего с суффиксом *-ист* (см. гл. III, п. 3). По его мнению, древнегреческие существительные, обозначавшие научные направления и виды искусства, образовывались от глагольных основ путем присоединения суффиксальных морфов *-ик/η/* (*-ик-*) или *-тик/η/* (*-тик-*), которые являлись алломорфами одной морфемы. Морф *-тик/η/* в структуре производного слова выступал после гласных и согласного [σ]: σοφίζ/ω/ (‘учить, наставлять’) → σοφίσ-тик/ή/ (‘софистика, лжефилософия’), λογίζ/ομαι/ (‘считать, пересчитывать’) → λογίσ-тик/ή/ (‘счетное искусство’), εὐρίσ/κω/ (‘находить, открывать’) → εὐρίσ-тик/ή/ (‘эвристика, искусство открывать истину’) [Ширшов 1978: 80]. Процесс параллельного заимствования древнегреческих существительных, имеющих единый генетический корень, но разные суффиксы, способствовал переразложению в их структуре, поскольку производящие глаголы из языка-источника не заимствовались. При сопоставлении заимствований *софизм* – *софистика*, *логика* – *логистика*, *эврика* – *эвристика* и под., а также вторых членов этих пар (*софистика*, *логистика*, *эвристика*) отчетливо выделяется элемент *-истик/а/*, с которым связывают значение научного направления или сферы занятий.

Неоднозначно квалифицируется словообразовательная структура существительных на *-истик/а/* и в [ССТ]. С одной стороны, эти существительные рассматриваются как мотивированные личными именами на *-ист* (*криминал* → *криминал-ист* → *криминалист-ик/а/*, *фаун/а/* → *фаун-ист* → *фаунист-ик/а/*), и тогда последовательность *-истик/а/* является сочетанием двух суффиксов. С другой стороны, существительные на *-истик/а/* представлены как мотивированные именами прилагательными или существительными с предметным значением и в то же время как мотивирующие для личных имен на *-ист* (*ориенталь/н-ый/* → *ориентал-истик-а/* → *ориентал-ист*, *Герман/и-я/* → *герман-истик-а/* → *герман-ист*). В этом случае последовательность *-истик/а/* выступает как единый суффикс.

Более убедительной нам представляется точка зрения, согласно которой звуковая последовательность *-истик/а/* функционирует в качестве единого словообразовательного аффикса. Поясним эту позицию.

Отношения производности предполагают формально-семантическую выводимость одного слова из другого. Квалификация существительных на *-истик/а/* как мотивированных личными именами на *-ист* учитывает только один критерий производности – формальный. Однако анализ семантики существительных *криминалист* – *криминалистика*, *фаунист* – *фаунистика*, *ориенталист* – *ориенталистика*, *германист* – *германистика* и под. позволяет заключить, что первые члены пар семантически сложнее, поскольку включают семантику слов *криминалистика*, *фаунистика*, *ориенталистика*, *германистика* и значение лица: *криминалист* ‘специалист по криминалистике’ [МАС], *фаунист* ‘специалист по фаунистике’ [МАС], *германист* ‘специалист по германистике’ [МАС], *ориенталист* ‘специалист по ориенталистике, востоковед’ [МАС]. Следовательно, личные имена на *-ист* не могут служить базой для образования семантически более простых слов на *-истик/а/*.

Правда, следует учитывать, что некоторые личные имена на *-ист* являются равнопроизводными с соотносительными именами на *-истик/a/*, но и в этом случае последовательность *-истик/a/* выступает как единый морф:

формал/изм/ – $\begin{cases} \rightarrow \text{формал-ист} \text{ ‘лицо, проявляющее в чем-либо формализм’} \\ \rightarrow \text{формал-истик/a/} \text{ ‘приверженность формализму’ [БАС]} \end{cases}$

фольклор – $\begin{cases} \rightarrow \text{фольклор-ист} \text{ ‘специалист по фольклору’} \\ \rightarrow \text{фольклор-истик/a/} \text{ ‘наука о фольклоре’ [МАС]} \end{cases}$

Только существительное *софистика* в одном из своих значений (‘учение софистов’ [БАС]) действительно образовано от личного имени на *-ист* (*софист* → *софист-ик/a/*). В другом же значении (‘рассуждения, основанные на софизмах’ [БАС]) производное *софистика* имеет иную словообразовательную структуру (*соф/изм/* → *соф-истик/a/*) и соответственно суффикс *-истик/a/*.

Таким образом, личные имена на *-ист* не являются мотивирующими для образований на *-истик/a/*. Последние мотивируются неличными существительными или именами прилагательными, не имеющими в своей словообразовательной структуре элемента *-ист*, поэтому звуковая последовательность *-истик/a/* является в производных существительных единой словообразовательной морфемой, причем простой по своей структуре в русском языке.

Суффикс *-истик/a/* проникает в русский язык преимущественно при опосредованном заимствовании: *компаративистика* < нем. *Komparativistik*, *стилистика* < франц. *stylistique*, *характеристика* < польск. *charakterystyka*, нем. *Charak-teristik* [ТСИС] и др. По аналогии с производными словами суффикс *-истик/a/* вычленяется и в непроемных словах, которые представляют собой одиночные заимствования, не имеющие в русском языке родственных образований: *сфрагистика* (< нем. *Sphragistik*)

‘вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати’ [ТСИС], *эρίστικά* (<греч. *ἐρίστικᾶ*) ‘искусство спорить, полемизировать’ [МАС].

Таким образом, почти все существительные на *-истик/a/* являются иноязычными заимствованиями, кроме трех слов: *шагистика*, *ерундистика* [БАС; СУ; МАС], отмеченных также [РГ-80] (см. выше), и *зубристика* [БАС; СУ]. Формант *-истик/a/* в них присоединяется уже к русским основам:

шаг/a-ть/ → *шаг-истик/a/* (неодобр.) ‘военное обучение, при котором основное внимание уделяется маршировке’ [МАС];

зубр/и-ть/ (разг.) → *зубр-истик/a/* (разг., неодобр.) ‘обучение, основанное на зубрении; зубрежка’ [БАС-2];

ерунд/a/ (разг.) → *ерунд-истик/a/* (прост.) ‘то же, что ерунда’ [БАС-2].

Эти единичные русские образования имеют сниженную стилистическую окраску. Их своеобразие заключается в том, что производные *шагистика* и *зубристика* являются отглагольными образованиями и выражают процессуальное значение, а существительное *ерундистика*, вопреки морфемному усложнению, не меняет своей семантической структуры, поэтому представляет собой просторечный синоним мотивирующего существительного.

Формант *-истик/a/*, однако, «прижился» на русской почве и проявляет активность в некодифицированной речи, где он, в отличие от узуса, характеризуется широкой сочетаемостью – с основами существительных (*карьеристика* от *карьер*, *жаристика* от *жара*), прилагательных (*древнистика* от *древний*, *мрачнистика* от *мрачный*) и глаголов (*бубнистика* от *бубнить*, *жалистика* от *жаловаться*):

Карьеристика – это наука о самореализации, способах применения творческого потенциала личности (<http://www.extrajob.by>). А мы ждём-не дождёмся грозы, у нас *жаристика*... (<http://www.galya.ru>).

При этом и на Украине, и в России были серьезные ученые-историки, которые занимались *древнистикой*, востоком, да много чем могли

заниматься (<http://www.vesti.ru>). Но вся эта **мрачнистика** и психология подлецов к нашей ситуации не сильно подходит, у нас люди наемные... (<http://forums.ag.ru>).

Бубнистика по радио... (<http://loupnatik.livejournal.com>). Как правильно жаловаться. Дневник правильного студента. Введение в **жалистику** (<http://www.student44.ru>).

В неузואальном словообразовании морф **-истик/а/** выражает различные словообразовательные значения. Возможно, под влиянием существительного **ерундистика** у новообразований появляется значение ‘ерунда, вздор, чепуха’, которое в контексте может обрести смежный оттенок значения:

В каждой **мессаге** (короткое сообщение, послание. – О.П.) **дуристика** на **дуристике** и **дуристикой** погоняет (<http://122.72.0.6www.fcckamaz.ru>): **дуристика** ← дурной.

Согласен, **журналюги** просто больше ничего не умеют, вот и придумывают всякую **дебилистику** (слово не только в значении ‘ерунда, вздор’, но и ‘глупость’. – О.П.) (<http://www.paparazzi.ru>): **дебилистика** ← дебильный.

Вакансий у них нет пока никаких, то есть писанина про привлечение людей – **фигнистика** (появляется также значение ‘обман’ + максимально сниженная оценочность. – О.П.) (<http://www.litigator.ru>): **фигнистика** ← **фигня**.

От основ глаголов с отрицательно-оценочной семантикой образуются пейоративы с процессуальным значением:

Политическая дуристика... страны, основой которой будут народовластие и социальная справедливость для каждого человека (<http://ss69100.livejournal.com>): **дуристика** ← **дурить** (ср. с узואальным **одурачивание** [БАС]).

Долгой **нудистикой** о том, как все было замечательно, утомлять не буду (<http://xfitft.blogspot.com>): **нудистика** ← **нудеть**.

*И центр **балдистики** надо открыть. Балда на балде сидит и балдой погоняет* (<http://news.tts.lt>): *балдистика ← балдеть* (узуальное разг.-сниж. балдёж [БТС]).

Образованные от прилагательных, существительные на *-истик/а/* получают значение отвлеченного признака:

*Меня поражает **тупистика** наших депутатов, просто нет слов!* (<http://news.nur.kz>): *тупистика ← тупой* (узуальное *тупость* [МАС]).

*Не верь глазам, ушам не верь. Кто прав – уже не знаю. Где мудрость правила, теперь – **Мудристика** сплошная* (<http://www.chaint.ru>): *мудристика ← мудрёный* (узуальное *мудрёность* [СУ]).

*Вот просто очень понравилось мне это произведение. Никакой **нудистики** от классики, а, наоборот, очень весело и интересно!* (<http://books.imhonet.ru>): *нудистика ← нудный* (узуальное *нудность* [СУ]).

*У меня текли слезы от учебной дури и **дебилистики** нынешней программы одурачивания наших детей* (<http://forum.awd.ru>): *дебилистика ← дебильный* (узуальные *дебильность* [АЛ XXI в.], *дебилизм* [БТС]).

*По опыту знаю, что логистика у нас ассоциируется с **чудистикой** на букву м...* (<http://www.petra-group.ru>): *чудистика ← чудной*.

Наконец, образования на *-истик/а/* могут выступать в собирательном значении:

*Это зависит от отеля или во всех отелях эта **фигнистика** есть в ванной комнате? Понятное дело, что набор этой фигни зависит от категории отеля...* (<http://forum.travellanka.ru>).

*Но муниципалитеты установили определенные правила: грохочи перфораторами, отбойными молотками, дрелями и прочей **чудистикой** «от и до»...* (<http://magnitkanews.ru>).

*Работала я у ИП в магазине зав. всем, чем можно, кадрами, товаром, логистикой и прочей **мудристикой** (пардон!)* (<http://www.livemaster.ru>).

Приведенный иллюстративный материал показывает, что одно и то же существительное на *-истик/а/* может мотивироваться разными частями речи (см.: *дуристика*, *нудистика*) и выступать в различных значениях (см.: *дуристика*, *нудистика*, *чудистика*, *дебилистика* и проч.). Этим словам может быть свойственна «диффузность значений» [Шмелев 1977] (например, отвлеченный признак и отвлеченное действие в существительном *нудистика*). Следует отметить, что в неcodифицированной речи новобразования на *-истик/а/* редко выражают значение научного направления (см.: *карьеристика*, *древнистика*).

Если в узусе существительные на *-истик/а/* стилистически нейтральны или имеют книжную окраску, то в речи они характеризуются сниженной стилистической окраской и отрицательно-оценочным (пейоративным) значением. Это свойственно и тем существительным, которые образованы от стилистически нейтральных слов с положительно-оценочной семантикой:

Я думаю, Капицу больше смотрят такие, как Labjene, в период молодёжной умнистики. Молодые многие страдают умностью, вот и читают и смотрят всё это дело (<http://forum.inosmi.ru>): *умнистика* ← *умный*.

Опять будут копать "от забора до обеда", заниматься тупой ходистикой – и раз в году стрелять по три "зачётных" (<http://www.mk.ru>): *ходистика* ← *ходить*.

Чтобы отвлечься от кабинетной говористики, я провел социологический опрос (<http://www.journalismolensk.ru>): *говористика* ← *говорить*.

Новообразования на *-истик/а/*, таким образом, характеризуются значительной экспрессией и эмоциональностью.

Завершая характеристику суффикса *-истик/а/*, подчеркнем, что он не является протяжённой морфемой, т.е. не представляет собой совокупности простых морфем. Заимствованная, по сути, звуковая последовательность

-истик/а/, состоящая из двух конечных фонем производящих глагольных основ греческого языка [ισ] и суффикса -тик/η/, на русской почве оформилась как суффиксальная морфема, которая лишь формально совпала с функционирующими в русском языке суффиксами -ист и -ик/а/ (*физика, графика, педагогика*). Это формальное совпадение провоцирует носителей русского языка на восприятие суффикса -истик/а/ как протяжённого, хотя в действительности он таковым не является. Этот суффикс можно назвать «ложным» протяжённым суффиксом.

3.3. Протяжённый адъективный суффикс -истск/ий/ и его функционирование в речи

Основы личных имен на -ист свободно сочетаются в русском языке с суффиксом -ск/ий/, поскольку именно этот суффикс с древнейших времен использовался для образования прилагательных, выражающих отношения принадлежности, свойственности лицу или группе лиц. Поэтому комбинация двух суффиксов -ист + -ск/ий/ характерна для русского языка, а прилагательные на -истск/ий/ представляют собой значительный разряд слов (*позитивистский, фрейдистский, националистский, детерминистский, расистский* и др.). По сведениям [ОСРЯ], прилагательных на -истск/ий/ 157 единиц, однако в последние десятилетия их численность возросла. Появились такие прилагательные, как *глобалистский, гэкачепистский, гэбистский, лоббистский, монетаристский, вождистский, популистский, экстремистский* [АЛ XXI в.], *культуристский, оранжистский* [РОС] и многие другие.

Последовательность -истск/ий/ является морфемным комплексом, так как она представлена в прилагательных тремя структурными разновидностями, каждая из которых соответствует определённому этапу формирования в языке протяжённого аффикса -истск/ий/.

Начальная фаза формирования протяжённого аффикса представлена в прилагательных, где морфемный комплекс является сочетанием двух простых суффиксов – *-ист* (‘лицо’) и *-ск/ий/* (‘относящийся к’), например:

танк → танк-ист → танкист-ск/ий/ ‘относящийся к танкисту, принадлежащий ему’ [БАС]. *И по ней, качаясь, шел молодой человек в грязном танкистском шлеме* (С. Мостовщиков. Мусор // Столица, 1997.09.02) [НКРЯ].

очерк → очерк-ист → очеркист-ск/ий/ ‘относящийся к очеркисту’ [БАС]. *И, нарушая очеркистский обычай, я не привёз с собой числа труб, раскуривающих своё фабричное нарگیле под небом Туркестана, количества гектаров, перешедших из-под риса под хлопок, процентных отметин роста грамотности и других цифр* (С.Д. Кржижановский. Салыр-Гюль, 1933) [НКРЯ].

пейзаж → пейзаж-ист → пейзажист-ск/ий/ ‘относящийся к пейзажисту, пейзажистам; свойственный, присущий им’. *Я вдруг мог пережить пейзажистскую лихорадку: копировать Шишкина.., простаивать часами перед Левитаном.* (Вишнев. Мои воспом.) [БАС].

Другая, самая многочисленная группа прилагательных на *-истск/ий/* характеризуется множественной мотивацией, на которую неоднократно обращалось внимание в лингвистической литературе (см. [Виноградов 1947; Зверев 1978; Ряснянская 1980; Антипов 2001]). Полимотивированность в большей степени свойственна тем прилагательным на *-истск/ий/*, которые в качестве мотивирующих имеют соотносительные пары существительных на *-ист* и *-изм*: *буддист* – *буддизм*, *максималист* – *максимализм*, *кубист* – *кубизм* и др. Члены этих пар, объединенные формально и семантически, находятся между собой в словообразовательных отношениях. Имена на *-изм* являются мотивирующими для имен на *-ист*, поскольку первые обозначают общественное явление, направление, систему взглядов, вторые – того, кто имеет отношение к явлению, обозначенному существительным на *-изм*:

бudd/изм/ → *бudd-ист* ‘последователь буддизма’ [МАС], *максимал/изм/* → *максимал-ист* ‘сторонник максимализма’ [МАС], *куб/изм/* → *куб-ист* ‘последователь кубизма’ [МАС].

Множественная мотивация прилагательных сопровождается множественностью их словообразовательной структуры, поэтому фонологически тождественная последовательность *-истск/ий/* в этой группе прилагательных выступает в двух вариантах: либо как два простых суффикса *-ист* + *-ск/ий/*, либо как единый суффикс *-истск/ий/*.

Рассмотрим на примере одного из производных полимотивированность прилагательных на *-истск/ий/* и процесс формирования протяжённого суффикса.

Прилагательное *буддистский* (рел.) ‘относящийся к буддизму, буддистам; исповедующий буддизм’ [АЛ XXI в.] образуется либо от существительного *буддист* с помощью суффикса *-ск/ий/*: *буддист* → *буддист-ск/ий/* (*буддистский семинар*), либо от существительного *буддизм* с помощью суффикса *-истск/ий/*: *бudd/изм/* → *бudd-истск/ий/* (*буддистские догмы*).

В первом примере прилагательное *буддистский* выражает отношение к лицу (*семинар буддистов*), а следовательно, полностью осваивает семантику мотивирующего существительного *буддист*, поэтому в словообразовательной структуре прилагательного выделяется два суффикса *-ист* и *-ск/ий/*. Во втором примере то же прилагательное обозначает отношение к одной из мировых религий (*догмы буддизма*). И хотя с формальной точки зрения производное *буддистский* ближе к основе личного имени на *-ист*, семантически оно мотивировано неодушевленным существительным (*буддизм*). Такое возможно, если на последней ступени словообразования (*бudd/изм/* → *бudd-ист* → *буддист-ск/ий/*) суффикс *-ист* утрачивает свое значение (‘лицо’) и превращается в субморф, формируя протяжённый суффикс *-истск/ий/* (*бudd-истск/ий/*). При этом прилагательное целиком осваивает форму существительного *буддист* и лишь

частично (за вычетом семы 'лицо') его семантику (*буддист* 'лицо, исповедующее буддизм'). В результате семантической нейтрализации суффикса *-ист* развивается опосредованная мотивация прилагательного неодушевленным существительным *буддизм* и формируется протяжённая морфема *-истск/ий/*.

В.В. Виноградов отмечает, что вследствие систематической сочетаемости суффикса *-ск/ий/* с именами существительными на *-ист* в индивидуальной речи последовательность *-истск/ий/* иногда осознаётся как потенциальный суффикс (*наплевистский*) [Виноградов 1947: 228]. Однако следует признать, что последовательность *-истск/ий/* в действительности уже не потенциальная, а вполне реальная протяжённая морфема, поскольку прилагательные с протяжённым суффиксом *-истск/ий/* функционируют в языке и зафиксированы в толковых словарях: *меньшевистский* [СУ 1938], *цезаристский* [СУ 1940], *большевистский* [БАС 1950], *маздеистский* [БАС 1957], *снобистский* [БАС 1962], *вождистский* [АЛ XXI в.].

Эти прилагательные имеют неполную словообразовательную цепь, поскольку промежуточное звено (личное имя на *-ист*) отсутствует в языке:

вожд-истск/ий/ (публ.) 'относящийся к вождизму; авторитарный' ← *вожд/изм/* (публ.) 'утверждение абсолютной власти, диктата, непререкаемого авторитета руководителя, главы (обычно высокого ранга)' [АЛ XXI в.] (при отсутствии **вождист*). *Действия харьковского губернатора полностью укладываются в рамки линии действующей власти на отказ от всякой репрезентативной демократии на Украине и переход к строительству государства на авторитарных вождистских началах* (Г. Мирзаян. Почему перемирие на Донбассе невозможно // Expert Online, 2014.09.28).

цезар-истск/ий/ 'относящийся к цезаризму' ← *цезар/изм/* 'единоличная диктатура в сочетании с формальным признанием прав народа, демоса' [БАС] (при отсутствии **цезарист*). *Макиавелли... резко критикует демократию, с которой он рекомендует бороться методами*

«макиавеллизма» или же упрочить власть **цезаристской** тирании (В.Л. Бурцев. Протоколы сионских мудрецов – доказанный подлог, 1938) [НКРЯ].

мазде-истск/ий/ ‘относящийся к маздеизму, связанный с ним’ ← *мазде/изм/* ‘религия Ирана и Средней Азии, основой которой является культ доброго божества Мазды’ (при отсутствии *маздеист). В соответствии с распространенными в Согде **маздеистскими** религиозными воззрениями и учением о четырех освященных стихиях – огне, воде, земле и воздухе – труп [умершего] не мог быть ни сожжен, ни закопан в землю, ни брошен в воду, ни оставлен на воздухе (Монгайт, Археология в СССР) [БАС].

сноб-истск/ий/ ‘склонный к снобизму, отличающийся снобизмом // характерный для сноба’ ← *сноб/изм/* (или *сноб*) [БАС] (при отсутствии *снобист). В обществе распространилась **снобистская**, чуждая нашей культуре философия, согласно которой богатство богатых и бедность бедных заслужены (В. Бондарев. Над пропастью во лжи // Независимая газета, 2003.03.31). Это все твои **снобистские** замашки (В. Спектр. Face Control, 2002) [НКРЯ].

меньшев-истск/ий/ ‘относящийся к меньшевикам и к меньшевизму, свойственный им’ ← *меньшев/изм/* (или *меньшев/ик/*) [БАС] (при отсутствии *меньшевист). Все повторилось в **меньшевистском** духе – побузили и затихли, явно ожидая, что ответит Троцкий (Бери половину акций у Форда – и он сразу запоет «Интернационал» // Жизнь национальностей, 2002.10.14) [НКРЯ].

большев-истск/ий/ ‘относящийся к большевизму, большевикам, основанный на принципах большевизма’ ← *большев/изм/* (или *большев/ик/*) [БАС-2] (при отсутствии *большевист²⁵). Есть логика политики и идеологии

²⁵ По сведениям В.В. Виноградова, в прилагательных *меньшевистский* и *большевистский* обнаруживается суффикс *-истск/ий/*, поскольку вышли из употребления существовавшие ранее слова *меньшевист* и *большевист* [Виноградов 1947: 228]. Однако это диахронический аспект проблемы. Мы же рассматриваем словообразовательные отношения прилагательных в синхронии.

– и *большевистской* и *левоэсеровской* (Г. Попов. Ошибка в проекте. Ленинский тупик // Наука и жизнь, 2009) [НКРЯ].

Прилагательные *снобистский*, *меньшевистский*, *большевистский* являются полимотивированными образованиями, поскольку они в равной степени мотивируются как личным именем, так и неодушевленным существительным с отвлеченной семантикой. Однако их словообразовательная структура при этом не меняется²⁶, в ней вычленяется только протяжённый суффикс *-истск/ий/*. Это объясняется тем, что в словообразовательном акте мотивирующие основы личных имен (*сноб*, *меньшев/ик/*, *большев/ик/*) формально тождественны мотивирующим основам неодушевленных существительных (*сноб/изм/*, *меньшев/изм/*, *большев/изм/*), поскольку их форма подвергается нейтрализации (усечению)²⁷, в то время как семантика мотивирующих основ полностью сохраняется и осваивается прилагательными.

Несмотря на то что протяжённый суффикс *-истск/ий/* начинает складываться на базе личных существительных на *-ист*, его оформление в протяжённую морфему связано с основами отвлеченных существительных (*субъективистский* от *субъективизм*, *шовинистский* от *шовинизм*, *акмеистский* от *акмеизм* и др.). Но благодаря семантическому тождеству простого суффикса *-ск/ий/* и протяжённого суффикса *-истск/ий/*, последний как и суффикс *-ск/ий/*, начинает присоединяться к основам личных имен, правда уже иной структуры: либо непроемным (*сноб*), либо имеющим в своей структуре другой аффикс (*меньш-евик*, *больш-евик*).

Протяжённый суффикс *-истск/ий/* активно используется носителями русского языка для образования новых прилагательных:

²⁶ В.В. Лопатин обращал внимание на то, что множественность мотиваций слова – понятие более широкое, чем множественность словообразовательной структуры. Множественность мотиваций может сопровождаться множественностью словообразовательной структуры, но это вовсе не обязательно [Лопатин 1972: 99].

²⁷ За исключением основы существительного *сноб*.

*Слишком уж грязной и засаленной, даже какой-то **бомжистской** (<бомж) казалась ее фуфайка (<http://www.modernlib.ru>).*

*В матче против самого **аутсайдеристского** из аутсайдеров, команда открыла счет только на 80 минуте! (<http://iceland.p0.ru>).*

*Но режиссеру Тимуру Бекмамбетову и авторам сценария и в голову не пришло хоть чуточку пожертвовать **драйвистской** (<драйв) зрелищностью ради целостности повествования... (<http://www.kinopoisk.ru>).*

*Существование Бога уже давно является предметом горячих дискуссий, хотя буквально миллионы наших граждан принимают **кайфистскую** (<кайф) веру без каких-либо дискуссий или доказательств (Бакинские ведомости, 2006.08.04).*

*Это и мнение многих моих клиентов, которые очень жалеют, что поддались массовой **обвалистской** (<обвал) истерии... (<http://finforum.org>).*

*У меня сегодня какой-то **обломистский** (<облом) день, всё понимаю, а делаю наоборот... Даже спортом не хочется заниматься (<http://women-club.do.am>).*

Приведенные примеры показывают, что сочетаемость база протяжённого суффикса *-истск/ий/* в некодифицированной речи несколько иная. Если в узусе протяжённый суффикс сочетается с основами абстрактных существительных, обозначающих систему взглядов, общественное явление, то в речи — с основами абстрактных существительных, выражающих состояние (*драйв, кайф, облом, обвал*).

Новообразования с протяженным суффиксом *-истск/ий/* могут иметь узуальные синонимы:

*«Чек!» Ничего подобного — русские люди не признают никаких там **буржуистских** (<буржуй) чеков! Вот пачка денег — это по-нашему! (<http://sites.google.com>): **буржуистский** — ср. *буржуйский* [БАС].*

*Религия в ее **фанатистской** (<фанатизм) форме угнетала научную мысль (<http://forum.kinopoisk.ru>): **фанатистский** — ср. *фанатический* [МАС].*

Я в шейпингистских (<шейпинг) нагрузках не силен, так что и спорить даже не пытаюсь... (<http://2006-2009.littleone.ru>): *шейпингистский* – ср. *шейпинговый* [АЛ XXI в.].

*Что сказал Дирелл, наконец взявшись седлать коня и увидев авангардистскую (или, лучше сказать, **арьергардистскую** (<арьергард) по месту расположения?) причёску своего средства передвижения, история умалчивает.* (<http://lib.rus.ec>): *арьергардистский* – ср. *арьергардный* [БАС].

Речевая организация последнего контекста очень интересна. Новообразование *арьергардистский* создано по образцу узуального прилагательного *авангардистский*. В последнем в рамках данного контекста сталкиваются два значения – узуальное (прил. к *авангардизм*), поскольку речь идет о причёске, и окказиональное (прил. к *авангард*, от которого в языке функционирует другое прилагательное – *авангардный*). Новообразование *арьергардистский* должно быть синонимично узуальному прилагательному *арьергардный* (от *арьергард*), поскольку речь идет о месте расположения, однако форма новообразования и словообразовательная модель указывают на его связь и с несуществующим в языке (потенциальным) существительным **арьергардизм*. В основе языковой игры, наблюдаемой в контексте, лежит антонимия узуального прилагательного и новообразования (*авангардистский* – *арьергардистский*).

Небезынтересно отметить, что некоторые производные на *-истск/ий/*, которые появились в языке благодаря протяжённому суффиксу и изначально являлись момотивированными образованиями, с течением времени изменили свою словообразовательную структуру и стали полимотивированными. Это связано с появлением в языке слова, которое стало тем недостающим звеном словообразовательной цепи, о котором сигнализирует субморф *-ист* в составе протяжённого аффикса. Так, у прилагательных с протяжённым суффиксом *-истск/ий/* – *голлистский* (*Ш. де Голль* → *голл-истск/ий/*), *сциентистский* (*сциент/изм/* → *сциент-*

истск/ий/), *патерналистский* (*патернал/изм/* → *патернал-истск/ий/*) [НС-2] – на рубеже XX–XXI веков недостающее звено словообразовательной цепи заполняется личными именами на *-ист*: *голлист* [РОС] ‘сторонник Ш. де Голля’, *сциентист* ‘сторонник сциентизма’ [БТС], *патерналист* (книжн.) ‘покровитель, опекун’ [БТС], что обусловлено действующей в языке закономерностью деривационной системы: от собственных имен и отвлеченных существительных на *-изм* регулярно образуются личные имена на *-ист* (*Бакунин* → *бакун-ист*, *Дарвин* → *дарвин-ист*, *ате/изм/* → *ате-ист*, *шовин/изм/* → *шовин-ист*). Словообразовательная цепь названных прилагательных стала полной: *Ш. де Голль* → *голл-ист* → *голлист-ск/ий/*, *сциент/изм/* → *сциент-ист* → *сциентист-ск/ий/*, *патернал/изм/* → *патернал-ист* → *патерналист-ск/ий/*, поэтому прилагательные на *-истск/ий/* в языковом сознании носителей русского языка начали соотноситься не только с собственным (*Ш. де Голль*) или отвлеченным именем (*сциентизм*, *патернализм*), но и с личными именами на *-ист*. В итоге у прилагательных развилась полимотивированность, следствием которой стала множественность их словообразовательной структуры: *голл-истск/ий/* и *голлист-ск/ий/*, *сциент-истск/ий/* и *сциентист-ск/ий/*, *патернал-истск/ий/* и *патерналист-ск/ий/*.

В заключение отметим, что звуковая последовательность *-истск/ий/* функционирует в русском языке не только как комбинация двух простых суффиксов *-ист-* + *-ск/ий/*, но и как единый протяжённый суффикс *-истск/ий/*. В языке слов с этим протяжённым суффиксом немного (всего 6), однако в речи эта протяжённая морфема востребована. Примеры показывают, что суффикс *-истск/ий/* вступает в синонимические отношения с такими продуктивными формантами русского языка, как *-ск/ий/*, *-ов/ый/*, *-н/ый/*. Формирование нового словообразовательного средства следует отнести к середине XX столетия, когда появились первые имена прилагательные, вошедшие в словарь русского языка. Несмотря на это,

в [РГ-80] нет суффикса *-истск/ий/* в списке словообразовательных морфов. В [ТССЕ] этот протяжённый суффикс представлен как нерегулярная словообразовательная единица, с чем можно согласиться, так как словарь характеризует функционирование суффикса в языке; в речи наблюдается совсем иная картина.

3.4. Протяжённый адъективный суффикс *-истическ/ий/*: две языковые модели его формирования

В «Русской грамматике» последовательность *-истическ/ий/* рассматривается как один из морфов суффикса *-ск/ий/*, встречающийся в единичном образовании *табуистический*²⁸ (от *табу*) [РГ-80: 283]. Однако суффикс *-истическ/ий/* функционирует еще в ряде слов русского языка:

анахронистический (устар.) ‘относящийся к анахронизму (во 2 знач.), являющийся им’ [БАС-2]: *Вчера об инициативе российского президента осторожно отозвался генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер, заявивший, что предложение Путина «разбивает анахронистическую риторику прошлого»* (Д. Жуйков. Поляки торгуются за ПРО // РБК Daily, 2007.06.09) [НКРЯ];

априористический ‘прил. к априори; не основанный на опыте, предшествующий ему’ [СУ]: *Для полного разъяснения этого вопроса недостаточно одних априористических построений, а также недостаточно ни благодушия, ни даже отвлеченной идеи справедливости* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Напрасные опасения (По поводу современной беллетристики), 1868-1883) [НКРЯ];

атавистический ‘относящийся к атавизму (в 1 знач.)’ [БАС-2]: *Впрочем, и здесь на выручку мне приходит память, а может быть, даже не память, а какой-то инстинкт или атавистическое наитие* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008) [НКРЯ];

²⁸ Всего прилагательных, оканчивающихся на *-истическ/ий/*, 148 единиц [ОСРЯ].

пауперистический ‘относящийся к пауперизму’ [БАС]: ...страна могла обеспечить высокий жизненный уровень для определенного числа жителей, превышение которого приводило к социальной дестабилизации, но не обязательно на *пауперистическом* уровне... В.П. Яйленко. Архаическая Греция и Ближний Восток (<http://www.sno.pro1.ru>).

сабеистический ‘относящийся к сабеизму’ [БАС]: ...как умный человек, он понял нелепость *сабеистического* поклонения звездам и идолам... Н.А. Добролюбов, Жизнь Магомета (<http://az.lib.ru>).

снобистический ‘склонный к снобизму, отличающийся снобизмом // характерный для сноба’ [БАС]: Он называл себя христианским социалистом, изучал Маркса и Блаженного Августина, и это прихотливое сочетание родило в нем *снобистическое* высокомерие (Л. Улицкая. Лялин дом, 1995-2000) [НКРЯ];

тотемистический ‘относящийся к тотемизму, свойственный ему’ [БАС]: В силу *тотемистического* мировосприятия, ставящего знак равенства между природой и человеком, обществом и отдельным членом, в дни Сатурналий каждый человек переживает ту же драму перемены ролей, что и бог-царь (О.М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра, 1935) [НКРЯ];

трюистический ‘в духе прописных (избитых) истин (трюизмов. – О.П.); шаблонный’ [БИРС]: Пока традиционная школа вместе с современными информационными технологиями и СМИ лишают нас необходимости думать, наше творческое мышление захлебывается в потоке *трюистических* решений. А. Баранов. Включи мозги, кнопка справа! 17.06.2013 (<http://www.segment.ru>).

централистический ‘относящийся к централизму’ [БАС]: Даже *централистическая* республика с его точки зрения бессильна вернуть народам свободу и обеспечить им мир и справедливость (Ю.В. Ключников. На великом историческом перепутье, 1922)) [НКРЯ];

эвфемистический ‘относящийся к эвфемизму; являющийся эвфемизмом’ [БАС]: *Одно из отделений клиники с эвфемистическим названием «Диагностическое» занималось выскабливаниями, среди которых порой случались и диагностические...* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый Мир, 2000) [НКРЯ];

эвфуистический (лит.) ‘о слоге: отличающийся эвфуизмом, напыщенный, вычурный, манерный’ [СУ]: *В прислужнике Гонериллы нет ни придворного щегольства, ни эвфуистической манерности речи...* (Г. Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир, 1962) [НКРЯ];

юридистический (устар.) ‘то же, что юридический; связанный с законодательством, правовыми нормами и практическим применением их’ [БАС]: *Намерение твое оставить **юридистическую** часть и пойти по медицинской весьма меня удивило* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи, 1872-1876) [НКРЯ].

Для подавляющего большинства названных прилагательных мотивирующими являются основы существительных на *-изм*: конкретных (*анахронизм, атавизм, трюизм, эвфемизм*) или отвлеченных (*пауперизм, сабеизм, снобизм, тотемизм, централизм, эвфуизм*). Причем особенностью их словопроизводства является то, что форма мотивирующего осваивается не полностью (усекается суффикс *-изм*), а семантика – целиком (значение суффикса *-изм* входит в производное).

Особо следует отметить прилагательные *снобистический* и *тотемистический*, которые мотивируются не только существительными на *-изм*, но и непроизводными существительными *сноб* [БАС] и *тотем*²⁹ [ССТ].

²⁹ Несмотря на то что толковые словари русского языка [БАС; МАС; СУ; СОШ; ТСИС] и др. значение прилагательного *тотемистический* соотносят только с семантикой отвлеченного существительного *тотемизм*, а конкретное существительное *тотем* связывают с другим прилагательным – *тотемный*, [ССТ] отмечает множественную мотивацию прилагательного *тотемистический* (от *тотемизм* и *тотем*), что подтверждается его употреблением в речи: *Приобщаясь жертвенного мяса тотема, человек единится с таинственной сущностью тотема – получает **тотемистическое** имя (Волк, Соловей, Баран, Сокол и т.д.)* (П.А. Флоренский. Общечеловеческие корни идеализма, 1909) [НКРЯ]. Таким образом, прилагательное *тотемистический* может использоваться как синоним к прилагательному *тотемный*.

Не образованы от существительных на *-изм* лишь два прилагательных: *априористический* (мотивируется наречием *априори*) и *юридистический*, которое непроизводно, но членимо.

Итак, ни одно из анализируемых прилагательных не мотивируется именами на *-ист* или *-истик/a/*, потому что они отсутствуют в языке. Следовательно, звуковая последовательность *-истическ/ий/* выступает в прилагательных как единый словообразовательный формант, представляющий собой протяжённый аффикс.

Однако не у всех прилагательных с финалью *-истическ/ий/* эта звуковая последовательность является протяжённым суффиксом. Она имеет в прилагательных различную структурную организацию, которая отражает этапы формирования протяжённой морфемы.

Сразу заметим, что для носителей русского языка, чье языковое сознание ориентировано на последовательное присоединение аффиксов, обычное для русского языка, финаль *-истическ/ий/*, очевидно, будет восприниматься как последовательность трех суффиксов *-ист*, *-ик/a/(-ич-)*, *-(е)ск/ий/*, хорошо знакомых в силу их частой повторяемости в речи. На самом деле звуковой комплекс *-истическ/ий/* не является сочетанием трех суффиксов, поскольку образования на *-ист* не являются мотивирующими для существительных на *-истик/a/* (*криминалистика*, *германистика* и т.п. – см. об этом гл. III, п. 3.2)³⁰.

Последовательность *-истическ/ий/* в прилагательных представляет собой комбинацию следующих суффиксов:

1) простой суффикс *-истик/a/(-истич-)* + *-(е)ск/ий/* (алломорф суффикса *-ск/ий/*). Первый выражает словообразовательное значение учения, научного направления, второй – значение отношения: *эвр/истик/a/* → *эвристическ/ий/* (спец.) ‘относящийся к эвристике’ (*эвристический метод обучения*)

³⁰ Исключение – *софистический* (в 1 знач.) ‘относящийся к софистике (в 1 знач.: учение софистов)’ [БАС]: *соф/ист/* → *софист-ик/a/* → *софистическ/ий/*.

[БАС], *балл/истик/а/*³¹ → *баллистич-еск/ий/* ‘относящийся к баллистике’ (*баллистические данные*) [БАС-2];

2) простой суффикс *-ист* + протяжённый суффикс *-ическ/ий/*³²: *карьер/а/* → *карьер-ист* → *карьерист-ическ/ий/* (книжн.) ‘свойственный карьеристу’ (*из карьеристических соображений*) [СУ], *букин/ист/* → *букинист-ическ/ий/* ‘прил. к букинист’ (*букинистический магазин*) [БАС].

Производные *эвристический*, *баллистический*, *карьеристический*, *букинистический* характеризуются единственной мотивацией и отражают начальную стадию формирования протяжённого аффикса, когда рядом оказываются два суффиксальных морфа.

Взаимодействие двух смежных суффиксов (*-истич-+ -еск/ий/* и *-ист-+ -ическ/ий/*), которое является предпосылкой формирования новой протяжённой морфемы, наблюдается в полимотивированных прилагательных.

Первая модель образования протяжённого суффикса представлена в словах типа *силлогистический* ‘относящийся к силлогизму и к силлогистике’, *флористический* ‘относящийся к флоре, флористике’ [БАС]. Выражая отношение к учению, науке (*силлогистика*, *флористика*), прилагательные

³¹ Существительные *эвристика* (<греч. εὐρίσκω – нахожу [БАС]) и *баллистика* (<нем. Ballistik <греч. βάλλω – бросаю, мечу [БАС-2]) имеют в языке соответствия с тем же генетическим корнем: междометие *эврика* (<греч. εὕρηκα – нашел! [БАС]) и существительное *баллиста* (<лат. ballista <греч. βάλλω – бросаю, мечу [БАС-2]) ‘машина для метания камней, стрел и т. п., применявшаяся в древности обычно при осаде крепостей’, однако последние не находятся с существительными на *-истик/а/* в отношениях словообразовательной производности. Поэтому и те и другие следует отнести к непроизводным, но членимым образованиям (за исключением междометия).

³² Протяжённый суффикс *-ическ/ий/* образовался в результате приспособления основ иноязычных прилагательных к русской словообразовательной системе. Он генетически связан с греческим суффиксом *-ικ/ός/* (*ιστορικός*), лат. *-ic/us/* (*jūridicus*), франц. *-iq/ue/* (*paralytique*), нем. *-isch* (*schematisch*). Этот иноязычный суффикс на русской почве осложнялся исконным суффиксом *-ск/ий/* (*историч-еск/ий/*, *юридич-еск/ий/*, *паралитич-еск/ий/*, *схематич-еск/ий/*), ассимилирующим иноязычное прилагательное в родном языке. Возникшее соотношение между заимствованными прилагательными и однокоренными существительными, не имеющими в своем составе элемента *-ик*, *-ик/а/* (*история*), способствовало переразложению в основе прилагательного и выделению как самостоятельной морфемы звукового комплекса *-ическ/ий/* (*истор/и-я/* → *истор-ическ/ий/*). Протяжённый суффикс *-ическ/ий/*, как и простой суффикс *-еск/ий/*, выражает значение отношения (см. об этом [Очерки 1964; Гимпелевич 1971; Ширшов 1978]).

имеют словообразовательную структуру *силлогистич-еск/ий/* (*силлогистическая терминология*), *флористич-еск/ий/* (*флористические сводки*); обозначая отношение к объекту изучения той или иной науки (*силлогизм, флора*) – словообразовательную структуру *силлог-истическ/ий/* (*силлогистическая форма*), *флор-истическ/ий/* (*флористические богатства земного шара*). Последняя является результатом опосредованной мотивации конечного звена словообразовательной цепи первым: *силлог/изм/* → *силлог-истик/а/* → *силлогистич-еск/ий/*, *флор/а/* → *флор-истик/а/* → *флористич-еск/ий/*.

Другую модель формирования протяжённого суффикса *-истическ/ий/* можно наблюдать в словах типа *филателистический* ‘относящийся к филателии, филателизму и филателисту’, *сюрреалистический* ‘относящийся к сюрреализму и сюрреалистам’ [БАС]. Отношение к лицу (*филателист, сюрреалист*) выражается одной словообразовательной структурой: *филателист-ическ/ий/* (*филателистическое общество*), *сюрреалист-ическ/ий/* (*сюрреалистический кружок*); отношение к сфере занятий, литературному, научному и т.п. направлению (*филателия, филателизм, сюрреализм*) – иной словообразовательной структурой: *филател-истическ/ий/* (*филателистический музей*), *сюрреал-истическ/ий/* (*сюрреалистическая манера письма*). Словообразовательный суффикс *-истическ/ий/* складывается на основе опосредованной мотивации конечного звена словообразовательной цепи другого типа: *филател/иј-а/*, *филател/изм/* → *филател-ист* → *филателист-ическ/ий/*, *сюрреал/изм/* → *сюрреал-ист* → *сюрреалист-ическ/ий/*.

Таким образом, полимотиваты *силлогистический, флористический, филателистический, сюрреалистический* и под. создают почву для формирования в языке протяжённого суффикса *-истическ/ий/*, поскольку их опосредованная мотивация служит новой словообразовательной моделью, которая складывается в языке. При опосредованной мотивации в основе

прилагательного утрачивается граница между двумя суффиксальными морфами, поскольку предшествующий суффикс (*-истич-* или *-ист-*), оказавшись в слабой позиции не-конца слова, теряет свое значение и становится оформителем конечного морфа.

Доказательством того, что элемент *-ист-* в суффиксе *-истическ/ий/* семантически пуст, служит целый ряд прилагательных, которые не выражают отношения к лицу при наличии в языке личного имени на *-ист*: *оптимистический* ‘проникнутый оптимизмом, жизнерадостный’ [БАС] (при наличии *оптимист*), *номиналистический* ‘относящийся к номинализму; в духе номинализма’ [БАС] (при наличии *номиналист*), *релятивистический* ‘прил. к релятивизм’ [СУ] (при наличии *релятивист*), а также *садистический*, *объективистический*, *реалистический* и некоторые другие.

Толкование этих прилагательных через исходное слово цепи (*оптим/изм/* → *оптим-ист* → *оптимист-ическ/ий/*) точно описывает их семантику, отсылая читателя к той части значения, которая осталась после нейтрализации значения лица. Но при этом создается впечатление, что мотивации личным существительным нет вовсе. Однако это не так. Прилагательные мотивируются и личным именем на *-ист*, но при этом форма дериватора предшествующей ступени (*оптимист*) сохраняется, а значение лица погашается. В итоге суффикс *-ическ/ий/* в прилагательном начинает взаимодействовать с корнем, а незначимый элемент *-ист-* поглощается конечным суффиксом, формируя протяжённую морфему *-истическ/ий/*.

О «незначимости» элемента *-ист-* в суффиксе *-истическ/ий/* свидетельствует также наличие в языке словообразовательных синонимов на *-истическ/ий/* и *-ическ/ий/*, которые, имея формально различные суффиксы, характеризуются тождеством лексического значения:

ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ Относящийся к гедонизму, основанный на нем [БАС-2]. *Его гедонистическая философия, которая представляет собой*

упрощенный вариант эпикуреизма, рельефно выражена в «К Каверину» (1817), «Добром совете» (1817-1820) и особенно в «Стансах Толстому» (1819) (Ф. Раскольников. Статьи о русской литературе, 1986-2000) [НКРЯ].

ГЕДОНИЧЕСКИЙ То же, что гедонистический. *Гедоническая философская школа* [БАС-2].

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ Относящийся к урбанизму, свойственный урбанизму, содержащий в себе признаки урбанизма. *Пейзаж урбанистический, характерный для искусства футуристического периода, имел к природным явлениям мало отношения. (Юон, О живописи) [БАС].*

УРБАНИЧЕСКИЙ То же, что урбанистический. *Улица напоминала несколько урбанические пейзажи городов будущего. (А.Н. Толст. Вас. Сучков) [БАС].*

СИМВОЛИСТИЧЕСКИЙ То же, что символический. [Режиссер:] *Мы можем дать прямо символистическую картину из всех наличных актерских кадров. (Маяк. Баня) [БАС].*

СИМВОЛИЧЕСКИЙ Заключающий в себе символ; символизирующий что-либо. *В прошлом году на Дону я видел символическую картину: полузасыпанный окоп, рядом – немецкая каска. (Шолох. Слово о Родине) [БАС].*

Примером десемантизации элемента *-истич-* в суффиксе *-истическ/ий/* может служить прилагательное *характеристический*. Оно тождественно по значению однокоренному прилагательному *характерный*, в структуре которого звуковая последовательность *-истич-* формально не выражена, а суффикс относительности *-н/ый/* равен по значению суффиксу *-еск/ий/*:

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИЙ Устар. То же, что характерный (в 1 и 2 знач.) [МАС].

ХАРАКТЕРНЫЙ 1. Обладающий ярко выраженными, своеобразными чертами [МАС]. *Через минуту в дверях показалась характерная фигура*

самого Л. Н. (Граф Л. Н. Толстой в Петербурге, 1897). – *Так осуществляют свои идеалы истинные художники: две, три черты – и перед вами, как живая, словно наяву, стоит такая **характеристическая** фигура, которой вы уже никогда не забудете* (В. Г. Белинский. Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова) [НКРЯ].

2. Присущий, свойственный кому-, чему-л., составляющий чью-л. своеобразную черту, отличительную особенность [МАС].

*Обострённая интуиция – одна из **характерных** черт гениальности, она исходит от высшего разума* (С. Спивакова. Не всё, 2002) [НКРЯ] – *В течение нескольких поколений три **характеристические** черты проходили через историю этого семейства: праздность, непригодность к какому бы то ни было делу и запой.* (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы) [МАС].

Таким образом, в именах прилагательных звуковая последовательность *-истическ/ий/* может представлять собой протяжённый суффикс и совокупность двух суффиксов. Протяжённый суффикс *-истическ/ий/* сформировался на основе двух различных моделей (*-истич-+ -еск/ий/* и *-ист-+ -ическ/ий/*), которые дали в итоге одинаковый результат. Это объясняется тем, что вторичные суффиксы (*-еск/ий/* и *-ическ/ий/*), на базе которых складывалось значение протяжённого аффикса *-истическ/ий/*, имеют в языке тождественное словообразовательное значение отношения, а первичные суффиксы (*-истич-* и *-ист*), различные по значению, подверглись семантической нейтрализации.

Если говорить о сочетаемости суффиксов *-еск/ий/*, *-ическ/ий/*, *-истическ/ий/*, то все они могут образовывать имена прилагательные от основ личных имен (*вражеский, демонический, снобистический*), основ неодушевленных существительных с конкретным и отвлечённым значением, имеющих нередко иноязычное происхождение (*питомнический, мимический; микроскопический, философический; атавистический, централистический*).

Сочетаемость с именами лиц более свойственна суффиксу *-еск/ий/*, поскольку основными его значениями считаются значение отношения к роду лиц (*земледельческие занятия*) и значение типической свойственности лицу (*монашеское поведение*) [Очерки 1964: 322]; суффикс *-ическ/ий/* в равной степени сопрягается с основами личных имен и иноязычных существительных с абстрактной и конкретной семантикой (см. примеры выше), а протяжённый суффикс *-истическ/ий/* образует прилагательные преимущественно от иноязычных основ существительных на *-изм*.

3.5. Морфемный статус звуковой последовательности *-истичн/ый/*

Все прилагательные на *-истичн/ый/*³³ имеют в языке соотносительные однокоренные образования на *-истическ/ий/*, с которыми они находятся в различных смысловых отношениях.

Прилагательные на *-истичн/ый/* могут быть чистыми словообразовательными дублетами образований на *-истическ/ий/*: *альтруистичный* ‘то же, что *альтруистический*’ [СУ; БАС; МАС], *пессимистичный* ‘то же, что *пессимистический*’ [СУ; БАС; МАС]. Они могут вступать с последними в паронимические отношения: *артистический* ‘относящийся к артисту, артистам’ (*артистический талант*) и *артистичный* ‘отличающийся артистизмом; искусный, виртуозный’ (*артистичное исполнение*) [СПРЯ]. Наконец, прилагательные на *-истичн/ый/* могут являться синонимами прилагательных на *-истическ/ий/* в качественном значении, развившемся у последних на базе относительного значения: *фаталистичный* ‘то же, что *фаталистический* (во 2 знач.)’ – *фаталистический* 1) ‘прил. к фатализм; основанный на фатализме’; 2) ‘неотвратимый, неизбежный’ [МАС].

³³ По сведениям [ОСРЯ], их 32 единицы.

Звуковая последовательность *-истичн/ый/* членится на две морфемы *-ист* и *-ичн/ый/*³⁴ только в прилагательном *артистичный*. Но это вовсе не значит, что прилагательное выражает отношение к лицу. Его семантическое наполнение иное: *артистичный* 1) ‘отличающийся артистизмом (в 1 знач.) (о человеке)’ – *артистичная внешность*; 2) ‘исполненный артистизма (в 2 знач.)’ – *артистичное исполнение* [БАС-2]. Это связано с тем, что образование прилагательного *артистичный* сопровождается либо семантической, либо формальной нейтрализацией суффиксальных морфов на разных ступенях деривации. Рассмотрим, почему семантика прилагательного не соответствует его словообразовательной структуре.

Производное *артистичный* является третьим звеном следующей словообразовательной цепи: *артист* → *артист-изм/* → *артист-ичн/ый/*.

На первой ступени словообразования (*артист* → *артист-изм*) от личного существительного *артист* (непроизводного, но членимого) образуется отвлеченное существительное *артистизм*. При этом рядом оказываются разнородные, несовместимые по значению морфы *-ист* (‘лицо’) и *-изм* (‘отвлеченность’), что ведет к десемантизации аффикса, находящего в слабой позиции, поэтому суффикс *-ист* утрачивает значение, сохраняя при этом свою форму в производном.

На второй ступени деривации (*артист-изм/* → *артист-ичн/ый/*) наблюдается противоположная картина. Форма мотивирующего *артистизм* усекается, при этом его значение полностью входит в производное. Вследствие формальной нейтрализации суффикса *-изм* на второй ступени деривации в прилагательном *артистичный* рядом оказались суффиксы *-ист* и *-ичн/ый/*, сочетание которых не является результатом последовательного нанизывания морфем.

³⁴ Суффикс *-ичн/ый/*, как и суффикс *-ическ/ий/*, является протяжённым. Он сложился на базе суффикса *-н/ый/*, который, как и суффикс *-ск/ий/*, оформлял в русском языке основы иноязычных прилагательных на *-ик/ός/*, *-ic/us/*, *-iq/ue/*, *-isch* (см. гл. III, п. 3.4).

Таким образом, в языке нет ни одного прилагательного, в котором бы суффиксальный комплекс *-истичн/ый/* распадался на две морфемы *-ист* и *-ичн/ый/*, каждая из которых выражала бы присущее ей в языке значение. Поэтому начальный этап формирования протяжённого аффикса *-истичн/ый/* в современном языке не представлен.

Промежуточную стадию формирования протяжённого аффикса *-истичн/ый/*, напротив, можно наблюдать в подавляющем большинстве прилагательных на *-истичн/ый/*.

Толкование этих прилагательных в словарях дается по двум формулам:

1) при толковании используются две мотивации – личным существительным и отвлеченным, находящимися между собой в словообразовательных отношениях: *эгоистичный* ‘свойственный эгоисту; проникнутый эгоизмом’ [БАС] (*эго/изм/* → *эго-ист* → *эгоист-ичн/ый/*); *оппортунистичный* ‘свойственный оппортунисту; проникнутый оппортунизмом’ [БАС] (*оппорту/изм/* → *оппорту-ист* → *оппортунист-ичн/ый/*);

2) прилагательное толкуется через исходное слово (отвлеченное существительное) словообразовательной цепи: *юмористичный* ‘исполненный юмора’ [БАС] (*юмор* → *юмор-ист* → *юморист-ичн/ый/*).

Точно вскрывает семантическое наполнение прилагательных на *-истичн/ый/* мотивация именно отвлеченными существительными, которые называют свойства характера (*эгоизм*) или различного рода направления, течения (*оппортунизм*): *эгоистичное удовольствие* – это удовольствие, характеризующееся свойством эгоиста, то есть эгоизмом; *оппортунистичные взгляды* – это взгляды, имеющие отношение к свойству оппортуниста, то есть к оппортунизму. Поэтому толкования типа ‘свойственный эгоисту’, ‘свойственный оппортунисту’, представленные в словаре, неточны, поскольку семантика прилагательного формируется на базе не всего значения личного существительного, а только его части.

Таким образом, прилагательные на *-истичн/ый/* не выражают отношения к лицу, но характеризуются множественной мотивацией: непосредственной (личным именем на *-ист*), при которой происходит семантическая, но не формальная нейтрализация суффикса *-ист*, и опосредованной (отвлеченным существительным). Поскольку при семантической нейтрализации суффикса *-ист* структурная выделяемость его в мотивирующей основе сохраняется, говорить о протяжённом суффиксе *-истичн/ый/* в анализируемых прилагательных как самостоятельном словообразовательном форманте преждевременно.

Протяжённый суффикс *-истичн/ый/* как самостоятельный словообразовательный формант представлен в единичном образовании – *атавистичный*. Это прилагательное зафиксировано только в орфографическом словаре [Орф] и в «Словаре паронимов русского языка» О.В. Вишняковой: *атавистичный* ‘характеризующийся признаками атавизма’ [Вишнякова 1984]. Примеры употребления слова (всего три) представлены в [НКРЯ]:

Это довольно типично для мужской психологии... Может, тут атавистичная полигамность мужчин? (Е. Белкина. От любви до ненависти, 2002). *У юноши – атавистичный страх перед женским телом и одновременно боязнь оказаться несостоятельным... У девушек – не менее атавистичное ощущение «таинства», связанного с потерей девственности...* (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // Волга, 2009).

Таким образом, звуковая последовательность *-истичн/ый/* в словах русского языка является морфемным комплексом, хотя и неполным, поскольку его первая структурная разновидность в современном языке отсутствует. Но только в производном *атавистичный* эта звуковая последовательность приобрела функцию самостоятельного словообразовательного форманта, поскольку в ней предшествующий суффикс *-ист* не выделяется уже и структурно.

4. Протяжённые суффиксы с начальным элементом *-ник*

Объектом семантической нейтрализации становится и суффикс *-ник* личных существительных при сопряжении с дериватором следующей ступени. В итоге формируются новые словообразовательные средства:

-ник (к//ч)	{	-а/ть/	-нича/ть/	<i>мародерничать</i>
		-еств/о/	-ничеств/о/	<i>захватничество</i>
		-еск/ий/	-ническ/ий/	<i>упаднический</i>
		-ий/о/	-ничий/о/	<i>токарничий</i>

Суффикс *-ник*, ставший исходным компонентом этих протяжённых морфем, сам является протяжённым³⁵. Его происхождение связано, по словам А. Мейе, с образованием «посредством *-ikъ* существительных, производных от прилагательных на *-нъ*, для выражения имен деятелей, например, от ст.-слав. *длъжьнъ* ‘тот, кто должен’ – *длъжьникъ*; от *грѣшьнъ* (прилагательное) – *грѣшьникъ* (существительное). Поскольку, естественно, *длъжьникъ*, *грѣшьникъ* и т.д. связаны с *длъгъ* ‘долг’, *грѣхъ* и т.д., образовался суффикс *-ьnikъ*, выступающий как единый элемент» [Мейе 1951: 290]. Ж.Ж. Варбот замечает, что именно отсутствие в языке прилагательного на *-ьп-* (при наличии корневого имени) свидетельствует о выделении единого суффикса *-ьnikъ*, присоединяющегося к корневым именам (*узьникъ* – *уза*, *ключьникъ* – *ключь*) [Варбот 1969: 98].

Суффикс *-ник*, как отмечают исследователи, обладал словообразовательной самостоятельностью уже в общеславянскую эпоху [Doroszewski 1928: 168; Мейе 1951: 290]. Но, несмотря на то что «древнерусская эпоха застала настоящую дериватему уже вполне сложившейся» [Bartoszewicz 1972: 97], структурная сложность форманта *-ник* (в отличие от *-тель*) до настоящего времени ощущается носителями русского

³⁵ О сложной структуре суффикса *-ник* см. работы [Дементьев 1942; Винокур 1959].

языка, поскольку многие личные имена на *-ник* характеризуются двойственной мотивацией, т.е. могут быть соотнесены с основой существительного и с основой отсубстантивного прилагательного: *смерт-ник* [ССТ] и *смертн-ик* [ТССШ] ‘тот, кто приговорен к смертной казни или обречен на смерть’ [МАС]; *каприз-ник* и *капризн-ик* [ССТ] ‘тот, кто ведет себя капризно, склонен к капризам’ [БАС]; *целин-ник* и *целин-ик* ‘тот, кто работает на целине, осваивает целинные земли’ [БАС]. При этом мотивационные различия не влияют «на характер семантики производного, на его ономасиологическую структуру» [Земская 1992: 95].

В отличие от суффикса *-тель*, образующего личные имена от глагольных основ (см. гл. III, п. 2), и от суффикса *-ист*, сопрягающегося только с именными основами (см. гл. III, п. 3), формант *-ник* образует личные существительные, присоединяясь и к глагольным, и к субстантивным основам: *кочевник* от *кочевать*, *наставник* от *наставить*; *сапожник* от *сапог*, *схимник* от *схима*.

Значение лица (*раскольник*, *дружинник*, *пасечник*) не является для суффикса *-ник* единственным. Этот суффикс, как и суффикс *-тель*, впоследствии приобрел и предметное значение (*задачник*, *салатник*, *ельник*). Многозначность суффикса нередко обнаруживается в пределах одной лексемы: *птичник* ‘помещение для домашней птицы’ и ‘работник, ухаживающий за домашней птицей’ [МАС]; *ночник* ‘светильник со слабым светом, зажигаемым на ночь’ и ‘человек, работающий ночью’ [БАС]. Однако существительные с предметным значением не стали источником формирования протяжённых аффиксов. Только личные имена на *-ник* были вовлечены в процесс создания новых словообразовательных средств, которые представлены в языке не только именными, но и глагольным формантами.

4.1. Протяжённый глагольный суффикс *-нича/ть/*: формирование, семантика, функционирование

Глаголам с финалью *-нича/ть/* посвящено немало лингвистических произведений: [Даниленко 1963] об устойчивой продуктивности словообразовательных моделей глаголов на *-ничать* в советский период и причинах этого явления; [Артемов 1971^a, 1971^б] о множественности словообразовательной структуры глаголов на *-ничать* и их сопоставительной характеристике с глаголами на *-ичать*; [Панченко 2005] о словообразовательной мотивированности глаголов на *-ничать* в синхронии и диахронии; [Черепанова 1975, 1985] о словообразовательной структуре глаголов на *-ничать* и их представлении в толковых словарях русского языка; [Катлинская 1984] о правилах регулярного словопроизводства отыменных глаголов на *-ничать*; [Янценецкая 1977] о противоречии между словообразовательной и эпидигматической структурой глаголов на *-ничать*; [Болычевская 1977] о структуре и семантике глаголов на *-ничать* и их отрицательной экспрессии; [Кадькалова 1967, 1970] о дистрибуции суффиксов *-ичать*, *-ничать*, *-ствовать* при производстве глаголов от имен лиц и др. Современной лингвистической наукой, как видим, накоплен значительный материал, подчеркивающий полимотивированность образований на *-нича/ть/*, который позволяет задуматься о причинах этого явления, что и представляет интерес для данного исследования.

Глагольный суффикс *-нича/ть/* как самостоятельный словообразовательный формант появился в XVIII веке [Очерки-2: 106]. Первоначально глаголы с финалью *-нича/ть/* образовывались от личных существительных на *-ник* с помощью суффикса *-а-* (*плотник* → *плотнич-а/ть/*, *соперник* → *сопернич-а/ть/*, *мошенник* → *мошеннич-а/ть/*) и имели в языке предельно широкое значение «быть кем», которое до настоящего времени фиксируется толковыми словарями: *сотрудничать* ‘быть

сотрудником' [СОШ], *дворничать* (разг.) 'быть дворником' [БАС-2], *шабашничать* (прост., неодобр.) 'быть шабашником' [СОШ], *шаромыжничать* (прост.) 'быть шаромыжником, поступать как шаромыжник' [БАС; МАС], *тряпичничать* (разг. презрит.) 'быть тряпичником; собирать, скупать тряпье' [СУ], *сапожничать* (разг.) 'заниматься ремеслом сапожника, быть сапожником' [МАС] и т.п.

Последние примеры (см. *шаромыжничать*, *тряпичничать*, *сапожничать*) показывают, что словообразовательное значение рассматриваемых глаголов с течением времени конкретизировалось и в настоящее время формулируется как «занятия, поступки, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным» [РГ-80: 341], иными словами, «занятия, поступки лица». Глаголы со значением занятия формировались на основе названий лиц по роду деятельности, профессии: *монтажник* → *монтажничать*, *шорник* → *шорничать*, *ремесленник* → *ремесленничать*, *горшечник* → *горшечничать* и под. Глаголы со значением поступка, поведения – на базе наименований деятеля, чаще экспрессивно-оценочных (отрицательных): *наушник* → *наушничать*, *накостник* → *накостничать*, *распутник* → *распутничать*, *модник* → *модничать* и др.

Глаголы, имеющие в своем составе фонологически тождественную аффиксальную последовательность *-нича-*, представлены в языке мономотивированными или полимотивированными образованиями. Это позволяет предположить, что данная аффиксальная последовательность является в глаголах морфемным комплексом.

Мономотивированные глаголы, обозначающие занятие лица, исполняемое профессионально или не профессионально (т.е. эпизодически), образуются от одушевленных существительных с суффиксом *-ник* (*мельничать* от *мельник*, *мешочничать* от *мешочник*, *наместничать* от

наместник) или от личных имен без этого суффикса³⁶ (*поварничать* от *повар*, *ямщиичничать* от *ямщик*, *живодерничать* от *живодер*)³⁷.

Первые отражают начальную стадию формирования протяжённого суффикса *-нича/ть/* – последовательное нанизывание морфем в процессе словообразования: *мол/о-ть/* → *мель-ник* ('лицо') → *мельнич-а/ть/* (обл.) 'быть мельником' [СУ], *мешок* → *мешоч-ник* ('лицо') → *мешочнич-а/ть/* 'заниматься деятельностью мешочника' [ТССШ], *мест/о/* → *на-мест-ник* ('лицо') → *наместнич-а/ть/* 'быть наместником, выполнять обязанности наместника' [БАС, МАС]. В качестве производящих могут выступать и непроизводные, но членимые образования: *плотник* → *плотнич-а/ть/*, *художник* → *художнич-а/ть/* и др.

Семантическая формула толкования приведенных глаголов – «занятие лица» – не совсем ясна, поскольку не понятно, сколько сем включает производный глагол – две ('лицо' и его 'занятие') или одну ('занятие'). На наш взгляд, в глаголе происходит погашение семантики неконечной морфемы – суффикса *-ник*: если *мельник* – 'тот, кто владеет мельницей или работает на ней' [БАС], то *мельничать* ('быть мельником') значит 'владеть мельницей или работать на мельнице'; если *художник* – 'человек, создающий произведения искусства, творящий в области искусства' [БАС], то *художничать* – 'заниматься искусством (т.е. искусством. – О.П.), творить' [БАС]. Однако семантическая нейтрализация суффикса *-ник* в глагольной основе не приводит к образованию протяжённой морфемы *-нича/ть/*, поскольку в глаголах не развивается опосредованная мотивация: глаголы *мельничать*, *мешочничать*, *наместничать* семантически не мотивируются исходным звеном цепи (*молоть*, *мешок*, *место*), у глаголов *плотничать*, *художничать* мотивирующие непроизводны.

³⁶ Мономотивированные глаголы, образованные от неодушевленных существительных без суффикса *-ник*, представлены единичными примерами (*сенокосничать* от *сенокос*).

³⁷ Некоторые глаголы на *-нича/ть/* малоупотребительны в современном языке или являются историзмами.

Мономотивированные глаголы, образованные от личных имен без суффикса *-ник*, демонстрируют сформировавшийся протяжённый суффикс *-нича/ть/*, неделимый формально и семантически: *повар* → *повар-нича/ть/* (разг. устар.) ‘готовить кушанье, стряпать; заниматься ремеслом повара’ [СУ; БАС; МАС], *ящик* → *ящик-нича/ть/* (разг.) ‘исполнять обязанности ящика’ [БАС], *живодер* → *живодер-нича/ть/* (прост.) ‘заниматься промыслом живодера’ [БАС].

В полимотивированных образованиях, находящихся в системных связях с разными мотивирующими, морфемный комплекс представлен своей промежуточной зоной, где в результате семантической нейтрализации неконечного аффикса формируется новая морфема.

Полимотивированные глаголы имеют в современном языке трехкомпонентную словообразовательную цепь: *барыш* → *барыш-ник* → *барышнич-а/ть/*, *ушкуй* → *ушкуй-ник* → *ушкуйнич-а/ть/*, *монтаж* → *монтаж-ник* → *монтажнич-а/ть/*, *разбой* → *разбой-ник* → *разбойнич-а/ть/*, *сапог* → *сапож-ник* → *сапожнич-а/ть/*³⁸ и т.д. Конечное звено словообразовательной цепи (глагол с финалью *-нича/ть/*) формально и семантически мотивируется не только личным именем на *-ник*, но и исходным звеном цепи, которое представляет собой неличное существительное – конкретное, как правило, со значением ‘объект, результат, орудие’ действия, занятия (*барыш*, *ушкуй*, *сапог*) или отвлеченное со значением ‘род деятельности, занятия’ (*монтаж*, *разбой*). Таким образом, производный глагол в одном и том же значении выводится из разных по форме и значению мотивирующих:

БАРЫШНИЧАТЬ Заниматься перепродажей ради *барыша*, вести жизнь *барышника* [ТССШ]:

барышник → *барышнич-а/ть/* ‘вести жизнь *барышника*’

барыш → *барыш-нича/ть/* ‘заниматься перепродажей ради *барыша*’

³⁸ Глаголы на *-нича/ть/* (например, *монтажничать*, *разбойничать*, *сапожничать*) могут иметь и адъективную мотивацию, которая в настоящее время не актуализирована в языке (см. об этом далее).

УШКУЙНИЧАТЬ Разбойничать, плавать на ушкунях; быть ушкунником [БАС]:

ушкунник → *ушкуннич-а/ть/* ‘быть ушкунником’

ушкун → *ушкун-нича/ть/* ‘разбойничать, плавать на ушкунях’

МОНТАЖНИЧАТЬ Заниматься монтажом, быть монтажником [БАС]:

монтажник → *монтажнич-а/ть/* ‘быть монтажником’

монтаж → *монтаж-нича/ть/* ‘заниматься монтажом’

РАЗБОЙНИЧАТЬ Заниматься разбоем, быть разбойником [СОШ]:

разбойник → *разбойнич-а/ть/* ‘быть разбойником’

разбой → *разбой-нича/ть/* ‘заниматься разбоем’

Как видно, варианты значения глагола (‘вести жизнь *барышника*’/‘заниматься перепродажей ради *барыша*’; ‘быть *монтажником*’/‘заниматься *монтажом*’ и т.п.), которые обусловлены варьированием его словообразовательной структуры, не выходят за рамки одного лексического значения. Следовательно, семантическое наполнение глагола включает одинаковое количество сем независимо от его словообразовательной структуры. Если дериваторы *-а/ть/* и *-нича/ть/*, присоединяясь к субстантивным основам, выражают семантически тождественное процессуальное значение – ‘заниматься чем’, то и мотиваторы *барышник/барыш*, *монтажник/монтаж* и т.п. в составе глагольной основы также должны быть семантически тождественны.

Поскольку при опосредованной мотивации в значении глагола отсутствует сема ‘лицо’ (*барыш* → *барыш-нича/ть/* ‘заниматься перепродажей ради *барыша*’; *монтаж* → *монтаж-нича/ть/* ‘заниматься *монтажом*’ и т.п.), то ее не должно быть и при мотивации глагола личным именем на *-ник*, так как семантика глагола не меняется. Следует предположить, что при сочетании суффикса *-а/ть/* с основами личных существительных (*барышник* → *барышнич-а/ть/*, *ушкунник* → *ушкуннич-а/ть/*, *монтажник* → *монтажнич-а/ть/*, *разбойник* → *разбойнич-а/ть/*) происходит семантическая нейтрализация суффикса *-ник*.

Таким образом, если семантическая структура личного имени включает три компонента – 1) значение суффикса *-ник* ‘лицо (тот, кто)’, 2) фразеологическое наращение³⁹ ‘действие (деятельность)’, структурно не выраженное в производном, и 3) значение производящей основы ‘объект, результат, орудие’ действия или ‘род’ деятельности, то глагол осваивает только два из них – значение производящей основы (*барыш*, *ушкуй*, *монтаж*, *разбой*) и фразеологическое наращение ‘действие (деятельность)’:

БАРЫШНИК

‘тот, кто занимается перепродажей
ради барыша’

БАРЫШНИЧАТЬ

‘заниматься перепродажей
ради барыша’

УШКУЙНИК

‘тот, кто грабит, плавая на ушкуях’

УШКУЙНИЧАТЬ

‘грабить, плавая на ушкуях’

МОНТАЖНИК

‘специалист, который
занимается монтажом’

МОНТАЖНИЧАТЬ

‘заниматься монтажом’

РАЗБОЙНИК

‘человек, который
занимается разбоем’

РАЗБОЙНИЧАТЬ

‘заниматься разбоем’

Поскольку последовательность *-ник* в глаголе становится незначимой, в нем происходят структурные изменения – переразложение в основе, в результате которого и формируется протяжённый суффикс *-нича/ть/*.

О том, что компонент *-нич-* в глагольном суффиксе *-нича/ть/* семантически пуст, свидетельствует синонимия глаголов на *-нича/ть/* и глаголов на *-и/ть/*. В структуре последних нет суффикса, который мог бы выражать семантику лица:

ОХОТНИЧАТЬ (прост.) и **ОХОТИТЬСЯ** Заниматься охотой [БАС].

³⁹ Если в исходе словообразовательной цепи стоит неличное существительное, то в семантике производного личного имени появляется «приращение синтаксического типа» [Ермакова 1984] – фразеологизованный глагольный компонент, который в структуре толкования выполняет роль предиката: *барышник* ‘тот, кто перепродает ради барыша’, *ушкуйник* ‘тот, кто грабит, плавая на ушкуях’, *монтажник* ‘специалист, который занимается монтажом’, *разбойник* ‘человек, который занимается разбоем’.

Они *охотничали*, *рыбачили*, *заготавливали* для приисков по договорам голубику и черемшу (И.А. Ефремов. Лезвие бритвы, 1959-1963). – Оставалось понемногу стареть, *рыбачить* да *охотиться*, ругая меж своими новую власть (Б. Екимов. Пиночет, 1999) [НКРЯ].

БАЗАРНИЧАТЬ (прост.) и **БАЗАРИТЬ** (устар.) Продавать что-л. на базаре [БАС].

Приеду домой, расскажу, как базарничал... Орехи кончились? – Всё. Ягоды выставлять надо. (А. Зверев. Гарусн. платок). – А иначе, говорят [купцы], – мы возьмем рабов, выставим все, что здесь видим, на базар и продадим. Фалалей отвечал им: – Базарьте. (Леск. Аскалон. злодей) [БАС].

Приведенные словарные толкования глаголов *охотничать* и *базарничать*, в которых описание лексического значения дается через опосредованно мотивирующее неличное существительное – *охота*, *базар* (при наличии личных имен на *-ник* – *охотник*, *базарник*), подчеркивают отсутствие семы 'лицо' в глаголе. Подобного рода толкования при наличии в языке личных имен на *-ник* не единичны:

НАЕЗДНИЧАТЬ (устар.) Участвовать в *наездах* [МАС].

РУКОДЕЛЬНИЧАТЬ Заниматься *рукоделием* [СУ; БАС; МАС].

ОГОРОДНИЧАТЬ (разг.) Заниматься *огородом*, работать в *огороде* [СОШ].

БАШМАЧНИЧАТЬ (прост.) Промышлять шитьем обуви (*башмаков*. – О.П.) [СУ].

ХЛЕБНИЧАТЬ (устар.) Заниматься выпечкой *хлеба* на продажу [СУ] и др.

Сформировавшийся протяжённый формант *-нича/ть/* действует в кругу личных имен без *-ник*, как непроизводных (*лакей*, *ящик* и др.), так и производных, но имеющих иные суффиксы со значением лица (*конюх*, *пекарь* и др.). Этот протяжённый суффикс свободно сопрягается с личными именами именно потому, что не выражает значения лица.

К узуальным глаголам со значением занятия, имеющим в своей структуре протяжённый суффикс *-нича/ть/*, относятся следующие: *лакейничать* (прост.), *конюшничать* (прост.), *пекарничать* (разг.), *кухарничать* (прост.), *поварничать* (устар., разг.), *лазутничать* (устар.,

прост.), *ямщиичничать* (устар., разг.), *живодерничать* (прост.), *мародерничать* (прост.) и некоторые другие.

В некодифицированной речи протяжённый суффикс *-нича/ть/* является более частотным. Он активно присоединяется к основам личных имен различной структуры: *бухгалтер* → *бухгалтерничать*, *банкир* → *банкирничать*, *капиталист* → *капиталистничать*, *директор* → *директорничать*, *волонтер* → *волонтерничать*, *журналист* → *журналистничать*, *гувернер* → *гувернерничать*, *донор* → *донорничать* и др.

Не мужское это дело – бухгалтерничать, да и зарплаты у программистов вроде как поболее (<http://pro1C.org.ua>).

...в том самом 1910 году, когда один наш друг в Мехико капиталистничал, а другой банкирничал, в Мексике вспыхнула революция (<http://www.rus-crisis.ru>).

Доверили мне роль организатора ООО. ...в крови у меня руководить, организовывать, директорничать (<http://handmademb.blogspot.de>).

Я по мере возможностей волонтерничаю – помогаю с транспортом и пр. (<http://www.minibanda.ru>).

Физически может и существует такой парень Витя Пелевин (...родился он в 1962 году и журналистничал в журнале «Наука и религия») (<http://knigi.forblabla.com>).

Когда я еще гувернерничал, был у меня балбес-девятиклассник... (<http://maxnicol.livejournal.com>).

У меня была знакомая, которая своих близнецов кормила и еще двум детям «донорничала» (<http://eva.ru>).

Суффикс *-нича/ть/* участвует в образовании глаголов не только от основ хорошо знакомых носителям русского языка личных имен, давно вошедших в словарный состав языка, но и от основ личных существительных, появившихся в языке совсем недавно: *рекетир* → *рекетирничать*, *брокер* → *брокерничать*, *блогер* → *блогерничать*, *хакер* →

хакерничают, провайдер → провайдерничают, менеджер → менеджерничают, промоутер → промоутерничают и др.

Криминальничали они с 92-го года, **рекетирничали**, мошенничали, наживались незаконно, преступления творили всякие (<http://www.autosaratov.ru>).

Перл современного капиталиста – не париться, не напрягаться (ну, разве что на дилерстве **брокерничают** чуть-чуть...) (<http://www.lebed.com>).

Государством надо управлять, а не **блогерничают** (<http://www.inosmi.ru>).

– Надо было идти ломать коды. – **Хакерничают**? За что тебя как раз выгнали из Норвежского банка... (<http://www.loveread.ec>).

...к ним было подцеплено еще 2 подсети, на которые я **провайдерничал** интернетом (<http://www.nightwish.com.ru>).

У этих 4-х тысяч менеджеров «по туризму» при обучении какой предмет основной был? БЯка, правильно? Вот они соответственно и **менеджерничают**! (<http://journalufa.com>).

Куда можешь устроить в 17 лет без опыта? ...ну так я пока с однокурсницами буду **промоутерничать**... (www.uralweb.ru).

В неузальной речи активно функционирует группа глаголов, образованных от наименований государственных должностей и органов государственной власти: **президентничают**, **премьерничают**, **спикерничают**, **депутатничают**, **губернаторничают**, **госдумничают**.

А что, теперь эти два бой-френда так и будут по очереди **президентничают**? (<http://otvet.mail.ru>).

Причем здесь Путин? В 90-е он вроде президентом-то не был, да и **премьерничал** совсем недолго... (<http://z-city.ru>).

Начальник Карелии Худилайнен... до недавних пор **спикерничал** в Законодательном Собрании Ленобласти... (<http://forum.geraldika.ru>).

Депутатничают под крылышком правящей партии, наверное, проще, чем детишек боксу обучать... (<http://forum.rubcovsk.ru>).

Неужели ему хватит наглости вернуться? И более того, продолжать губернаторничать? (<http://www.e1.ru>).

– Куда податься высоко нравственному, образованному, порядочному и интеллигентному человеку в час ночи в дебрях интернета??? – На сайт Госдумы! Госдумничать таким надо! (<http://otvet.mail.ru>).

По наблюдениям Э.П. Кадькаловой [Кадькалова 1967], от имен лиц по чину, должности, социальному положению глаголы в современном русском языке образуются с помощью суффикса *-ствова/ть/*. Не случайно у названных выше незуальных образований *президентничать*, *премьерничать*, *депутатничать*, *губернаторничать* есть в языке синонимы *президентствовать*, *премьерствовать*, *депутатствовать*, *губернаторствовать*. А в неcodифицированной речи синонимами являются *спикерничать* и *спикерствовать*, *госдумничать* и *госдумствовать*:

Может у него профессия такая: спикерствовать на закате очередной исторической эпохи (<http://politikan.com.ua>).

Так Медведев полгода будет и президентствовать, и госдумствовать после 4 декабря-то? (<http://www.asfera.info>).

Следует заметить, что суффикс *-нича/ть/*, как и суффикс *-а/ть/*, сопрягаясь с основами личных имен, нейтрализует значение лица в мотивирующей основе: *волонтерничать* есть не что иное, как заниматься деятельностью волонтера, т.е. добровольно участвовать в каком-л. деле; *рекетирничать* значит заниматься деятельностью рекетира, т.е. рекетом (вымогательством); *депутатничать* – исполнять обязанности депутата, т.е. представлять интересы граждан-избирателей во властных структурах, защищать их права. Надо полагать, именно это языковое явление (нейтрализация значения лица) объясняет тот факт, что протяжённый суффикс *-нича/ть/* начинает присоединяться и к основам абстрактных существительных, обозначающих тот или иной род деятельности: *сервис* → *сервисничать*, *пиар* → *пиарничать*, *аудит* → *аудитничать*, *реклама* →

рекламничать, арбитраж → арбитражничать, патронаж → патронажничать:

*Сильно никто не разбежится **сервисничать**, такая ментальность. Хотя, честно сказать, что-то я вообще высот сервиса на российских авиалиниях не видел (<http://www.predistoria.org>).*

*Очередной пиар: что Путин, что Медведев, кроме как **пиарничать**, больше ничего не умеют: (<http://www.sayanogorsk.info>).*

*Тогда не нужно экономить и **аудитничать**! Пусть транжируют энергию, если могут за её потребление заплатить... (<http://professional.ru>).*

*А ты в каком агентстве **рекламничаешь**? (<http://www.ua.ua.info>).*

*Госарбитраж распускаем – чего **арбитражничать** «внутри» собственника... (<http://anticomprador.ru>).*

*А «**патронажничать**» теперь будут над целыми семьями, а не над одним человеком, как было раньше (<http://www.7ya.ru>).*

Протяжённый суффикс *-нича/ть/* способен образовывать глаголы и от топонимов, называющих место, с которым связана определенная деятельность: *Давос → давосничать, Майдан → майданничать*. Однако глаголы *давосничать* и *майданничать* обозначают деятельность, которая уже не связана с конкретной местностью (Давос, Майдан), но по своему характеру напоминает то, что происходило и происходит на этой территории.

Так как Давос является швейцарским горным курортом, куда ежегодно съезжаются на Всемирный экономический форум ведущие руководители бизнеса, политические лидеры, видные мыслители и журналисты, то образованный от данного топонима глагол *давосничать* приобретает значение ‘участвовать в зарубежных международных мероприятиях высокого уровня’: *Политический бомонд давосничает и работой это называет... (<http://alexanderkudrenko.blogspot.com>).*

Глагол *майданничать* стал выражать значение ‘участвовать в акциях протеста’, поскольку события, происходившие на центральной площади Киева Майдан, – акции протеста, митинги, пикеты, забастовки и, наконец,

Оранжевая революция – приобрели широкий международный резонанс: *Разве болото было иницировано думающими гражданами? Думающие граждане не станут **майданничать** в одной компании с врагами народа!* (<http://apsuaforum.bestforums.org>).

Семантика глаголов *давосничать* и *майданничать* идиоматична, она шире их словообразовательного (структурного) значения, поскольку «не равна сумме значимостей его частей» [Соссюр 1977: 164]. Отражение семантики исходных топонимов в глаголах следует отнести к одному из типов неполной, или частичной, мотивированности – косвенной мотивированности⁴⁰.

Не следует забывать о том, что суффикс *-ник* в личных именах по происхождению является протяжённым (*-н- + -ик*). Поэтому у производных глаголов может быть актуализирована мотивация и прилагательным на *-н/ый/*, например: *сапожничать* ‘заниматься *сапожным* ремеслом как профессией’ [БАС]. При этом словообразовательная структура глагола будет иной: *сапож-н/ый/* → *сапожн-ича/ть/*. При опосредованной адъективной мотивации (*сапож-н/ый/* → [*сапожн-ик*] → *сапожн-(ич-а)/ть/*) глагольный суффикс *-а/ть/* взаимодействует с основой прилагательного *сапожный*, а суффикс лица *-ич-(<-ик)* непосредственно мотивирующего существительного *сапожник* оказывается в слабой позиции. В результате происходит его семантическая абсорбция, следствием которой становится структурное слияние соседних морфем (*-ич- + -а-*) и возникновение протяжённого аффикса *-ича/ть/*, равного по значению суффиксу *-а/ть/*. Из толкования лексического значения глагола *сапожничать* ‘заниматься *сапожным* ремеслом как профессией’ видно, что значение лица не входит в его семантику.

Словообразовательная модель «прилагательное на *-н/ый/* + суффикс *-ича/ть/*» дала жизнь таким производным, как *гончарничать* ‘заниматься

⁴⁰ О косвенной мотивированности см. [Ширшов 1995].

гончарным ремеслом’ [БАС; МАС], *малярничать* ‘выполнять малярные работы, заниматься ремеслом маляра’ [БАС; МАС], *слесарничать* ‘заниматься слесарной работой, быть слесарем’ [БАС; СУ], *столярничать* ‘заниматься столярной работой, быть столяром’ [БАС], *токарничать* ‘заниматься токарной работой, быть токарем’ [БАС], *кузнечничать* ‘заниматься кузнечным делом’ [БАС]. Эти глаголы мотивируются непосредственно именами прилагательными, поскольку в языке нет однокоренных личных имен на *-ник* (**гончарник*, **малярник*, **слесарник* и т.п.). Их отсутствие связано, очевидно, с действием закона экономии, поскольку в языке уже есть имена лиц без *-ник*, которые являются исходным звеном словообразовательной цепи названных глаголов:

гончар → *гончар-н/ый/* → *гончарн-ича/ть/*

маляр → *маляр-н/ый/* → *малярн-ича/ть/*

слесарь → *слесар-н/ый/* → *слесарн-ича/ть/* и т.п.

Так как семантика глаголов на *-ича/ть/* не содержит компонента ‘лицо’, а в исходе словообразовательной цепи находится личное существительное, значит, на какой-то ступени словообразования этот семантический компонент утрачивается. Это происходит уже на первой ступени деривации (*гончар* → *гончар-н/ый/*), поскольку прилагательные на *-н/ый/* в русском языке не могут выражать отношения к лицу, они обозначают отношение только к деятельности лица (см. подробнее гл. III, п. 2.1). Так, если существительное *гончар* содержит два компонента значения – ‘лицо’ (ремесленник) и ‘занятие’ этого лица (изготовление изделий из глины), то в прилагательном *гончарный* ‘относящийся к изготовлению изделий из глины’ мотиватор *гончар-* реализует только одну из названных сем – ‘занятие’⁴¹.

⁴¹ В единичных случаях исходным звеном словообразовательной цепи может оказаться неличное существительное (*извоз* → *извоз-н/ый/* → *извозн-ича/ть/*), тогда прилагательное осваивает семантику мотиватора в полном объеме (*извозный* ‘относящийся к извозу’ [БАС]).

На второй ступени деривации (*гончар-н/ый/* → *гончарн-ича/ть/*) утрачивает свою семантику и суффикс *-н/ый/*, оказавшийся в слабой позиции без поддержки адъективной парадигмы. Поэтому производный глагол *гончарничать* в равной мере может быть истолкован и как ‘заниматься гончарным ремеслом’ (*гончар-н/ый/* → *гончарн-ича/ть/*), и как ‘заниматься деятельностью гончара’, т.е. изготовлением изделий из глины (*гончар* → *гончар-нича/ть/*)⁴².

Таким образом, рассмотренные глаголы являются полимотивированными, а фонетически тождественная аффиксальная последовательность в них выступает в двух вариантах: *-н- + -ича-* и *-нича-*. Не случайно в приведенных выше толкованиях глаголов (см. *малярничать*, *слесарничать*, *столярничать*, *токарничать*) используются оба мотивирующих – имя прилагательное и имя лица.

Итак, производные с финалью *-нича/ть/*, обозначающие занятие лица, делятся на три группы, которые отражают этапы формирования в языке протяжённого суффикса *-нича/ть/*. Глаголы, словообразовательная структура которых является результатом последовательного нанизывания морфем (*мол/о-ть/* → *мель-ник* → *мельнич-а/ть/*), демонстрируют начальный этап формирования протяжённого аффикса. Полимотивированные глаголы образуют промежуточную зону морфемного комплекса, где начинается процесс переразложения. Они имеют разные словообразовательные цепи: неличное имя существительное → личное имя на *-ник* → глагол (*барыш* → *барыш-ник* → *барыш/нич-а/ть/*), личное имя без *-ник* → имя прилагательное на *-н/ый/* → глагол (*гончар* → *гончар-н/ый/* → *гончар/н-ича/ть/*). Это определило два пути формирования протяжённого суффикса *-нича/ть/* в русском языке: с одной стороны, комбинация протяжённого суффикса *-ник* и простого глагольного суффикса *-а-* (*-нич- + -а-*), с другой – комбинация

⁴² В силу семантической нейтрализации суффикса *-н/ый/* полимотивированность свойственна и глаголам, у которых в исходе словообразовательной цепи находится неличное существительное: *извозничать* – ‘заниматься извозным промыслом’ [БАС] и ‘заниматься извозом’ [МАС].

простого адъективного суффикса *-н-* и протяжённого суффикса *-ича-* (*-н-+ича-*). Мономотивированные глаголы, имеющие бинарную словообразовательную цепь (*монтер* → *монтер-ничать*), свидетельствуют о том, что в языке функционирует самостоятельный протяжённый формант *-ича/ть/*. Причем, если первоначально этот суффикс образует новые глаголы от личных имен, поскольку он сформировался на их основе, впоследствии протяжённый суффикс *-ича/ть/* участвует в образовании глаголов и от неодушевленных существительных (*сенокос* → *сенокос-ничать*).

Другая группа глаголов на *-ича/ть/* имеет значение поведения. Их образование в языке характеризуется процессами, аналогичными описанным выше: семантический компонент ‘лицо’ непосредственно мотивирующего слова не входит в словообразовательную семантику глаголов. Это наблюдается и при последовательном нанизывании морфем в акте деривации (*ух/о/* → *на-уш-ник* ‘тот, кто наговаривает на кого-л.’ → *наушнич-а/ть/* ‘тайком наговаривать на кого-л.; ябедничать’ [МАС]), когда глагол осваивает лишь часть значения мотивирующего личного имени, и в полимотивированных образованиях. Так, глагол *ненавистничать/ть/* ‘испытывать чувство ненависти, вести себя как ненавистник’ [МАС] мотивируется и личным именем на *-ник*, и неодушевленным существительным *ненависть*. Комбинированный способ толкования, использованный в [МАС], включает прямую мотивированность (‘вести себя как *ненавистник*’) и косвенную (‘испытывать чувство *ненависти*’). Последняя показывает, какая часть значения непосредственно мотивирующего (*ненавистник*) вошла в мотивированное. В других словарях представлен только способ косвенной мотивированности: *ненавистничать/ть/* ‘испытывать чувство ненависти’ [БАС; НТСС].

И.А. Ширшов отмечает, что «с синхронной точки зрения эта непосредственная мотивация представляется отживающей, доставшейся современному русскому языку от прошлых эпох, хотя она и продолжает

функционировать в словах, когда-то возникших в языке», однако «с точки зрения синхронных связей они (опосредованные мотивации. – *О.П.*) более системны, чем непосредственная мотивация» [Ширшов 1981: 86]. Это, на наш взгляд, как раз и объясняется семантической нейтрализацией суффикса *-ник* в словообразовательном акте.

Глаголы со значением поведения, в которых функционирует протяжённый аффикс, также образуются преимущественно от одушевленных существительных (*лентяй* → *лентяй-нича/ть/*, *ловелас* → *ловелас-нича/ть/*, *дипломат* → *дипломат-нича/ть/* и др.). Но формулы их толкования в словарях неоднозначны: одни включают непосредственно мотивирующее личное имя, другие нет:

ЛЕНТЯЙНИЧАТЬ

СУ: Бездельничать, вести себя *лентяем*.

МАС: Пребывать в праздности; бездельничать.

ЛОВЕЛАСНИЧАТЬ

БАС: Вести себя как *ловелас*; ухаживать за женщинами.

РСС: Ухаживать за многими женщинами, заниматься флиртом, любовными похождениями.

ДИПЛОМАТНИЧАТЬ

БАС-2: Поступать как *дипломат* ('тот, кто умело скрывает свои истинные чувства и мысли').

БАС: Действовать не прямо, скрывая истинные намерения.

В приведенных примерах последние толкования не включают личного имени, что подчеркивает отсутствие значения лица в семантике глагола. Следовательно, и в глаголах со значением поведения протяжённый суффикс *-нича/ть/*, сопрягаясь с основами личных существительных, частично погашает их семантику: если мотивирующая основа непроизводна (*ловелас*), происходит частичная семантическая нейтрализация мотиватора; если мотивирующая основа производна (*лен-тяй* от *лень*, *дипломат-Ø* от

дипломат/и-я/), то полной семантической нейтрализации подвергается дериватор (-тяй, -Ø), на долю которого приходится значение лица.

Появляющиеся в речи новообразования с протяжённым суффиксом -нича/ть/, имеющие семантику поведения, обозначают, как правило, поведенческие тенденции, характерные для современного общества: *буржуйничать* (от *буржуй* 'разбогатевший человек современной России, для которого богатство является самоцелью' [АЛ XXI в.]), *мажорничать* (от *мажор* 'обеспеченный молодой человек, живущий за счет родителей' [АЛ XXI в.]), *миллионничать* (от *миллион* и, возможно, *миллионер*), *бомондничать* (от *бомонд* 'высший свет, элита современного общества' [АЛ XXI в.]), *куршевельничать* (от имени собственного *Куршевель* – горный курорт, где «прославился» своим скандальным поведением российский предприниматель М. Прохоров), *скинхедничать* (от *скинхед*), *едросничать* (от «Единая Россия» или, вероятнее, от неузурального пейоратива *едрос* – член названной партии), синонимы *наркоманничать* (от *наркоман*) – *наркотничать* (от *наркотик*) и др.

Значение первых трех глаголов (*буржуйничать*, *мажорничать*, *миллионничать*) можно сформулировать как 'вести роскошную жизнь, не ограничивая себя в средствах':

Нечего буржуйничать и на импортных авто разъезжать! (<http://smi2.ru>). *Типичная ситуация: родители вкалывают, как негры, а дети мажорничают* (<http://invamama.ru>). *Так у меня и компа нету, не все же, как ты, миллионничают* (<http://udaff.com>).

В глаголах *бомондничать* и *куршевельничать* добавляется оттенок значения 'вести беспечный, беспорядочный образ жизни':

Есть неэкранная литература. И режиссеры, даже талантливые, дети которых хотят учиться в оксфордах и богемно бомондничать (<http://www.forum-tvs.ru>). *Я, конечно, не настолько наивен, чтоб предполагать, будто все наши так называемые олигархи вдруг перестанут на весь мир шумно куршевельничать* (www.sportsdaily.ru).

Глагол *куршевельничать*, образованный от топонима *Куршевель*, подобно глаголам *давосничать*, *майданничать* (см. выше), обладает идиоматичной семантикой. В значении глагола актуализирован новый семантический компонент, которым «оброс» мотивирующий топоним на русской почве под влиянием внеязыковой действительности. Этот компонент значения придает слову негативную коннотацию. Идиоматичность семантики свойственна и глаголу *бомондничать*, истоком которой также является экстралингвистический фактор (характер публичного поведения некоторых людей, представляющих высшее общество, в частности «золотой молодежи»).

Глаголы *скинхедничать* и *едросничать* обозначают отрицательное поведение людей (преимущественно молодых), связанное с общественно-политической жизнью общества:

Именно это поколение сейчас скинхедничает и фашиствует по причине отсутствия в свое время должного программирования духовности (<http://ihistorian.livejournal.com>). *Эх, я так надеялся, что «свежая кровь» хотя бы не с разбегу начнет едросничать...* Чуда, увы, не произошло (<https://twitter.com/pilat/status>).

Отрицательная коннотация глагола *скинхедничать* особенно ярко обнаруживается благодаря контекстуальной синонимии с узуальным глаголом *фашиствовать*.

Семантика синонимов *наркоманничать* и *наркотничать* прозрачна – ‘употреблять наркотики’:

Даже при наличии всевозможных мест для отдыха, развития... молодежь все равно умудряется наркоманничать (<http://www.gorodlgov.ru>). *Интересно, что заставляет людей, у которых есть так много – талант, успех, деньги, благополучие и отличные жизненные перспективы, пить, наркотничать и гробить себя* (<https://forum.cofe.ru>).

Обилие новообразований с протяжённым суффиксом *-нича/ть/* свидетельствует о том, что данный словообразовательный тип глаголов является продуктивным. Это объясняется, в частности, тем, что круг субстантивных основ, к которым присоединяется протяжённый суффикс, намного шире, чем у суффикса *-а/ть/*, образующего глаголы только от личных имен на *-ник*. В языке протяжённый суффикс *-нича/ть/* образует глаголы не только от основ одушевленных личных существительных (производных и непроизводных), но также от основ неодушевленных существительных (*мордобой – мордобойничать, маевка – маевничать, магарыч – магарычничать*), в качестве мотивирующих могут выступать и устойчивые сочетания (*бить баклуши – баклушничать, точить балясы – балясничать*). В современном русском языке насчитывается свыше 60 глаголов с этим протяжённым формантом, в неcodифицированной речи их ещё больше. В живой разговорной речи глаголы с суффиксом *-нича/ть/* обладают, как правило, сниженной стилистической окраской, которая придает им особую выразительность. У многих глаголов появляются новые компоненты значения, акцентирующие внимание на качественной характеристике процесса, что говорит об идиоматичности их семантики. Это является косвенным подтверждением того, что значение лица глаголы на *-нича/ть/* не выражают.

В заключение отметим, что протяжённый суффикс *-нича/ть/* сформировался в языке на основе опосредованных мотиваций в результате переразложения, вызванного семантической нейтрализацией суффикса *-ник*. Сложившаяся в языке словообразовательная модель «имя существительное без *-ник* + суффикс *-нича/ть/*» говорит о том, что ступенчатый принцип развертывания гнезда уступил место чересступенчатому, бинарному. Опосредованная мотивация, которая в глаголах с протяжённым суффиксом *-нича/ть/* превратилась в непосредственную, приобрела в синхронии системный характер.

4.2. Протяжённый субстантивный суффикс *-ничеств/o/* с отвлеченной семантикой

По сведениям «Русской грамматики», в языке функционирует три словообразовательных типа отвлеченных имен существительных на *-(e)ств/o/*: 1) отглагольные со значением отвлеченного процессуального признака (действия, состояния): *баловать* → *баловство*, *убить* → *убийство*, *кустарничать* → *кустарничество*; 2) отадективные со значением отвлеченного признака, свойства: *убогий* → *убожество*, *лукавый* → *лукавство*, *соседний* → *соседство*; 3) отсубстантивные со значением свойства или занятия лица, названного мотивирующим словом: *невежда* → *невежество*, *владыка* → *владычество*, *дева* → *девство* [РГ-80: 162, 179, 199].

Имена существительные, имеющие в своем составе аффиксальную последовательность *-ничеств/o/*, мотивируются, как правило, именами существительными на *-ник* (*лавочник* → *лавочничество*, *второгодник* → *второгодничество*), глаголами на *-нича/ть/* (*крохоборничать* → *крохоборничество*, *стиляжничать* → *стиляжничество*), а также соответствующими существительными и глаголами одновременно (*кляузник* → *кляузничество* и *кляузничать* → *кляузничество*, *сводник* → *сводничество* и *сводничать* → *сводничество*).

С глаголами на *-нича/ть/* абстрактные существительные находятся в отношениях синтаксической деривации, поскольку являются «формой с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [Курилович 1962: 61-62]: *христарадничать* (устар.) ‘нищенствовать, просить милостыню (Христа ради)’ – *христарадничество* (устар.) ‘действие по значению глаг. христарадничать’ [БАС]; *собутыльничать* (разг.) ‘вместе с кем-либо пить, пьянствовать’ – *собутыльничество* (разг.) ‘действие по значению глаг. собутыльничать; совместное пьянство’ [БАС]; *кудесничать* (устар.) ‘заниматься колдовством, волшебством’ – *кудесничество* (устар.) ‘колдовство, волшебство’ [БАС].

Исходя из сущности синтаксической деривации можно заключить, что протяжённый формант *-ничеств/o/* не мог сформироваться на базе этой подсистемы словообразования, потому что суффиксы синтаксической деривации «выполняют в языке структурно-семантическую функцию: они переводят слово из одной части речи в другую, формально маркируют производное слово, передавая в языке внутрикодovou информацию» [Ширшов 1981: 106].

С личными именами на *-ник* образования на *-ничеств/o/* находятся в отношениях лексической деривации. Поскольку эта сфера деривации сопровождается преобразованием лексического содержания мотивирующего, именно в ней происходят те процессы, которые приводят к образованию новой протяжённой морфемы. Поэтому протяжённый суффикс *-ничеств/o/* мог сформироваться только в подсистеме лексической деривации на основе суффикса личных имен *-ник* и отвлеченного суффикса *-еств/o/*⁴³.

Как было замечено ранее, отвлеченные имена на *-ничеств/o/*, будучи синтаксическими дериватами глаголов на *-нича/ть/*, имеют лексическое значение, тождественное значению соответствующих глаголов. А поскольку глаголы на *-нича/ть/* не выражают значения лица (см. гл. III, п. 4.1), следовательно, его не должно быть и в отвлеченных существительных. Анализ контекстов подтверждает это умозаключение:

*Дефолт не следствие кризиса, а результат **мошенничества*** (ср. обмана) *чиновников* (Разорять область они не боялись, а книжку боятся, 2011) [НКРЯ].

*Гражданам удобнее обращаться в суд напрямую, минуя **посредничество*** (ср. содействие, помощь) *прокурора* (И. Петрухин. Исторический очерк деятельности прокуратуры // Отечественные записки, 2003) [НКРЯ].

⁴³ Морф *-еств/o/* в отличие от морфа *-ств/o/* выступает после шипящих [РГ-80: 162].

*С необычайной страстностью нападала она на невежество, ограниченность, **бездельничество** (ср. праздность) и нравственную нечистоплотность почтенного «наставника» (Распутин на родине // Утро России, 1912.06.25) [НКРЯ].*

*Страшен в своем **сквалыжничестве** (ср. скупости, жадности) и очерствелости городничий, но еще более страшен в душевной своей пустоте, дробности и ничтожности – Хлестаков (А. Воронский. Гоголь, 1934) [НКРЯ].*

На семантическую нейтрализацию лица в существительных на *-ничеств/o/* указывает не только их замена синонимичными отвлеченными именами, в структуре которых нет формальных средств выражения лица (*обман, содействие, помощь, праздность* и проч.), но и употребление их в ряду однородных членов с отвлеченными именами, образованными от прилагательных (*бездельничество* и *ограниченность, нечистоплотность; сквалыжничество* и *очерствелость*), а также наличие в предложении личного имени, которому приписывается свойство, выраженное отвлеченным существительным на *-ничеств/o/* (*мошенничество чиновников, посредничество прокурора, бездельничество «наставника»*).

Примечательно, что значение лица не выражают и отвлеченные существительные, не имеющие в системе языка соотносительного глагола на *-нича/ть/*, а следовательно, мотивированные личными именами. Значит, суффикс *-еств/o/*, как и суффикс *-нича/ть/*, нейтрализует семантику лица:

*Но даже в этом вынужденном **затворничестве** (ср. уединении) была своя прелесть (А. Крон. Капитан дальнего плавания, 1983) [НКРЯ].*

*...бояр из потомственных Рюриковичей уличали в **фальшивомонетничестве** (ср. изготовлении фальшивых денег) (В. Пьецух. Уроки родной истории // Октябрь, 2003) [НКРЯ].*

То, что последовательность *-нич-* в отвлеченных существительных семантически пуста, особенно ярко подчеркивают параллельные

образования, которые являются словообразовательными синонимами, различающимися, как правило, стилистической окраской: *мошенничество* (нейтр.) – *мошенство* (прост.), *посредничество* (нейтр.) – *посредство* (устар.), *бездельничество* (устар.) – *безделие* (нейтр.), *озорничество* (устар. и прост.) – *озорство* (нейтр.), *идолопоклонничество* (нейтр.) – *идолопоклонство* (прост.), *чернокнижничество* (устар.) – *чернокнижие* (устар.), *чревоугодничество* (нейтр.) – *чревоугодие* (нейтр.), *преемничество* (нейтр.) – *преемство* (нейтр.) и многие др.

Когда словообразовательные синонимы образуются от одного и того же мотивирующего личного существительного (*мошенник* → *мошенничество* и *мошенство*, *преемник* → *преемничество* и *преемство*), в именах на *-ничеств/o/* наблюдается только семантическая нейтрализация суффикса *-ник*, так как форма *-нич-* (<*-ник*) в производном сохраняется. Образование другого отвлеченного имени характеризуется формально-семантической нейтрализацией, поскольку в нем утрачивается и форма, и значение суффикса *-ник* (*мошенство*, *преемство*).

Тождество значения отвлеченных существительных на *-ств/o/* и *-ничеств/o/* наблюдается и в том случае, когда личные имена на *-ник* находятся с образованиями на *-ств/o/* в парадигматических отношениях, а с производными на *-ничеств/o/* в синтагматических отношениях:

озор/ова-ть/

озор-ств/o/ ‘действие по глаг. озоровать’ [ТССШ]

озор-ник ‘тот, кто озорует’ [ТССШ]

*озорнич-еств/o/*⁴⁴ ‘поведение озорника’ [ТССШ]

‘то же, что озорство’ [БАС]

⁴⁴ В связи с тем, что глаголы на *-нича/ть/* не участвовали в образовании протяжённого суффикса *-ничеств/o/*, мы будем рассматривать интересующие нас словообразовательные цепи в отвлечении от этих глаголов, акцентируя внимание на словообразовательной связи отвлеченных существительных с личными именами на *-ник*.

Семантической нейтрализацией суффикса *-ник* объясняется и синонимия отвлеченных существительных *безделье* и *бездельничество*, *чревоугодие* и *чревоугодничество*, *чернокнижие* и *чернокнижничество* и под., которые являются звеньями одной словообразовательной цепи: *бездел*’/j-э/ ‘незанятость делом, праздность’ → *бездель-ник* ‘человек, ведущий праздный образ жизни’ → *бездельнич-еств/o/* ‘то же, что безделье’ [БАС]; *чревоугод/иj-э/* ‘особое пристрастие к еде’ → *чревоугод-ник* ‘тот, кто предается чревоугодию’ → *чревоугоднич-еств/o/* ‘то же, что чревоугодие’ [БАС]; *чернокниж/иj-э/* ‘колдовство’ → *чернокниж-ник* ‘тот, кто занимается чернокнижием’ → *чернокнижнич-еств/o/* ‘то же, что чернокнижие’ [БАС]. Образуется своеобразный «словообразовательный круг»⁴⁵, поскольку в словообразовательной цепи наблюдается образование вторичного абстрактного существительного (*бездельничество*, *чревоугодничество*, *чернокнижничество*) через промежуточную стадию личного существительного. Этот словообразовательный круг одновременно является и смысловым кругом⁴⁶, так как абстрактные существительные (исходное и конечное) совпадают по лексическому значению.

Таким образом, дериватор *-еств/o/*, присоединяясь к личным именам на *-ник*, с одной стороны, реализует в слове свое значение отвлеченности, с другой – устраняет в производном значение лица. Поскольку существительные на *-ник* обозначают лицо и его свойство, занятие, устранение лица как носителя предметного признака есть не что иное, как отвлечение предметного признака (свойство, занятие) от носителя (лица): *соперник* ‘тот, кто стремится победить, превзойти кого-либо в чем-либо’ → *соперничество* ‘стремление победить, превзойти кого-либо в чем-либо’ [БАС]; *идолопоклонник* ‘человек, поклоняющийся, служащий идолам’ → *идолопоклонничество* ‘поклонение, служение идолам’ [БАС].

⁴⁵ Термин «словообразовательный круг» ввел М.В. Панов [Панов 1966], затем использовала А.И. Кузнецова [Кузнецова 1973].

⁴⁶ См. об этом подробнее [Ермакова 1984; Казак 2004].

Этапы формирования протяжённого суффикса *-ничеств/o/* в языке репрезентируют словообразовательные цепи отвлеченных существительных, различающиеся количеством компонентов (бинарные/полинарные), наличием/отсутствием в них существительного на *-ник*, а также местом последнего в цепи.

Бинарные цепи с исходным личным существительным на *-ник*, синхронически непроизводным, отражают начальный этап формирования протяжённой морфемы: *сверстник* ‘человек одинакового с кем-л. возраста; ровесник’ → *сверстнич-еств/o/* ‘равенство по возрасту, знанию, положению и т.п.’, *кудесник* (устар. поэт.) ‘волхв, волшебник, колдун’ → *кудеснич-еств/o/* (устар.) ‘колдовство, волшебство’, *посредник* ‘тот, кто содействует осуществлению связи, общению между кем-либо’ → *посреднич-еств/o/* ‘содействие в налаживании связей, отношений между кем-либо’ [БАС]. Поскольку суффикс *-ник* является частью условно членимой основы, он, несмотря на семантическую нейтрализацию, в отвлеченных именах на *-ничеств/o/* не сливается с дериватором *-еств/o/* в единую морфему.

Трёхкомпонентные цепи, где личное существительное на *-ник* занимает промежуточное положение между исходным звеном цепи (неличным существительным или реже глаголом) и существительным на *-ничеств/o/* (*плен* → *пленник* → *пленничество*, *смерть* → *смертник* → *смертничество*, *безделье* → *бездельник* → *бездельничество*, *озоровать* → *озорник* → *озорничество* и др.), становятся тем языковым материалом, где на основе опосредованной мотивации складывается новый протяжённый аффикс. Так, производное *пленничество* может быть образовано, с одной стороны, сочетанием суффикса *-еств/o/* с основой личного существительного *пленник*, при этом происходит семантическая, но не формальная нейтрализация суффикса *-ник*, который подвергается лишь морфонологическому преобразованию. С другой стороны – сочетанием протяжённого суффикса *-ничеств/o/* с основой существительного *плен*, при этом форма и значение

производящего полностью осваивается производным. Несмотря на структурные различия, существительное обозначает состояние лица, представленное в отвлечении от его носителя: *пленничество* 'состояние пленника', т.е. 'нахождение в плену' [БАС].

Особый интерес представляют словообразовательные цепи, в которых отсутствует личное имя на *-ник*. Такого рода цепи могут быть бинарными⁴⁷ (*попут/чик/* → *попут-ничество/o/*, *цитат/a/* → *цитат-ничество/o/*) и трехчленными (*лодырь* → *лодыр-нич/a-ть/* → *лодырнич-ество/o/*, *жул/ик/* → *жуль-нич/a-ть/* → *жульнич-ество/o/*), поскольку между личным именем и отвлеченным существительным в качестве промежуточного звена выступает глагол с протяжённым суффиксом *-нича/ть/*.

В трехчленных словообразовательных цепях отвлеченное существительное, будучи синтаксическим дериватом глагола, семантически выводится из личного имени (*лодырь* → *лодыр-ничество/o/*). И поскольку понятие мотивированности покоится прежде всего на семантической выводимости одного слова из другого, И.А. Ширшов видит в этих отвлеченных образованиях фонологически протяжённый суффикс *-ничество/o/*, функционирующий как самостоятельная единица [Ширшов:1987: 63]: *сквалыга* – *сквалыжничество*, *либерал* – *либеральничество*, *жулик* – *жульничество*, *повеса* – *повесничество*, *стиляга* – *стиляжничество*, *пролаза* – *пролазничество*, *мазурик* – *мазурничество* и др. Однако наличие в словообразовательной цепи глагола с суффиксом *-нича/ть/* не позволяет, на наш взгляд, говорить о формальной нейтрализации этого суффикса в отвлеченном существительном, и, следовательно, о возникновении фонологически протяжённого форманта *-ничество/o/*.

Иное дело – бинарные словообразовательные цепи, в которых нет ни существительного на *-ник*, ни глагола на *-нича/ть/*:

⁴⁷ Речь идет о том фрагменте словообразовательной цепи, который необходим для исследования, хотя количество звеньев в цепи может быть большим (*путь* → *по-пут-/чик/* → *попут-ничество/o/*).

захват/чик/ → *захват-ничиств/о/* ‘поведение захватчика’ [БАС];

попут/чик/ → *попут-ничиств/о/* ‘мировоззрение и творчество писателей-попутчиков восстановительного периода’ [БАС];

начет/чик/ → *начет-ничиств/о/* ‘знания, основанные на механическом, некритическом усвоении прочитанного’ [БАС];

склад/чик/ ‘пайщик’ → *склад-ничиств/о/* ‘в Древней Руси – форма объединения купцов для осуществления торговых операций’ [БАС];

фальшивомонет/чик/ → *фальшивомонет-ничиств/о/* ‘изготовление фальшивых денег’ [БАС];

Держиморд/а/ → *держиморд-ничиств/о/* [БАС] (толкование отсутствует)⁴⁸;

цитат/а/ → *цитат-ничиств/о/* ‘догматическое пристрастие к цитатам’ [БАС]⁴⁹.

В бинарных словообразовательных цепях отвлеченное существительное действительно образуется с помощью протяжённого суффикса *-ничиств/о/*. Таких образований в языке немного, всего семь. Их производящими являются личные имена, как правило, с суффиксом *-чик* (*захватчик*, *попутчик*, *начетчик*, *складчик*, *фальшивомонетчик*, *Держиморда*), и только одно существительное образовано от основы неодушевленного существительного (*цитата*).

⁴⁸ Поскольку антропоним *Держиморда* приобрел в языке значение ‘человек с грубо-полицейскими наклонностями’ [БАС], надо полагать, существительное *держимордничиство* обозначает грубое, деспотичное поведение: *Он... смутно сознавал, что слишком увлекся и чересчур зарвался, так что походил скорее на Держиморду, чем на блестящего, современного адъютанта. И что досаднее всего, – это держимордничиство проявилось как-то так внезапно, почти само собою, даже как будто независимо от его воли* (В.В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 1-2, 1869) [НКРЯ].

⁴⁹ Носителям русского языка знакомо также неодушевленное существительное *цитатник* (сборник цитат), которое по форме является наиболее близким к существительному *цитатничиство*. Однако, по данным «Сводного словаря современной русской лексики» [СРЛ], слово *цитатник* не зафиксировано ни в одном словаре, изданном в период с 1935 по 1984 гг. В настоящее время оно отмечено только в «Русском орфографическом словаре» (2010 г.) [РОС]. Надо полагать, это слово, созданное по продуктивной словообразовательной модели, существовало в речи. Когда в Китае в 1966 году вышел в свет сборник выдержек из произведений Председателя Мао Цзэ-дуна, позднее переведенный на русский язык, его стали называть «Цитатник Мао». С развитием интернет-общения слово *цитатник* появилось в лексиконе чатовцев (*цитатник Рунета*, *Викицитатник* и проч.). Поскольку существительное *цитатник* не было зафиксировано словарями, мы не рассматриваем его как возможное мотивирующее для производного *цитатничиство*.

При сочетании форманта *-ничеств/o/* с основами личных имен с суффиксом *-чик* происходит и формальная, и семантическая нейтрализация последнего; при сочетании форманта *-ничеств/o/* с основой антропонима *Держиморда*, семантическая структура которого складывается из значения лица и его свойства, – частичная семантическая нейтрализация мотиватора (устранение лица как носителя признака); при сочетании форманта *-ничеств/o/* с основой неодушевленного существительного *цитата* ни формальной, ни семантической нейтрализации не наблюдается.

По сведениям [БАС], отвлеченные существительные, в которых функционирует протяжённый суффикс *-ничеств/o/*, зафиксированы в словарях в середине XX века: *попутничество* [СУ 1939], *начетничество*, *фальшивомонетничество* [СО 1952], *держимордничество* [БАС 1954], *захватничество* [БАС 1955], *цитатничество* [СО 1960], *складничество* [БАС 1962].

Интересно отметить, что некоторые личные имена с суффиксом *-чик* (*попутчик*, *складчик*) имели в языке словообразовательные синонимы с суффиксом *-ник* (*попутник*⁵⁰, *складник*⁵¹). Но к моменту появления отвлеченных существительных *попутничество*, *складничество* личные имена на *-ник* уже вышли из употребления, поэтому не могли служить для них производящими. Синонимы *начетчик* и *начетник* (устар.) до сих пор сосуществуют в языке, и, хотя одно из них в настоящее время является устаревшим, можно предположить, что существительное *начетничество* могло быть образовано по разным словообразовательным моделям: *начетник* → *начетнич-еств/o/* [ССТ] и *начет/чик/* → *начет-ничеств/o/*, поскольку слово *начетчик* принадлежит к активному словарному фонду. Производное *цитатничество* рассматривается как образованное от неодушевленного

⁵⁰ По сведениям [СА 1847], существительное *попутник* во 2 значении – ‘то же, что попутчик’.

⁵¹ В толковых словарях современного русского языка существительное *складник* не зафиксировано. Однако оно употреблено в [БСЭ]: «Купцы-складники (часто родственники) выступали как единое торговое предприятие, но доход делили из расчета внесенных каждым паев (товаров)».

существительного *цитата*, а не от имени лица *цитатчик* ‘тот, кто догматически цитирует тексты’ [БАС], так как последнее является более поздним образованием [БАС 1965], нежели абстрактное существительное [СО 1960].

Протяжённый суффикс *-ничеств/o/* тождествен по значению протяжённому суффиксу *-тельств/o/* (см. гл. III, п. 2.3), поскольку оба форманта образовались на базе одного и того же суффикса *-ств/o/* с отвлеченной семантикой, который в словообразовательном процессе гасит значение дериваторов предшествующей ступени – суффиксов лица *-ник* и *-тель*, превращая их в субморфы. Неспособность суффиксов удержать свое значение и приводит к переразложению, в результате которого возникают фонологически протяжённые словообразовательные средства.

Несмотря на то что отвлеченные существительные с суффиксом *-ничеств/o/* появились в языке в середине XX века, этот протяжённый суффикс, в отличие от синонимичного ему суффикса *-тельств/o/*, отсутствует в списке словообразовательных морфов «Русской грамматики» [РГ-80]. Но в современный лексикографический источник – «Толковый словарь словообразовательных единиц...» Т.Ф. Ефремовой [ТССЕ] – протяжённый суффикс *-ничеств/o/* уже включен.

4.3. Протяжённый адъективный суффикс *-ническ/ий/*: сочетаемостьная база, деривационные возможности в языке и речи

Суффикс *-ск/ий/*, будучи основным средством образования прилагательных от имен лиц, активно сочетается и с личными существительными на *-ник*: *затворник* – *затворнический*, *садовник* – *садовнический*, *безбожник* – *безбожнический*, *охотник* – *охотнический*, *сообщник* – *сообщнический* и др. Морфемный комплекс *-ническ/ий/* имеют в

своем составе 108 прилагательных русского языка [ОСРЯ]⁵². Структурно-семантические явления, наблюдающиеся в прилагательных на *-ническ/ий/*, аналогичны тем, что были описаны нами в прилагательных на *-тельск/ий/* (гл. III, п. 2.1) и *-истск/ий/* (гл. III, п. 3.3).

Звуковая последовательность *-ническ/ий/* представлена двумя самостоятельными суффиксами в прилагательных, которые выражают отношение к лицу: *кочевать* → *кочев-ник* ('лицо') → *кочевнич-еск/ий/* ('относящийся к кочевникам' [БАС]), *двор* → *двор-ник* ('лицо') → *дворнич-еск/ий/* ('относящийся к дворнику, принадлежащий ему' [БАС]), *причит* → *причит-ник* ('лицо') → *причитнич-еск/ий/* ('относящийся к причетнику, принадлежащий ему' [БАС]).

Некоторые прилагательные на *-ническ/ий/* выражают отношение не только к лицу, но и к отвлеченному понятию:

клевета → *клеветник* → *клеветнический* 'относящийся к клевете, клеветникам; заключающий в себе клевету' [БАС].

Однако наша обязанность состоит в том, чтобы эту его *клеветническую* манеру (манеру, свойственную клеветникам) *разоблачать* каждый раз (И.В. Сталин. Международное положение и оборона СССР, 1927) [НКРЯ]. – Желая окончательно уяснить его настроение, я позволил себе несколько резких *клеветнических* высказываний (высказываний, содержащих клевету) (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 3, 1978) [НКРЯ].

насилие → *насильник* → *насильнический* 'действующий путем насилия; свойственный насильникам' [СУ].

Другие не находили слов, чтобы очернить его *насильнический* и *тиранический* образ (образ насильника и тирана) (Г. Флоровский. Пути русского богословия, 1936) [НКРЯ]. – ...его участие в *насильнических*

⁵² Не у всех производных на *-ническ/ий/* данная звуковая последовательность является морфемным комплексом, поскольку в целом ряде прилагательных элементы *-н-* и *-нич-* являются финальной частью корня (см.: *сцен-ический*, *урбан-ический*, *панич-еский*, *клинич-еский* и др.).

действиях (действиях, основанных на насилии), направленных на свержение государственной власти, или нарушение территориальной целостности, остается за рамками данного преступления (Наемник и закон, 2004 // Солдат удачи, 2004.03.10) [НКРЯ].

Контекстным окружением определяется конкретная семантика прилагательного (отношение к лицу или к отвлеченному понятию), от которой в конечном счете зависит и его словообразовательная структура. Если прилагательное выражает отношение к лицу, в его словообразовательной структуре выделяется два морфа (*-нич-* и *-еск-*), если к отвлеченному понятию – протяжённый суффикс (*-ническ/ий/*), поскольку значение лица, формально выраженное суффиксом *-ник*, должно быть нейтрализовано.

Таким образом, прилагательное обладает множественностью словообразовательной структуры: *клеветник* → *клеветнич-еск/ий/* ‘относящийся к клеветникам’ и *клевет/a/* → *клевет-ническ/ий/* ‘относящийся к клевете; заключающий в себе клевету’; *насильник* → *насильнич-еск/ий/* ‘свойственный насильникам’ и *насил/иј-э/* → *насиль-ническ/ий/* ‘действующий путем насилия’. Протяжённый суффикс формируется на основе опосредованной мотивации отвлеченным существительным, которое в словообразовательной цепи находится в препозиции к личному имени на *-ник* (условно – в исходе словообразовательной цепи).

Значительно чаще имена прилагательные на *-ническ/ий/* выражают отношение к отвлеченному понятию, выраженному абстрактным существительным на *-ничеств/o/*: *народнический* ‘относящийся к народнику, народничеству; являющийся выражением взглядов народников, народничества’ [БАС]; *взяточнический* ‘относящийся к взяточнику и взяточничеству’ [БАС]; *западнический* ‘прил. к западник и западничество’ [МАС] и др. Это абстрактное существительное в словообразовательной цепи находится в постпозиции к личному имени на *-ник*, как и прилагательное с

финалью *-ническ/ий/*. Закономерно возникает вопрос: в каких формально-семантических отношениях находятся производные на *-ническ/ий/* и *-ничеств/o/* и какое место в словообразовательном гнезде они занимают?

В [ССТ] практически все производные на *-ническ/ий/* и *-ничеств/o/* представлены как равнопроизводные от личных имен на *-ник*, т.е. как находящиеся в парадигматических отношениях:

<i>народник</i>	<i>западник</i>	<i>взяточник</i> ⁵³
<i>народнич-еств-o</i>	<i>западнич-еств-o</i>	<i>взяточнич-еств-o</i> 1
<i>народнич-еск-ий</i>	<i>западнич-еск-ий</i>	<i>взяточнич-еск-ий</i>
		<i>взяточнич-а-ть</i>
		<i>взяточнич-еств-o</i> 2

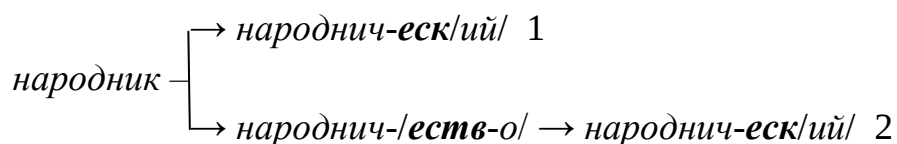
Но если прилагательные мотивируются наряду с личными именами и отвлеченными существительными на *-ничеств/o/*, то словообразовательное гнездо должно выглядеть иначе:

<i>народник</i>	<i>западник</i>	<i>взяточник</i>
<i>народнич-еск-ий</i> 1	<i>западнич-еск-ий</i> 1	<i>взяточнич-еск-ий</i> 1
<i>народнич-/еств-o/</i>	<i>западнич-/еств-o/</i>	<i>взяточнич-/еств-o/</i>
<i>народнич-еск-ий</i> 2	<i>западнич-еск-ий</i> 2	<i>взяточнич-еск-ий</i> 2

Имена прилагательные с финалью *-ническ/ий/*, отличаясь множественной мотивацией, характеризуются «омонимией словообразовательной формы»⁵⁴, поскольку при одном и том же словообразующем аффиксе (*-еск/ий/*) производящие основы, различаясь семантикой (лицо/отвлеченное понятие), совпадают по форме (*народнич-*). При этом абстрактное существительное находится в парадигматических отношениях с прилагательным на *-ническ/ий/* 1 и в синтагматических отношениях с прилагательным на *-ническ/ий/* 2:

⁵³ Если в словообразовательном гнезде есть глагол с финалью *-нича/ть/*, абстрактное существительное на *-ничеств/o/* показано как обладающее различной словообразовательной структурой.

⁵⁴ Термин Г.О. Винокура [Винокур 1959: 434].

Но в любом случае в словообразовательной структуре прилагательного будет выделяться два суффикса – *-нич-* и *-еск/ий/*.

Множественной словообразовательной структурой обладают и прилагательные, образованные от однокоренных синонимов *начетник* (устар.) – *начетчик*, *перевозник* (устар.) – *перевозчик*, *изменник* – *изменищик* (устар. и прост.), *попрошайник* (прост.) – *попрошайка* (разг.), *сутяга* (разг.) – *сутяжник*, *свалыга* (прост.) – *свалыжник* (прост.) и т.п. Поскольку названные синонимы обладают тождественным лексическим значением, различаясь лишь стилистической окраской, соответствующие прилагательные на *-ническ/ий/*, выражающие отношение к лицу, могут быть мотивированы каждым из синонимов. При мотивации личным именем на *-ник* в морфемной структуре прилагательного выделяется два суффикса (*перевоз/и-ть/* → *перевоз-**ник*** → *перевознич-**еск/ий/***), при мотивации существительным с иным по форме суффиксом или без него – один протяжённый суффикс (*перевоз/-**чик/*** → *перевоз-**ническ/ий/***).

Таким образом, предпосылки для возникновения протяжённого суффикса *-ническ/ий/* возникают в полимотивированных именах прилагательных, когда они мотивируются отвлечённым именем, занимающим на синтагматической оси место исходного звена цепи (не имеют в своем составе звуковой последовательности *-ниществ/o/*), или личным именем без суффикса *-ник*. Когда эти условия реализуются в мономотивированных прилагательных, морфемный комплекс *-ническ/ий/* функционирует как протяжённый формант. Например:

захват → *захват-**ническ/ий/*** ‘относящийся к захвату власти, чужих территорий и т.д.; преследующий цели захвата чего-л.’ *Захватническая политика. Захватнические войны* [МАС].

упадок → упад-**ническ/ий/** ‘характеризующийся упадком’.

Упадническое искусство [ТССШ].

пролаз/а/ → пролаз-**ническ/ий/** (разг. фам. пренебр.) ‘прил. к пролаза’.

Пролазнические замашки [СУ].

мазур/ик/ → мазур-**ническ/ий/** (прост. презрит.) ‘прил. к мазурик; свойственный мазурикам’. **Мазурнические** приемы [СУ].

подряд → подряд/-чик/ → подряд-**ническ/ий/** ‘относящийся к подрядчику и подряду; свойственный подрядчику’. *Вместо кустарных, **подряднических** лесоразработок создана объединенная крупная лесная промышленность.* КПСС в резол. и решениях. II, с. 811 [БАС].

Прилагательное *подряднический* – единственное полимотивированное образование, в словообразовательной структуре которого выделяется протяжённый суффикс и при опосредованной мотивации (*подряд* → *подряд-ническ/ий/*), и при непосредственной мотивации (*подряд/-чик/* → *подряд-ническ/ий/*), поскольку производящие основы *подряд* и *подрядчик* оказываются формально (но не семантически!) тождественными в результате усечения последней.

Не следует, на наш взгляд, относить к словам с протяжённым суффиксом *-нический* образования *жульнический* ‘относящийся к жульничеству; свойственный жулику, жуликам’ [БАС-2] и *бродяжнический* ‘относящийся к бродяжничеству, бродяге, бродягам’ [БАС-2], поскольку они, выражая отношение к лицу и отвлеченному понятию, характеризуются не только множественной мотивацией, но и множественной (не омонимичной) словообразовательной структурой:

жул/ик/ — { → жуль-**ническ/ий/** 1
→ жуль-**нич/а-ть/** → жульнич-/**еств-о/** → жульнич-**еск/ий/** 2

бродяг/а/ — { → бродяж-**ническ/ий/** 1
→ бродяж-**нич/а-ть/** → бродяжнич-/**еств-о/** → бродяжнич-**еск/ий/** 2

Не имеет протяжённого суффикса и прилагательное *паяснический* ‘относящийся к паясничанию и паясничеству; содержащий паясничание’ [БАС], которое выражает отношение только к отвлечённому понятию, а не к лицу (*паяц*):

$$\text{паяц} \rightarrow \text{паяс-}\mathbf{нич}/\text{а-ть}/ \left[\begin{array}{l} \rightarrow \text{паяснич}/\mathbf{а-ни\check{ж}-э}/ - \\ \rightarrow \text{паяснич}/\mathbf{еств-о}/ - \end{array} \right] \rightarrow \text{паяснич-}\mathbf{еск}/\mathbf{ий}/$$

– Господи, до чего не выношу я этого **паяснического** тона, – про себя вздыхал доктор (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 1945-1955) [НКРЯ].

Это единственное прилагательное, мотивированное сразу двумя отвлечёнными именами – *паясничание* и *паясничество*, которые тождественны по семантике и являются синтаксическими дериватами глагола *паясничать*.

В неузальной речи образуется немало новообразований по сложившимся в языке двум словообразовательным моделям:

- 1) основа личного имени без *-ник* + протяжённый суффикс *-ническ/ий/*:

$$\mathbf{перебеж}/\mathbf{-чик}/ \rightarrow \mathbf{перебеж-ническ}/\mathbf{ий}/$$

Сергей Глазьев заявил «Огоньку»: «С **перебежническими** настроениями (настроениями, свойственными перебежчику) в Думе ничего не добиться. Я за обратное объединение в единую коалицию» (Ю. Ларина, Д. Рогозин // Отколол. Лидер «Родины» потерял девять сторонников и получил клон своей фракции) (<http://www.ogoniok.com>).

$$\mathbf{заём}/\mathbf{-щик}/ \rightarrow \mathbf{заём-ническ}/\mathbf{ий}/$$

Кредитную историю без преувеличения можно назвать «**заемническим** досье» (досье заёмщика) и пропуском к новым возможностям в сфере кредитования (<http://bashcreditbank.ru>).

$$\mathbf{вандал} \rightarrow \mathbf{вандаль-ническ}/\mathbf{ий}/$$

...вполне здравая мысль: указывать свой номер телефона для связи, когда оставляю машину в незнакомом месте, дабы предупредить

вандализмические действия (действия, свойственные вандалам)
(<http://forum.opel-club.ru>).

2) основа *отвлеченного имени* без *-ничеств/o/* + протяжённый суффикс *-ническ/ий/*:

перевод → **перевод-ническ/ий/**

Есть еще одна важная сторона творчества В. Тушиновой – это ее неустанная **переводническая** деятельность (деятельность, связанная с переводом с одного языка на другой). Она переводила поэтов Прибалтики (<http://festival.1september.ru>).

развал → **разваль-ническ/ий/**

Но там произошло как – развал Союза, у всех такое настроение было уже «**развальническое**»: уже все готовились отдельными странами... (<http://vengin.kz>).

развод, развед-/ениј-e/ → **развод-ническ/ий/**

Новообразование **разводнический** используется в различных значениях, поскольку глагол *разводить* (*развести*), от синтаксических дериватов которого образуется прилагательное, многозначен:

Жена решает опередить мужа и... собирается раньше времени вручить ему повестку в суд, о **разводническом** процессе (процессе о разводе, т.е. расторжении брака) (<http://hellthing.ru>).

Необходим бизнес-план для закладки фруктового сада + **рыбо-разводнического** хозяйства (хозяйства по разведению рыбы) в Астрахани (<http://www.astrakhan.ru>).

Многим уже приходили и приходят **разводнические** смс (смс как вид мошенничества – развод, т.е. обман⁵⁵) типа «Привет, это ХХХ. Выручай, позвонить надо, а денег нет, кинь 100р. на УУУ номер» (<http://community.livejournal.com>).

⁵⁵ У существительного *развод* значение ‘вид мошенничества’ появилось совсем недавно, на рубеже XX-XXI вв.

Наконец, прилагательные с протяжённым суффиксом *-ническ/ий/* в некодифицированной речи, как и в языке, образуются и от личного имени, и от абстрактного существительного:

заговор/-щик/, заговор → заговор-ническ/ий/

Его заговорническое окружение (окружение, состоящее из заговорщиков) надеется на то, что кризис в стране дискредитирует в глазах избирателей популярного премьер-министра... (http://www.otechestvo.org.ua). – У Берии была возможность унаследовать место Сталина, но мероприятия, предпринятые Хрущевым, опасавшимся таких событий, привели к краху заговорнической деятельности Берия (деятельности, связанной с заговором) (http://www.sakharov-center.ru).

перекуп/-щик/, перекуп/к-а/ → перекуп-ническ/ий/

Жаль, что в начале 2000-ых я только работать начала и в принципе о жилке не задумывалась. Да и нет у меня этой жилки, перекупнической (жилки перекупщика) (http://sexengine.ru). – Я долгое время занимался перекупнической деятельностью (деятельностью, связанной с перекупкой) в сфере б/у иномарок (http://w202.clanbb.ru).

Одни новообразования с протяжённым суффиксом *-ническ/ий/* возникают как синонимы к уже существующим в языке словам: *перевóднический* – *перводнóй и перевóдный* ‘переведенный с какого-л. языка’ [МАС], *разводнический* – *развóдный* ‘относящийся к разводу – расторжению брака’ [МАС], *заговорнический* – *заговорищический, заговорищицкий* (разг.) ‘относящийся к заговорщику’ [БАС], *перекупнический* – *перекупной* (разг.) ‘относящийся к перекупке’ [МАС], *вандальнический* – *вандальский* [РОС]; другие заполняют не занятую в языке нишу: *перебежнический, развальнический* и др.

В языке суффикс *-ническ/ий/* непродуктивен, в некодифицированной речи активно функционирует: ...в *приказническом* (← приказ) *тоне*

требовать (<http://www.9111.ru>); ...*стали* *возникать* *купеческие* и *приказнические* (← приказчик) *клубы* (<http://inesszubrilina.ucoz.ru>); ...*легализовали* свою *надсмотрническую* (← надсмотр) *деятельность* (<http://otvet.mail.ru>); ...*немцы* *любят* *его* за *абсурдническое* (← абсурд) *начало* в *пьесах* (<http://kurskdrama.ru>); *не* *допустил* *грабёжнической* (← грабёж) *прихватизации* (<http://forum.inosmi.ru>) и многие другие.

Как отмечает Е.А. Земская, отдельные образования с суффиксом *-ническ/ий/* встречались уже в текстах XIX века [Очерки 1964: 308], однако сложился он как самостоятельное словообразовательное средство в середине XX столетия, как и другие протяжённые суффиксы (*-тельск/ий/*, *-истск/ий/*), возникшие на базе простого суффикса *-ск/ий/*. Несмотря на то, что все эти протяжённые суффиксы появились в языке приблизительно в одно время, суффикс *-ническ/ий/*, как и суффикс *-истск/ий/*, не выделяется в [РГ-80] как словообразовательный формант; в [ТССЕ] протяжённый суффикс *-ническ/ий/* представлен.

4.4. Протяжённый адъективный суффикс *-ничий/о/*: нерегулярная и непродуктивная морфема

Практически все прилагательные с финалью *-ничий/о/* выражают отношение, принадлежность или свойственность лицу, названному мотивирующим словом: *совет/ова-ть/* → *совет-ник* → *советнич-ий/о/* ‘относящийся к советнику, принадлежащий ему’ [БАС], *скит* → *скит-ник* → *скитнич-ий/о/* ‘принадлежащий скитнику, свойственный ему’ [БАС], *лес* → *лес-ник* → *леснич-ий/о/* ‘относящийся к леснику, лесникам’ [БАС] и др.

Среди 40 прилагательных⁵⁶ с финалью *-ничий/о/* одноименный протяжённый суффикс представлен в единичном образовании *токарничий*:

ТОКАРНИЧИЙ (прост.) Прил. к токарь. *Токарничье* ремесло [СУ].

⁵⁶ Количественные данные приводятся по [ОСРЯ].

*Тут, пожалуй, стоит объяснить, чего не хватало... в зимнем походе: второго спальника... лавинной лопатки; **токарничьих** очков с темными стеклами, чтобы не слепнуть от снежного блеска...* (М. Бутов. Свобода // Новый Мир, 1999) [НКРЯ].

Несмотря на то что производное, будучи просторечным, находится на языковой периферии, его наличие говорит о том, что протяжённый аффикс *-ничий/ø/* в языке существует: *токарь* → *токар-ничий/ø/*. В «Толковом словаре...» В.И. Даля зафиксировано еще одно образование с этим аффиксом, в настоящее время не сохранившееся: *кашеварничий* ‘свойственный кашевару и кашеварке’ [СД].

Промежуточная зона морфемного комплекса *-ничий/ø/*, где формируется протяжённая морфема, в современном языке также представлена единственным полимотивированным образованием *охотничий* ‘прил. к *охотник*; служащий для *охоты*’ [СУ]:

*Они напали на след Маруси Кудеяровой, но **охотничий** пыл* (пыл, свойственный охотникам) *их увял, когда Андрей решительно отказался от ткачихи* (А. Азольский. Лопушок // Новый Мир, 1998) [НКРЯ]. – *Он привез с собой на Урал **охотничье** ружьё* (ружьё, предназначенное для охоты) (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 1, 1960) [НКРЯ].

Непродуктивность протяжённого суффикса *-ничий/ø/* объясняется тем, что уже к середине XIX века вообще уменьшается употребительность прилагательных на *-ий*, образованных от личных имен [Очерки 164: 326]. В словарях XX века, например в [СУ; МАС], количество прилагательных этого типа значительно снизилось. Протяжённый суффикс *-ничий/ø/* не значится ни в одном лексикографическом источнике, возможно, именно потому, что он выделяется в единичном образовании (к тому же просторечном), т.е. является нерегулярным.

4.5. Последовательности морфем, не образующие протяжённых суффиксов

В современном русском языке суффикс *-ник* вступает в синтагматические отношения с целым рядом других суффиксов, образуя с ними устойчивые морфемные последовательности, которые обнаруживаются в серии производных слов. Однако не все морфемные сочетания становятся протяжёнными аффиксами.

Авторы «Словаря морфем русского языка» [СМРЯ] выделяют шесть морфемных блоков с начальным элементом *-ник*, которые, с их точки зрения, способны выступать при словообразовании в качестве самостоятельных единиц, т.е. словообразовательных средств, образующих новые слова: *-ничаниј/э/*, *-ничек*, *-ничóк*, *-ников/ый/*, *-ницк/ий/* и *-ничества/ть/*. Однако ни одна из этих морфемных последовательностей не является протяжённым аффиксом. Объясним почему.

-ничаниј/э/ (26 слов) и *-ничан'ј/э/* (32 слова)

Все существительные, оканчивающиеся на *-ничаниј/э/* (*-ничан'ј/э/*), образуются с помощью суффикса *-ниј/э/* (*-н'ј/э/*) от глаголов с финалью *-нича/ть/* и являются синтаксическими дериватами последних. При этом в мотивирующей глагольной основе последовательность *-нича-* может быть представлена по-разному: и как два простых суффикса *-нич-* + *-а-* (*школ/а/* → *школь-ник* → *школьнич-а/ть/* ‘вести себя шаловливо, как школьник’ → *школьнича-ниј/э/* ‘действие по знач. глаг. школьничать’ [БАС]), и как протяжённый суффикс *-нича-* (*джентльмен* → *джентльмен-нича/ть/* ‘изображать, разыгрывать из себя джентльмена’ → *джентльменнича-ниј/э/* ‘действие по знач. глаг. джентльменничать’).

-ничек (71 слово) и *-ничóк* (20 слов)

В кругу производных с финалями *-ничек/-ничóк* только 25 слов мотивировано личными именами. Все они относятся к лексическим

дериватам с модификационным (субъективно-оценочным) типом словообразовательного значения, поэтому не имеют в своей структуре протяжённых суффиксов: *сапожничек* ‘уменьш.-ласк. к сапожник’, *союзничек* ‘уничижит. к союзник’, *начальничек* ‘уменьш.-пренебреж. к начальник’, *двойничок* ‘уменьш.-ласк. к двойник’ и др.

-ников/ый/ (65 прилагательных)

Все прилагательные на *-ников/ый/*, кроме *двойниковый*, являются производными не от личных имен, а от неодушевленных существительных с финалью *-ник*, как производных, так и непроизводных: *лёд* → *лед-нйк* → *ледник-ов/ый/* ‘относящийся к леднику’ [БАС], *багульник* → *багульник-ов/ый/* ‘прил. к багульник’ [БАС]. Производное *двойниковый* – единственное прилагательное, выражающее отношение к одушевленному предмету *двойник*⁵⁷, в котором не может быть протяжённого суффикса *-ников/ый/*: *двой/э/* → *двой-ник* → *двойник-ов/ый/* ‘относящийся к двойнику’. Как странно, что при двойниковом почти сходстве получаются столь разные существа. Нагиб. Пик удачи [БАС-2].

-ницк/ий/ (15 прилагательных)

Почти все прилагательные на *-ницк/ий/* являются словообразовательными синонимами прилагательных на *-ничий/о/*: *разбойницкий* (прост.) ‘то же, что *разбойничий*’ [БАС], *чиновницкий* (прост.) ‘то же, что *чиновничий*’ [БАС], *полковницкий* (устар.) ‘то же, что *полковничий*’ [БАС] и др. Выражая отношение или принадлежность к лицу, они не могут иметь в своей структуре протяжённого суффикса: *дворник* → *дворниц-к/ий/* ‘относящийся к дворнику, предназначенный для него’ [БАС-2], *раскольник* → *раскольниц-к/ий/* ‘относящийся к раскольнику, принадлежащий, свойственный ему’ [БАС].

⁵⁷ Существительное *двойник* в языке многозначно и, по сведениям [БАС-2], обозначает как лицо (‘человек, имеющий полное сходство с другим’), так и предмет (‘о чем-л., имеющем полное сходство с чем-либо другим’).

-ничествова/ть/ (3 глагола)

Следует отметить, что чем протяжённее в звуковом отношении морфемная последовательность, тем реже она приобретает в языке статус самостоятельного форманта. Глаголы *соперничествовать*, *совместничествовать*, *причетничествовать* с финалью *-ничествова/ть/* не имеют в своей структуре одноименного протяжённого суффикса.

Производные *соперничествовать* ‘стремиться превзойти кого-либо в чем-нибудь, победить в борьбе за что-либо; состязаться’ [БАС] и (устар.) *совместничествовать* являются стилистическими синонимами. И поскольку они имеют полные словообразовательные цепи, говорить о наличии в их структуре протяжённого суффикса *-ничествова/ть/* не приходится: *соперник* → *сопернич/а-ть/* → *сопернич-еств/о/* → *соперничеств-ова/ть/*, *вместе* → *со-вмест-н/ый/* → *совместн-ик* → *совместнич/а-ть/* → *совместнич-еств/о/* → *совместничеств-ова/ть/*. Даже если на отдельных ступенях деривации происходит исчезновение тех или иных семантических компонентов, результатом подобных преобразований станет лишь полимотивированность определенного звена словообразовательной цепи. Так, например, глаголы *соперничествовать* и *совместничествовать* тождественны по значению глаголам *соперничать* и *совместничать*, что свидетельствует о полимотивированности первых: *соперничествовать* от *соперничество* и *соперник*, *совместничествовать* от *совместничество* и *совместник*. При опосредованной мотивации личными именами в основе глаголов выделяется протяжённый суффикс *-ествова/ть/*: *соперник* → *сопернич-ествова/ть/*, *совместник* → *совместнич-ествова/ть/*, при непосредственной мотивации – суффикс *-ова/ть/*: *соперничество/о/* → *соперничеств-ова/ть/*, *совместничество/о/* → *совместничеств-ова/ть/*.

В прилагательном *причетничествовать* (*причт* → *причетник* ‘младший член церковного причта’ → *причетнич-ествова/ть/* ‘занимать должность причетника’ [БАС]) финаль *-ничествова/ть/* включает два

суффикса *-нич-* + *-ествова/ть/*, поскольку в языке отсутствует промежуточное звено словообразовательной цепи **причетничество*.

Таким образом, анализ производных слов на *-ничаниј/э/*, *-ничек*, *-ничок*, *-ников/ый/*, *-ницк/ий/* и *-ничествова/ть/* показывает, что указанные финали протяжёнными суффиксами не являются, поскольку они членятся на отдельные морфы.

5. Сопоставительная характеристика протяжённых суффиксов с начальными элементами *-тель*, *-ист*, *-ник*

Протяжённые суффиксы с формально различными начальными компонентами могут иметь тождественное лексическое значение, так как они формировались на базе одного и того же конечного суффикса (*-ск/ий/*, *-н/ый/*, *-ств/о/*) или на основе синонимичных суффиксов (*-к/а/*, *-ниц/а/*). Поэтому представляется интересным рассмотреть протяжённые суффиксы под иным углом зрения, сгруппировав их на основе конечного суффикса, а следовательно, и общей семантики. Такой взгляд на протяжённые морфемы позволит выявить сходства и различия как внутри каждой группы аффиксов, так и между этими группами.

Протяжённый суффикс *-истк/а/*
и потенциальный протяжённый суффикс *-тельниц/а/*
со значением лица женского пола

Образование от личных имен мужского рода коррелятов женского рода способом суффиксации может привести к формированию протяжённой морфемы. Так, существительные мужского рода на *-ист* стали источником формирования протяжённого суффикса *-истк/а/*, а личные имена на *-тель* создают условия для появления протяжённого суффикса *-тельниц/а/* со значением лица женского пола. На базе существительных с суффиксом *-ник* протяжённый формант не появился, потому что образование от них

коррелята женского рода путем суффиксации характеризуется не нанизыванием морфем в акте деривации, а усечением мотивирующей основы (*ябедник – ябедница, клеветник – клеветница*).

Поскольку суффикс *-истк/a/*, нерегулярный и непродуктивный в языке, используется носителями русского языка именно в разговорной речи (*консерватистка, гламуристка, вампиристка*), считаем возможным сравнить его с суффиксом *-тельница/a/*, который является потенциальной протяжённой морфемой, потому что функционирует только в некодифицированных единицах (*пилительница, хамительница, голодательница*).

В наименованиях лиц женского пола смежные суффиксы, выражающие значения лица мужского и женского пола, находятся в отношениях энантиосемии, поэтому уже исходная структурная разновидность морфемных комплексов *-истк/a/* и *-тельница/a/* характеризуется десемантизацией первичного аффикса. В языке она может быть представлена только такими лексическими единицами, которые мотивированы непроемными, но членимыми образованиями (*обыватель, дантист*), поскольку только непроемные основы могут удержать в своем составе лишившийся значения суффикс. У производных и свободно членимых основ (*мечтатель, гимназист*) потерявший значение суффикс сливается с дериватором следующей ступени (соответственно *-ниц/a/*, *-к/a/*) в единую морфему в силу развития опосредованной мотивации у нового образования (*мечтательница* ‘женщина, склонная предаваться мечтам’, *гимназистка* ‘ученица гимназии’). В бинарных словообразовательных цепях суффиксы *-истк/a/* и *-тельница/a/* приобретают статус протяжённой морфемы: *суфразж/изм/ → суфразж-истк/a/*, *пережива/ть/ → пережива-тельница/a/*.

Суффиксы *-истк/a/* и *-тельница/a/* как деривационные морфемы со значением лица женского пола не нашли отражения в словарях, что вполне объяснимо. В языке всего три слова с формантом *-истк/a/*: *суфразжистка* – единственная лексема с протяжённым суффиксом, появившаяся в результате деривационного акта, впервые зафиксирована в [СИС 1937]; *модистка*, где

протяжённый суффикс возник вследствие утраты языком производящего *модист*; *камеристка* – заимствованное непроизводное слово, в котором суффикс выделяется на основе его повторяемости с тем же значением в хорошо членимых производных словах. Узуальных образований с формантом *-тельниц/a/* вообще нет. Причиной отсутствия в словарях морфемы *-истк/a/* может являться и сложившаяся в лингвистической науке позиция, согласно которой значение женскости, выражаемое суффиксом, рассматривается как модификационное, при этом, на наш взгляд, совсем не учитываются те семантические преобразования, которые возникают в производных словах.

Протяжённые суффиксы *-тельств/o/* и *-ничеств/o/* с отвлеченным значением

Протяжённые суффиксы *-тельств/o/* и *-ничеств/o/* сформировались на основе вторичного суффикса *-ств/o/*, который присоединялся к основам личных имен на *-тель* (*-тельств/o/*) и *-ник* (*-ничеств/o/*). От существительных на *-ист* протяжённый суффикс в языке не появился, вероятно, по причинам фонетического характера: скопление повторяющихся согласных (*-ист-ств/o/*) создает неблагозвучие речи. Образование протяжённых суффиксов *-тельств/o/*, *-ничеств/o/* сопровождается семантическими и структурными процессами, аналогичными тем, что наблюдаются при формировании суффиксов *-истк/a/* и *-тельниц/a/* со значением лица женского пола.

Уже на первом этапе формирования протяжённого форманта (наличие в слове сочетания двух простых морфем) происходит семантическая нейтрализация первичных суффиксов *-тель* и *-ник* (*приятельство* ‘дружба, приятельские отношения’, *соперничество* ‘стремление победить, превзойти кого-либо в чем-либо’). Это связано с тем, что смежные суффиксы (*-тельств/o/*, *-нич-еств/o/*) характеризуются семантической разнородностью, несопоставимостью (лицо и отвлеченное действие, состояние). Поэтому в

морфемных комплексах *-тельств/o/* и *-ниществ/o/* начальная структурная разновидность тоже представлена лексемами, мотивированными только непроеводными членными образованиями (*приятель, соперник*). В промежуточной зоне названных морфемных комплексов развивается полимотивированность производных, в силу чего потерявший значение первичный суффикс сливается с дериватором *-(e)ств/o/* в единую морфему *-тельств/o/* и *-ниществ/o/* со значением отвлеченного действия или состояния: *предательство* ‘склонность предавать кого-, что-либо’, *пленничество* ‘нахождение в плену’. В мономотивированных образованиях суффиксы *-тельств/o/* и *-ниществ/o/* функционируют как протяжённые морфемы: *издева/ть-ся/* → *издева-тельств/o/*, *захват/чик/* → *захват-ниществ/o/*.

Протяжённый суффикс *-тельств/o/* сложился в языке в XVIII веке, суффикс *-ниществ/o/* появился только в середине XX столетия. Оба суффикса зафиксированы в [ТССЕ]: суффикс *-тельств/o/* назван нерегулярным деривационным средством, суффикс *-ниществ/o/* – достаточно регулярной и продуктивной словообразовательной единицей. С последним утверждением вряд ли можно согласиться, потому что в словаре в качестве примеров приводятся только полимотивированные существительные на *-ниществ/o/* и не представлено ни одного образования с протяжённым суффиксом. Если учесть, что в современном языке насчитывается около 30 производных с протяжённым формантом *-тельств/o/* из 152 единиц (это составляет приблизительно 20% лексем от общего количества) и только 7 существительных с протяжённым формантом *-ниществ/o/* из 175 слов (4%), то более регулярной морфемой следует признать протяжённый суффикс *-тельств/o/*. Последний представлен в [РГ-80] как морф суффикса *-ств/o/*. Оба суффикса (*-тельств/o/* и *-ниществ/o/*), на наш взгляд, являются непродуктивными, поскольку не образуют новые слова.

Протяжённые суффиксы
-тельск/ий/, -истск/ий/, -истическ/ий/, -ническ/ий/
со значением отношения

Максимально возможное количество морфемных комплексов и, соответственно, протяжённых формантов возникло на основе вторичного суффикса -ск/ий/ – -тельск/ий/, -истск/ий/, -истическ/ий/, -ническ/ий/. Это не случайно, потому что суффикс -ск/ий/ в языке является основным средством образования прилагательных от имен лиц.

Первая фаза формирования названных протяжённых формантов всегда представлена последовательностью двух простых аффиксов, каждый из которых сохраняет свое значение – ‘лицо’ (-тель, -ист, -ник) и ‘отношение’ к этому лицу (-ск/ий/): *читательский* ‘относящийся к читателю’, *танкистский* ‘относящийся к танкисту’, *карьеристический* ‘свойственный карьеристу’, *дворнический* ‘относящийся к дворнику, принадлежащий ему’. Промежуточная зона морфемного комплекса, где продолжается формирование протяжённых аффиксов, обычно характеризуется тем, что производное в одном и том же значении обладает множественностью словообразовательной структуры в силу своей полимотивированности. Но у образований на -тельск/ий/, -истск/ий/, -истическ/ий/, -ническ/ий/ эта промежуточная стадия представлена иначе, потому что разница словообразовательной структуры прилагательных определяется различием в семантике, которая, в свою очередь, зависит от контекста: см. *исследователь-ск/ий/ коллектив* и *исследова-тельск/ое/ направление* (гл. III, п. 2.1), *буддист-ск/ий/ семинар* и *будд-истск/ие/ догмы* (гл. III, п. 3.3), *филателист-ическ/ое/ общество* и *филател-истическ/ий/ музей* (гл. III, п. 3.4), *клеветнич-еск/ие/ манеры* и *клевет-ническ/ие/ высказывания* (гл. III, п. 4.3). Первое прилагательное в соотносительных парах выражает отношение к лицу, при этом семантической нейтрализации первичного суффикса не наблюдается; второе прилагательное – к действию или отвлеченному понятию как следствие десемантизации первичного суффикса.

У прилагательных на *-истическ/ий/* промежуточная зона морфемного комплекса может быть представлена и такими образованиями, которые выражают отношение только к отвлеченному понятию при наличии в языке личного имени (*оптимистический* ‘проникнутый оптимизмом, жизнерадостный’), полимотивированность таких прилагательных не зависит от контекста. Таким образом, промежуточная зона формирования протяжённого аффикса, которая всегда характеризуется множественностью мотивации и словообразовательной структуры производного, в образованиях на *-истическ/ий/* представлена двумя ступенями: 1) полимотивированность и полиструктурность слова зависит от наличия/отсутствия семантической нейтрализации первичного суффикса, что, в свою очередь, определяется семантикой слова в контексте; 2) полимотивированность и полиструктурность слова связана с десемантизацией первичного аффикса, в результате которой у производного развивается опосредованная мотивация. Наконец, протяжённые форманты *-тельск/ий/*, *-истск/ий/*, *-истическ/ий/*, *-ническ/ий/* (конечная структурная разновидность морфемных комплексов) возникают как результат не только семантической, но и формальной нейтрализации суффиксов *-тель*, *-ист*, *-ник*.

Протяжённые аффиксы *-тельск/ий/*, *-истск/ий/*, *-истическ/ий/*, *-ническ/ий/* в языке являются нерегулярными и непродуктивными морфемами, каждая из которых представлена в незначительном количестве прилагательных: с формантом *-тельск/ий/* – 6 слов, *-истск/ий/* – 6 слов, *-истическ/ий/* – 13 слов, *-ническ/ий/* – 5 слов. В [РГ-80] суффиксы *-истск/ий/* и *-ническ/ий/* не значатся в списке словообразовательных средств, а суффиксы *-тельск/ий/* и *-истическ/ий/* представлены как морфы суффикса *-ск/ий/*. В более позднем лексикографическом источнике – [ТССЭ] – все названные суффиксы зафиксированы, но автор словаря отмечает, что эти деривационные средства нерегулярны. В неузвальном словообразовании суффиксы *-тельск/ий/*, *-истск/ий/* и *-ническ/ий/* активно используются носителями русского языка, формант *-истическ/ий/* в речи не активен, что

можно объяснить его значительной фонологической протяженностью и книжной стилистической окраской.

Первое прилагательное с протяжённым суффиксом *-истическ/ий/* (*априористический*) было зафиксировано в [САН 1891], хотя другие 12 слов с этим суффиксом отмечаются академическими толковыми словарями только с середины XX столетия, как и образования с протяжёнными суффиксами *-тельск/ий/*, *-истск/ий/*, *-ническ/ий/*. Столь позднее появление в языке протяжённых формантов на базе вторичного суффикса *-ск/ий/* связано, на наш взгляд, с тем, что основное и специфическое значение последнего было значение отношения к роду лиц; для того чтобы выражать отношение к действию или отвлеченному понятию, в русском языке есть другие суффиксы.

Протяжённые суффиксы *-тельн/ый/* и *-истичн/ый/* со значением отношения

Основой формирования протяжённых суффиксов *-тельн/ый/* и *-истичн/ый/* стал суффикс относительных прилагательных *-н/ый/*, особенностью которого является неспособность выражать отношение к лицу. Именно это свойство вторичного суффикса вызывает семантическую нейтрализацию первичных суффиксов *-тель* и *-ист*. Поскольку в XIX веке отмечается семантическое сближение и даже отождествление суффиксов *-н/ый/* и *-ск/ий/* [Очерки: 352], которое проявлялось в том, что прилагательные с этими суффиксами, образованные от одних и тех же основ, совпадали по значению, в русском языке сохранились немногочисленные примеры, в которых суффикс *-н/ый/* выражает отношение к лицу. Эти прилагательные являются иллюстрацией первой структурной разновидности морфемного комплекса *-тельн/ый/*, когда он представлен двумя суффиксами, каждый из которых сохраняет свое значение: *попечительный* (совет) ‘относящийся к попечителю’, *покупательный* (спрос) ‘относящийся к покупателю’ (см. гл. III, п. 2.1). Начальный этап формирования протяжённого

аффикса *-истичн/ый/* в современном языке не представлен вовсе, поэтому одноименный морфемный комплекс является неполным. Зато промежуточную зону обоих морфемных комплексов составляет подавляющее большинство полимотивированных образований на *-тельн/ый/* и *-истичн/ый/*.

Как протяжённый формант суффикс *-тельн/ый/* сформировался ещё в древнерусском языке и в настоящее время функционирует в значительном количестве прилагательных (около 260 единиц), в то время как суффикс *-истичн/ый/* появился в конце XX века и представлен в единственном образовании – *атавистичный*. Не случайно протяжённый суффикс *-тельн/ый/* нашел отражение во всех словообразовательных и морфемных словарях русского языка, тогда как суффикс *-истичн/ый/* словарями не фиксируется. Являясь регулярной словообразовательной единицей, суффикс *-тельн/ый/* – малопродуктивный формант: с развитием рыночной экономики в России появилось прилагательное *понижательный* [РОС] (*понижательный* тренд, *понижательный* риск, *понижательный* эффект), также встречаются немногочисленные окказионализмы, например, *сверкательный* наряд (<http://yatut.wordpress.com>), *баюкательная* песня (<http://dreamsong.ru>), *свежевательный* нож (<http://www.dmitriyzhitenyov.com>).

Две последние группы суффиксов (сформировавшиеся на базе конечных суффиксов *-ск/ий/* и *-н/ый/*) сходны в том, что выражают значение отношения, однако характер выражаемого отношения у аффиксов различный и определяется он внутренним контекстом: суффиксы *-тельн/ый/*, *-тельск/ий/* выражают отношение к действию (*запретительный*, *издевательский*), суффиксы *-истск/ий/* и *-ническ/ий/* – отношение к лицу (*снобистский*, *мазурнический*) или отвлеченному понятию (*вождистский*, *упаднический*), суффикс *-истическ/ий/* – отношение к отвлеченному понятию (*централистический*) или конкретному предмету (*эвфемистический*).

ВЫВОДЫ

Образование в языке протяжённых суффиксов в результате слияния нескольких суффиксальных морфем в одну – закономерный процесс, который свидетельствует об эволюции морфемной системы русского языка: «...морфологические единицы не суть величины постоянные, неизменяемые и неподвижные.., они модифицируются под условиями жизни языка как со стороны своего фонетического состава, так и относительно значения» [Анастасиев 1887: 28].

Чрезвычайная способность суффиксов сочетаться с другими суффиксами [Крушевский 1883: 82] и, таким образом, формировать устойчивые суффиксальные последовательности наблюдается не только в праславянский и древнерусский периоды развития языка, но и в настоящее время – в современном русском языке. Свидетельством тому являются многоморфемные единства⁵⁸, появившиеся на базе личных имен с суффиксами *-тель*, *-ист* и *-ник*.

Суффиксы *-тель*, *-ист*, *-ник* являются наиболее древними и продуктивными морфемами русского языка, которые практически не подвергаются материальному усечению в процессе деривации, а следовательно, вступают в синтагматические отношения с другими суффиксами, образуя морфемные сочетания, что является необходимым условием формирования протяжённых аффиксов. Звуковые последовательности *-тель*, *-ист*, *-ник* стали начальными элементами следующих протяжённых формантов:

⁵⁸ Термин А.И. Кузнецовой [Кузнецова 1987].

<i>первичный суффикс</i>	<i>вторичный суффикс</i>	<i>протяжённый суффикс</i>	<i>примеры</i>
-тель	-н/ый/	-тельн/ый/	<i>увлекательный</i>
	-ск/ий/	-тельск/ий/	<i>надувательский</i>
	-ниц/а/	-тельниц/а/	<i>переживательница</i> ⁵⁹
	-н/ый/+ -иц/а/		<i>плевательница</i>
	-ств/о/	-тельств/о/	<i>вмешательство</i>
-ист	-к/а/	-истк/а/	<i>суфразистка</i>
	-ск/ий/	-истск/ий/	<i>снобистский</i>
	-ическ/ий/ ⁶⁰	-истическ/ий/	<i>априористический</i>
	-ичн/ый/ ⁶⁰	-истичн/ый/	<i>атавистичный</i>
-ник (-нич-)	-а/ть/	-нича/ть/	<i>мародерничать</i>
	-(е)ств/о/	-ниществ/о/	<i>захватничество</i>
	-(е)ск/ий/	-ническ/ий/	<i>упаднический</i>
	-ий/ø/	-ничий/ø/	<i>токарничий</i>

Процесс формирования протяжённых морфем на основе личных существительных на *-тель*, *-ист*, *-ник* имеет черты сходства и различия, которые обусловлены общими и отличительными свойствами первичных и вторичных аффиксов.

Первичные суффиксы *-тель*, *-ист*, *-ник*, ставшие начальными элементами целого ряда протяжённых формантов, имеют сходство в семантике, поскольку выражают значение лица. Однако это сходство не является абсолютным, потому что суффикс *-ист* является однозначным, а суффиксы *-тель*, *-ник* многозначны: помимо значения лица, которое является

⁵⁹ Суффикс *-тельниц/а/* со значением лица женского пола является потенциальной протяжённой морфемой.

⁶⁰ О происхождении протяжённых суффиксов *-ическ/ий/* и *-ичн/ый/*, сформировавшихся на базе простых суффиксов *-ск/ий/* и *-н/ый/*, см. сноски в гл. III, п. 3.4 и п. 3.5.

для них первичным, могут обозначать и предмет. Все три суффикса сформировались в глубокой древности в результате явления переразложения и, по сути, являются протяжёнными. Суффиксы *-тель* и *-ник* (славянского происхождения) образовались на основе двух суффиксов (*-тель* < *-t-+ -elъ*, *-ник* < *-ъn-+ -ikъ*), суффикс *-ист* (иноязычного происхождения) – в результате слияния двух последних фонем глагольной основы и суффикса (*ист* < *-iσ-+ -τ*). В современном языке только суффикс *-ник* сохранил прозрачность своей структуры, неоднородность которой осознаётся носителями русского языка. Обладая одинаковой семантикой лица, суффиксы образуют имена от различных по характеру (частеречной принадлежности) основ: суффикс *-тель* сочетается только с глагольными основами, суффикс *-ист* – с именными (субстантивными и реже адъективными), суффикс *-ник* – и с теми, и с другими.

В основе формирования всех протяжённых формантов, появившихся в языке на базе личных существительных с суффиксами *-тель*, *-ист*, *-ник*, лежит явление полной семантической нейтрализации этих первичных суффиксов. Они утрачивают семантику лица, оказавшись в неконечном положении (слабая позиция для морфемы) в составе полисуффиксального производного. Перестав быть значимой единицей, суффиксы теряют способность к самостоятельному функционированию и превращаются в левые наращения конечных (вторичных) суффиксов. Причиной такого переразложения является развитие полимотивированности у производного слова. Эта общая схема образования протяжённых аффиксов в каждом конкретном случае характеризуется своими особенностями.

У протяжённых формантов *-истк/a/*, *-тельниц/a/* (лицо женского пола), *-тельств/o/*, *-ничеств/o/*, *-тельн/ый/*, *-нича/ть/* десемантизация первичного суффикса наблюдается уже на первой стадии их формирования, что обусловлено семантическим противоречием, которое возникает между смежными суффиксами. У протяжённых формантов *-тельск/ий/*, *-истск/ий/*,

-истическ/ий/, *-ническ/ий/*, *-ничий/ø/* семантическое выветривание начинается не на первом этапе их формирования, поскольку суффиксы *-ск/ий/* и *-ий/ø/* изначально выражали в языке отношение к лицу, а лишь в промежуточной зоне морфемного комплекса под влиянием контекстного окружения. У протяжённых суффиксов *-истичн/ый/* и *-тельниц/а/* с предметным значением начальный этап формирования протяжённой морфемы не представлен вовсе, поэтому одноименные морфемные комплексы являются неполными.

В результате семантической нейтрализации первичного суффикса в языке формируются протяжённые словообразовательные средства, которые по семантике тождественны вторичному суффиксу, на базе которого они образовались. Протяжённый суффикс, таким образом, представляет собой служебную морфему, сформировавшуюся в языке на базе устойчивой суффиксальной последовательности в результате переразложения, протяжённую по форме, поскольку генетически восходит к двум (реже трем) простым суффиксам, и тождественную по семантике вторичному суффиксу вследствие семантической нейтрализации первичного суффикса (первичных суффиксов).

Протяжённые форманты различаются временем своего появления в языке, а также степенью регулярности и продуктивности. Наиболее древним является протяжённый суффикс *-тельн/ый/*, он же является и самой регулярной, хотя и малопродуктивной морфемой из числа описанных. Можно говорить о высокой регулярности суффиксов *-тельств/о/* и *-нича/ть/*, которые сформировались в XVIII веке, последний характеризуется и высокой продуктивностью. Протяжённые форманты *-истк/а/*, *-ниществ/о/*, *-тельск/ий/*, *-истск/ий/*, *-ническ/ий/*, *-истичн/ый/*, *-ничий/ø/* появились в XX столетии и не отличаются регулярностью и продуктивностью в языке. Несмотря на это, протяжённые суффиксы *-тельск/ий/*, *-истск/ий/*, *-ническ/ий/*, *-истк/а/* в речи весьма востребованы и функционируют во многих некодифицированных

единицах. Суффикс *-тельница/a/* (со значением лица женского пола) используется только в речи, поэтому является потенциальной протяжённой морфемой.

Наиболее полный список протяжённых суффиксов, сформировавшихся на базе личных имен на *-тель*, *-ист*, *-ник*, представлен в «Толковом словаре словообразовательных единиц...» Т.Ф. Ефремовой [ТССЕ]. В нем отсутствуют только три суффикса (*-истк/a/*, *-истичн/ый/*, *-ничий/o/*), которые функционируют в единичных образованиях (*суффражистка*, *модистка*, *камеристка*; *атавистичный*; *токарничий*), не принадлежащих к активному словарному запасу языка.

От протяжённых аффиксов следует отличать последовательности морфем, или морфемные сочетания, которые образуют в словах так называемые устойчивые «морфемные блоки». Принципиальное отличие протяжённого суффикса от морфемного блока заключается в том, что последний не функционирует в языке в качестве самостоятельного деривационного форманта в мономотивированных образованиях. Однако устойчивое морфемное сочетание со временем вполне может стать полноценным словообразовательным формантом.

Первичный суффикс *-тель* участвует в образовании наибольшего количества устойчивых морфемных сочетаний, поэтому можно сказать, что он обладает высокой валентностью. По сведениям «Словаря морфем русского языка» А.И. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой [СМРЯ], таких морфемных блоков семь: *-тельность*, *-тельственн/ый/*, *-тельствова/ть/*, *-тельствованиj/э/*, *-тельствованн/ый/*, *-тельствующ/ий/*, *-тельш/a/* (см. гл. III, п. 2.4). Шесть морфемных сочетаний образует первичный суффикс *-ник*: *-ничаниj/э/*, *-ничек*, *-ничóк*, *-ников/ый/*, *-ницк/ий/*, *-ничествова/ть/* (см. гл. III, п. 4.5). Все морфемные сочетания с первичным суффиксом *-ист* в современном языке являются протяжёнными формантами.

<i>первичный суффикс</i>	<i>количество морфемных блоков</i>	<i>количество протяжённых суффиксов</i>
-тель	7	4
-ник	6	4
-ист	—	4

Наличие в производных словах устойчивых морфемных сочетаний свидетельствует о том, что в языке есть потенциальная возможность появления новых словообразовательных средств. Многие морфемные блоки, которые функционируют и как единое целое, и как сочетание суффиксов в полимотивированных образованиях, представляют собой потенциальные морфемные комплексы, способные оформиться в новый протяжённый формант.

Глава IV

ПРОТЯЖЁННЫЕ ПРЕФИКСЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Формально-семантическое своеобразие приставки в русском языке

Роль приставок значительна прежде всего в сфере глагольного словообразования. Не случайно изучение именно глагольных приставок имеет долгую историю в лингвистике и, в частности, в русистике.

Приставки в русском языке практически не образуют протяжённые форманты. Это объясняется тем, что приставка как значимая часть слова, в отличие от суффикса, характеризуется большей самостоятельностью, независимостью в составе слова. Эта особенность приставок, которая во многом определяется их препозитивным положением в слове, была отмечена ещё Н.В. Крушевским в «Очерке науки о языке» [Крушевский 1883].

С формальной точки зрения приставки отличаются «чрезвычайной устойчивостью и неподвижностью», в чем проявляется их автономность по отношению к другим морфемам в слове. С одной стороны, приставки не могут иметь «вариаций морфологического происхождения», «вся история их сводится к незначительным фонетическим изменениям» [Крушевский 1883: 83, 106] (*рас-тратить*, но *раз-дарить*; *под-бирать*, но *подо-брать*); с другой – они не оказывают влияния на звуковой состав последующих морфем слова, за исключением фонетического чередования [и]/[ы] после приставок на твердый согласный (*интересный* – *без-ынтересный*, *история* – *пред-ыстория*). Если приставка имеет побочное ударение в слове, то в ней отсутствуют и позиционные изменения гласных звуков (*до́-монополисти́ческий*, *ме́ж-национа́льный*, *по́сле-операццо́нный*).

Внешняя (формальная) устойчивость префикса, по мнению Н.В. Крушевского, объясняется, во-первых, его относительной звуковой

бедностью, которая препятствует возникновению каких-либо значительных формальных разновидностей, поскольку «они были бы мало похожи друг на друга» и «мало имели бы шансов чувствоваться разновидностями одной морфологической единицы»; во-вторых, «префиксу свойственно столь простое и определенное значение, что могущие возникнуть разновидности звуковые не понадобились бы для каких-либо разниц внутренних» [Там же: 84].

И в семантическом отношении префиксы отличаются достаточной самостоятельностью. Это связано прежде всего с их происхождением: приставки в русском языке генетически восходят к самостоятельным словам – предлогам (*без греха* – *безгрешный*, *под снегом* – *подснежник*) и (реже) частицам (*не иметь* – *неимущий*). «Реальное значение многих приставок, – пишет Н.М. Шанский, – соотносительно с пространственно-временным значением предлогов» [Шанский 1959: 102].

Исследования древнейшего периода истории индоевропейского языка [Мейе 1951; Шахматов 2001; Кузнецов 1959] показывают, что префиксы, как и предлоги, восходят к знаменательным словам – древним наречиям, поэтому приставки обладали самостоятельным значением, «им изначально отводилась роль выразителя смысла, а не грамматического показателя» [Дмитриева 2001: 184]. На исходную лексическую самостоятельность префиксов и присущую им семантическую роль указывал А. Мейе: «В общеиндоевропейском языке приставки были отдельными словами, игравшими в предложении вспомогательную роль, вследствие чего они стремились сочетаться со словами, которым придавали более точное значение... Сочетаясь то с именем, то с глаголом, приставки обнаруживали... тенденцию сближаться со словом, значение которого они уточняли. Таким образом, в индоевропейских языках сложились два типа: тип предлогов – сочетание приставки с... именем и тип приставок в собственном смысле слова – сочетание приставок с последующим глаголом» [Мейе 1951: 234]. Из сказанного ясно, что генетическая и структурно-семантическая близость префиксов и предлогов кроется в их происхождении.

В некоторых индоевропейских языках, например в немецком, глагольные префиксы и в настоящее время проявляют относительную независимость, которая проявляется в том, что приставки способны отделяться от глагола в определённых конструкциях. Так, у глаголов *zumachen* ‘закрывать’, *aussehen* ‘выглядеть’ в предложениях *Ich mache die Tür zu* (Я закрываю дверь), *Sie sehen gut aus!* (Вы хорошо выглядите!) отделяемые приставки **zu** и **aus** ставятся в конец предложения.

Образуя новую лексику в рамках внутрикатегориального словообразования, приставка «не сливается полностью с семантикой производящего слова» [Богданович 1999: 145], а лишь уточняет ее, внося некоторые дополнительные оттенки: указывает на направление действия (*в-бежать*, *вы-бежать*), начало действия (*по-ехать*, *за-шуметь*), меру и степень признака (*сверх-секретный*, *пре-забавный*) и т.п. Таким образом, приставка, не влияя существенно на лексическое значение исходного слова, обычно только модифицирует его семантику.

Семантическая самостоятельность приставки особенно ярко проявляется в словах с «семантически опустошенной» основой (*раздраконить*, *распатронить*) [Капанадзе, Красильникова 1975: 119] или в глаголах с «несуществующими» корнями (*зафиндилить*, *отволохать*) [Кронгауз 1998: 26], где префикс становится семантическим центром слова и определяет общее значение глагола. О семантической самостоятельности префиксов свидетельствует и их способность употребляться «в чистом виде», без глагольной основы: «– Ты уходишь? – Нет, **прí**» [Капанадзе, Красильникова 1975: 130]; «Проблема подарков: лучше **недо-** чем **пере-?**» /заголовок статьи/ (<http://drevo-folk.kiev.ua>). Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильникова обращают внимание на то, что «обнаруживается отдельность языкового кодирования информации, которую несет приставка, и информации, которую несет корень. На стык префикса и корня приходится информационная граница, ощущаемая говорящим» [Капанадзе, Красильникова 1975: 134].

Семантическая «свобода» префиксов проявляется и в том, что их употребление «не ограничивается одной какой-нибудь категорией слов – оно повсеместно» [Крушевский 1883: 83]. В способности префикса с одинаковым значением присоединяться к словам различных частей речи (*сверх-скорость* и *сверх-прочный*; *не-друг*, *не-красивый* и *не-легко*) Н.В. Крушевский видит агглютинативный характер связи аффикса с корневым элементом: «большинство префиксов агглютинируется к словам разных категорий», «мы видим здесь тот же принцип сочетания, что в языках агглютинационных, напр., в татарском: там суффикс, напр. *лар*, одинаково образует множественное число в словах разных категорий» [Там же: 85, 83].

Большую лексичность (а следовательно, и семантическую самостоятельность) приставок по сравнению с суффиксами неоднократно подчеркивала Е.А. Земская: «в факте отсутствия нулевых приставок обнаруживается резкое различие между суффиксами и приставками, большая лексичность последних», «все... различия между приставками и суффиксами свидетельствуют... о большей лексичности приставок» [Земская 1973: 41, 43].

Префиксы, будучи независимыми от влияния флексий, не несут информации о грамматических свойствах⁶¹ слова и не выполняют классифицирующей функции. Образование новых слов с помощью префиксов всегда находится в сфере внутрикатегориального словопроизводства⁶².

Таким образом, исторически восходя к самостоятельным словам, префиксы в значительной мере сохраняют свою формальную и семантическую автономность. Не случайно «русские приставки выделены среди остальных морфем уже лишь тем, что входят в словники всех больших

⁶¹ Префиксы могут влиять лишь на те грамматические категории глагола, которые не определяются флексиями, например вид, переходность/непереходность (ср.: *плыть* – несов., неперех. и *пере-плыть* – сов., перех.).

⁶² И.С. Улуханов отмечает редкие случаи изменения части речи в результате префиксации при образовании неизменяемых частей речи: *вне* (предлог) → *извне* (наречие), *медля* (деепричастие) → *немедля* (наречие), *верх* (сущ.) → *поверх* (наречие) и некоторые др. [Улуханов 1996: 188].

толковых словарей и толкуются наравне с отдельными лексемами» [Кронгауз 1995: 36].

В русском языке префиксы нередко используются как «вторичное или третичное средство варьирования семантики одноприставочных (монопредфиксальных) глагольных образований» [Ройзензон 1966: 87]: *при-у-молкнуть*, *по-из-ветшать*, *по-о-смотреться* и др. Глагольная полипрефиксация вызывает живой научный интерес, так как представляет собой исторически развивающееся и достаточно распространенное языковое явление, результаты которого зафиксированы на разных этапах развития славянских языков. Проблеме глагольной полипрефиксации, выявлению синтагматических свойств глагольных приставок посвящено большое количество работ таких авторов, как Л.И. Ройзензон [Ройзензон 1966, 1967, 1970, 1974], Г.А. Волохина, З.Д. Попова [Волохина, Попова 1993], В. Беляков, М. Гиро-Вебер [Beliakov, Guiraud-Weber 1997], В. Беляков [Беляков 2001], О.Ю. Крючкова [Крючкова 2000], Ю.В. Королева [Королева 2003], Ю.В. Филь [Филь 2011] и др.

Несмотря на относительную активность глагольной полипрефиксации, особенно в живой речи, префиксы «далеко не отличаются той способностью сочетаться друг с другом, какой отличаются суффиксы» [Крушевский 1883: 84]. Эту «неспособность» приставок к образованию протяжённых формантов Л.И. Ройзензон назвал специфической особенностью славянской глагольной полипрефиксации.

Взаимодействие приставок в полипрефиксальном глаголе, по словам Л.И. Ройзензона, представлено тремя разновидностями: 1) «сложение смыслов» (*повыбегать*, где к основному лексическому значению глагола *бегать* прибавляется экскурсивное значение первичного префикса *вы-* и дистрибутивное значение вторичного префикса *по-*); 2) деривационно-семантическая абсорбция, когда вторичная приставка поглощает значение первичной приставки (*провозгласить*); 3) взаимодействие усилительно-стилистического типа (русс. народ. *повыхать в чисто поле*) [Ройзензон

1972: 252]. Однако ни один из названных типов взаимодействия дериватом не приводит к формированию протяжённых префиксов, даже деривационно-семантическая абсорбция. Надо полагать, это связано с тем, что при деривационно-семантической абсорбции за первичной приставкой сохраняются «строго определенные функции»: «строительная» – связь вторичной приставки с корнем (*принахмуриться*); деривационно-семантическая – нейтрализация полисемии глагольной основы (*принакрыть* ‘прикрыть только сверху’, тогда как *прикрыть* может интерпретироваться и как ‘накрыть сверху’, и как ‘накрыть сбоку’); функция создания фонационно-ритмической прочности, без которой глагол может подвергаться разрушительным воздействиям разных морфологических процессов [Ройзензон 1970: 63-64]. Таким образом, функциональная значимость первичного префикса позволяет ему сохранить свою самостоятельность в слове.

Деривационно-семантическая абсорбция в многоприставочных глаголах, на наш взгляд, имеет некоторые общие черты с семантической нейтрализацией суффиксов в полисуффиксальных производных, поскольку первичный суффикс, становясь компонентом протяжённого форманта, тоже выполняет «строительную» функцию, расширяя сочетаемостную базу последнего (см. гл. II, п. 5). Но двух других функций первичный суффикс не выполняет. Напротив, присоединение первичного суффикса к производящей основе нередко создает полисемию производного (*распределитель* – ‘лицо’ и ‘устройство’, *птичник* – ‘работник’ и ‘помещение’, *классификатор* – ‘специалист’ и ‘прибор’, *тральщик* – ‘лицо’ и ‘судно’), которая может сниматься при вторичной суффиксации (*классификаторщик* – только ‘лицо’).

Подводя итог сказанному, отметим, что ограниченное количество протяжённых префиксов в русском языке объясняется, во-первых, малым количеством самих префиксальных морфем по сравнению с суффиксальными: «благодаря повсеместному употреблению самое число

префиксов несравненно меньше числа суффиксов» [Крушевский 1883: 83]; во-вторых, относительной формальной и семантической самостоятельностью приставок в слове; в-третьих, тем, что в полипрефиксальных глаголах «значения чаще всего приклеиваются друг к другу по способу "сочетания смыслов", т.е. приращения одного значения к другому» [Ройзензон 1970: 93], в чем проявляются агглютинативные черты фузионного по типу русского языка. Но поскольку внутренние грамматические ресурсы славянских языков мобилизуются для разрушения агглютинативных черт, в борьбе двух противоположных тенденций – агглютинативной и фузионной – все же рождаются протяжённые префиксы: «из сотен и тысяч возможных префиксальных комбинаций в качестве устойчивых деривационных префиксальных комплексов закрепилось в арсенале дериваторов лишь несколько таких сочетаний» [Там же: 91].

В «Русской грамматике» зафиксировано шесть протяжённых префиксов: *недо-*, *обез-*, *небез-*, *поза-*, *сыз-*, *испод-* [РГ-80: 754], среди которых единственно регулярными и производящими Н.М. Шанский считает только две приставки – *недо-* и *обез-* [Шанский 1959: 101]. Некоторые исследователи относят к протяжённым также префиксы *распре-* (*распределить*, *распрелютый*) [Немченко 1994: 183; Земская 1962: 51], *наис-* (*наискось*), *проис-* (*проистекать*) [МСРЯ: 25]. Все ли названные префиксы являются самостоятельными деривационными формантами – одна из задач, которую предстоит разрешить. Для этого необходимо установить, где проходит морфемная граница в слове и соответственно сколько приставок в нем выделяется.

2. К вопросу о конфиксе. Конфикс и протяжённый аффикс

Приставки активно участвуют в образовании новых слов не только как самостоятельное словообразовательное средство, но и как составная часть

более сложных единиц системы словообразования – конфиксов⁶³ (или циркумфиксов⁶⁴): *под-окон-ник* (конфикс *под-...-ник*), *без-дом-н/ый/* (конфикс *без-...-н/ый/*) и т.п. Протяжённые приставки в этом отношении не являются исключением. Поскольку в лингвистической науке сложилось неоднозначное отношение к понятию «конфикс», поясним нашу точку зрения на этот вопрос.

Некоторые ученые, в частности представители Казанской лингвистической школы, под конфиксом понимают «двуаффиксную морфему, выполняющую те же функции, что и суффикс и префикс, то есть служащую материалом единичного акта морфологического словопроизводства» [Марков 1967: 60]. Таким образом, конфикс считается единой морфемой, которая состоит из двух дистантно расположенных элементов – приставки и суффикса (или постфикса): «сохраняя статус морфемы, аффикс меняет свое качество: он становится прерывистым, двуэлементным» [Николаев 2011: 56]. Основанием для выделения подобного рода прерывистых морфем ученые считают «принцип бинарности структуры слова, обоснованный Г.О. Винокуром», и наличие «единого типового значения (словообразовательного или грамматического)» [Маркова 2003: 93]. Использование конфикса в процессе словообразования называется конфиксацией: *окн/о/* → *под-окон-ник*, *дом* → *без-дом-н/ый/* («двустороннее осложнение производящей основы в процессе формирования производного слова» [Марков 1967: 60]).

Другие ученые (Е.А. Земская, А.Н. Тихонов, В.Н. Немченко) не видят необходимости вводить в лингвистический обиход ни понятия «конфикс», так как наличие прерывистых морфем не характерно для русского языка, ни понятия «конфиксация», потому что в научной традиции уже

⁶³ Впервые термин «конфикс» был введен Н.В. Юшмановым для обозначения прерывистой формообразующей морфемы по отношению к семитским языкам [Юшманов 1999], впоследствии этот термин использует В.М. Марков для обозначения прерывистой словообразующей морфемы в русском языке [Марков 1967: 60; Марков 1968].

⁶⁴ Термин ввел И.А. Мельчук [Мельчук 1963: 34].

используется понятие и термин «приставочно-суффиксальный способ» словообразования, при этом приставка и суффикс рассматриваются как две морфемы, участвующие в едином акте деривации [Земская 1973: 31]. В соответствии с этой точкой зрения конфикс следует понимать не как единую прерывистую морфему, а как морфемное сочетание, в котором «префикс и суффикс четко разделены не только формально, но и семантически, в самом словообразовательном значении, которое является именно суммой значений составляющих аффиксов» [Лопатин, Улуханов 1969].

Однако не следует ставить знак равенства между сочетанием морфем, являющихся составными частями конфикса, и самостоятельными префиксами и суффиксами. Будучи структурными элементами конфикса, приставки и суффиксы как морфемы в некоторой степени утрачивают свою самостоятельность. Это отражается на роли и значимости аффиксов при формировании нового конфиксального образования. Исследователи отмечают, что основную семантическую нагрузку несет начальный элемент конфикса (приставка), в то время как финальный элемент конфикса (суффикс) выполняет классифицирующую функцию – оформляет частеречную принадлежность слова, относя его в класс предметных, личных или абстрактных существительных, относительных прилагательных, транзитивных или интранзитивных глаголов [Николаев 2001; Шуба 1975]. Обращается внимание и на то, что система собственно префиксов и система префиксов, употребляющихся в функции первых компонентов конфикса, не покрывают друг друга, поскольку есть префиксы, которые не встречаются в составе конфиксов (*над-*, *со-* в глаголах; *пере-*, *сверх-* в существительных и др.), и, наоборот, существуют префиксы, употребляющиеся только как начальные элементы конфиксов (*обез-* в глаголах; *из-*, *меж-* в существительных и проч.). А система суффиксов, используемых в качестве второго компонента конфикса, вообще значительно беднее системы собственно суффиксов, употребляющихся при словообразовании [Шуба

1975: 250, 252]. Таким образом, отсутствие полного тождества между составными частями конфикса и самостоятельными префиксами и суффиксами позволяет заключить, что это «родственные, генетически связанные, но в известной степени самостоятельные системы деривационных средств языка» [Там же: 253].

В данном исследовании термины «приставочно-суффиксальный способ» и «конфиксальный способ» образования слов употребляются как синонимичные. Конфикс понимается как единица словообразовательного уровня языка – комплексный словообразовательный формант. И поскольку «единство конфикса – не материальное, а лишь функциональное» [Шуба 1975: 253], конфикс не рассматривается как единица морфемики, так как представляет собой совокупность морфем (приставки и суффикса).

Составной частью конфикса может оказаться как простой, так и протяжённый аффикс. Поскольку протяжённый аффикс исторически складывается на базе морфемных сочетаний, следует пояснить, в чем состоят существенные различия между протяжённым аффиксом и конфиксом. Протяжённый аффикс возникает, во-первых, из сочетания только гомогенных морфем (приставка+приставка, суффикс+суффикс) и, во-вторых, из совокупности контактно расположенных морфем. Конфикс всегда представляет собой комплекс гетерогенных морфем (приставка и суффикс, приставка и постфикс), которые характеризуются дистантным расположением в слове. Сформировавшийся протяжённый аффикс представляет собой протяжённую по форме, но простую по значению морфему (см. гл. I, п. 2.3.2), а следовательно, уже не является сочетанием морфем. Поэтому протяжённый аффикс, в отличие от конфикса, является единицей не только словообразования, но и морфемики.

Протяжённые префиксы как одна из разновидностей протяжённых аффиксов участвуют в образовании новых слов и как самостоятельные деривационные форманты, и как структурные элементы конфиксов.

Обратимся к конкретному языковому материалу.

3. Протяжённый префикс *недо-* как результат частичной семантической нейтрализации предшествующего префикса

Образования с начальным компонентом *недо-* являются фактами глубокой древности, о чем свидетельствуют памятники письменности старославянского и древнерусского языков. В старославянских рукописях X–XI вв. представлены глаголы *недовѣдѣти*, *недомыслити* ‘не понимать’, *недокончати* ‘не окончить, не завершить’, *недостати* ‘недостать, не хватить’, *недоимѣти* ‘не иметь в достаточном количестве’ [СС X–XI вв.]. К началу национального периода развития русского литературного языка количество глаголов с компонентом *недо-* значительно возросло. В [СРЯ XI–XVII вв.] зафиксировано не менее 50 глаголов: *недобратьи*, *недовезти*, *недогрузити*, *недодавати*, *недокупити*, *недолюбливати*, *недоподняти*, *недоразумѣти*, *недородитися*, *недорубити*, *недостѣвати*, *недослати*, *недосмотрѣти*, *недоставити* ‘недостроить’, *недоуѣнити* и др.

В современном русском литературном языке словообразовательный тип глаголов с протяжённым префиксом *недо-* насчитывает около 100 глаголов [СРЛ]. В качестве мотивирующих выступают преимущественно переходные бесприставочные глаголы несовершенного вида (*солить* → *недосолить*, *кормить* → *недокормить*), реже – глаголы совершенного вида: 1) исконно бесприставочные (*дать* → *недодать*, *кончить* → *недокончить*); 2) с генетической приставкой (*получить* → *недополучить*, *сказать* → *недосказать*); 3) приставочные (*укомплектовать* → *недоукомплектовать*, *оценить* → *недооценить*). Два глагола мотивированы двувидовыми глаголами (*оборудовать* → *недооборудовать*, *использовать* → *недоиспользовать*). Все глаголы с префиксом *недо-*, образованные от указанных мотивирующих, являются глаголами совершенного вида. Большинство из них имеет сильное управление беспредложным винительным падежом (*недоработать проект*, *недождать штангу*).

Протяжённый префикс *недо-* в глаголах имеет значение «не полностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом, не довести его до необходимой нормы» [РГ-80: 362]. Неполнота действия, проявляющаяся в отсутствии достаточной нормы, связана в глаголах с недостатком количества чего-либо (*недоплатить, недобрать, недогрузить, недокормить*), с недостатком протяженности чего-либо во времени (*недодержать, недоспеть, недоспать, недокиснуть*), с недостаточной степенью интенсивности действия (*недоглядеть, недосмотреть, недослышать, недовидеть*). Выделенные семантические группы глаголов неодинаковы по объему, наиболее многочисленной является первая группа глаголов.

Формирование в словообразовательной системе русского языка протяжённого префикса *недо-* стало возможным на базе глаголов с префиксом *до-*, однако не все они участвовали в этом процессе, что в немалой степени объясняется семантикой префикса.

Первичным значением префикса *до-*, который материально связан с соответствующим предлогом и генетически восходит к нему, было значение пространственного предела (*добѣжати, долѣзти, доплыти*). Указанная семантика приставочных образований препятствовала слиянию глагольной основы с отрицательной частицей *не*, а следовательно, и формированию протяжённого префикса *недо-*. В современном русском языке к этой группе глаголов относится многочисленная группа производных с префиксом *до-* от глаголов движения (*бежать, брести, везти, вести, гнать, ехать, идти, катить, лететь, нести, плыть, ползти, тащить* и т.д.), для которых характерно всегда раздельное написание с отрицательной частицей (*не добрести, не доехать, не долететь* и т.п.).

Тем не менее от одного бесприставочного глагола движения образован в языке глагол с префиксом *недо-*: *везти* → *недовезти*. Данное образование оказалось возможным на базе одного из производных значений многозначного глагола *везти* ‘передвигаясь, перемещаясь, доставлять кого-, что-либо куда-либо’ [МАС]. Объект в винительном падеже, которым

управляет переходный глагол *везти*, обозначает то, что может быть измерено в количественном отношении, поэтому глагол *недовезти* имеет значение ‘привезти что-либо в меньшем количестве, чем положено’ [БАС] (*недовезти хлеба*). Значение ‘перемещая(сь), доставлять что-либо куда-либо’ имеют также переходные глаголы движения *нести* и *тащить*, однако их словообразовательный потенциал не реализован, поэтому в языке отсутствуют глаголы **недонести*, **недотащить* со значением ‘принести, притащить что-либо в меньшем количестве, чем положено’, хотя их образование в языке при наличии общественного и индивидуального заказа вполне реально.

Глагол *недовезти* имеет омофоничное написание *не довезти*, различное написание глаголов обусловлено разницей в семантике: *недовезти* ‘привезти что-либо в меньшем количестве, чем положено’ и *не довезти* ‘не доставить до какого-либо места’. Оба написания (слитное и раздельное) зафиксированы еще в памятниках XVII в.:

А привезли они, на нынѣшней на 115 годѣ, нашего ясаку къ намѣ, къ Москвѣ, три сорока и одинъ соболь, а недовезли противъ прошлого 114 году сорока и девяти соболей (АИ II, 102. 1607 г.). – *И хто имяны ссылные жѣ люди противъ указу великихъ государей в Тоболескъ не довезены ... и то писано в сей ростиси* (Росп. ссыл. Тобол., 41. 1661 г.) [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 11].

Не только семантические, но и структурные особенности препятствовали слиянию частицы *не* с префиксом *до-*. Так, не могли участвовать в образовании протяженного префикса *недо-* глаголы, основа которых подверглась процессу опрощения в силу того, что префикс *до-* перестал вычленяться из состава основы (*добыть*, *доказать*, *докучать* и др.). Эта немногочисленная группа глаголов в современном русском языке также всегда пишется с *не* раздельно: *не добыть славы*, *не доказать правоту*, *не докучать окружающим*. Даже семантика количественной неполноты действия не приводит к слитному написанию этих глаголов: *За 6 месяцев*

текущего года к государственному заказу не добыто 2,5 млн. тонн нефти... (Е. Гайдар. Гибель империи, 2006) [НКРЯ].

Вторичными значениями префикса *до-* в древнерусском языке были значения завершенности действия (*добити, довершити, докончати*), добавочного совершения действия с целью довести его до определенной нормы (*добрати, докупити, доплатити*), высокой интенсивности действия (*дознати, доискати, домолитися*). Основой для формирования протяжённого префикса *недо-* могли стать только такие глаголы с префиксом *до-*, «семантика которых допускала изменение в законченности, пределе, норме или интенсивности действия» [Черепанов 1965: 82].

Формирование протяжённых аффиксов – длительный языковой процесс. Фонологически тождественная последовательность *недо-* представлена в истории языка то как отрицательная частица *не* и префикс *до-*, то как сочетание двух самостоятельных приставок *не-+до-*, то как целостная фонологически протяжённая единица *недо-*, что отражает этапы формирования нового протяжённого префикса, которые можно представить в виде такого последовательного ряда: *делать* → *до-делать* → ***не доделать*** → ***не-доделать*** → ***недо-делать***.

В связи с тем, что до XIX в. орфография не была предметом особого, пристального изучения, строгие правила правописания частицы *не* с глаголами (а также с другими частями речи) отсутствовали. Памятники письменности отражают двойное написание (слитное и раздельное) глаголов с *не* в одном и том же значении:

НЕДОУМѢТИ (также раздельно). Не обладать умением, быть неспособным к чему-либо.

И мудрость книжника наук чѣм недоумѣет, То исполнять дитя умѣет Нерѣдко в простотѣ своей (Всткв Ст. 201). – *Я чту... и мысль благоговѣет, Чудясь Предвѣчнаго дѣлам, Язык вѣщать не доумѣет.* (Кстрв Соч. 6) [СРЯ XVIII в.: Вып. 14].

Поскольку в памятниках частица *не* нередко изображалась на письме слитно с глаголом и фактически выступала в роли приставки, выражающей отрицание, в словарях, отражающих лексику письменных источников XI–XVIII вв., глагол с *не* нередко представлен как единая лексема, несмотря на то что этот же глагол существует в языке и без *не*:

НЕДОНЯТИ. Недополучить, недобрать. *У всякого ста недоимут по шти рублей* (Ср.: **ДОНЯТИ.** Добрать то, что ещё надлежит получить [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 4]).

Таким образом, колеблющееся написание частицы-приставки *не* с глаголами явилось одной из предпосылок формирования нового морфемного комплекса.

Слитное написание отрицания *не* с глаголом приводит к структурному объединению частицы с префиксальной основой. Отрицательная частица *не*, занявшая позицию приставки, первоначально сохраняет значение отрицания действия, выраженного глагольной основой. Таким образом, в новой глагольной основе, имеющей в своем составе два префикса (*не-* и *до-*), каждый префикс сохраняет свое индивидуальное значение, и поэтому оба префикса являются равнозначными в словообразовательной структуре глагола: *вѣдати* ('знать') → *до-вѣдати* ('познать') → *не-довѣдати* ('не узнать, не дознаться'), *мочи* ('быть в силах, в состоянии') → *до-могати* ('быть здоровым') → *не-домогати* ('не быть здоровым'), *мыслити* ('думать') → *до-мыслити* ('понять, додуматься') → *не-домыслити(ся)* ('не понимать, не постигать') [СРЯ XI–XVII вв.].

Эта фаза формирования протяжённого аффикса современными глаголами не представлена. Глаголы, в которых приставка *не-* сохраняла значение отрицания, либо вышли из употребления, либо утратили семантические связи с однокорневыми словами и перестали члениться, подвергшись процессу неполного опрощения. Сюда относятся глаголы,

которые без *не* в современном языке не употребляются (например, *недомогать, недоумевать*).

Следующий этап формирования протяжённого аффикса связан с тем, что префиксы *не-* и *до-* перестают быть равнозначными в глаголе. Это обусловлено неравномерным распределением информативной нагрузки морфем в слове [Морозова 1972: 207]. Семантическая нагрузка в производном слове, имеющем в своем составе две приставки (или два суффикса), концентрируется на корневой морфеме и крайней служебной морфеме – вторичной приставке (или конечном суффиксе). Семантический вес крайней служебной морфемы объясняется ее словообразующей функцией – созданием слова с новым значением. Поскольку префикс *до-*, попадающий в положение между корнем и крайней служебной морфемой (приставкой *не-*), утрачивает свою деривационную функцию, он становится частью производящей основы, поэтому его семантика ослабевает и может быть подвержена влиянию соседней морфемы. Приставка *не-*, находящаяся в сильной позиции, взаимодействует с корнем, частично нейтрализуя при этом семантику промежуточной морфемы (префикса *до-*).

Поскольку глаголы с префиксом *до-* представляют завершительный (комплетивный) способ действия, в котором значение достигнутого результата осложнено значением завершенности, законченности действия (*дожарить, доест*), которая может быть представлена и как доведение действия до нормы (*докупить, дооборудовать*), то эта нейтрализация проявляется в том, что глагол сохраняет значение целостности действия (достижение результата), но интенсивность исходного действия снижается: в глаголах формируется значение действия завершенного, но не до конца (*недостроить, недорубить*) или значение действия завершенного, но не доведенного до нормы (*недобрать, недопахать, недолить*). Таким образом, значение совершения действия не отрицается полностью, а лишь ограничивается в количественном отношении.

Следствием частичной нейтрализации одного из семантических компонентов производящего глагола становится развитие второй мотивации в глаголах с морфемным комплексом *недо-* (*недоварить* ← *варить*) и структурное слияние соседних морфем (*не-* и *до-*). В результате переразложения основы складывается новый протяжённый аффикс *недо-* со значением ‘неполностью совершить действие’: *недоварить* – ‘сварить не до полной готовности’; *недовесить* – ‘взвесить меньше, чем следует’; *недокормить* – ‘покормить недостаточно, не досыта’. Глаголы с таким значением образуют иной способ действия – «недостаточно-нормативный (выражение результата действия, не соответствующего норме)» [Ставницка 2003].

Интеграция префиксального элемента коснулась отчасти уже древнейших глаголов. В «Старославянском словаре» представлен глагол *недоимѣти* в значении ‘не иметь в достаточном количестве’ [СС X–XI вв.]. В дальнейшем этот процесс охватывает всё большее количество глаголов: *недостворити* ‘недоделать, не успеть сделать’, *недогрузити* ‘не загрузить полностью’, *недокупити* ‘не купить какую-либо часть того, что следует’, *недосѣвати* ‘сеять меньше, чем следует’ [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 11] и др.

Ярким примером формирования нового значения у образований с морфемным комплексом *недо-* является глагол *недовѣдѣти*. Этот глагол в памятниках XII–XIV вв. употреблялся в значении ‘не знать’: *А чьто есть божие сущѣство... или како от бога богъ родися или изиде... недовѣмъ и глаголати не можемъ* (Ио. екз. Бог., 24. XII–XIII вв.) [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 11]. В «Словаре русского языка XVIII века» фиксируется уже другое, новое значение – ‘не познать в полной мере’: *А которые и видѣли, еще не всѣ и тѣ знали его <Рибейру>; но развѣ увидѣвъ удивлялись, недовѣдуя, какова-то и откуда харя* (Реш. д. 18 /2 паг./) [СРЯ XVIII в.: Вып. 14].

Этот промежуточный этап формирования протяжённого префикса *недо-* представлен в современном русском языке большой группой глаголов, различное написание которых с *не* зависит от семантики и регулируется

правилами орфографии⁶⁵. Глаголы с префиксом *недо-* выражают неполную завершенность действия, несоответствие требуемой норме (*недоделать, недовершить, недостроить, недомолотить, недокопить, недомыть, недорисовать* и др.), в то время как у префиксальных глаголов с частицей *не* (*не дodelать, не довершить, не достроить, не домолотить, не докопить, не домыть, не дорисовать* и др.) частица выражает отрицание действия, выраженного глагольной основой.

Таким образом, формирование приставочного морфемного комплекса *недо-* начинается в полной словообразовательной цепи, состоящей не менее чем из трех компонентов, в последнем звене которой сочетаются две простых морфемы: *видѣти* → *до-видѣти* → *не-до-видѣти*. В результате процесса семантической абсорбции, который описан выше, глагол с морфемным комплексом *недо-* приобретает двойственную мотивацию и соотносится не только с непосредственно производящим глаголом с префиксом *до-* (*не-довидѣти* ← *довидѣти*), но и с бесприставочным глаголом (*недо-видѣти* ← *видѣти*). Утрата языком непосредственно образующего глагола *довидѣти* приводит к тому, что словообразовательная цепь становится двухкомпонентной. Поэтому в современном языке в глаголе *недовидеть* ('плохо видеть, иметь слабое зрение') выделяется не два префикса *не-* и *до-*, а только одна протяжённая морфема *недо-*. Префикс *до-* в составе морфемного комплекса становится частью нового протяжённого аффикса, поскольку он уже не является частью мотивирующей основы и соответственно не выделяется структурно. Новый протяжённый префикс *недо-* сочетается непосредственно с бесприставочным глаголом: *недо-видеть* ← *видеть*.

Словообразующая функция префикса *недо-* наиболее ярко проявляется, когда он присоединяется к глаголам, не имеющим в языке соотносительных глаголов с приставкой *до-*:

⁶⁵ Проблеме разграничения на письме приставки *недо-* и омофоничного ей сочетания отрицательной частицы *не* и глаголов с приставкой *до-* посвящено немало статей. См., например, [Левина 1963; Кропачева 1964; Андреев 1976; Скоробач 1978; Морару 1983].

1) к исконно непроизводным глаголам (*видеть* → *недо-видеть*, *слышать* → *недо-слышать*);

2) к непроизводным глаголам с генетической приставкой (*понять* → *недо-понять*, *выручить* → *недо-выручить*, *учесть* → *недо-учесть*, *оборудовать* → *недо-оборудовать*);

3) к производным приставочным глаголам (*выпустить* → *недо-выпустить*, *использовать* → *недо-использовать*, *выработать* → *недо-выработать*, *накопить* → *недо-накопить*, *оценить* → *недо-оценить*).

В приведенных примерах протяжённый префикс *недо-* четко противопоставляется соответствующим мотивирующим основам.

Надо полагать, что на более ранних этапах развития языка подобные образования носили единичный характер. В последней трети XX века префикс *недо-* стал широко использоваться в системе глагольного словообразования, о чем свидетельствует появление 24 новообразований, зафиксированных в издании «Новое в русской лексике. Словарные материалы» за период с 1978 по 1984 гг. Например:

А там арок нет... Их почему-то не доставили, кто-то недоработал, недорассчитал, забыл распорядиться (В. Титов. Проходчики) [НРЛ-82].

Две предыдущие передачи [«Вокруг смеха»] вызвали поток писем, среди которых пробился и ручеек неудовлетворенных. Кто-то недоулыбнулся, кто-то недорассмеялся (Лит. газета) [НРЛ-79].

Среднестатистический горожанин ежесуточно «недосжигает» 600 килокалорий (Лит. газета) [НРЛ-78].

Приставка *недо-* свободно присоединяется к глаголам иноязычного происхождения. Это подтверждает тезис Е.А. Земской о том, что для словообразования последних лет характерно «активное присоединение русских приставок к иноязычным глаголам» [Земская 2010: 238]:

Почему МФУ недосканирует часть документа, то есть сканирует нормально, но не полностью? (<http://vladivostok.dns-shop.ru>).

...соблазн **«недошунтировать»** сердце пациента из-за боязни подключить аппарат ИК больному... всегда найдет себе «объективные» доводы в сознании хирурга (<http://www.cardiosur.ru>).

По мнению экспертов и наблюдателей, истинная причина казуса проста и для России вполне традиционна – кто-то **«недолоббировал»** (<http://respublika-kaz.livejournal.com>).

Почему Вы **недотестировали** продукт и не дали нам инструкцию? (<http://itc73.ru>).

Проблема Правительства РФ как раз не в том, что оно **недостимулирует** нефтяников. Оно их однажды уже перестимулировало. А теперь не может остановить (<http://www.permoboz.ru>).

Существующая в языке словообразовательная модель (*недо-* + глагол) очень продуктивна, она активно используется журналистами, писателями, поэтами. Владимир Высоцкий, которого отличало особое отношение к слову, пристальное внимание к его структурным особенностям, помогающим наиболее точно и глубоко выразить мысль, в своем стихотворении «Прерванный полет» [Высоцкий 1989: 245] создает целый ряд индивидуально-авторских новообразований с приставкой *недо-*:

Смешно, не правда ли, смешно!

А он шутил – **недошутил**,

Недораспробовал вино,

И даже **недопригубил**.

Смешно, не правда ли, смешно!

А он спешил – **недоспешил**, –

Осталось **недорешено**

Все то, что он **недорешил**.

[Высоцкий 1989: 245]

Благодаря особому введению новообразований в контекст, которое основано на противопоставлении мотивирующего глагола и созданного на его базе производного слова (А он шутил – **недошутил**, А он спешил – **недоспешил**), убедительно подчеркивается разница между тем, что хотел успеть в этом мире лирический герой и что ему не дали осуществить.

Как уже отмечалось, бóльшая часть глаголов с приставкой *недо-* в языке мотивируется переходными глаголами несовершенного и (реже) совершенного вида: *недосолить* ← *солить* (перех., несов.), *недосказать* ← *сказать* (переход., сов.); и только восемь глаголов – непереходными глаголами: *недосидеть* ← *сидеть* (неперех., несов.). Созданные В. Высоцким речевые новообразования представляют собой потенциальные слова, поскольку образованы по деривационным законам языка и соответствуют языковой норме:

недораспробовать ← *распробовать* (переход., сов.)

недопригубить ← *пригубить* (переход., сов.)

недорешить ← *решить* (переход., сов.)

недошутить ← *шутить* (неперех., несов.)

недоспешить ← *спешить* (неперех., несов.)

Новообразования как факты речи, заданные системой языка, проявляют и грамматические возможности этой системы. От глагола *недорешить* образована его форма – краткое страдательное причастие прошедшего времени *недорешено*. Таким образом, подтверждается высказанная Г.О. Винокуром мысль: «То, что живет в языке подспудной жизнью, чего нет в текущей речи, но дано как намек в системе языка, прорывается наружу в подобных явлениях языкового новаторства, превращающего потенциальное в актуальное» [Винокур 1943:15].

Использование новообразований наряду с омофоничными сочетаниями отрицательной частицы *не* и префикса *до-* в глаголах, а также усилительной частицы *ни* и предлога *до* является ярким средством для экспрессивного выражения авторского замысла:

Он знать хотел всё от и до,

Но *не добрался* он, *не до...*

Ни до догадки, *ни до* дна,

Не докопался до глубин

И ту, которая одна, –

Недолюбил... [Высоцкий 1989: 246].

Любопытно, что от глагола *любить* есть узуальное образование *недолюбливать*, однако оно не выражает того смысла, который необходим автору. Поэтому создано новое слово *недолюбить*. Разница значений глаголов *недолюбливать* и *недолюбить* определяется полисемией исходного глагола. Производное *недолюбливать* является приставочно-суффиксальным образованием от глагола *любить* в первом значении – ‘испытывать чувство расположения, симпатии к кому-либо’ [МАС], приставочное новообразование *недолюбить* создано на основе второго значения глагола *любить* – ‘чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола’ [МАС].

Протяжённый префикс *недо-* имеют в своем составе не только глаголы, но также имена существительные и прилагательные. Большинство из них унаследовали приставку *недо-* от производящих глагольных основ (*недобор* ← *недобрать*, *недовыручка* ← *недовыручить*; *недозрелый* ← *недозреть*, *недорослый* ← *недорости*), поэтому приставка в таких производных словах не является словообразовательным средством. Тем не менее у ряда существительных префикс выступает как словообразующая морфема.

В истории языка существовали отсубстантивные существительные с формантом *недо-* (*недорысь*, *недособоль* [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 11]), которые обозначали шкурку молодого (т.е. не достигшего определенного возраста) животного или животного, не имеющего полноценного волосяного покрова. Указанные существительные в настоящее время вышли из употребления либо используются в узкоспециальных целях. К этому же историческому периоду относится существительное *недовѣрокъ* ‘человек, нетвердо верующий’, где протяжённый префикс *недо-* выступает как составной элемент конфикса.

Считается, что в сфере именного словообразования приставка *недо-* малопродуктивна и в современном языке. Так, в исследовании Е.А. Земской

«Словообразование как деятельность» представлено всего два слова – *недознание* и *недоиспытанность* [Земская 1992: 80]. Однако группа производных (отвлеченных) существительных с префиксом *недо-*, на долю которого приходится значение ‘недостаточный, неполный’, непрерывно пополняется и обогащает прежде всего деловую сферу общения:

*Участились случаи, когда с предприятий отправляют товар с **недовложениями*** (Комсомольская правда, 1973.01.24) [НС-2].

*...качество изделий резко ухудшилось из-за **недозакладки** продуктов* (Правда, 1973.10.19) [НС-2].

*Явился новый уровень творческих сомнений и мук [о лирике поэта И. Шкляревского]. Они от недосказанности, **недоосознания**, недостигнутой гармонии внутреннего чувства с жизненной реальностью* (Новый мир, 1979, № 6) [НРЛ-79].

*Если оттолкнуться от сюжета, исходная большей части трифоновых драм – неудачный брак, полное или частичное **недовзаимопонимание*** (Новый мир, 1980, № 9) [НРЛ-80].

Приведенные новообразования возникли на базе узусальных отглагольных существительных *вложение, закладка, осознание, взаимопонимание*, поскольку соответствующие глаголы (**недовложить*, **недозакласть*, **недоосознать*, **недовзаимопонимать*) в системе языка отсутствуют. Поэтому производные являются приставочными образованиями (*вложение* → *недовложение*, *закладка* → *недозакладка*, *осознание* → *недоосознание*, *взаимопонимание* → *недовзаимопонимание*), а не суффиксальными.

Другая группа новообразований с формантом *недо-* – наименования лиц со значением социальной, духовной незрелости: *недочеловек* ← *человек*, *недомастер* ← *мастер*, *недовоспитатель* ← *воспитатель*. В них выражена отрицательная оценочность, сочетающаяся с экспрессией неуважительного, уничижительного отношения к называемому лицу:

*Или сам Потапов такой **недочеловек**..? Что это – эгоизм высшей, творческой марки или душевная недостаточность, сердечная пустота?* (Огонек, 1984, № 50) [НРЛ-84].

*Социально незрелые люди, всякого рода «**недомастера**» и «околоспецы»... вырастают из тех, кто смолоду не был приучен к труду* (Правда, 1979.06.20) [НРЛ-79].

*Таких... **недовоспитателей** к детям близко нельзя подпускать!* (Л. Беляева. Роман с чемпионом) [НРЛ-83].

Круг неузואльных неологизмов, образованных по данной словообразовательной модели (*недо-* + имя лица), непрерывно пополняется, что в немалой степени обусловлено насущными проблемами современного российского общества:

*Вопрос о присоединении к России... зазвучал и начал нарастать только в самое последнее время, когда киевские "**недофедералы**" стали показывать донецким кузькину мать* (Куда идет донецко-луганская «Новороссия»? 2014.07.07: <http://www.regnum.ru>).

*...эти **недотеррористы** либо не думали, что делать потом, либо просто не ожидали, что их кто-то вообще будет искать* (<http://www.avanturist.org>).

*Когда уже наши **недобизнесмены** поймут, что клиент/заказчик всегда прав...* (<http://news.tut.by>).

*Старт **недокандидатов** в **недопрезиденты*** /заголовок статьи/ (<http://karasev.from-ua.com>).

*СПбГУ: альма-матер президентов и **недобакалавров*** /заголовок статьи/ (<http://www.salon-elf.ru>).

*Народ у нас крайне амбициозный, и любой **недоюрист** хочет стать адвокатом* (<http://www.uazashitaplus.ru>).

В некодифицированной речи появились еще две новые модели с протяжённым префиксом *недо-*:

1) *недо-* + неодушевленное конкретное (реже абстрактное) существительное:

Политолог Федор Лукьянов рассказал, как холодная «недовойна» породила «недомир» (Сейчас мы наблюдаем крушение мировой системы умолчания, 2014.04.27: <http://rusplt.ru>).

Это, мягко говоря, техника не на ходу. Воочию подобные "недотанки" можно было увидеть, когда российские военные после возвращения Крыма в состав России передавали украинской стороне боевую технику (И. Петров. Танкам дали 48 часов // Российская газета, 2014.08.28).

*Прозреваю, окончил ты негосударственный **недоинститут**, коммерсант ты наш, а потому считаться человеком прямоходящим не можешь (www.youtube.com).*

*...одежные магазины наши разделились на две больших категории – бутики и **недобутики**, где каждый мешок с рукавами из драной вискозы стоит по две тысячи (<http://kira-mai.livejournal.com>).*

*Из-за вашего **недобанка**, в котором есть нечистые на руку сотрудники или непрофессионалы, мне сегодня отказали в кредите в моем банке... (<http://vk.com>).*

2) *недо-* + существительное с собирательной семантикой:

*Путинский **недоэлекторат** – ведомая субстанция, без активной позиции (<http://www.echo.msk.ru>).*

*Почему российская **недополиция** почти поголовно берёт взятки... (<http://fritzmorgen.livejournal.com>).*

*Современная **недомолодежь** и так неконтролируема. А в толпе она вдвойне опасна (<http://www.disput.az>).*

Следует отметить, что количественное значение приставки *недо-* (недостаточность по сравнению с какой-либо нормой) в именах существительных может трансформироваться на основе метафорического переноса в качественное значение 'плохой' (по свойству, функции,

поведению и т.п.): *недоюрист, недоинженер* (плохой специалист в той или иной области), *недополиция* (работники полиции, плохо выполняющие свои должностные обязанности), *недобанк* (ненадежный банк), *недобутик* (магазин, где продают дорогую, но некачественную одежду). Развитие у приставки нового значения делает ее полисемичной. Ср.:

Теперь "недобакалаврам" предстоит подать заявление с просьбой о восстановлении на последнем, четвертом курсе, затем снова отучиться год (<http://www.ucheба.ru>). – *Вузовское образование переходит на классическую западную систему с недобакалаврами и полумагистрами* (<http://topwar.ru>).

В первом контексте существительное *недобакалавр* употреблено в значении ‘студент, не окончивший полный курс бакалавриата’, т.е. отчисленный из вуза, недоучившийся студент. Во втором – производное *недобакалавр* обозначает ‘лицо, окончившее полный курс бакалавриата, но не получившее (от государства) достойного, хорошего образования’.

Усиление словообразовательной активности приставки *недо-* в именах, на наш взгляд, подтверждает неоднократные высказывания ученых о том, что рост именной префиксации является характерной особенностью современного словопроизводства [Земская 2000, Николина 2005].

Языковое новаторство с префиксом *недо-* активизировалось и в сфере причастий. Оно проявляется в том, что причастие образуется с помощью приставки *недо-* от узуальной причастной формы без этой приставки (*недоразрушенный* ← *разрушенный*), поскольку соответствующего глагола с *недо-*, от которого должно по правилу образовываться причастие, нет в системе языка. Из этого следует, что такой процесс образования причастий представляет собой словообразование, а не формообразование:

...недоразрушенные церкви и соборы поблескивали в голубом небесном пространстве остатками стекол, недосгоревшей позолотой куполов. (В. Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // Новый Мир, 1998) [НКРЯ].

*Георгий Георгиевич застыл с приоткрытым ртом, откуда почти явно торчала, извиваясь, **недовысказанная** острота.* (Ф.Искандер. Поэт // Новый Мир, 1998) [НКРЯ].

*Сутулые, седые и лысые, давние студийцы напоминали **недовымерших** ветеранов, собравшихся на запоздалый праздник победы.* (А. Городницкий. И жить еще надежде, 2001) [НКРЯ].

*Я родилась **недовыявленной** и ухожу из жизни **недопоказанной**. Я недо... И в театре тоже. Кладбище несыгранных ролей.* (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь, 2003) [НКРЯ].

В последнем примере употребление слов, произведенных по одной модели (**недовыявленной, недопоказанной**), актуализирует их деривационную структуру и соответствующее деривационное значение, что «усиливает обобщенное звучание этой модели, как бы подчеркивает ее стилистическую сущность» [Земская 1965: 56]. Поэтому префикс *недо-* употреблен в контексте и как самостоятельная лексема – знаменательная часть речи (*Я недо...*), выступающая в предложении в функции сказуемого и передающая весь драматизм творческой судьбы актрисы.

Как видно, глагольное и именное словообразование в последние десятилетия характеризуется рождением целого ряда новых лексем, имеющих в своей морфемной структуре протяжённый префикс *недо-*. Появление индивидуально-авторских новообразований свидетельствует о недостаточных возможностях узуса для номинации явлений объективной действительности, а также о стремлении говорящего к более точному и яркому выражению мысли. Словообразовательный механизм языка создает возможности для словотворчества и обеспечивает развитие лексической системы языка.

Протяжённый префикс *недо-* используется и для формирования новых словообразовательных средств в языке – конфиксов *недо-+-ок* и *недо-+-иј*. Первый конфикс образует существительные со значением «предмет, не в

полной мере наделенный тем, что названо мотивирующим словом» [РГ-80: 233]: *недоумок* ← *ум*, *недолеток* ← *лет/á/*, *недоуздок* ← *узд/а/* (тип продуктивен в разговорной речи). Второй конфикс образует абстрактные существительные: *недомысли́й/э/* ← *мысль*, *недоуми́й/э/* ← *ум*.

Появление в инвентаре русских морфем протяжённого префикса *недо-* – результат функционирования в языке морфемного комплекса *недо-*, который зародился в глубокой древности (X–XI вв.) и развивался в системе глагольного словообразования. Количественный состав глаголов с этим морфемным комплексом постоянно рос и продолжает увеличиваться в настоящее время, из чего можно заключить, что словообразовательная модель глаголов с протяжённым префиксом *недо-* продуктивна в языке. Эта продуктивность, на наш взгляд, в немалой степени обусловлена чертами русского национального характера, о которых писал Н.А. Бердяев: «Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самостоятельности... Власть шири над русской душой порождает целый ряд... русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности...» [Бердяев 1918: 64]. Надо полагать, именно эти качества русского человека воплощены в значении глагольного префикса *недо-*, которое обобщенно можно выразить одним словом – «недоделанность». Современные российские реалии способствуют тому, что значимость префикса не утрачивается, поэтому расширяется производящая база производных с префиксом *недо-*, в сферу которой теперь входят не только глаголы, но и имена существительные (*недотеррорист*, *недоэлекторат*, *недомир* и т.п.), появляются новые словообразовательные модели.

Морфемный комплекс *недо-* в современном языке следует считать *неполным морфемным комплексом* (см. гл. II, п. 5), так как он утратил свою исходную структурную разновидность (наличие в глаголе двух простых

префиксов *не-* + *до-*). Отсутствие в языке примеров, характеризующих эту начальную стадию формирования морфемного комплекса, обусловлено правилом современной русской орфографии – *не* в глаголах не может быть приставкой. Те немногочисленные глаголы, которые в историческом прошлом имели в своем составе две приставки (*не-до-мыслити*, *не-до-вѣдѣти*), давно утрачены языком. Две другие структурные разновидности морфемного комплекса *недо-* представлены в глаголах современного языка:

– промежуточная стадия, которая характеризуется тем, что комплекс *недо-* в глаголах, являющихся по отношению друг к другу омофонами, выступает в двух вариантах (*недоговорить* – *не договорить*, *недолечить* – *не долечить*);

– конечная стадия, когда в глаголах функционирует протяжённый префикс *недо-* как самостоятельный словообразовательный формант (*недовыработать*, *недоиспользовать*).

Образование протяжённого префикса *недо-* обусловлено частичной семантической и полной формальной нейтрализацией первичного префикса *до-*, в силу чего протяжённый префикс приобрел значение неполноты совершения действия.

4. Структурно-семантические особенности формирования протяжённого префикса *обез-(обес-)*

Полиструктурность производных с префиксальной последовательностью *обез-(обес-)* была подмечена лингвистами давно и рассматривалась в различных аспектах: с точки зрения структурно-словообразовательной типологии [Черепанов 1960; Щетинин 1968; Черепанова 1980], формул толкования в словарях русского языка [Черепанова 1985], со стороны сочетаемости морфем на лексико-семантическом уровне в рамках префиксально-суффиксального глагольного словообразования [Розанова 1974]. Глубокий исторический анализ глаголов с приставкой *обез-(обес-)*

представлен в работе М.В. Черепанова [Черепанов 1962]. В центре внимания настоящего исследования – выявление структурно-семантических особенностей формирования в языке протяжённого префикса *обез-(обес-)*.

Глаголы, имеющие в своем составе морфемную последовательность *обез-(обес-)*, являются довольно древними образованиями. По словам М.В. Черепанова, «факты старославянского и некоторых других славянских языков свидетельствуют о том, что приставочный элемент *обез-* не является достоянием только русского языка и что возникновение его относится к периоду общеславянской языковой общности» [Черепанов 1962: 99]. В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского [СДРЯ] насчитывается 7 глаголов с приставочным комплексом *обез-(обес-)*: ***обезвѣчити*** (‘изувечить’), ***обесплодити*** (‘сделать бесплодным’), ***обесчѣстити*** (‘отнестись без почтения, оскорбить’), ***обезочивитисѧ*** (‘быть бесстыдным’), ***обеспечитисѧ*** (‘надеяться’), ***обестрашитисѧ*** (‘быть бесстрашным’), ***обестоужитисѧ*** (‘поступать бесстыдно’). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксировано уже 30 таких глаголов, в «Словаре русского языка XVIII века» – 48 единиц, а в «Толковом словаре...» В.И. Даля – 131 глагол. Таким образом, количество глаголов с начальным элементом *обез-(обес-)* в языке неуклонно росло.

Оформление и закрепление в языке протяжённого префикса *обез-(обес-)* в системе глагольного словообразования было весьма длительным. Опираясь на данные исторических словарей, можно констатировать, что протяжённый префикс *обез-(обес-)* сложился к началу XVIII века, о чем свидетельствует пример из памятника письменности 1705 г.: *Еще же губить и пианство, сирѣчь егда упиешися, яждь прасу, обезпиянишися скоро* (Кн. землед., 99. 1705 г.) [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 12]. В глаголе ***обеспиянитися*** (‘стать трезвым’) выделяется протяжённая приставка *обес-* (в составе конфикса), потому что его мотивирующим является бесприставочное прилагательное *пияный* (‘пьяный’), однокоренных образований с префиксом *без-(бес-)*,

которые могли бы быть непосредственно производящими для данного глагола, исторические словари не отмечают.

Впервые на формирующуюся в языке новую морфему *обез-(обес-)* обратил внимание В.И. Даль, дав ей следующее описание: «двойной предлог, употребляющийся слитно, причем *о* означает окончательность действия» [СД]. В современных толковых словарях *обез-(обес-)* характеризуется как сложная приставка [СУ; БАС]. Как верно отмечает М.В. Черепанов, «значение и функция сложной приставки *обез-* в значительной степени предопределены семантикой и функцией ее компонентов, восходящих к простым приставкам *о-* и *без-*» [Черепанов 1962: 96-97], которые на протяжении всей истории русского языка до настоящего времени выступают в качестве самостоятельных единиц, участвующих в словообразовании. Поэтому кратко охарактеризуем каждую из них.

Приставка *без-* материально связана и генетически восходит к предлогу *бѣзъ*, который употреблялся с именами существительными в родительном падеже (*бѣзъ воды, бѣзъ вѣды, бѣзъ души*). По наблюдениям И.И. Срезневского, употребление предлога *бѣзъ* как отдельного предлога не отличалось от употребления его как части сложного слова и большей частью предлог *бѣзъ* писался слитно со следующим словом, причем различно в зависимости от буквы, с которой начиналось следовавшее за ним слово [СДРЯ]: *бѣзъ вѣсти = бѣзвѣсти, бѣзъ части = бѣщасті*. Слитное написание предлога *бѣзъ* со словами способствовало возникновению в системе русского словообразования новой приставки *без-* и образованию новых слов различных частей речи: *бѣзъ чьсти → бесчестик* (сущ.), *бесчестьныи* (прил.), *бесчестити* (глагол.); *бѣзъ закона → безаконик* (сущ.), *безаконьныи* (прил.), *безаконити* (глагол.) и т.п.

Первичным значением префикса *без-(бес-)* было значение отсутствия, неимения кого-, чего-либо: *бѣздѣшнь* ‘не имеющий души, неживой’; *бѣсвѣтънь* ‘лишенный света’ [СС X–XI вв.]. Это древнее значение префикса

сохранилось и в современном русском языке, которое в прилагательных с приставкой *без-*(*бес-*) и нулевым суффиксом реализуется как ‘лишенный того, что названо мотивирующим словом’ [РГ-80: 318]: *без-голос-ø/ый/*, *без-бород-ø/ый/*, а в прилагательных с приставкой *без-*(*бес-*) и суффиксом *-н-* – как ‘характеризующийся отсутствием того, что названо мотивирующим словом’ [РГ-80: 313]: *без-вин-н/ый/*, *без-лошад-н/ый/*. Приставка *без-*(*бес-*) как элемент конфиксального форманта участвует и в образовании отыменных глаголов со значением ‘лишать чего-либо’ (*беспокоить*, *бесчестить*, *бесславить*).

Многозначная приставка *о-* участвовала в образовании протяжённого префикса в значении «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ-80: 363], которое лежит в основе категориального значения совершенного вида: *опубликовать* ‘довести до результата действие по глаголу *публиковать*’. Это же значение «совершенности», по мнению Н.С. Авиловой, приставка выражает и в отадъективных глаголах, образованных префиксально-суффиксальным способом: *осложнить* ‘сделать более *сложным*’, *одряблеть* ‘сделаться (стать) *дряблым*’. Автор отмечает, что в таких образованиях «приставка, служа вместе с суффиксом для образования глагола от имени, выполняет исключительно формальную функцию», никакого самостоятельного реального значения, кроме значения совершенного вида, приставка во вновь образованный глагол не вносит, «она играет роль аспектualiзированной приставки» [Авилова 1976: 171-172, 197].

Однако в научной традиции (точки зрения которой мы придерживаемся) утвердилось мнение, что «нет ни одной приставки, которую можно было бы назвать чистовидовой» [Бондарко, Буланин 1967: 39]. Ю.С. Маслов утверждает, что приставки являются «типичными словообразовательными морфемами, типичным средством глагольного словообразования», как внутриглагольного, так и отыменного, и «лишь

"по совместительству" они несут в себе и видовое значение совершенности» [Маслов 1963: 9]. Следовательно, присоединение приставки к глаголу всегда меняет его значение. «Другое дело, – отмечают Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев, – что в некоторых случаях это различие в значении является "чистовидовым", т.е. состоит в точности в различии между сов. и несов. видом» [Зализняк, Шмелев 2000: 81]. В этом случае можно говорить лишь о «чистовидовой функции» приставки, о ее «грамматикализации», которая зависит от того, с какой именно основой приставка сочетается [Бондарко, Буланин 1967: 39, 40]. В.В. Виноградов считает, что утрата реальных значений приставки и выдвигание на передний план ее перфективирующей функции становится закономерной для глаголов определенного морфологического строя и лексического состава, в частности, это свойственно отыменным глаголам с приставкой *о-* (*бесчестить* – *обесчестить*, *слабеть* – *ослабеть* и т.п.) [Виноградов 1947: 534].

Таким образом, в основу формирования нового протяжённого префикса *обез-(обес-)* легли значения двух простых префиксов: префикса *о-*, выражающего реальное достижение результата, и префикса *без-(бес-)* со значением лишения. Начало этого процесса связано с образованием в языке пар глаголов, противоположных по видовому значению: *бесчѣстити* – *обесчѣстити* [СДРЯ], *безвѣчить* 'увечить' – *обезвѣчити* 'изувечить', *бессилѣти* 'делаться бессильным, слабым' – *обессилѣти* 'обессилеть, ослабеть, лишиться сил', *безножати* 'калечить ноги, лишаться возможности двигаться' – *обезножѣти* 'лишиться способности ходить' [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 1, Вып. 12], *безобразить* – *обезобразить*, *беспокоить* – *обеспокоить*, *безумѣть* – *обезумѣть* [САР] и т.п. Глаголы с приставкой *о-*, образованные от глаголов с префиксом *без-*, «положили начало типу глаголов с самостоятельной приставкой *обез-*» [Очерки-2: 121].

По сведениям И.И. Срезневского [СДРЯ], глаголы с приставкой *без-(бес-)* образовывались от предложно-падежной словоформы

существительных: *безъ чьсти* → *бесчьстити*, *безъ чада* → *бесчадити*, *безъ сьрда* → *бесьрдити*. В современном языке данные глаголы рассматривались бы как отсубстантивные префиксально-суффиксальные образования (*честь* → *бес-чест-и/ть/*), в которых приставка заключает в себе словообразовательное значение лишения, а суффикс *-и-*, выполняет классифицирующую функцию – оформление глагольной лексемы, которая приобретает значение нецелостного действия и входит в разряд объектных глаголов, требующих объектного распространителя (*бесчестить кого*). На этой ступени деривации наблюдается формально-семантическое усложнение производящего.

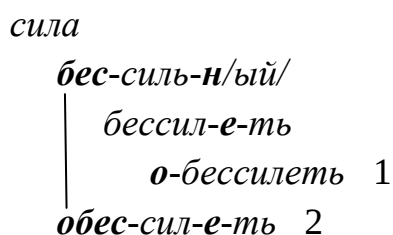
Присоединение к глаголу префикса *о-* (*о-бесчестить*) устраняет в производящем (*бесчестить*) значение нецелостного действия. Это связано с тем, что возникшая во вновь образованном глаголе оппозиция видовых значений должна привести к нейтрализации одного из них. Следовательно, формально-семантическое усложнение производящего глагола сопровождается семантическим вычитанием – нейтрализацией одного из значений производящей основы. Значение объектности при этом в производном сохраняется (*обесчестить кого*). Поскольку глаголы с префиксом *о-* имеют значение ‘совершить, т.е. довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом’ (*бесчестить* ‘лишать чести’ – *обесчестить* ‘лишить чести’), первичная приставка *без-(бес-)* в последних не утрачивает своей семантики. В двупроставочном глаголе обе приставки сохраняют свое значение.

Отсутствие процесса семантической нейтрализации первичной приставки *без-(бес-)* в префиксальной последовательности *о- + без-(бес-)*, надо полагать, связано с «грамматикализацией» приставки *о-*. Поэтому приставка *без-(бес-)*, даже находясь в слабой позиции, не утрачивает значения. Между тем сохранение каждой приставкой своей семантики не препятствует развитию множественной мотивации в конечном звене

словообразовательной цепи (*честь* → *бесчестить* → *обесчестить*). Полимотивированность глагола со значением результата (целостности) действия, по нашему мнению, развивается именно потому, что вторичный префикс *о-* выступает в «чистовидовой функции», а следовательно, разница в семантике глаголов (*бесчестить* – *обесчестить*) заключается в различии нецелостного/целостного действия ('лишать чести'/'лишить чести'). Множественная мотивация глаголов со значением целостного действия создает и множественность их словообразовательной структуры: *о-бесчестить* и *обес-чест-и/ть/*. Поэтому приставка *обез-(обес-)* начинает осознаваться как единая морфема, которая в составе конфикса теперь может использоваться для образования глаголов непосредственно от имен существительных, если однокоренных глаголов с приставкой *без-(бес-)* в языке нет: *обезвинити* 'снять вину, оправдать', *обесстрашити* 'потерять страх, осмелеть', *обезгласѣти* 'лишиться голоса, охрипнуть' [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 12] и под.

Окончательное оформление префикса *обез-(обес-)* в результате процесса переразложения должно быть связано с архаизацией промежуточного звена словообразовательной цепи (глагола с приставкой *без-*) и выпадением его из языка. Именно так объясняет Н.М. Шанский выделение приставки *обес-* в глаголе *обессилеть*: «такое строение у этого слова является следствием переразложения, которое произошло в нем в силу исчезновения производящего глагола *бессилеть*» [Шанский 1968: 215]. Действительно, в глаголе *обессилеть* выделяется префикс *обес-*, но не потому, что глагол *бессилеть* исчез из языка. Последний зафиксирован в [БАС], причем без пометы «устарелое», он включен в один из новейших орфографических словарей [РОС], поэтому знаком носителям русского языка, хотя и вышел из активного употребления. Префикс *обес-* в глаголе *обессилеть*, как и во многих других глаголах с начальным элементом *обез-(обес-)*, выделяется потому, что глагол является полимотивированным. Это

лишь один из вариантов членения данного глагола. Но поскольку глагол *бессилеть* в языке до сих пор сохраняется, к тому же существует однокоренное прилагательное *бессильный* с тем же префиксом, в глаголе *обессилеть* на современном этапе развития языка также можно выделить и два префикса – *о-* и *бес-*. Полимотивированность и полиструктурность глагола *обессилеть* отражена в [ССТ]:

В истории языка немало примеров, когда глагол с префиксом *без-(бес-)* существует параллельно с однокоренным прилагательным, имеющим тот же префикс (*безаконити* и *безаконьный*, *безобразити* и *безобразный*, *бесчстити* и *бесчстьный* и т.п.). Причем прилагательные и глаголы находятся на одной ступени деривации, поскольку образованы от сочетания существительного в родительном падеже с предлогом *безъ* (*безъ закона*, *безъ образа*, *безъ чьсти*). Поэтому утрата языком глагола с префиксом *без-(бес-)* еще не гарантирует формирования протяжённого префикса *обез-(обес-)*, так как глагол совершенного вида в сознании носителей русского языка начинает восприниматься как производный от соответствующего префиксального прилагательного. Именно это мы наблюдаем в современном языке.

У глагола *обезуметь* мотивирующим является глагол *безуметь* (разг.) [БАС-2], который имеет ограниченную сферу употребления. Поэтому носители современного русского языка семантику глагола *обезуметь* ‘утратить способность соображать, стать безумным или как бы безумным’ [МАС] связывают со значением активного в употреблении прилагательного *безумный*, в силу чего словообразовательная цепь глагола уже трансформировалась, потеряв одно из своих звеньев, что отражают современные словообразовательные словари: *ум* → *без-ум-н/ый/* →

о-безум-е-ть [ССТ; ТССШ]. Тем не менее выпадение одного звена (глагола несовершенного вида *безуметь*) из словообразовательной цепи не привело к формированию протяжённого префикса *обез-*, так как глагол *безуметь*, образованный суффиксальным способом (*безум/н-ый/* → *безум-е/ть/*), наследует приставку *без-* от соответствующего прилагательного. Поэтому, несмотря на то что у глагола *обезуметь* изменился способ словообразования с префиксального (*безуметь* → *о-безуметь*) на префиксально-суффиксальный (*безум/н-ый/* → *о-безум-е/ть/*), морфемная структура глагола сохранилась – в нем выделяются две приставки.

Приведенные выше примеры *обезвинити* ‘снять вину, оправдать’, *обезгласѣти* ‘лишиться голоса, охрипнуть’, *обесстрашити* ‘потерять страх, осмелеть’, возможно, и были образованы от существительных с помощью префикса *обез-(обес-)* и суффикса *и-(ѣ)*, поскольку не имели в языке мотивирующих глаголов с префиксом *без-(бес-)*. Однако наличие в языке однокоренных прилагательных с приставкой *без-(бес-)* – *безвиньными*, *безгласьными*, *бестрашьными* – не могло не повлиять на членимость глаголов с *обез-(обес-)*, так как в сознании носителей языка устанавливалась связь этих глаголов с ближайшими по форме и значению прилагательными. А поскольку в последних приставка *без-(бес-)* выделяется совершенно отчетливо, она не могла не чувствоваться в глаголах с *обез-(обес-)*: *обесстрашиться* ‘стать бесстрашным’, *обесплодити* ‘сделать бесплодным, лишить плодов’, *обезлошадѣти* ‘лишиться лошади, стать безлошадным’ [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 12]. Поэтому глаголы становились полимотивированными и полиструктурными образованиями.

Приставка *обез-(обес-)* оформилась как протяжённая морфема в глаголах, не имеющих в языке родственных образований с приставкой *без-(бес-)*. На протяжении XVIII столетия появился целый ряд производных, в составе которых выделяется этот протяжённый префикс: *обезглохнути* (‘лишиться глухоты, вернуть слух’) ← *глохнуть* ‘терять слух, становиться глухим’; *обескрѣпнуть* (‘утратить крепость, силу’) ← *крѣпнуть* ‘становиться

сильным, здоровым, выносливым'; **обезживотить** ('лишить жизни') ← *живот* ('жизнь'); **обезлядвити** ('повредить бедра, сделать хромым') ← *лядвия* ('бедро'); **обезнародѣть, обезнародить** ('стать/сделать безлюдным') ← *народ* ('люди') и др. [СРЯ XVIII в.: Вып. 15]. Очевидно, можно говорить и о зарождении терминологической лексики – **обезгорюченный** воздух (от прил. *горючий*), **обезогненной**⁶⁶ воздух (от сущ. *огонь*): *Различают два главные рода воздуха... Первый называют не горючим, а послѣдний горючим... К первому роду... принадлежит наш повсюду распространенный атмосферный воздух, и чистый токмо искусством производимый **обезгорюченный** воздух* (ТВЭО L 20). *Наконец прибыли они благополучно < в разговоре > через неподвижной, через **обезогненной** воздух... ко всеобщей системѣ натуры* (С.-Меран 118) [СРЯ XVIII в.: Вып. 15].

Как видно из примеров, протяжённый префикс **обез-(обес-)** унаследовал не только значение простых приставок *о-* и *без-(бес-)*, но также их способность к образованию отыменных глаголов. Преимущественно это отсубстантивные производные, где протяжённый префикс **обез-(обес-)** участвует в образовании новых слов как структурный элемент конфикса, и только в единичных отглагольных образованиях (**обезглохнуть, обескрѣпнуть**) приставка выступает как самостоятельный словообразовательный формант.

В современном русском языке префикс **обез-(обес-)** участвует в образовании глаголов от бесприставочных имен существительных только как элемент конфиксов **обез-(обес-)+-и-** и **обез-(обес-)+-е-**. Глаголы, образованные от существительных с помощью префикса **обез-(обес-)** и суффикса *-и-*, имеют значение 'лишить того, что названо мотивирующим существительным' [РГ-80: 376] и являются переходными (**обез-жир-и-ть, обес-точ-и-ть**); глаголы, образованные от существительных с помощью префикса **обез-(обес-)** и суффикса *-е-*, выражают значение 'лишиться того,

⁶⁶ Такой, в котором невозможно горение; лишенный кислорода (о воздухе) [СРЯ XVIII в.: Вып. 15].

что названо мотивирующим существительным' [РГ-80: 380] и являются непереходными (*обез-мужич-е-ть*, *обез-живот-е-ть*). Таким образом, рассматриваемые глаголы представлены в языке двумя словообразовательными типами. Только один глагол с протяжённым префиксом *обез-* в современном языке мотивирован не именем, а глаголом: *двиг/а-ть/* → *обез-движ-и-ть* [ССТ; ТССШ].

Глаголов, в которых префиксальная последовательность *обез-(обес-)* является целостной протяжённой единицей, в современном языке немного – всего 12 конфиксальных образований: *обеззаразить*, *обезгазить* (спец.), *обезжирить* (спец.), *обезмаслить* (спец.), *обеспылить* (спец.), *обессахарить* (спец.), *обесточить* (спец.), *обезнародить* (устар.), *обезмужичеть* (прост.), *обезмужичить* (прост.), *обезживотить* (обл.), *обезживотеть* (прост. или обл.). Все глаголы, кроме *обеззаразить*, имеют стилистическую окраску; 10 глаголов из 12-ти являются переходными глаголами.

В конце XX века в [НРЛ] зафиксированы такие новообразования, как *обезблошить* (← *блех/а/*) [НРЛ-78], *обезрусеть* (← *рус/ск-ий/*) [НРЛ-80], *обескляпнуть* (← *кляп*) [НРЛ-81], *обезбомбеть* (← *бомб/а/*), *обезракететь* (← *ракет/а/*) [НРЛ-82]:

Я не за то, чтоб слыть Емелей... Но как забыть язык страны?! Не те страшины, что обрусели. Что обезрусели, страшины (В. Кожемякин. Старая ветла) [НРЛ-80].

Всё та же старая песенка про Новый Свет: мол, одряхлел он, обессилел, обезбомбел, обезракетел... (Лит. газета) [НРЛ-82].

Хватайте этого кляпоносца..., обескляпьте его (Крокодил, 1981. № 35) [НРЛ-81].

Глагол *обезблошить*, который в [НРЛ-78] дается без описания, стал употребителен в речи любителей животных и даже дает жизнь новым словам: *Очень люблю кошек, стараюсь помогать бездомным ксям обрести дом, ну или хотя бы купить еды и обезблошить* (<http://ru.pokerstrategy.com>).

Сначала нужно **обезблосить** распространителя блох (кошку, собаку) с помощью капелек, потом повторно провести "**обезблосивание**"... (<http://otvety.google.ru>). Хорёк чистый, вымытый и **обезблосенный** (<http://www.gayforum.su>).

Встречаются единичные факты функционирования префикса *обес-* (*обес-*) в префиксально-суффиксальных прилагательных: **обезвлаженный** (← *влаж/a/*) [НРЛ-81], **обезветвлённый** (← *ветвь*) [НРЛ-79], **обеспивевший** (← *пив/o/*) [НРЛ-77]:

*Зима выдалась на редкость бесснежной, весна ранней, и земля в лето вышла совсем **обезвлаженной*** (И. Никульшин. Лесной сенокос) [НРЛ-81].

*Посреди дороги, бессмысленно подпертое палкой и прикрученное к этому жалкому костылю алюминиевой проволокой, стояло тонкое, безлиственное, и почти **обезветвлённое** мертвое дерево, более похожее на другую палку, чем на дерево...* (Е. Евтушенко. Три вечера в Кастельпорциано) [НРЛ-79].

*А когда открывается навигация, на первый ободранный о льдины пароход на лодках угрожающе надвигается, размахивая сотенными, **обеспивевший** народ, и вздрагивает мир от накопившегося пыла: «Пива! Пива!»* (Е. Евтушенко. Северная надбавка) [НРЛ-77].

В неологизме *обеспивевший* нехарактерный для прилагательных суффикс сигнализирует о «глагольном следе» его происхождения. Поскольку суффикс *-ви-* является формообразующим суффиксом действительных причастий прошедшего времени, то производное *обеспивевший* должно быть причастной формой потенциального глагола **обеспиветь* (← *пив/o/*), которая в условиях контекста могла подвергнуться адъективации. Но поскольку промежуточное звено (глагол **обеспиветь*) в языке отсутствует, новообразование *обеспивевший* следует считать прилагательным с протяжённым суффиксом *-еви/ий/*.

Появившиеся в последние годы новообразования, имеющие в своем морфемном составе протяжённый префикс *обез-(обес-)*, отражают реалии современной России:

Из-под действия нормативного акта одним махом была выведена львиная доля сделок, ранее регулируемых тендерами. Другими камнями преткновения стали желания законодателей "обестендерить" закупки товаров и услуг, проводимые для Аграрного фонда и обязать страховать все сделки... (<http://podrobnosti.ua>).

Прежде чем лишать льгот пенсионеров и ветеранов, надо было себя обезльготить (<http://forum.glstar.ru>).

Этот хам решил обездолларить Россию (<http://zergulio.livejournal.com>).

И что удивительно: одному парню понадобилось 3 дня, чтобы обезинтернетить⁶⁷ дома, а целой компании 2 недели, чтобы исправить его злодеяния (<http://www.greenmama.ru>).

Неузуальные неологизмы немногочисленны, узуальных образований немногим более десятка, к тому же они либо принадлежат к узкоспециальной лексике, либо находятся на периферии литературного языка. Поэтому можно констатировать, что словообразовательные типы конфиксальных глаголов с префиксом *обез-(обес-)* и суффиксами *-и-*, *-е-* в современном языке малопродуктивны. Когда в «Русской грамматике» говорится о том, что указанные словообразовательные типы глаголов относятся к продуктивным типам [РГ-80: 376, 380], имеются в виду не только момотивированные образования, в которых *обез-(обес-)* действительно является протяжённым префиксом, но и полимотивированные глаголы, где начальный элемент *обез-(обес-)* может быть представлен и двумя приставками (см. примеры: *обезрыбить, обезлесеть*⁶⁸).

⁶⁷ Сохранена орфография источника.

⁶⁸ *Обезрыбить* 'лишить рыбы, сделать безрыбным' [БАС], *обезлесеть* 'лишиться лесов, стать безлесным' [МАС].

О малопродуктивности словообразовательных типов свидетельствует и то, что количество глаголов с префиксальной последовательностью *обез-* (*обес-*) в современном языке снизилось в 1,5 раза по сравнению с XIX в. (ср.: в [СД] зафиксирован 131 глагол, в [СРЛ] – только 82 глагола). Целый ряд существовавших ранее глаголов исчез из словарного состава языка: *обезвершить* ('лишить вершины, верхушки'), *обезвинить* ('снять вину, наказание с кого-л., оправдать'), *обеззаботить* ('лишить забот, освободить от забот'), *обеззапасить* ('лишиться запасов; обеднеть'), *обезлистить* ('лишить листьев'), *обезуздить* ('снять узду'), *обесконить* ('лишиться коня'), *обессочить* ('лишить питательных соков; истощить'), *обесхвостить* ('лишить хвоста'), *обесчадить* ('лишить детей'), *обесчленил* ('отсечь, отнять какой-л. член') [СРЯ XVIII в.: Вып. 15], *обезверить* ('лишиться веры'), *обезвестить* ('оставить без вестей'), *обеззобить* ('лишиться зоба'), *обезпомощить* ('лишиться помощи, пособия'), *обезубыточить* ('избавиться от убытка'), *обезхлебить* ('лишить хлеба, пропитанья или урожая'), *обезчелюдить* ('лишить домашней челяди') [СД] и многие другие.

Наличие в языке протяжённой морфемы *обез-* (*обес-*) говорит о том, что эта звуковая последовательность является морфемным комплексом. Две другие его структурные разновидности также представлены в современном языке.

Глаголов, в которых *обез-* (*обес-*) всегда распадается на две морфемы – префиксы *о-* и *без-* (*бес-*), всего четыре: *обессмертить*, *обестолковать*, *обезмолвить*, *обезмолветь*. Все они мотивированы именами прилагательными с приставкой *без-* (*бес-*): *бессмерт/н-ый/* → *о-бессмерт-и-ть* 'сделать бессмертным, незабываемым для потомков'; *бестолков/ый/* → *о-бестолков-е-ть* (разг.) 'стать бестолковым, непонятливым, несообразительным'; *безмолв/н-ый/* → *о-безмолв-и-ть* 'сделать безмолвным'; *безмолв/н-ый/* → *о-безмолв-е-ть* 'стать безмолвным' [БАС].

Глаголы, у которых морфемный комплекс выступает в двух вариантах: как сочетание двух морфем *о-* + *без-* (*бес-*) и как целостная протяжённая

морфема *обез-(обес-)*, преобладают в языке. Они мотивируются префиксальными прилагательными или глаголами (*о-безвод-е/ть/* ← *безвод/н-ый/*, *о-бесцвет-и/ть/* ← *бесцвет/н-ый/*; *о-беспокоить* ← *беспокоить*, *о-бесчестить* ← *бесчестить*) либо бесприставочными именами существительными (*обез-вод-е/ть/* ← *вод/а/*, *обес-цвет-и/ть/* ← *цвет*; *обес-покој-и/ть/* ← *покой*, *обес-чест-и/ть/* ← *честь*). В этой группе глаголов много коррелятивных пар, представленных переходным и непереходным глаголом:

<i>обезволи́ть</i> ‘лишить воли, сделать безвольным’	<i>обезволе́ть</i> ‘лишиться воли, стать безвольным’
<i>обезлошади́ть</i> ‘лишить лошади, сделать безлошадным’	<i>обезлошаде́ть</i> ‘лишиться лошади, стать безлошадным’
<i>обезводи́ть</i> ‘сделать безводным, лишить влаги’	<i>обезводе́ть</i> ‘стать безводным, лишиться влаги’
<i>обезденежи́ть</i>	<i>обезденеже́ть</i>
<i>обездуши́ть</i>	<i>обездушéть</i>
<i>обезлюди́ть</i>	<i>обезлюде́ть</i>
<i>обезрыби́ть</i>	<i>обезрыбе́ть</i>
<i>обезножи́ть</i>	<i>обезноже́ть</i>
<i>обескрыли́ть</i>	<i>обескрыле́ть</i>
<i>обесплоди́ть</i> и др.	<i>обесплоде́ть</i> и др.

Непереходные глаголы считаются более поздними образованиями, появившимися в XVIII в. по аналогии с переходными глаголами как их соотносительная пара.

От переходных глаголов совершенного вида в языке легко образуется видовая пара путем имперфективации: *обезболить* – *обезболива́ть*, *обеззаразить* – *обеззаражива́ть*, *обесценить* – *обесценива́ть*⁶⁹. От имперфективов активно образуются имена существительные с книжной окраской, многие из которых пополняют терминологическую лексику

⁶⁹ От непереходных глаголов коррелят по виду, как правило, не образуется.

современного языка: *обезболивание, обеззараживание, обесценивание* и т.п. Образование указанных существительных – результат многоступенчатого деривационного процесса, который представлен в языке четырехкомпонентной словообразовательной цепью: *боль* → *обез-бол-/и-ть/* → *обезбол-ива/ть/* → *обезболива-ниѣ/э/*. Однако в последней трети XX столетия отмечается тенденция к образованию подобных существительных не от глаголов, по причине их отсутствия в языке, а от существительного – первого звена словообразовательной цепи, минуя две ступени деривации. Ср.:

<i>соль</i>	→	<i>обес-</i>	<i>сол-/и-ть/</i>	→	<i>обессол-ива/ть/</i>	→	<i>обессолива-ниѣ/э/</i>
<i>сера</i>	→	?		→	?	→	<i>обес-</i> <i>сер-иваниѣ/э/</i>
<i>зола</i>	→	?		→	?	→	<i>обез-</i> <i>зол-иваниѣ/э/</i>
<i>фтор</i>	→	?		→	?	→	<i>обес-</i> <i>фтор-иваниѣ/э/</i>

Итогом такого чересступенчатого словообразования было формирование в русском языке нового протяжённого суффикса *-иваниѣ-* и появление новой словообразовательной модели существительных, которые, в отличие от полимотивированного производного *обессоливание* (*обессолива/ть/* → *обессолива-ниѣ/э/* и *соль* → ***обес-****сол-иваниѣ/э/*), являются мономотивированными образованиями. Однако с появлением в начале XXI века промежуточных звеньев словообразовательной цепи – глаголов *обессерить* – *обессеривать*, *обеззолить* – *обеззоливать*, *обезжелезить* – *обезжелезывать*, *обессмолить* – *обессмоливать*, *обесфосфорить* – *обесфосфоривать*, *обесфторить* – *обесфторивать* [РОС] – абстрактные существительные *обессеривание, обеззоливание* и под. стали полимотивированными образованиями, а суффикс *-иваниѣ-* перестал быть протяжённым.

Итак, глаголы с приставочной последовательностью *обез-(обес-)* в современном русском языке имеют неоднородную словообразовательную структуру, что свидетельствует о наличии в языке одноименного морфемного комплекса. Морфемный комплекс *обез-(обес-)*, в отличие от

морфемного комплекса *недо-*, имеет в современном языке трехчастную структуру, а следовательно, является *полным* морфемным комплексом: 1) две простые приставки (*/о-без/молвить* от *безмолвный*), 2) промежуточная зона: две приставки (*/о-без/водить* от *безводный*) и единая протяжённая морфема (*/обез/водить* от *вода*), 3) протяжённая приставка (*/обез/жирить* от *жир*).

Префикс *обез-(обес-)*, возникший в сфере глагольной деривации, представляет собой протяжённую морфему, которая в недавнем историческом прошлом могла употребляться как самостоятельное словообразовательное средство (*обез-глохнуть*, *обес-крѣпнуть*), но в современном языке функционирует только в составе конфиксов (*обес-точ-и/ть/*, *обез-мужич-е/ть/*), образуя преимущественно глаголы от имён существительных.

Образование протяжённого префикса не было связано с семантической нейтрализацией первичной приставки, его значение формировалось «по аддитивному принципу (т.е. суммированием значений)» [Кубрякова 1981: 59], поэтому протяжённый префикс *обез-(обес-)* выражает одновременно и значение достигнутого результата действия (*о-*), и семантику лишения (*без-*). Оформление протяжённой префиксальной морфемы стало возможным в силу формальной нейтрализации предшествующего аффикса.

Продуктивность глаголов, имеющих в своем составе протяжённый префикс *обез-(обес-)*, росла на протяжении XVIII-XIX вв., наибольшее количество таких глаголов зафиксировано в «Толковом словаре...» В.И. Даля [СД], однако многие глаголы впоследствии утратились (*обездáрить*, *обездружить*, *обезвѣрѣть* и др.). В современном языке конфиксальные глаголы с начальным элементом *обез-(обес-)* не отличаются высокой продуктивностью, новые образования появляются преимущественно в производственной сфере (*обессерить*, *обезжелезить*, *обесфторить* и под.).

5. Префиксальный комплекс *небез-(небес-)* как потенциальная протяжённая морфема

Все ученые единодушны во мнении, что приставки *недо-* и *обез-(обес-)* являются протяжёнными, чего нельзя сказать о префиксе *небез-(небес-)*. Последний не все лингвисты называют в числе протяжённых морфем. Очевидно, этому есть объяснение.

В донациональный период развития русского литературного языка образования с приставочной последовательностью *небез-(небес-)* носили единичный характер. Самым древним из них является, по-видимому, прилагательное *небещадьный* ('небездетный'), зафиксированное в [СДРЯ] на основе памятника XI века (Мин. 1906 г.). Позднее появляются прилагательные *небезвѣстный* и *небезбѣдный* ('опасный, наказуемый') [СРЯ XI–XVII вв.: Вып. 11]. Активное вхождение в язык прилагательных с *небез-(небес-)* отмечается в первой половине XVIII столетия, что свидетельствует об их сравнительно недавней истории: *небезважный, небеззажиточный, небеззнатный, небесславный, небеспристойный, небесхлопотный, небезнадежный, небезосновательный, небезъизвѣстный, бесполезный, небеспредѣльный* [СРЯ XVIII в.: Вып. 14]. Последние пять прилагательных сохранились в языке до наших дней. В словарях, отражающих современное состояние русского литературного языка, зафиксировано 34 прилагательных с приставочной последовательностью *небез- (небес-)*, наиболее поздние из них, появившиеся на рубеже XX–XXI веков, – *небессмысленный, небеспроблемный, небезвыходный* [БТС], *небеспочвенный, небезошибочный, небезболезненный* [РОС].

Интересно отметить, что префиксальная последовательность *небез-(небес-)* формируется из того же языкового материала, что и протяжённые префиксы *недо-* и *обез-(обес-)*. В ее составе мы видим начальный элемент префикса *недо-* и конечный элемент префикса *обез-(обес-)*: *не-* + *-без-(бес-)*.

Обе приставки (*не-* и *без-*) обладают в языке отрицательной семантикой, которая в именах прилагательных хотя и оказывается иногда тождественной (*безграмотный* то же, что *неграмотный*), все же в большинстве случаев проявляется по-разному: приставка *без-* имеет значение ‘лишенный известного признака’ (*безвкусный*), в то время как приставка *не-* – ‘не обладающий признаком’ (*невкусный*). В дериватах с приставочной последовательностью *небез-(небес-)* отрицание выражается дважды.

При сочетании двух отрицаний одно, как правило, погашает другое: «Если два отрицания действительно относятся к одному и тому же понятию или к одному и тому же слову (как специальные отрицания), результат всегда будет утвердительный; это справедливо для всех языков...» [Есперсен 1958: 384]. И такие примеры есть в языке: *беждаьный* (‘безъ чѣда’) – *небеждаьный* (‘небездетный’) [СДРЯ], *беспредельный* ‘не имеющий пределов, безграничный, бесконечный’ – *небеспредельный* ‘имеющий предел, границу, конец’, *безоружный* ‘не имеющий оружия’ – *небезоружный* ‘имеющий при себе оружие’ [БАС].

Но О. Есперсен обращает внимание на то, что «два отрицания... погашают друг друга не совсем таким образом, чтобы результат был вполне тождествен простому... сложное выражение всегда будет слабее» [Есперсен 1958: 384]. Именно это наблюдается в большинстве производных с *небез-(небес-)*: *небезуспешный* ‘имеющий некоторый успех; довольно успешный’, *небезынтересный* ‘не лишенный некоторого интереса; довольно интересный’, *небезрезультатный* ‘дающий некоторый результат; более или менее успешный’ [БАС]. Таким образом, сочетание отрицательных приставок *не-* и *без-(бес-)* создает в слове неполное отрицание, неполное лишение признака, т.е. умеренное его проявление. Возможность формирования нового значения у приставочного комплекса связана с частичной семантической нейтрализацией первичного префикса *без-(бес-)*, оказавшегося в слабой позиции – перед словообразующей морфемой.

Семантические преобразования в приставочной последовательности меняют мотивационные отношения в слове. Приставочный блок начинает противопоставляться исходной основе. Прилагательное становится полимотивированным. В современном языке большинство дериватов с *небез-* (*небес-*) обладает двойной/тройной словообразовательной соотнесенностью, что зависит от количества членов в словообразовательной цепи:

небез-вред-ный ('причиняющий некоторый вред') ← *вред*

небез-вредный ('довольно вредный') ← *вредный*

не-безвредный ('не совсем безвредный') ← *безвредный*

Мотивация исходным звеном цепи (существительным *вред*) с точки зрения синхронных связей более системна, поэтому, несмотря на полимотивированность всех без исключения дериватов с *небез-* (*небес-*), приставочный комплекс закрепляется в сознании носителей языка как нечто цельное.

В современных толковых словарях *небез-* (*небес-*) характеризуется как сложная (составная) приставка, служащая для образования имен прилагательных со значением «обладающий тем или иным качеством, свойством в умеренной, но достаточно значительной степени» [МАС; СУ]. Поскольку не все прилагательные выражают «достаточно значительную степень» признака: *небезуспешный* 'имеющий некоторый успех, более или менее успешный', *небескорыстный* 'не чуждый корысти' [МАС], в «Русской грамматике» (1980) у приставки *небез-* (*небес-*) отмечается значение лишь умеренной степени проявления признака [РГ-80: 308].

В рамках теории морфемного комплекса приставочная последовательность *небез-* (*небес-*) протяжённым словообразовательным формантом не является, потому что только семантического показателя (формирование нового значения) для этого недостаточно. Необходимым условием образования протяжённой морфемы является еще и формальная нейтрализация первичного аффикса, чего в данном случае не наблюдается,

поскольку в языке отсутствуют производные с *небез-(небес-)*, мотивированные только бесприставочными (без префикса *без-*) именами существительными или прилагательными.

Соотношение прилагательных с *небез-(небес-)* и *без-(бес-)* в языке чрезвычайно стабильно. Такая же взаимозависимость устанавливается и между речевыми неологизмами, т.е. возникновение прилагательного с *небез-(небес-)* предполагает и появление прилагательного с приставкой *без-(бес-)*: *небеспозитивный* – *беспозитивный*, *небескомфортный* – *бескомфортный* (при наличии в языке *дискомфортный*), *небезлогичный* – *безлогичный* (при наличии в языке *алогичный*):

Думаю, меня мой спутник в этом деле дополнит интересными и небеспозитивными комментариями (<http://smotra.ru>). – *Беспозитивный критик, ему, наверно, жить тяжело, ведь вокруг всё плохо и все плохие* (<http://yarportal.ru>).

Такие ожидания были связаны с предыдущим опытом... плюс – долгий и небескомфортный опыт жизни одной (forum.cofe.ru). – *...ближайшие годы придётся жить в бескомфортных условиях* (<http://nowfilms.ru>).

Потому есть небезлогичные голоса, выводящие Русь хотя бы частично из готов (<http://a-pereswet.livejournal.com>). – *Практическую школу осознанного развития Станислава Лосева называют безлогичной школой устранения негативных программ* (<http://centr-dom.com>).

Такая устойчивость этих пар, а следовательно, и возможная мотивация дериватов с *небез-(небес-)* приставочными прилагательными, объясняется тем, что приставка *не-* в эпоху национального периода развития языка унаследовала от соответствующей частицы «значение ограниченного утверждения перед словами с приставками *без-, не-*» [СРЯ XVIII в.: Вып. 14]. То, что у приставки *не-* есть в языке самостоятельное значение умеренного проявления признака, поддерживает в прилагательных с *небез-(небес-)* непосредственную мотивацию приставочными прилагательными и дает все

основания рассматривать приставочный элемент как состоящий из двух самостоятельных приставок: *небезнадежный* ‘не совсем безнадежный’, *небезукоризненный* ‘не вполне безупречный’ [СУ], *небезвыходный* ‘не совсем безнадежный, безысходный’ [БТС].

Таким образом, в русском языке сочетание двух приставок *не-* и *без-* (*бес-*) в слове может выражать различное значение: 1) полное отрицание признака (см. выше) – *небезоружный* ‘имеющий оружие’, *небеспредельный* ‘имеющий предел, конец’, 2) неполное (умеренное) отрицание признака – *небезвредный* ‘не вполне безвредный’, *небезуспешный* ‘не совсем безуспешный’. В последнем случае сочетание двух приставок *не-* + *-без-* (*бес-*) равно по значению единому приставочному комплексу *небез-* (*небес-*), именно поэтому при различной словообразовательной структуре прилагательного его семантическое наполнение остается тождественным: *не-бескорыстный* ‘не совсем бескорыстный’ и *небес-корыстный* ‘достаточно корыстный’.

Все вышесказанное позволяет заключить, что непосредственная мотивация дериватов с *небез-* (*небес-*) приставочными прилагательными хотя и отошла на второй план, но не исчезла из языка. Производные, в которых приставочная последовательность *небез-* (*небес-*) выступала бы только как единый словообразовательный формант, в языке отсутствуют. Поэтому можно констатировать, что приставочная последовательность *небез-* (*небес-*) стоит на пороге превращения в протяжённый префикс, но пока еще им не стала. До тех пор пока она не получит в языке окончательного оформления в качестве протяжённого аффикса, фонологически тождественную последовательность *небез-* (*небес-*) в прилагательных неверно было бы считать морфемным комплексом. Эту префиксальную последовательность можно назвать лишь *потенциальным морфемным комплексом*, поскольку в нем отсутствует самая важная для развития деривационной системы языка структурная разновидность – новый протяжённый аффикс. Наличие в языке

значительного числа полиструктурных прилагательных с *небез-(небес-)* позволяет предположить, что такая протяжённая приставка может появиться в языке, но на данном этапе его развития приставочный элемент *небез-(небес-)* является лишь *потенциальной* протяжённой морфемой.

6. Протяжённые префиксы в единичных образованиях

В русском языке есть префиксальные последовательности, которые встречаются в ограниченном количестве слов и лишь в единичных образованиях выступают как самостоятельное словообразовательное средство, представленное протяжённым аффиксом, или как первый составной элемент конфиксального форманта. К ним относятся – *поза-*, *сыз-*, *испод-*. Приставки *поза-*, *сыз-*, *испод-* включены в перечень префиксальных морфов, представленный в [РГ-80], однако в новейших словарях аффиксальных единиц русского языка – [СМРЯ], [ТССЕ] – эти приставки отсутствуют. Дадим краткую характеристику названным префиксам.

префикс *поза-*

Протяжённый префикс *поза-* участвует в образовании наречия *позавчера* [СУ (разг.); МАС; БАС; СОШ] и прилагательного *позапрошлый* [СУ (разг.); МАС (разг.); БАС; СОШ], которые входят в активный словарный запас, а также двух слов, находящихся на периферии литературного языка: прилагательного *позапрошедший* (устар.) ‘то же, что позапрошлый’ [БАС] и наречия *позалетось* (обл.) ‘в позапрошлом году’ [БАС]. В современном языке префикс *поза-* выражает в этих словах значение непосредственного временного предшествования.

Названные образования с начальным элементом *поза-* впервые были зафиксированы в XIX веке (*позавчера*, *позапрошедший*, *позалетось* в [СД], *позапрошлый* в [СА 1847]) и имели в своем составе два префикса, поскольку

их производящими были слова с приставкой *за-*: *запрошлый*, *запрошедший*, *завчера* [СД], *залетось* [СРНГ: Вып. 10]. Приставка *за-*, как отмечает В.И. Даль, имеет в этих словах значение ‘третий, считая назад от нынешнего или данного времени’ [СД]. Следовательно, присоединение префикса *по-* к производящим с приставкой *за-* должно было бы придавать производным значение ‘четвертый день, месяц, год счетом назад’ [СД]. Однако образования с *поза-* имеют то же значение, что и их производящие с приставкой *за-*: *позавчера* ‘накануне вчерашнего дня; третьего дня’ [БАС], *позапрошлый*, *позапрошедший* ‘предшедший прошлому, третий назад’ [СД], ‘непосредственно предшествующий прошлому, только что прошедшему’ [БАС], *позалетось* ‘третьего лета, года’ [СД], ‘в позапрошлом году’ [БАС]. Это позволяет заключить, что приставка *по-* в словах выполняла скорее стилистическую функцию – придавала словам оттенок разговорности (или просторечия). Как замечает Л.И. Ройзензон, для вторичных приставок характерны усилительные и стилистические функции [Ройзензон 1966: 94].

Выделение протяжённого префикса *поза-* в хорошо известных носителям русского языка словах *позавчера* и *позапрошлый* связано с утратой производящего *завчера* и выходом из активного употребления прилагательного *запрошлый*, которое как просторечное зафиксировано в [БАС]. Поскольку последнее не ушло из языка совсем, в [ССТ] прилагательное *позапрошлый* представлено как полимотивированное образование: *поза-прошлый* от *прошлый* и *по-запрошлый* от *запрошлый*. Устаревшее прилагательное *позапрошедший* и областное наречие *позалетось* также имеют в своей структуре протяжённую приставку, потому что, утратив непосредственно производящие *запрошедший* и *залетось*, в современном языке мотивируются словами *прошедший* и *летось* (обл.) ‘прошлым летом, в прошлом году’ [БАС]: *поза-прошедший* ← *прошедший*, *поза-летось* ← *летось* [ССТ].

В рассмотренных примерах протяжённый префикс *поза-* является самостоятельной деривационной морфемой.

префикс *сыз-(сыс-)*

В русском языке насчитывается 10 слов (наречий) с префиксальным элементом *сыз-(сыс-)*: синонимы *сызвѣка* (разг., устар.) [БАС; МАС], *сыздавна* (разг.) [БАС; МАС], *сысстари* (прост.) [СУ; БАС], имеющие значение ‘с давних пор, издавна’; синонимы *сызмала* (прост.) [СУ; БАС; МАС], *сызмальства* (прост.) [СУ; БАС; МАС], *сызмалёньку* (прост.) [БАС], *сызмалётства* (прост.) [БАС] со значением ‘с малых лет’; *сыздётства* ‘с детских лет’ (прост.) [СУ; БАС], (устар. и прост.) [МАС], *сыскося* ‘не прямо, скосив глаза’ (прост.) [БАС], *сызно́ва* ‘снова, опять’ (разг.) [СУ; БАС; МАС], (прост.) [СОШ]. Практически все они пришли в общенародный язык из диалектов (см. [СРНГ: Вып. 43]) и поэтому находятся на периферии литературного языка, чаще других встречается наречие *сызно́ва*.

У семи наречий есть производящие с приставкой *из-(ис-)*. Причем у трех из них производящими являются стилистически нейтральные слова: *сыздавна* (разг.) – *издавна* (нейтр.), *сыскося* (прост.) – *искося* (нейтр.), *сысстари* (прост.) – *исстари* (нейтр.). Поскольку производные с приставкой *с-* тождественны по значению со своими производящими, вторичная приставка в них семантически избыточна и выполняет исключительно стилистическую функцию. Семантическое тождество производящих и производных наречий позволяет выводить последние из начального звена словообразовательной цепи, а следовательно, говорить об их полимотивированности: *с-ыздавна* от *издавна* и ***сыз-****давна-а* от *давна/ий/*; *с-ысстари* от *исстари* и ***сыс-****стар-и* от *стар/ый/*, *с-ыскося* от *искося* и ***сыс-****кос-а* от *кос/ой/*.

У остальных наречий производящие относятся к пассивному словарному запасу языка: *сызвѣка* (разг., устар.) – *извѣка* (устар.) [СУ; МАС], *сыздётства* (прост.) – *издётства* (устар.) [БАС], к просторечной *сызмальства* (прост.) – *измальство* (прост.) [БАС] либо диалектной лексике *сызмала* (прост.) – *измала* (обл.) [БАС]. Учитывая, что подобного рода

производящие имеют крайне ограниченную сферу употребления, наречия *сызвѣка*, *сыздѣтства*, *сызмáльства*, *сызмала* с позиции современной системы словообразования можно уже рассматривать как образованные от бесприставочных имен *век*, *детство*, *малый* конфиксальным (приставочно-суффиксальным) способом. Следовательно, в их словообразовательной структуре будет выделяться протяжённый префикс *сыз-* как составной элемент конфикса: ***сыз-век-а***, ***сыз-детств-а***, ***сыз-маль-ства***, ***сыз-мал-а***.

Наконец, два наречия из десяти – *сызнова* и *сызмалѣтства* – не имеют в современном языке производящих с приставкой *из-*, поскольку они утрачены языком (*изнова* ‘снова, заново’ [СРЯ XVIII в.: Вып. 9] и *измалѣтство* [СД]). Поэтому в их морфемной структуре есть протяжённый префикс *сыз-*, а словообразовательная структура выглядит следующим образом: ***сыз-нов-а*** от *нов/ый/* и ***сыз-малет-ства*** от словосочетания *малые лета*.

Производное *сызмаленьку*, на наш взгляд, образовано не приставочно-суффиксальным способом от наречия *маленько*, как указано в [ССТ], а суффиксальным способом от наречия *сызмала*, более близкого по семантике. Поэтому в производном *сызмаленьку* протяжённый префикс *сыз-* наследуется от производящего.

Таким образом, в отличие от протяжённого префикса *поза-*, который является самостоятельным словообразовательным формантом, протяжённый префикс *сыз-* функционирует только в составе конфиксов.

префикс *испод-*

Префикс *испод-* является узуальным, по мнению И.С. Улуханова, только в приставочно-суффиксальном наречии *исподтишка* (<*тихий*) [Улуханов 1996: 117]. Однако этот префикс, составляющий формант смешанного способа словообразования, встречается также в узуальных словах *исподлобья* ‘из-подо лба, насупив брови’ (*лоб* → *испод-лоб’-j-а*) и

исподнизу ‘из-под самого низа’ (*низ* → *испод-низ-у*) [ТССШ; ССТ]. Все три наречия впервые были зафиксированы, по сведениям [БАС], в XVIII-XIX вв.: *исподлобья* (1771 г.) в Российском Целлариусе Ф. Гелтергофа, *исподтишка*, а также *исподтиха* (1794 г.) в [САР], *исподнизу* (1881 г.) в [СД]. В настоящее время эти наречия, кроме *исподтиха*, относятся к активному словарному запасу языка. Префикс *испод-* в них можно назвать протяжённым лишь условно, поскольку здесь не наблюдается слияния двух приставок в одну протяжённую морфему. Префикс *испод-* появился путем преобразования в приставку одноименного сложного предлога перед падежной формой имени: *из-подо лба*, *из-под низа(у)*, *из-под тиха*. В последнем примере представлена нерасчлененная форма имени *тихо*, некогда существовавшая в языке, в родительном падеже. На основе этой предложно-падежной словоформы и сформировалось наречие *исподтиха* (в настоящее время просторечное), от которого, по данным [ССТ], образовалось современное *исподтишка* суффиксальным способом: *исподтиха* → *исподтиш-к-а*. Однако с точки зрения современного состояния языка более достоверной представляется позиция И.С. Улуканова, который рассматривает наречие *исподтишка* как приставочно-суффиксальное образование от прилагательного *тихий*: *тихий* → *испод-тиш-ка*.

Протяжённый префикс *испод-* во всех образованиях является компонентом конфикса.

префиксы *распре-*, *наис-*, *произ-*

Префиксы *распре-*, *наис-*, *произ-* не входят в список префиксальных морфем, представленный в [РГ-80], но упоминаются в некоторых учебных пособиях [МСРЯ; Немченко 1994]. Функционируют в единичных образованиях: *наис-* в *наискось*, *распре-* в *распределить*, *произ-* в *произрасти*. Охарактеризуем словообразовательную структуру этих слов.

Глагол *распределить* в [ССТ] представлен как непроизводный, как вершина словообразовательного гнезда. Однако использованная при нем отсылка к бесприставочному глаголу (ср. *делить*) говорит о том, что смысловые связи между глаголами *распределить* и *делить* до сих пор еще не утрачены, хотя и ослаблены. Следует заметить, что носители русского языка отчетливо осознают смысловую связь между названными глаголами. И в [БАС] толкование глагола *распределить* дается через бесприставочный однокоренной глагол – ‘*делить* между кем-, чем-либо, предоставляя каждому отдельную часть’. Поэтому выделение протяжённого префикса *распре-* в глаголе *распределить* [Немченко 1994: 183] представляется вполне оправданным.

Нет единой точки зрения и на морфемно-словообразовательную структуру наречия *наискось*. В [ССТ] оно рассматривается как образованное от производного наречия *искоса* (*на-искось* ← *ис-кос-а* ← *кос/ой/*), поэтому в морфемной структуре наречия *наискось* следует выделять две простые приставки *на-* и *ис-*. В [ТССШ] наречие *наискось* представлено как образованное непосредственно от прилагательного *косой* (*наис-кось-ø* ← *кос/ой/*), следовательно, в наречии выделяется протяжённый префикс *наис-* как составной элемент конфикса. Последний подход представляется более убедительным. Так как наречие *искоса* ‘не прямо, скосив глаза, боковым взглядом’ [МАС] имеет фразеологически связанное значение и употребляется только в сочетании с глаголами зрения (*смотреть*, *глядеть* и под.), оно не является семантически мотивирующим для наречия *наискось*.

Приставка *про-* в качестве вторичной приставки в глаголах является непродуктивной [Ройзензон 1966: 89]. В сочетании с приставкой *из-* она образует протяжённый префикс *произ-* в глаголе *произрасти* ‘сов. к расти (в 4 знач. – иметь распространение)’ [ТССШ]. В речи этот глагол употребляется преимущественно в несовершенном виде – *произрастать*:

В безводной пустыне стал произрастать хлопчатник [ТССШ]⁷⁰. Приставка *произ-* в производном выражает значение целостности действия, а также выполняет стилистическую функцию (придает речи приподнятость, торжественность). Другие немногочисленные глаголы с начальным элементом *произ-* (*произвести, произнести, произойти*) с синхронической точки зрения являются непроизводными.

Таким образом, протяжённые префиксы *распре-*, *наис-*, *произ-* функционируют в языке по-разному: приставки *распре-* и *произ-* как самостоятельное словообразовательное средство, приставка *наис-* как элемент конфикса.

ВЫВОДЫ

В лингвистической литературе, посвященной приставочному словообразованию, неоднократно высказывалась мысль о том, что префиксальная система русского языка, сложившаяся еще в период общеславянского языкового единства, весьма устойчива. Поэтому протяжённые префиксы не характерны для русского языка, их появление в языке является скорее исключением, чем правилом.

Малочисленность протяжённых префиксов в языке объясняется специфическими особенностями приставки, которые определяются ее препозитивным положением в слове. Прежде всего это их относительная самостоятельность, или формально-семантическая автономность, а также функциональная значимость первичного префикса в многоприставочном производном. Несмотря на агглютинативный характер нанизывания префиксов в слове, их стабильное употребление как префиксального комплекса в кругу определенного рода лексем, а также структурно-семантическая воспроизводимость в качестве целостной словообразовательной единицы привели к закреплению в русском языке

⁷⁰ В [СУ; МАС] глагол *произрастать* в названном значении представлен как одновидовой.

нескольких протяжённых префиксов, среди которых наиболее регулярными являются префиксы *недо-* и *обез-*.

Приставки *недо-* и *обез-*, будучи протяжёнными морфемами, при некотором сходстве в формировании и функционировании имеют существенные различия.

Протяжённые приставки формировались на разном языковом материале. Префикс *обез-* сложился на базе двух приставок (*о-* + *без-*), генетически восходящих к соответствующим предлогам; префикс *недо-* – на основе приставки *не-*, которая своим происхождением обязана одноименной частице, и приставки *до-*, восходящей к предлогу. В образовании префикса *недо-* немалую роль сыграло неупорядоченное написание *не-* с глаголами, чего нельзя сказать о приставке *обез-*.

Образование обоих протяжённых префиксов связано с процессом нейтрализации, которая может быть формальной и семантической. Приставка *недо-* является результатом формально-семантической нейтрализации, приставка *обез-* – только формальной.

При формировании приставки *недо-* возникает частичная семантическая нейтрализация первичного префикса *до-*, который утрачивает значение завершения конечной фазы действия, сохраняя при этом семантику достигнутого результата. Поэтому в приставочном комплексе формируется новое значение – значение неполноты действия: *недопонять* ‘не вполне, недостаточно понять что-л.’ [МАС]. В приставочном блоке глаголов с *обез-* семантической нейтрализации не происходило, напротив, имело место сложение смыслов, поэтому протяжённый префикс *обез-* выражает суммарное значение обеих приставок: значение достигнутого результата действия (*о-*) и семантику лишения (*без-*): *обессахарить* ‘удалить сахар из какого-либо вещества’ [БАС]. Окончательное оформление в языке протяжённых префиксов *недо-* и *обез-* связано с формальной нейтрализацией неконечной приставки, когда она перестает выделяться структурно и становится частью нового префикса (*недо-накопить*, *обез-газить*).

По сведениям исторических словарей, протяжённый префикс *недо-* сформировался уже в эпоху древнерусского языка, префикс *обез-* возник гораздо позже – к началу XVIII века.

Несмотря на то, что обе приставки (*недо-* и *обез-*) исторически сложились на базе глагольного словопроизводства (*довѣдѣти* → *недовѣдѣти*, *бесчѣстити* → *о-бесчѣстити*), их функционирование не замыкается в рамках глагольной деривации: приставка *недо-*, активно участвующая во внутриглагольном словообразовании (*использовать* → *недоиспользовать*), присоединяется и к именам (*вложение* → *недовложение*); префикс *обез-*, хотя и не способен присоединяться к уже существующим глаголам, будучи составным элементом конфикса, «переводит в класс глаголов неглагольные элементы» [Кронгауз 1998: 102] (*жир* → *обезжирить*, *мужик* → *обезмужичить*).

Представленный в данной главе языковой материал показывает, что приставка *недо-* обычно участвует в образовании новых слов как самостоятельное словообразовательное средство, и в этом смысле она является свободной⁷¹. Префикс *обез-*, напротив, не самостоятелен в языке, потому что всегда выступает в качестве составной части конфиксов, которые образуют глаголы от имен.

Продуктивность протяжённых префиксов в современном языке тоже различна. Приставка *недо-* характеризуется высокой продуктивностью не только в сфере внутриглагольного словообразования, но и именного. По сравнению с приставкой *недо-* конфиксальные словообразовательные типы с префиксом *обез-* менее продуктивны и, как правило, пополняют сферу профессиональной лексики (*обезжелезить*, *обесфосфорить*).

Наличие в языке протяжённых приставок позволяет говорить о том, что префиксальные последовательности *недо-* и *обез-* представляют собой

⁷¹ Случаи функционирования приставки *недо-* в составе конфиксов довольно редки (*недоумок*, *недомыслие*).

морфемные комплексы. Эти приставочные морфемные комплексы в современном языке неодинаковы по своему составу.

Морфемный комплекс *обез-* является *полным*, так как он имеет трехчастную структуру (*о-+без-, о-+без-/обез-, обез-*), которая наглядно отражает этапы формирования протяжённого аффикса. Морфемный комплекс *недо-*, напротив, является *неполным*, поскольку в современном языке отсутствует его исходная структурная разновидность – наличие в глаголе двух простых приставок (*не-+до-*).

Потенциальный морфемный комплекс представлен производными с фонологически тождественной приставочной последовательностью *небез-*. То, что префиксальный комплекс *небез-* приобрел в языке самостоятельное значение умеренной степени проявления признака, говорит о частичной семантической нейтрализации первичного префикса (*без-*) и начавшемся процессе образования нового словообразовательного средства на уровне семантики. Полиструктурность большей части прилагательных с *небез-*, обусловленная их множественной мотивацией, свидетельствует о том, что этот процесс осуществляется уже и на уровне формы, однако еще не достиг своего завершения. Поскольку формальной нейтрализации первичной приставки ещё не последовало, префиксальная последовательность *небез-* в именах прилагательных представляет собой лишь *потенциальную* протяжённую морфему.

В единичных образованиях, преимущественно находящихся на периферии литературного языка, встречаются префиксальные последовательности *поза-, сыз-, испод-, распре-, наис-, произ-*, которые являются протяжёнными приставками в чистых или смешанных способах словообразования. Эти протяжённые префиксы непродуктивны в языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переразложение представляет собой важнейший исторический процесс, суть которого заключается в перераспределении морфемного материала внутри производного слова. Этот процесс оказывает большое влияние на развитие и пополнение морфемного фонда языка, в частности на формирование новых служебных морфем, прежде всего протяжённых аффиксов.

Процесс переразложения возникает под влиянием различных причин собственно языкового характера: утрата производящего слова, процессы аналогии, фонетические изменения на стыке морфем, развитие у производного слова иных системных связей и др. Но только две из них связаны с формированием в языке новых протяжённых аффиксов: 1) выход из употребления непосредственно производящего слова (*врачебный* от *врач*, поскольку утрачено слово *врачба*); 2) развитие у производного новых системных отношений (*грешник* не только от *грешный*, но и от *грех* и *грешить*). Важно подчеркнуть, что первая причина появления в языке протяжённых морфем имеет отношение к *диахроническому* аспекту в языке, вторая – к *синхроническому*.

Синтез этих двух аспектов необходимо учитывать при изучении процесса переразложения. Если закон, определяющий общую закономерность в развитии морфемной структуры слова, а именно закон «о сокращении основ в пользу окончаний» может быть осмыслен только в диахроническом плане, то анализ структурных элементов слова и системных связей, возникающих между ними, опирается на изучение языка в определенную эпоху его функционирования, в частности на современном этапе. Исследователи неоднократно высказывали мысль о том, что «изучение языка в синхроническом плане должно быть историческим по существу, т. е. учитывать неизбежно заключающийся в языке момент диахронии –

известной протяженности и развития во времени» [Смирницкий 1998: 8]⁷². Поэтому использованный в работе *комплексный синхронно-диахронный подход* позволил показать исторический процесс переразложения в его связи с современным состоянием деривационных отношений в языке. Предложенная методика анализа дает возможность объективно осветить происходящие в языке процессы и представляется ценной для современной лингвистической науки.

Протяжённые аффиксы в русском языке представлены протяжёнными суффиксами и протяжёнными приставками. Их формирование и функционирование характеризуется как общими, так и отличительными чертами, последние определяются языковым своеобразием суффиксов и приставок.

Образование протяжённых суффиксов – явление весьма распространенное в языке, появление протяжённых префиксов, напротив, не характерно для русского языка. Поэтому протяжённые морфемы представлены в языке преимущественно суффиксами, протяжённых приставок, «регулярных и производящих», только две (*недо-* и *обез-*). Причина такого «неравенства» в соотношении названных протяжённых морфем кроется в фузионных свойствах суффиксов и агглютинативных особенностях приставок в русском языке.

Описание механизма формирования протяжённого аффикса опирается в работе на понятие «*морфемный комплекс*». Морфемный комплекс как явление синхронического словообразования находится на пересечении разных системных связей и отражает динамику синхронных словообразовательных процессов. Трехчастная структура морфемного комплекса (*-тель- + -ск-*, *-тель- + -ск-/-тельск-*, *-тельск-*) дает возможность увидеть, как зарождается, складывается и оформляется в языке протяжённая единица. Если первая структурная разновидность морфемного комплекса отражает деривационную

⁷² См. также [Горнунг 1960; Караулов 1970; Трубачев 1994; Grzegorzczkova, Puzynina 1959].

историю слова (*чита/ть/* → *чита-тель* → *читатель-ск/ий/*), то в промежуточной зоне (переходная форма), с одной стороны, у слова сохраняются старые системные связи (*иссле́дова/ть/* → *иссле́дова-тель* → *исследователь-ск/ий/*), с другой – развиваются новые системные связи (*иссле́дова/ть/* → *иссле́дова-тельск/ий/*), которые в третьей структурной разновидности морфемного комплекса становятся единственными (*надува/ть/* → *надува-тельск/ий/*).

Преобразования, происходящие в морфемном комплексе, возникают под влиянием определённых условий и причин, которые целесообразно разграничивать.

К условиям формирования морфемного комплекса относятся позиция аффикса в слове (*слабая позиция*) и тип словообразовательной цепи (*полная полинарная цепь*). Однако не всегда эти условия приводят к образованию промежуточной зоны морфемного комплекса, где начинает складываться новое словообразовательное средство. Таким образом, условия лишь предоставляют возможность для преобразования последовательности аффиксов в единый словообразовательный формант, но не каждая такая возможность реализуется в языке.

Причины формирования морфемного комплекса, в отличие от условий, неизбежно приводят к появлению новой протяжённой морфемы. К ним относятся *семантическая нейтрализация* неконечного аффикса и развитие *полимотивированности* у производного.

Процесс десемантизации неконечного аффикса по-разному представлен в полисуффиксальных и полипрефиксальных образованиях, что в значительной степени обусловлено формально-семантической неустойчивостью суффикса в слове и, напротив, функциональной значимостью приставки. Формирование протяжённых суффиксов на базе личных имен на *-тель*, *-ист*, *-ник* характеризуется полной семантической нейтрализацией суффиксов со значением лица перед вторичными суффиксами. При образовании протяжённых префиксов либо возникает

частичная семантическая нейтрализация первичного префикса (в приставке *недо-*), либо десемантизации не наблюдается (в приставке *обез-*), что, на наш взгляд, является исключением из правила. Не менее важной причиной возникновения протяжённых морфем является развитие у полиаффиксальных производных новых системных отношений (как следствие десемантизации), которые выражаются в их полимотивированности. Развитие у производного опосредованной мотивации нарушает формально-семантическое равновесие и ведет к переразложению в основе производного слова. В языке возникает, по выражению В.И. Свидерского, «компромиссная» структура, в которой сосуществуют новые и старые элементы, для которой характерно то, что она «оказывается неустойчивой, является преходящей, переходной структурой и сменяется в последующем новой структурой новых элементов» [Свидерский 1962: 66]. Такой «новой структурой» и становится протяжённый аффикс, появление которого есть результат не только семантической, но и формальной нейтрализации неконечного аффикса.

Как уже было сказано, трехчастная структура – один из главных признаков морфемного комплекса. Однако в современном языке есть морфемные комплексы, исходная структурная разновидность которых (последовательность двух-трех простых аффиксов) утрачена в процессе исторического развития. Но поскольку ее можно реконструировать, обратившись к истории языка, отсутствие этой исходной ступени морфемного комплекса на определенной стадии развития языка не есть абсолютное отсутствие. Для номинации морфемных комплексов, не имеющих в современном языке своей начальной структурной разновидности, в работе введен новый термин «неполный морфемный комплекс». В диссертационном исследовании неполными морфемными комплексами являются префиксальный комплекс *недо-* (см. гл. IV, п. 3) и суффиксальные комплексы -*тельниц/а/* с предметным значением (см. гл. III, п. 2.2) и -*истичн/ый/* (см. гл. III, п. 3.5).

Две другие структурные разновидности морфемного комплекса – *промежуточная зона* и *протяжённый аффикс* – обязательные элементы морфемного комплекса.

Промежуточная зона, где фонологически тождественная морфемная последовательность функционирует то как соединение двух-трех простых аффиксов, то как целостная фонологически протяжённая единица, представляет собой переходное явление системы синхронного словообразования, «зону синкретизма», в которой явления «неоднородны по степени представленности в них признаков полярных категорий» [Бабайцева 2000: 5]. Дериваты, образующие промежуточную зону морфемного комплекса, представлены полимотивированными и полиструктурными словами, у которых в пределах одного лексического значения возникают структурно-семантические варианты: *разбойнич-а/ть/* (быть разбойником) и *разбой-нича/ть/* (заниматься разбоем), *о-беззубеть* (стать беззубым) и *обез-зубеть* (лишиться зубов). Именно в промежуточной зоне морфемного комплекса возникает конфликт содержания и формы, который «разрешается "сбрасыванием" старой и возникновением новой формы, адекватной развившемуся содержанию» [БСЭ: 69].

Протяжённый аффикс – конечная стадия формирования морфемного комплекса, вершина его развития. Сравнительная характеристика протяжённого аффикса с простым аффиксом, с одной стороны, и с последовательностью аффиксов – с другой, позволила выявить важную структурно-семантическую особенность протяжённой морфемы, которая заключается в несоответствии сложной структуры протяжённого аффикса его простой семантике.

При формировании протяжённых суффиксов усложнение формы всегда сопровождается упрощением семантики – полной семантической нейтрализацией неконечного суффикса, в результате чего протяжённый суффикс тождествен по значению простому суффиксу, на базе которого он сложился (*-тельство/о/*, *-ничество/о/* и *-ство/о/* с отвлеченным значением;

-тельск/ий/, -истск/ий/, -ническ/ий/ и -ск/ий/ со значением отношения). Значение протяжённого префикса не равно значению простой приставки. Это обусловлено тем, что формирование протяжённого префикса *недо-* сопровождается лишь частичной семантической нейтрализацией неконечной приставки, и поэтому усложненная форма выражает новое содержание (неполноту действия); префикс *обез-*, как исключение, представляет собой результат усложнения и формы, и значения.

Поскольку протяжённый аффикс является обязательным элементом морфемного комплекса, то его (аффикса) отсутствие в языке говорит о том, что и морфемный комплекс не существует. Поэтому устойчивые морфемные сочетания, которые в полиаффиксальных производных обнаруживают неоднородность своей структуры, но при этом не представлены протяжённым формантом в мономотивированных производных, морфемным комплексом не являются, хотя потенциально могут им стать. Для обозначения таких устойчивых «морфемных блоков» в исследовании введен термин «потенциальный морфемный комплекс». Как потенциальные морфемные комплексы в работе рассмотрены приставочная последовательность *небез-* (см. гл. IV, п. 5) и суффиксальная последовательность *-тельница/a/* со значением лица женского пола (см. гл. III, п. 2.2)⁷³.

Исходная и конечная структурные разновидности морфемного комплекса всегда представлены мономотивированными образованиями, промежуточная зона — только полимотивированными производными. Поскольку последние возникают в точке пересечения как минимум двух словообразовательных типов, они аккумулируют в себе все возможные связи, предоставляемые системой языка (*буддист-ск/ий/* от *буддист* и *будд-истск/ий/* от *буддизм*; *о-безвод-и/ть/* от *безводный* и *обез-вод-и/ть/* от *вода*), при этом каждая системная связь представлена в языке в моно-

⁷³ Введенные в процессе исследования термины «неполный морфемный комплекс», «потенциальный морфемный комплекс» не выходят за рамки существующей терминологической парадигмы и, на наш взгляд, органично в нее вписываются (ср. неполная словообразовательная цепь, неполная парадигма, потенциальное слово, потенциальное значение и др.).

мотивированных образованиях (*танкист* → *танкист-ск/ий/*, *сноб*, *сноб/изм/* → *сноб-истск/ий/*; *безмолв/н-ый/* → *о-безмолв-и/ть/*, *жир* → *обез-жир-и/ть/*).

Протяжённые аффиксы неоднородны по времени появления в языке, по степени своей регулярности и продуктивности. Приставка *недо-* и суффикс *-тельн/ый/* сформировались в эпоху древнерусского языка, приставка *обез-* и суффиксы *-тельств/o/*, *-нича/ть/* – в XVIII веке. Эти протяжённые аффиксы характеризуются высокой частотностью употребления, но только два из них – префикс *недо-* и суффикс *-нича/ть/* – являются продуктивными морфемами. Остальные протяжённые аффиксы (*-истк/a/*, *-тельск/ий/*, *-ниществ/o/* и проч.) появились совсем недавно – в XX столетии и являются нерегулярными морфемами. Таким образом, несмотря на то что в формировании протяжённых аффиксов участвуют продуктивные морфемы русского языка, сами протяжённые аффиксы оказываются малопродуктивными или непродуктивными. Однако непродуктивные в языке протяжённые аффиксы могут отличаться чрезвычайной активностью в речи.

Протяжённые аффиксы используются в языке наряду с простыми аффиксами, на основе которых они образовались. Возникновение протяжённых формантов, таким образом, не приводит к исчезновению формантов простых. Увеличение числа протяжённых морфем (прежде всего суффиксов) связано с коммуникативной потребностью общества в новых словообразовательных средствах, которые нередко обладают более широкими сочетаемостными возможностями, чем соответствующие простые аффиксы. Это приводит к появлению в языке новых словообразовательных моделей. Протяжённые аффиксы функционируют как в чистых, так и в смешанных способах словообразования, пополняя словарный состав русского языка. Изученный языковой материал показывает, что протяжённые суффиксы участвуют в образовании новых слов самостоятельно, как единственный показатель словообразовательного значения; протяжённые префиксы ведут себя по-разному: приставка *обез-* всегда является элементом

конфикса, приставка *недо-* используется в словообразовании преимущественно как самостоятельный формант.

Слова, появившиеся в языке благодаря протяжённым аффиксам, «живут» по законам языка, который «есть сплошная подвижность и творческая текучесть» [Лосев 1989: 11], а следовательно, их словообразовательная структура тоже подвержена изменениям. Так, появление в языке недостающего звена словообразовательной цепи приводит к тому, что словообразовательная лакуна оказывается заполненной, поэтому первоначально мономотивированные производные (*Ш. де Голль* → *голл-истск/ий/*) в языковом сознании носителей русского языка становятся полимотивированными, а их словообразовательная структура множественной (*голл-истск/ий/* от *Ш. де Голль* и *голлист-ск/ий/* от *голлист*). Подобные структурные изменения являются свидетельством того, что слово пополняет «зону переходности», и показывают, что границы между структурными разновидностями морфемного комплекса подвижны. Это еще раз доказывает мысль о том, что «статика языка есть только частный случай его динамики» [Бодуэн де Куртенэ 1963а: Т. I, 349].

Следует отметить, что не все протяжённые суффиксы, в отличие от префиксов, нашли отражение в лексикографических источниках, что можно объяснить их недавним появлением в языке, малым количеством слов, в которых они функционируют, а также неизученностью языкового материала. Это суффиксы *-истск/а/*, *-истичн/ый/* и *-ничий/ø/*.

Описание процесса переразложения и изучение его роли в формировании морфемного комплекса, а следовательно, и протяжённого аффикса позволило выявить некоторые механизмы развития словообразовательной, а также морфемной структуры русского слова. Исследование показывает, что словообразовательный синтез характеризуется не только формально-семантическим усложнением, но нередко и «семантическим вычитанием». Изучение других протяжённых морфем

должно дать ответ на вопрос, насколько широко распространена семантическая нейтрализация неконечных морфем и в каких случаях она не имеет места. Нерешенным остается вопрос и о том, в каких отношениях находятся между собой простой и протяжённый суффиксы: являются они синонимичными аффиксами или представляют собой морфы одной морфемы. В настоящее время в поле зрения ученых находится лишь узкий круг существующих в языке протяжённых аффиксов, поэтому актуальной задачей современной лингвистики остается определение списка протяжённых морфем, выявление их семантики и особенностей функционирования, составление словаря протяжённых аффиксов. Фактический языковой материал в этом аспекте еще ждет тщательного изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. *Аврорин В.А.* Об основных различиях между агглютинативной и флективной аффиксацией // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 208-216.
3. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
4. *Анастасиев А.И.* Морфологический анализ слов // Филологические записки. Отд2. отд. – Воронеж, 1887. – 53 с.
5. *Андреев Л.М.* Приставка «недо-» и ее изучение // Русский язык в школе. – 1976. – № 4. – С. 66-68.
6. *Андреев Н.Д.* Полихрония и таутохрония // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 50-55.
7. *Антипов А.Г.* Полимотивация как фактор «расширения» словообразовательной системы (на материале прилагательных на *-истск(ий)* современного русского литературного языка) / А.Г. Антипов, П.А. Катышев, С.А. Беляева // Актуальные направления функциональной лингвистики. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 22-38.
8. *Аппель К.Ю.* Несколько слов о новейшем психологическом направлении языкознания // Русский филологический вестник. Отд. отд. – Варшава, 1882. – 62 с.
9. *Артемов А.М.* Множественность словообразовательной структуры глаголов на *-ничать* в современном русском языке // Русское словообразование. Труды. Новая серия. Вып. № 209. – Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1971 а. – С. 175-182.
10. *Артемов А.М.* Семантическая соотносительность производящих имен прилагательных и производных от них глаголов на *-ничать* в

современном русском языке // Русское словообразование. Труды. Новая серия. Вып. № 209. – Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1971б. – С. 118-127.

11. *Арутюнова Н.Д.* Очерки по словообразованию в современном испанском языке. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 152 с.

12. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.

13. *Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.* Русское словообразование: Учебное пособие. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 184 с.

14. *Bartoszewicz A.* История суффиксальной отсубстантивной деривации существительных в русском литературном языке (*nomina concreta* от *nomina concreta*) // *Wydział filologiczny, Seria Filologia Rosyjska*, nr. 2. – Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1972. – 226 s.

15. *Беляков В.* О комбинаторике глагольных приставок // Московский лингвистический журнал. Т. 5. № 1. – М.: Издательский центр РГГУ, 2001. – С. 161-171.

16. *Beliakov V., Guiraud-Weber M.* О некоторых свойствах вторичных глагольных приставок // *Russian linguistics*. – 1997. – Vol. 21. – N 2. – Dordrecht, Boston, London. – P. 165-175.

17. *Бердяев Н.А.* О власти пространства над русской душой // Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. – М.: издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. – 240 с.

18. *Бернштейн С.Б.* К истории славянского суффикса -TEL'Ь // Русское и славянское языкознание. – М.: Наука, 1972. – С. 36-42.

19. *Богданович Г.Ю.* Деривационная многозначность и омонимия служебных морфем в русском языке: теория и практика // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 1999. – № 7. – С. 145-146.

20. *Богородицкий В.А.* Лекции по общему языковедению. – Изд. 2-е, знач. дополн. – Казань, 1915. – 333 с.

21. *Богородицкий В.А.* Лингвистические заметки. Вып. I: О морфологической абсорпции // Русский филологический вестник. Отд. отд. – Варшава, 1881. – 35 с.
22. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). – Изд. 5-е, перераб. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. – 356 с.
23. *Богородицкий В.А.* Очерки по языковедению и русскому языку. – Изд. 4-е, перераб. – М.: Учпедгиз, 1939. – 224 с.
24. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Глоттологические (лингвистические) заметки // Филологические записки. Отд. отд. – Воронеж, 1877. – 53 с.
25. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний // Русский филологический вестник. Т. XLVIII. – Варшава, 1902. – С. 234-248.
26. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Заметки на полях сочинения В.В. Радлова (1909) // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963а. – Т. II. – С. 175-186.
27. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Лингвистические заметки и афоризмы: По поводу новейших лингвистических трудов В.А. Богородицкого (1903) // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963б. – Т. II. – С. 33-55.
28. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка (1897) // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963а. – Т. I. – С. 348-350.
29. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Николай Крушевский, его жизнь и научные труды (1888) // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963б. – Т. I. – С. 146-202.
30. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Об отношении русского письма к русскому языку (1912) // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963в. – Т. II. – С. 209-235.

31. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Подробная программа лекций в 1876–77 уч. году (1877) // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963 г. – Т. I. – С. 88-107.
32. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Рецензия на кн.: А. Leskien. Handbuch der altbulgarischen Sprache // Журнал Министерства народного просвещения, Ч. CLXXXVIII. Ноябрь. – СПб., 1876. – С. 152-164.
33. *Болычевская Н.А.* О семантике глаголов на -ничать // Актуальные проблемы лексикологии и грамматики русского языка. – Кишинев: «Штиинца», 1977. – С. 15-21.
34. *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
35. *Будилович А.С.* Начертание церковнославянской грамматики, применительно к общей теории русского и других родственных языков. – Варшава, 1883. – 352 с.
36. *Булаховский Л.А.* Курс русского литературного языка. Т. 1. – 5-е, перераб. изд. – Киев: Радянська школа, 1952. – 446 с.
37. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Ч. 1. – Изд. 2-е, передел. – М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1863. – 259 с.
38. *Быкова Л.А.* Современный русский литературный язык. Морфемика и словообразование. – Харьков: «Вища школа», 1974. – 96 с.
39. *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование (Ретроспективная формальная характеристика). – М.: Наука, 1969. – 232 с.
40. *Виноградов В.В.* К истории лексики русского литературного языка // Русская речь. Новая серия. Вып. I. – Л.: Academia, 1927. – С. 90-118.
41. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
42. *Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков)

// Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1952а. – С. 99-152.

43. *Виноградов В.В.* Современный русский язык. Вып. 1. Введение в грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1938. – 159 с.

44. *Виноградов В.В.* Современный русский язык: Морфология (курс лекций) – М.: Изд-во МГУ, 1952б. – 519 с.

45. *Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419-442.

46. *Винокур Г.О.* Маяковский – новатор языка. – М.: Сов. писатель, 1943. – 136 с.

47. *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – 196 с.

48. *Волоцкая З.М.* О фактах, влияющих на актуализацию значений словообразовательных формантов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. I. – Ташкент, 1980. – С. 16-19.

49. *Воронцова В.Л.* Образование существительных с суффиксом -тель в древнерусском языке // Труды Института языкознания АН СССР. Т. V. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 5-33.

50. *Высоцкий В.С.* Поэзия и проза. – М.: Книжная палата, 1989. – 448 с.

51. *Гвоздев А.Н.* О звуковом составе морфем // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 28-39.

52. *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология: Учебник для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. – Изд. 4-е. – М.: Просвещение, 1973. – 432 с.

53. *Гимпелевич В.С.* О членимости заимствованных слов в русском языке // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 192-198.

54. *Гимпелевич В.С.* Структурные модификации заимствованных суффиксов в русском языке // Русское словообразование. Вып. № 209. – Самарканд, 1971. – С. 206-213.
55. *Головин Б.Н.* Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1977. – 311 с.
56. *Головин Б.Н.* Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 1966. – 42 с.
57. *Горнунг Б.В.* Единство синхронии и диахронии как следствие специфики языковой структуры // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 5-21.
58. *Горнунг Б.В.* Изучение морфологической структуры слова // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 159-208.
59. *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – С. 60-94.
60. *ГРЯ-53:* Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 720 с.
61. *ГРЯ-70:* Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
62. *Даниленко В.П.* О словообразовании глаголов на -ничать в русском языке советского периода // Развитие современного русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и М.В. Панова. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 98-107.
63. *Дементьев А.А.* Заметки по русскому словообразованию // Учен. записки Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В.В. Куйбышева. Вып. 13. – Куйбышев: ОГИЗ Куйбышевское изд-во, 1955. – С. 233-255.
64. *Дементьев А.А.* О так называемых «интерфиксах» в русском языке // Вопросы языкознания. – 1974. – № 4. – С. 116-120.

65. *Дементьев А.А.* Суффикс -ик и его производные в современном русском языке // Учен. записки Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В.В. Куйбышева. Вып. 5. – Куйбышев: ОГИЗ Куйбышевское изд-во, 1942. – С. 41-56.

66. *Дмитриева О.И.* Семантическая эволюция русских глагольных префиксов // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс русистов-исследователей (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 13-16 марта 2001 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С. 184-185.

67. *Дмитриева О.И., Крюкова О.Ю.* Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. – Саратов: Научная книга, 2010. – 364 с.

68. *Ермакова О.П.* Выступление на обсуждении книги А.Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка» (Самарканд, 1971) // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы республиканской науч. конф. (12-15 сентября 1972 г.). Вып. II. – Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1972. – С. 102-106.

69. *Ермакова О.П.* Лексические значения производных слов в русском языке. – М.: Русский язык, 1984. – 152 с.

70. *Ермакова О.П.* Семантическое усечение // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 206-210.

71. *Есперсен О.* Философия грамматики / Пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой; Под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 400 с.

72. *Железнова Р.В.* Из истории личных имён существительных в русском литературном языке (XI–XX вв.) – Душанбе: Дониш, 1988. – 295 с.

73. *Зализняк Анна А., Шмелев А.Д.* Введение в русскую аспектологию. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
74. *Зверев А.Д.* Словообразование в современных восточнославянских языках. – М.: Высш. шк., 1981. – 206 с.
75. *Зверев А.Д.* Словообразование прилагательных в современном русском языке (в сопоставлении с украинским и белорусским): Дис. доктора филол. наук. – Черновцы, 1978. – 431 с.
76. *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 90-141.
77. *Земская Е.А.* Заметки по современному русскому словообразованию // Вопросы языкознания. – 1965а. – № 3. – С. 102-110.
78. *Земская Е.А.* Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 36-62.
79. *Земская Е.А.* К проблеме множественности морфонологических интерпретаций (спорные случаи членения производных основ в современном русском языке) // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975а. – С. 69-88.
80. *Земская Е.А.* Литературная норма и неузвальное словообразование // Современный русский язык: Система – норма – узус / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 480 с.
81. *Земская Е.А.* О понятии «позиция» в словообразовании // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975б. – С. 14-25.
82. *Земская Е.А.* Об основных процессах словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в. // Вопросы языкознания. – 1962. – № 2. – С. 46-55.

83. *Земская Е.А.* Понятия производности, оформленности и членимости основ // Развитие словообразования современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 3-12.

84. *Земская Е.А.* Продуктивность и членимость // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975 г. – С. 216-219.

85. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность / Ин-т рус. языка РАН. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

86. *Земская Е.А.* Словообразовательные морфемы как средство художественной выразительности // Русский язык в школе. – 1965 г. – № 3. – С. 53-58.

87. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.

88. *Земская Е.А.* Членимость и производность слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Учен. зап. Ташкентского гос. пед. ин-та. Т. 143. Вып. I. – Ташкент, 1975 г. – С. 112-117.

89. *Кадькалова Э.П.* О дистрибуции суффиксов -ить, -ничать, -ствовать при производстве глаголов от имен лиц // Дери́вация и номинация в русском языке. Межуровневое и внутриуровневое взаимодействие. – Омск: ОмГУ, 1970. – С. 34-41.

90. *Кадькалова Э.П.* О разных типах соотношений между словообразовательными моделями в рамках одной лексико-семантической категории слов («Профессиональные» глаголы на -ить, -ничать, -ствовать) // Филологический сборник. Вып. VI–VII. – Алма-Ата, 1967. – С. 254-263.

91. *Казак М.Ю.* Интегративный подход к описанию словообразовательного гнезда // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, журналистика. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – № 2. – С. 54-61.

92. *Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В.* Об актуализации морфемной членимости слов в речи (употребление префиксальных глаголов в устной

речи) // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 114-140.

93. *Караулов Ю.Н.* Языковое время и языковое пространство (о понятии хроногlossы) // Вестник МГУ. Сер. 10. Филология. – 1970. – № 1. – С. 61-73.

94. *Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. (сост.) История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. – 3-е изд., доп. Ч. II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85-90.

95. *Катлинская Л.П.* К вопросу о категориях описания в синхронном словообразовании // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 104-113.

96. *Кодухов В.И.* Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 352 с.

97. *Королева Ю.В.* Полипрефиксальные глаголы в русском языке: Дис. канд. филол. наук. – Томск, 2003. – 262 с.

98. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.

99. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика. Вып. 34. – М., 1995. – С. 32-57.

100. *Кропачева А.М.* Об условиях образования приставки недо- у глаголов // Грамматический строй современного русского языка. Труды V–VI конференций кафедр русского языка пед. ин-тов Поволжья (1961–1962). – Куйбышев, 1964. – С. 26-37.

101. *Крушевский Н.В.* К вопросу о гуне: Исследование в области старославянского вокализма // Русский филологический вестник. Отд. отд. – Варшава, 1881. – 111 с.

102. *Крушевский Н.В.* Лингвистические заметки // Русский филологический вестник. Отд. отд. – Варшава, 1880. – 30 с.

103. *Крушевский Н.В.* Об «анalogии» и «народной этимологии» // Русский филологический вестник. Т. 2. № 3. – Варшава, 1879. – С. 109-120.
104. *Крушевский Н.В.* Очерк науки о языке. – Казань: тип. Ун-та, 1883. – 151 с.
105. *Крючкова О.Ю.* Редупликация как явление русского словообразования / Под. ред. Л.И. Баранниковой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 264 с.
106. *Кубрякова Е.С.* Основы морфологического анализа (на материале германских языков). – М.: Наука, 1974. – 324 с.
107. *Кубрякова Е.С.* О типах морфологической членимости слов, квази-морфах и маркерах // Вопросы языкознания. – 1970. – № 2. – С. 78-90.
108. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
109. *Кузнецов П.С.* О принципах изучения грамматики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 100 с.
110. *Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 274 с.
111. *Кузнецова А.И.* Морфемные блоки и их роль в морфемной и словообразовательной структуре русского слова // Морфемика: Принципы и методы системного описания. – Л.: ЛГУ, 1987. – С. 97-106.
112. *Кузнецова А.И.* Словообразовательный круг в русском языке // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. – М.: МГУ, 1973. – С. 145-151.
113. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С.57-70.
114. *Левина Р.И.* О разграничении глаголов с приставкой недо- и глаголов с приставкой до- при наличии отрицания // Русский язык в школе. – 1963. – № 4. – С. 96-98.
115. *Левковская К.А.* Словообразование. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. – 35 с.

116. *Лопатин В.В.* Выступление на обсуждении книги А.Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка» (Самарканд, 1971) // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы республиканской науч. конф. (12-15 сентября 1972 г.). Вып. II. – Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1972. – С. 96-102.

117. *Лопатин В.В.* Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. – М.: Наука, 1977. – 316 с.

118. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словообразовательный тип и способы словообразования // Русский язык в национальной школе, 1969. – № 6. – С. 31-43.

119. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Структура славянской морфемы в синхронном и диахроническом аспектах // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации: Сб. докладов / Отделение литературы и языка АН СССР; Советский комитет славистов; Отв. ред. Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1988. – С. 190-206.

120. *Лосев А.Ф.* В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы и исследования языка. – М.: Наука, 1989. – С. 5-92.

121. *Майтинская К.Е.* Образование и классификация суффиксов в агглютинативных языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 154-164.

122. *Максимов В.И.* Структура и членение слова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 148 с.

123. *Максимов В.И.* Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 224 с.

124. *Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. – Л.: Наука, 1975. – 372 с.

125. *Манучарян Р.С.* О множественной мотивации // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы республиканской науч.

конф. (12-15 сентября 1972 г.). Вып. II. – Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1972. – С. 210-212.

126. *Манучарян Р.С.* Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения (на материале сопоставления русского и армянского языков): Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Ереван, 1975. – 53 с.

127. *Манучарян Р.С.* Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках: Учеб. пособие для филолог. факультетов вузов. – Ереван: Изд-во «ЛУЙС», 1981. – 315 с.

128. *Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX–начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2008. – 495 с.

129. *Марков В.М.* Замечания о конфиксальных образованиях в языке поэтических произведений М.В. Ломоносова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. (Ломоносовские чтения). Вып. 1. – Казань: Изд-во КГУ, 1967. – С. 60-72.

130. *Марков В.М.* Замечания о конфиксации в современном русском языке // *Język rosyjski*. – Warszawa, 1968. – N 3. – С. 7-12.

131. *Марков В.М.* К вопросу о происхождении суффикса -тель в славянских языках // Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. – С. 91-102.

132. *Маркова Э.В.* К типологии русских морфем (прерывистые морфемы) // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Т. 1. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 93-94.

133. *Маслов Ю.С.* Выступление на конференции по словообразованию в Самарканде: о книге А.Н. Тихонова, о морфеме, об интерфиксах и асемантемах // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы республиканской науч. конф. (12-15 сентября 1972 г.). Вып. II. – Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1972. – С. 195-197.

134. *Маслов Ю.С.* К семантической типологии морфем // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. I–VIII. – М.: Наука, 1978. – С. 5-18.
135. *Маслов Ю.С.* Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 184 с.
136. *Мейе А.* Общеславянский язык. – М.: Изд-во иностр. лит., 1951. – 492 с.
137. *Мельчук И.А.* О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках // Вопросы языкознания. – 1963. – № 4. – С. 27-40.
138. *Милославский И.Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 296 с.
139. *Моисеев А.И.* Соотносительность личных существительных мужского и женского рода и способы ее выражения // Учен. зап. ЛГУ, № 277. Серия филол. наук. Вып. 55. – Л., 1959. – С. 176-189.
140. *Молочко Г.А.* и др. Современный русский язык. Словообразование / Сост.: Г.А. Молочко, А.П. Фомина, Е.С. Хмелевская, И.С. Козырев. – Минск: Вышейш. шк., 1978. – 150 с.
141. *Морару Т.Ф.* Отличие глаголов с приставкой «недо-» от глаголов с приставкой «до-» и отрицанием // Русский язык в школе. – 1983. – № 5. – С. 83-86.
142. *Морозова М.И.* К вопросу о семантической абсорбции морфем // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. II. – Самарканд, 1972. – С. 206-207.
143. *МСРЯ: Морфемика и словообразование русского языка: Учебное пособие* / Отв. ред. Яцкевич Л.Г. – Вологда: Русь, 2002. – 283 с.
144. *Немченко В.Н.* Современный русский язык. Морфемика и словообразование: Учебник. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. – 296 с.
145. *Николаев Г.А.* Два замечания к теории переразложения // *Studia z filologii rosyjskiej i slowiańskiej*. Т. 3. – Warszawa: Wydaw. uniw.

warszawskiego, 1979. – S. 70-76; Русское и славянское словообразование: Opera seleta. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – С. 50-56.

146. *Николаев Г.А.* Пути формирования русской словообразовательной морфемики // Морфемика. Принципы и методы системного описания / Под ред. А.С. Герда и А.В. Бондарко. – Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1987. – С. 134-139.

147. *Николаев Г.А.* Русская конфикация и ее немецкие эквиваленты // Deutsch-russischer Dialog in den Philologien (Немецко-русский диалог в филологии): Beiträge zur Slavistik. Bd. XLII / Л.В. Владимирова, Г.А. Николаев; Herausgegeben von Herbert Jelitte und Maria Horkavtschuk. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. – S. 61-71.

148. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987. – 152 с.

149. *Николаев Г.А.* Синкретизм и словообразование в истории славянских языков // Русское и славянское словообразование: Opera seleta. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – С. 65-74.

150. *Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М.* Словообразование современного русского языка: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 160 с.

151. *НКРЯ*: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

152. *Обнорский С.П.* К истории словообразования в русском литературном языке // Русская речь. Новая серия. Вып. I. – Л.: Academia, 1927. – С. 75-89.

153. *Ольшанский О.Е.* Опрошение основ имен существительных русского языка. – Славянск, 1993. – 264 с.

154. *Очерки*: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке

XIX века / Под ред. акад. В.В. Виноградова и д. филол. н. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1964. – 600 с.

155. *Очерки-2: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века* / Под ред. акад. В.В. Виноградова и д. филол. н. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1964. – 320 с.

156. *Панов М.В. О наложении морфем* // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 341. – М., 1969. – С. 130-154.

157. *Панов М.В. О степенях членимости слов* // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 234-238.

158. *Панов М.В. О членимости слов на морфемы* // Памяти академика В.В. Виноградова. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – С. 170-179.

159. *Панов М.В. Позиционная морфология русского языка.* – М.: Наука: Шк. «ЯРК», 1999. – 275 с.

160. *Панов М.В. Русский язык* // Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 55-122.

161. *Панченко В.П. Опыт когнитивно ориентированного описания отношений словообразовательной мотивированности в синхронии и диахронии русского языка (на материале глаголов с финалью -ничать): Автореф. дис. канд. филол. наук.* – Саратов, 2005. – 24 с.

162. *Пастушёнков Г.А. Некоторые проблемы структуры слова (Единицы структурно-семантического плана).* – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-т, 1977. – 84 с.

163. *Пастушёнков Г.А. Так называемые «сложные» суффиксы в современном русском языке* // Филологические науки. – 1974. – № 1. – С. 53-64.

164. *Пауль Г. Принципы истории языка* / Пер. с нем. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Иностр. лит., 1960. – 500 с.

165. *Пацюкова О.А.* Множественность словообразовательной структуры отвлеченных существительных на -тельств(о) // Лингвистика в современном мире: Материалы II Международной науч.-практ. конф. (30 ноября 2010 г.). – М.: Изд-во «Перо», 2010 а. – С. 149-152.

166. *Пацюкова О.А.* Неоднородность словообразовательной структуры прилагательных на -тельск/ий/ // Русское слово: Материалы международной научно-практической конференции памяти профессора Е.И. Никитиной. 18 февраля 2011 года. Вып. 3. Ч. 1. – Ульяновск: УлГПУ, 2011 а. – С. 69-73.

167. *Пацюкова О.А.* О содержании термина «сложный аффикс» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010 б. – № 4 (2). – С. 668-670.

168. *Пацюкова О.А.* Семантическая нейтрализация морфем и её отражение в лексикографической практике (на материале прилагательных на -тельн/ый/ и -тельск/ий/) // Слово. Словарь. Словесность: Языковая личность ученика и учителя. Актуальные проблемы межличностной коммуникации. Материалы Всероссийской науч. конф. Санкт-Петербург, 10-11 ноября 2010 г. / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: САГА, 2011 б. – С. 216-220.

169. *Пацюкова О.А.* Формирование в языке протяжённого адъективного суффикса -истск/ий/ // Актуальные проблемы современного русского словообразования: Сборник научных статей памяти проф. И.А. Ширшова. – М.–Нижний Новгород: ННГУ, 2013. – С. 103-107.

170. *Потиха З.А.* Современное русское словообразование: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1970. – 384 с.

171. *Протченко И.Ф.* Русский язык: проблемы изучения и развития. – М.: Педагогика, 1984. – 224 с.

172. *РГ-80:* Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

173. *Реформатский А.А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 64-92.
174. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание: Учебное пособие для педагогических институтов. – М.: Учпедгиз, 1955. – 400 с.
175. *Реформатский А.А.* О членимости слова // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 5-13.
176. *Розанова Т.С.* К образованию отыменных глаголов с приставкой обез- // Вопросы грамматики русского языка. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1974. – С. 11-24.
177. *Ройзензон Л.И.* Деривационно-семантическая абсорбция как специфическое явление славянского глагольного словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. II. – Самарканд, 1972. – С. 247-253.
178. *Ройзензон Л.И.* Материалы к изучению многоприставочных глаголов древнерусского языка (вторичные приставки У-, ОТЪ-, НА-, ПОДЪ-, ВЫ-, О-, ЗА-, ВЪ-) // Краткие сообщения по русскому языку и литературе. Ч. 2. – Самарканд, 1967. – С. 1-13.
179. *Ройзензон Л.И.* Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках. – Самарканд: Изд-во Самарк.ун-та, 1974. – 243 с.
180. *Ройзензон Л.И.* О многоприставочных глаголах русского языка // Русский язык в школе. – 1966. – № 6. – С. 87-95.
181. *Ройзензон Л.И.* Славянская глагольная полипрефиксация: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Минск, 1970. – 103 с.
182. *Ряснянская Р.А.* Множественность мотивации прилагательных на -истск/ий/ и их семантизация в толковых словарях русского языка // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. II. – Ташкент, 1980. – С. 114-122.

183. *РЯСО: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка.* – М.: Наука, 1968. – 300 с.
184. *Сафарова Р.А.* Множественность словообразовательной структуры прилагательных на -ическ/ий/ // Актуальные проблемы русского словообразования. Учен. записки Ташкентского гос. пед. ин-та. Т. 143. Вып. I. – Ташкент, 1975. – С. 84-95.
185. *Свидерский В.И.* О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 275 с.
186. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
187. *Скоробач А.Н.* О слитном и раздельном написании глаголов с приставкой «недо-» и глаголов с приставкой «до-» при наличии отрицания // Русский язык в школе. – 1978. – № 5. – С. 96-97.
188. *Смирницкий А.И.* Древнеанглийский язык. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 319 с.
189. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. – 260 с.
190. *Соколов О.М.* О нейтрализации в лексике // Вопросы языка и литературы. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. – С. 170-176.
191. *Соссюр Ф. де* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31-285.
192. *Срезневский И.И.* Обзорение замечательнейших из современных словарей // Известия Импер. Акад. Наук по отд. Русск. яз. и словесности. Т. 3. – СПб., 1854. – 61 с.
193. *Ставницка Я.* К вопросу о выделении способов глагольного действия в русском языке [Электронный ресурс] // Respectus philologicus, 2003. – № 4(9). – URL: <http://filologija.vukhf.lt/4-9/doc/stawnicka.doc> (дата обращения: 15.05.2013).

194. *Степанова М.Д.* Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка). – М.: Высшая школа, 1968. – 201 с.
195. *Степанова М.Д.* О словообразовательных моделях (на материале современного немецкого языка) // Как подготовить интересный урок иностранного языка. – М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963. – С. 208-223.
196. *Степанова М.Д.* Словообразование современного немецкого языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953. – 376 с.
197. *Суник О.П.* Вопросы типологии агглютинативных языков (К проблеме соотношения агглютинации и флексии) // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 26-64.
198. *Тихонов А.Н.* Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке // Русский язык в школе. – 1970. – № 4. – С. 83-88.
199. *Тихонов А.Н.* Множественность словообразовательной структуры слова и русская лексикография // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. I–VIII. – М.: Наука, 1978. – С. 31-40.
200. *Тихонов А.Н.* Морфема как значимая часть слова // Вопросы языкознания. – 1971. – № 6. – С. 39-52.
201. *Тихонов А.Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Курс лекций. – Самарканд, 1971. – 387 с.
202. *Тихонов А.Н.* Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 1974. – 35 с.
203. *Троицкий В.Н.* Основные принципы словообразования // Учен. зап. Первого Ленингр. гос. пед. ин-та иностр. яз. Т. I. – Л., 1940. – С. 284-304.

204. *Трубачев О.Н.* Синхрония, диахрония – und kein Ende ... (маргиналии по русскому историческому словообразованию) // Исследования по русскому историческому словообразованию. – М.: Изд-во РАН, 1994. – С. 16-28.

205. *Улуханов И.С.* Выступление на обсуждении книги А.Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка» (Самарканд, 1971) // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы республиканской науч. конф. (12-15 сентября 1972 г.). Вып. II. – Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1972. – С. 141-152.

206. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Б.и., 1996. – 221 с.

207. *Улуханов И.С.* Значения словообразовательных аффиксов и часть речи мотивирующих слов // Филологические науки. – 1974. – № 4. – С. 61-69.

208. *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

209. *Филь Ю.В.* О глагольной полипрефиксации в старославянском языке // Вестник Томского гос. ун-та, № 352. – Томск, 2011. – С. 37-41.

210. *Хэррис З.С.* Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. Вып. 2. – М.: Изд. иностр. лит., 1962. – С. 528-636.

211. *Хютль-Ворт Г.* Изменения и преемственность в образовании имен на *-тель* // Русское и славянское языкознание. – М.: Наука, 1972. – С. 284-290.

212. *Цыганенко Г.П.* Состав слова и словообразование в русском языке. – Киев: Радянська школа, 1978. – 152 с.

213. *Черепанов М.В.* О словах со сложной приставкой обез-(обес-) в русском литературном языке // Русский язык в школе. – 1960. – № 4. – С. 18-21.

214. *Черепанов М.В.* О формировании структурно-семантического типа образований со сложным префиксом *недо-* в русском языке // Учен. зап. Саратовского пед. ин-та. Т. 43. – Саратов, 1965. – С. 76-106.

215. *Черепанов М.В.* Сложные приставки в русском языке // Вопросы обучения и воспитания. Вып. 10. – Ижевск: Удмурт. книж. изд-во, 1962. – С. 91-114.

216. *Черепанова В.Ф.* О словообразовательной структуре глаголов на *-нича(ть)* // Актуальные проблемы русского словообразования. Учен. зап. Ташкентского гос. пед. ин-та. Т. 143. Вып. I. – Ташкент, 1975. – С. 257-263.

217. *Черепанова В.Ф.* Одна особенность словообразовательной структуры глаголов с префиксом *обез-(обес-)* // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. II. – Ташкент: «Укитувчи», 1980. – С. 182-186.

218. *Черепанова В.Ф.* Полимотивированные глаголы на *-нича(ть)*, *-(е)ствова(ть)* в толковых словарях русского языка // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: «Укитувчи», 1985. – С. 172-174.

219. *Черепанова В.Ф.* Принципы семантизации глаголов с множественной словообразовательной структурой типа *обессилеть/обессилить* в толковых словарях русского языка // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: «Укитувчи», 1985. – С. 185-190.

220. *Шанский Н.М.* Изменения в морфологической структуре слова // Русский язык в школе. – 1959. – № 4. – С. 6-12.

221. *Шанский Н.М.* Основы словообразовательного анализа. – М.: Учпедгиз, 1953. – 56 с.

222. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1959. – 247 с.

223. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – 312 с.

224. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.

225. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка / Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е.В. Клобукова; редакция и комментарии проф. Е.С. Истриной. 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
226. *Шелякин М.А.* К вопросу о понятиях морфемы и основы слова // Вопросы морфологии и синтаксиса в современном русском языке. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – С. 3-14.
227. *Шишов И.А.* К проблеме морфемного комплекса // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. II. – Ташкент, 1980. – С. 97-105.
228. *Шишов И.А.* Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. – 118 с.
229. *Шишов И.А.* Морфемный состав и словообразовательные связи имен существительных греческого происхождения // Филологические науки. – 1978. – № 2. – С. 78-88.
230. *Шишов И.А.* Нейтрализация в словообразовании: Учебное пособие. – Ставрополь, 1987. – 80 с.
231. *Шишов И.А.* Теоретические проблемы гнездования. – М.: Прометей, 1999. – 236 с.
232. *Шишов И.А.* Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. – 1995. – № 1. – С. 41-53.
233. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
234. *Шуба П.П.* О компонентах конфикса в русском языке // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 249-253.
235. *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 4. Вып. 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1945. – С. 173-186.

236. *Щетинин П.С.* Словообразовательные особенности приставки обез- // Филологический сборник (Ст. аспирантов и соискателей). – Вып. VIII–IX. – Алма-Ата: Б.и., 1968. – С. 299-304.
237. *Юшманов Н.В.* Грамматика литературного арабского языка. – СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. – 160 с.
238. *Янко-Триницкая Н.А.* Словообразовательная структура и морфемный состав слова // Актуальные проблемы русского словообразования: Мат-лы респ. науч. конф. (12-15 сентября 1972 г.). Ч. I. – Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои, 1972. – С. 14-19.
239. *Янко-Триницкая Н.А.* Членимость основы русского слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. XXVII. Вып. 6. – М.: Наука, 1968. – С. 532-540.
240. *Янценецкая М.Н.* Смысловая структура слова с лексической и словообразовательной точек зрения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. VI. – Новосибирск: НГУ, 1977. – С. 58-67.
241. *Ярцева В.Н.* Диахроническое изучение системы языка // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 39-49.
242. *Baudouin de Courtenay I.A.* Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Declination» // Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. – Berlin, 1868. – Bd. VI. – S. 19-88.
243. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. – Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1962. – 264 s.
244. *Doroszewski W.J.* Monografie słowotwórcze // Prace Filologiczne. T. XIII. – Warszawa, 1928. – S. 1-261.
245. *Grzegorzczkova R., Puzynina J.* Z zagadnień słowotwórstwa synchronicznego // Poradnik językowy, 1959. – № 6-7. – 250 s.
246. *Kristeva J.* El lenguaje, ese desconocido (Introducción a la lingüística) [Electronic resource] / J. Kristeva // Editorial Fundamentos. – 1988. – URL: <http://rom-phil.narod.ru/books/Krist01.pdf> (дата обращения 25.02.2012).

247. *Mathesius V.* Nové proudy a směry v jazykovědném badání (1925)
// Z klasického období Pražské školy 1925-1945. Česk. akad. ved. Prameny české
a slovenské lingvistiky. Rada česka-svazek 2. – Praha, 1972. – S. 5-17.
248. *Meillet A.* Études sur l'étymologie & le vocabulaire du vieux slave. –
P 2. – Paris: E. Bouillon, 1905. – 511 p.
249. *Paul H.* Principien der Sprachgeschichte. – Halle, M. Niemeyer, 1880.
– 288 s.
250. *Worth D.S.* Ambiguity in Russian derivation // The Slavic word. The
Hague. – Paris, 1972. – P. 120-136.

СЛОВАРИ (С ПРИНЯТЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ)

1. **АЛ XXI в.:** Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – Изд. 4-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
3. **БАС:** Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
4. **БАС-2:** Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991–1994.
5. **БИРС:** Большой испанско-русский словарь (Gran Diccionario Espanol-Ruso) / Б.П. Нарумов, Н.В. Загорская, Н.Н. Курчаткина и др. Под ред. Б.П. Нарумова. Содержит более 150 тыс. слов, словосочетаний и выражений. – М.: ООО "Русский язык-Медиа", 2003.
6. **БСЭ:** Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – Изд. 3-е. – Т. 24 (Кн. I). – М.: Советская энциклопедия, 1976. – 1807 с.
7. **БТС:** Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
8. *Вишнякова О.В.* Словарь паронимов русского языка. – М.: Рус. яз., 1984. – 352 с.
9. **ДГС:** Древнегреческий словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ancientgreek.ru> (дата обращения: 15.07.2013).
10. **КЭС:** *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. – Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

11. **ЛЭС:** Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
12. **МАС:** Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
13. **НРЛ-77:** Новое в русской лексике. Словарные материалы-77 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1980. – 176 с.
14. **НРЛ-78:** Новое в русской лексике. Словарные материалы-78 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1981. – 262 с.
15. **НРЛ-79:** Новое в русской лексике. Словарные материалы-79 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1982. – 320 с.
16. **НРЛ-80:** Новое в русской лексике. Словарные материалы-80 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1984. – 287 с.
17. **НРЛ-81:** Новое в русской лексике. Словарные материалы-81 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1986. – 288 с.
18. **НРЛ-82:** Новое в русской лексике. Словарные материалы-82 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1986. – 253 с.
19. **НРЛ-83:** Новое в русской лексике. Словарные материалы-83 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1987. – 190 с.
20. **НРЛ-84:** Новое в русской лексике. Словарные материалы-84 / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1989. – 427 с.
21. **НС:** Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина; – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – 544 с.
22. **НС-2:** Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1984. – 808 с.
23. **НТСО:** *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. – М.: Рус. яз., 2000.

24. **НТСС:** *Ефремова Т.Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 1233 с.
25. **НФРС:** *Гак В.Г., Ганишина К.А.* Новый французско-русский словарь. – 5-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 2000. – 1195 с.
26. **Орф:** Орфографический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова, И.Ф. Протченко, Л.И. Скворцова; АН СССР. Ин-т рус. яз. – 13-е изд., испр. и доп. – М., 1974. – 480 с.
27. **ОСРЯ:** Обратный словарь русского языка. – М.: Сов. Энциклопедия, 1974. – 944 с.
28. *Потиха З.А.* Школьный словообразовательный словарь / Ред. С.Г. Бархударов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1964. – 392 с. (1-е изд. – 1961).
29. **РОС:** Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова. – 3-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 960 с.
30. **РСС:** Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998–2007 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.slovari.ru> (дата обращения: 17.08.2013).
31. **СА 1847:** Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отд. Императорской Академии Наук: В 4-х т. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1847.
32. **САН 1891:** Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. I. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891. – 688 с.
33. **САР:** Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: Ч. I–VI. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1789-1794.

34. **СД:** *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1978–1982.
35. **СДРЯ:** *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3-х т. – СПб., 1893–1912.
36. **СИС:** Словарь иностранных слов. – М.: Гос. Инст. «Советская энциклопедия», 1937. – 728 с.
37. **СМРЯ:** *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* Словарь морфем русского языка: Ок. 52 000 слов. – М.: Рус. яз., 1986. – 1136 с.
38. **СМС:** Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс] // URL: <http://slander.ru> (дата обращения: 23.07.2013).
39. **СО:** *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. акад. С.П. Обнорского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Сов. Энциклопедия, 1952; – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Сов. Энциклопедия, 1960.
40. **СОШ:** *С.И.Ожегов и Н.Ю.Шведова.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2009. – 944 с.
41. **СПРЯ:** *Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С.* Словарь паронимов современного русского языка. – М.: Рус. яз., 1994. – 455 с.
42. **СРЛ:** Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р.П. Рогожниковой. – М.: Рус. яз., 1991.
43. **СРНГ:** Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1974. – Вып. 10. – 388 с.; СПб.: Наука, 2010. – Вып. 43. – 349 с.
44. **СРЯ XI–XVII вв.:** Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975. – Вып. 1. – 372 с.; М.: Наука, 1977. – Вып. 4. – 404 с.; М.: Наука, 1986. – Вып. 11. – 456 с.; М.: Наука, 1987. – Вып. 12. – 384 с.; М.: Наука, 2002. – Вып. 26. – 278 с.
45. **СРЯ XVIII в.:** Словарь русского языка XVIII века. – СПб.: Наука, 1997. – Вып. 9. – 270 с.; СПб.: Наука, 2001. – Вып. 12. – 253 с.; СПб.: Наука, 2004. – Вып. 14. – 280 с.; СПб.: Наука, 2005. – Вып. 15. – 264 с.

46. **СС X–XI вв.:** Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 842 с.
47. **ССТ:** *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1985.
48. **СУ:** Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.
49. **ТСИС:** *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
50. **ТСРЯ:** Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.
51. **ТССЕ:** *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: Рус. яз., 1996. – 638 с.
52. **ТССШ:** *Ширшов И.А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 1022 с.
53. *Цыганенко Г.П.* Словарь служебных морфем русского языка. – Киев: Рад. школа, 1982. – 240 с.